ЗАКОН и ВЛАСТЬ

№3
2025

Учредитель: **ООО «Русайнс»**

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN **2587-831X**
Подписной индекс Роспечати **65001**

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru
Сайт: http://zakonivlast.ru/

*Журнал входит в **Перечень ВАК** ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ
Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет
Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)
Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции
Коныш ев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет
Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет
Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова
Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет
Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Нурышев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции
Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ
Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"
Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России
Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ
Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ
Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения
Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:
Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии
ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Подписано в печать: 30.03.2025 *Цена свободная* *Тираж* 300 экз. Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Содержание

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ
Историко-теоретический контекст четвертой промышленной революции. Лукьянов И.В. ... **4**
Интент-анализ публичного дискурса губернатора Московской области А.Ю. Воробьева в кризисной ситуации на фоне теракта 22 марта 2024 года. Лысенко П.Н. ... **11**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ
Влияние социокультурных факторов на правовое сознание в постсоветском пространстве. Гончаров М.А. ... **19**
Гражданская идентичность и электоральное поведение молодежи: политические процессы и влияние на политическую активность в России. Кветной В.В. ... **25**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
Продовольственная безопасность в Северной Африке в контексте продовольственного кризиса (2022–2024). Пряникова А.А. ... **36**
Цзян Тинфу и китайско-советская дипломатия. Ху Вэньсюй ... **43**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА
Экономическая безопасность России в условиях международных рестрикций: стратегические риски и механизмы их снижения. Прокопов В.А. ... **48**
Избирательные комиссии России и Казахстана: сравнительно-правовой анализ. Чокандарян Л.Н. ... **53**

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ. ИНСТИТУТЫ, ФОРМЫ И МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
Цифровое управление в правительстве: характерные черты времени, практические дилеммы и пути к распаду. Жен И. ... **58**
Эволюция внешней политики России в постсоветский период. Лю Идин ... **64**

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ
Общее и особенное в юридической ответственности в публичном праве. Березин А.А. ... **71**
Виды комплексного развития территории как юридические конструкции. Киль Ю.Э. ... **75**

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
Принцип максимального удовлетворения требований кредиторов: источники и актуальные проблемы правоприменения. Баранов Г.О. ... **78**
Правовая регуляция цифровых прав в контексте формирования и развития цифровой среды. Газгиреев Н.Ш. ... **83**
Соотношение категорий «относимость доказательств» и «предмет доказывания» в гражданском процессуальном праве РФ. Дыбенко В.Б. ... **88**
Принципы межотраслевого взаимодействия гражданского и уголовного права как элемент правовой конвергенции. Журавлева М.А. ... **93**
Соглашение о соавторстве как элемент юридического состава возникновения соавторства. Кантемиров Р.М. ... **100**
Государственная регистрация корпораций: механизм реализации и юридическое значение. Ларичева Т.В. ... **106**
Об актуальных вопросах обеспечения законности в деятельности таможенных органов в условиях формирования новой системы правовых актов, регулирующих таможенные правоотношения. Мовчан А.З. ... **113**
Правовая сущность антикоррупционного комплаенса в организациях. Оганисян Е.Г. ... **117**
Особенности реализации права несовершеннолетних на занятиях предпринимательской деятельностью. Пермяков М.В., Матвеев М.М., Балеевских Ф.В. ... 124
Генеративный ИИ: авторское право, ключевые проблемы и вопросы. Ренжин И.А. ... **128**
Искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве. Сабуров И.Я. ... **131**
Исковая давность в гражданском праве, материально-правовые и профессионально-правовые аспекты. Солдатова М.М. ... **140**
Правовое регулирование доходов супругов от предпринимательской деятельности и проблемы их раздела при расторжении брака. Терехов Е.А. ... **144**

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ
Правовое регулирование использования цифровых валют в международных расчетах (международный опыт). Ерпелев Е.Д., Кабирова Л.И. ... **148**
Специфика правового регулирования международной электронной торговли в рамках Евразийского Экономического Союза. Тюхтенкова Е.И. ... **155**

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО
Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте: проблемные вопросы уяснения содержания непосредственного объекта преступного деяния. Агафонов А.В. ... **160**
Криптопреступления в условиях международных конфликтов: новые вызовы. Бабенко В.А. ... **167**
Проблемы расследования и предупреждения преступлений, совершаемых с использованием цифровых активов. Бабенко В.А. ... **172**
Уголовно-исполнительные, правовые, криминологические и оперативно-розыскные проблемы преступности в сфере экономики, влияющие на уголовную ответственность за легализацию активов организованной преступности. Лозовицкая Г.П., Логинов А.В., Минеев В.А., Соколинский Ю.В. ... **176**
Основные категории преступлений в мусульманском праве. Мамутов З.М., Рудый Н.К. ... **186**
Личность преступника, причины и условия преступности коренных малочисленных народов Дальневосточного федерального округа. Намцараев А.Н. ... **191**
Мотивы совершения преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности. Недоступ Е.С. ... **197**
Правовые и правоприменительные аспекты дифференциации и индивидуализации режима исполнения и условий отбывания наказания в воспитательных колониях. Шикиева Д.Ш. ... **203**
Понятие преступности мигрантов-иностранцев и её причины. Шимко С.Е. ... **208**

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
Дистанционное обследование местности в следственных действиях: основания, выбор технологий и оценка эффективности. Горбенко Т.В. ... **212**
К вопросу об установлении причинно-следственной связи при проведении судебно-медицинских экспертиз. Кобелев Ю.Г., Хамидуллин Р.С. ... **216**
Способы совершения мошенничества в сфере транспортного страхования. Шикунов А.О. ... **220**

Contents

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES
Historical and theoretical context of the fourth industrial revolution. Lukyanov I.V. 4
Intent analysis of the public discourse of the Governor of the Moscow Region A.Yu. Vorobyov in a crisis situation against the backdrop of the terrorist attack on March 22, 2024. Lysenko P.N. **11**

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGIES
The influence of socio-cultural factors on legal consciousness in the post-Soviet space. Goncharov M.A. **19**
Civic identity and electoral behavior of young people: political processes and influence on political activity in Russia. Kvetnoy V.V. **25**

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT
Food security in North Africa in the context of the food crisis (2022-2024). Pryanikova A.A. **36**
Jiang Tingfu and Sino-Soviet diplomacy. Hu Wenxiu **43**

POLITICAL REGIONALISTICS. ETHNOPOLITICS
Russia's economic security in the context of international restrictions: strategic risks and mechanisms for reducing them. Prokopov V.A. **48**
Election commissions of Russia and Kazakhstan: comparative legal analysis. Chokandaryan L.N. **53**

DEVELOPMENT OF POLITICAL PROCESSES. INSTITUTIONS, FORMS AND MECHANISMS OF POLITICAL MANAGEMENT
Digital management in government: characteristic features of the time, practical dilemmas and paths to collapse. Zhen I **58**
Evolution of Russia's foreign policy in the post-Soviet period. Liu Yiding **64**

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY
General and specific in legal liability in public law. Berezina A.A. **71**
Types of integrated development of the territory as legal constructs. Kil Yu.E. **75**

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES
The principle of maximum satisfaction of creditors' claims: sources and current problems of law enforcement. Baranov G.O. **78**
Legal regulation of digital rights in the context of the formation and development of the digital environment. Gazgireev N.Sh. **83**
The relationship between the categories of "relevance of evidence" and "subject of proof" in the civil procedural law of the Russian Federation. Dybenko V.B. **88**
Principles of intersectoral interaction of civil and criminal law as an element of legal convergence. Zhuravleva M.A. **93**
Co-authorship agreement as an element of the legal composition of the emergence of co-authorship. Kantemirov R.M. **100**
State registration of corporations: implementation mechanism and legal significance. Laricheva T.V. **106**
On topical issues of ensuring the legality of the activities of customs authorities in the context of the formation of a new system of legal acts regulating customs legal relations. Movchan A.Z. **113**
Legal essence of anti-corruption compliance in organizations. Oganisyan E.G. **117**
Features of the implementation of the rights of minors in entrepreneurial activities. Permyakov M.V., Matveev M.M., Baleevskikh F.V. **124**
Generative AI: copyright, key issues and questions. Renzhin I.A. **128**
Artificial intelligence in civil proceedings. Saburov I.Ya. **131**
Statute of limitations in civil law, substantive and professional legal aspects. Soldatova M.M. **140**
Legal regulation of spouses' income from entrepreneurial activities and problems of their division in case of divorce. Terekhov E.A. **144**

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES
Legal regulation of the use of digital currencies in international settlements (international experience). Erpelev E.D., Kabirova L.I. **148**
Specifics of legal regulation of international electronic commerce within the Eurasian Economic Union. Tyukhtenkova E.I. **155**

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. CRIMINAL-EXECUTIVE LAW
Inducing an athlete to use substances and (or) methods prohibited for use in sports: problematic issues of understanding the content of the direct object of a criminal act. Agafonov A.V. **160**
Cryptocrimes in the context of international conflicts: new challenges. Babenko V.A. **167**
Problems of investigation and prevention of crimes committed using digital assets. Babenko V.A. **172**
Criminal-executive, legal, criminological and operational-search problems of crime in the economic sphere, affecting criminal liability for the legalization of assets of organized crime. Lozovitskaya G.P., Loginov A.V., Mineev V.A., Sokolinsky Yu.V. **176**
The main categories of crimes in Muslim law. Mamutov Z.M., Rudy N.K. **186**
The personality of the criminal, the causes and conditions of criminality of the indigenous peoples of the Far Eastern Federal District. Namtsaraev A.N. **191**
Motives for committing crimes against sexual freedom and sexual inviolability of the individual. Nedostup E.S. **197**
Legal and law enforcement aspects of differentiation and individualization of the regime of execution and conditions of serving a sentence in educational colonies. Shikieva D.Sh. **203**
The concept of criminality of foreign migrants and its causes. Shimko S.E. **208**

CRIMINALISTICS. FORENSIC ACTIVITIES. OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES
Remote survey of the area in investigative actions: grounds, choice of technologies and assessment of the effectiveness ost. Gorbenko T.V. **212**
On the issue of establishing a causal relationship when conducting forensic medical examinations. Kobelev Yu.G., Khamidullin R.S. **216**
Methods of committing fraud in the field of transport insurance. Shikunov A.O. **220**

Историко-теоретический контекст четвертой промышленной революции

Лукьянов Иван Валерьевич
старший преподаватель факультета глобальных процессов, кафедра ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем, МГУ имени М.В. Ломоносова, mrroro@mail.ru

Четвертая промышленная революция является самостоятельным явлением, но не продолжением третьей промышленной революции. Разбирая новую промышленную революцию на блоки или же мегатренды, становится очевидно, что со временем все большее количество научных дисциплин будут работать в коллаборации. Усиливается синтез технологий и их взаимодействие. Существенно меняется динамика создания инноваций в различных областях. В ходе четвертой промышленной революции новые технологии и инновации распространяются в ускоренном темпе. Новая промышленная революция является не менее значимой по масштабу и роли в истории, чем предыдущие три.
В статье рассматриваются исторические предпосылки формирования новой промышленной революции. Исследуется концепция четвертой промышленной революции, состоящей из трех блоков систем и знаний, взаимодействующих между собой. Доказывается самостоятельность новой промышленной революции, а также рассматривается значение новых технологий в условиях современного мира.
Ключевые слова: история промышленных революций, четвертая промышленная революция, инновации, технологии, искусственный интеллект, аддитивные технологии, интернет вещей

Введение.

Человечество сегодня стоит у истоков новой промышленной революции, способной полностью преобразовать весь окружающий нас мир. Фундаментальные изменения коснутся жизни человека, труда и способов общения, но главное они способны преобразовать само сознание человека. По масштабу, сложности и объему, новая промышленная революция, не имеет аналогов в истории человечества. Рождаются новые технологические прорывы в самом широком спектре областей, включая: искусственный интеллект, интернет вещей, роботизацию, трехмерную печать, беспилотные транспортные средства передвижения, биотехнологии, нанотехнологии, альтернативные источники энергетики, квантовые вычисления.

При рассмотрении особенностей всех промышленных революций можно выявить общий тренд – постоянное усиление значения систем управления и автоматизации. Системообразующими факторами данного тренда выступают – ресурсы, способы возникновения и передачи энергии и технологии. Данные факторы возникают благодаря достижениям в фундаментальной и прикладной науке.

В конце XVIII века основными ресурсами или сырьем являлись железо и уголь, основными технологиями – преобразование тепловой энергии в механическую и паровые машины.

Во время второй промышленной революции, благодаря повсеместному распространению электричества, появляются конвейерное, поточное производство, идеи Тейлоризма ведут к пониманию процессов разделения труда, развиваются новые способы логистики и передачи информации. В ходе третьей промышленной революции возникает кибернетика, как технология, естественно продолжающая прорывные технологии второй промышленной революции.

Новая промышленная революция логически продолжает историю прошлых промышленных революций, возникают новые ресурсы, новые технологии, новые способы передачи и возникновения энергии. Важнейшим остается значение фундаментальных и прикладных научных разработок. Данная позиция

не меняется со времен первой промышленной революции.

Материалы и методы

В качестве теоретической базы исследования используются ряд научных работ в области новой промышленной революции, в частности исторических и методологических особенностей в области четвертой промышленной революции.

В статье использованы труды О.Тоффлера [1] и Д.Белла [2], изучавшие построение нового постиндустриального общества в условиях третьей промышленной революции и развивавшие в своих работах идеи относительно будущего построения общества и значение новых технологий. Особую значимость представляют работы П.Друкера [3], Э.Бриньолфсона, Э.Макафи [8], посвященных рассмотрению инноваций, новым информационно – коммуникационным технологиям и значению человеческого капитала в меняющемся мире. Отдельно стоит отметить исследование П.Ромера [4], в которой автор затрагивает вопрос переосмысления роли информации и инноваций, как новых ресурсов с точки зрения новой экономической теории.

Интерес представляют статьи J.G.Fernandez, D.E.Ingber [6] и J.Duro Royo, L.M.Soldevila и N.Oxman [7] показывающие одну из ключевых черт новой промышленной революции – интеграцию знаний, дисциплин и открытий в рамках четвертой промышленной революции. Особого упоминания заслуживают статьи отечественных авторов Фиговский О.Л. [11]

Шевченко Д.Ю. [12], рассматривающие важность новых методов производства в условиях четвертой промышленной революции.

В статье были применены методы индукции и дедукции, а также абстрагирования, для выявления основной теоретической базы четвертой промышленной революции. Также методика исследования включала: анализ литературы, синтез, обобщение сведений. Классифицирование, позволило выделить блоки и системы знаний, формирующих новую промышленную революцию.

Помимо общенаучных методов в диссертации использовались системный, количественный и компаративный методы, а также метод контент-анализа.

Результаты исследования

В результате исследования были сделаны следующие выводы:

1) Четвертая промышленная революция является самостоятельным, общепланетарным явлением и не является продолжением третьей промышленной революции. Существуют как минимум три фактора, доказывающие это: темпы развития, объем изменений и системность преобразований. Новые возможности использования технологий открывают пути изменения поведения индивидов, систем производства и потребления, тем самым ведут к развитию новой системы восстановления и сохранения окружающей среды

2) Инновации и информация становятся одними из важнейших ресурсов современного мира, а технологические изменения могут рассматриваться как эндогенные факторы в экономических моделях. Современные технологии, уже влияют на глобальную экономику. В связи с этим прослеживается необходимость научного исследования взглядов, идей и концепций относительно новой промышленной революции.

3) Одной из важнейших черт новой промышленной революции становится конвергенция различных научных дисциплин, областей знаний и открытий. Основными блоками знаний становятся: цифровой, физический, биологический.

4) Развитие и внедрение новейших технологий связаны с неопределенностью, что влияет на представление и прогнозы развития преобразований и будущего влияния четвертой промышленной революции в глобальном масштабе. Сам факт сложности и взаимозависимости технологий, предполагает ответственность всех участников глобального сообщества за работу в тесном взаимодействии, для осознания формирующихся тенденций. Необходима выработка единого, комплексного представления о том, как технологии будут меняться, и менять жизнь будущих поколений.

Обсуждение

Основное отличие четвертой промышленной революции от трех предыдущих заключается в “сжатии” пространства и времени. Глобальные сети связи и логистики сокращают пространство, а сетевое окружение способно сокращать время. Возникает понятие сингулярности.

Э.Тоффлер предполагал, что третья постиндустриальная волна полностью накроет планету к 2025 году, очевидна схожесть теории Тофлера с формационной теорией Маркса. Разница в том, что волны Тофлера приходят в условиях эволюции, где главный фактор – это научно-технический прогресс, а не в ходе революционных изменений [1].

Теория постиндустриального - информационного общества Д.Белла также опирается на научно-технический прогресс, как основной фактор будущего развития [2].

Вышеперечисленные теории опираются на тот факт, что научно – технический прогресс, знания и технологии привнесут социальные, экономические и политические инновации и на данном базисе будет выстраиваться будущее. Еще в конце XX века многие ученые, эксперты и государственные деятели строили оптимистические прогнозы, касательно будущего технологического прорыва.

Однако стоит отметить, что информационные технологии и инновации не интегрируются в существующую форму мироустройства, трансформируя и улучшая систему. Новые технологии, методы производства и экономические новшества расшатывают старые устои, разъедают рыночные механизмы и разрушают устоявшиеся связи.

В 1993 году П. Друкер в своем труде “Посткапиталистическое общество” отмечал факт того, что знания становятся единственным, а не одним из ресурсов, тем самым делая наше общество “посткапиталистическим”. Меняется коренным образом струк-

тура общества и организовывается новая социальная динамика. Создается новая экономическая динамика и новая политическая парадигма [3]. Наблюдая за развитием новых технологий и увеличением вычислительной мощности в мировом масштабе П.Друкер предположил, что в будущем основополагающим столпом развития мирового сообщества станет творческое соединение различных отраслей и знаний.

Друкер полагал что способность “связывать процессы”, скорее всего носит врожденный характер и является частью той тайны, которую люди называют гением. Однако установление связей и повышение производительности существующих знаний, будь то для человека, команды или организации, в значительной степени поддается изучению [3] П.Друкер предвидел два новых понятий, ставшими центральными в становлении концепции четвертой промышленной революции – совместная работа разных отраслей и знаний, а также обучение индивидов к установлению качественно новых связей между понятиями и явлениями.

Также можно смело сказать об отличии концепции четвертой промышленной революции от иных теорий – формирование сетевых структур, развитие интернета, вычислительной мощности и распространение информации не являются отдельными элементами, хаотично зарождающимися и влияющими на современное состояние общества, экономики и политики. Все эти элементы четвертой промышленной революции, необходимы для модульного использования информации и знаний в кратчайшие сроки, что приводит к созданию новых продуктов и услуг, иными словами - инноваций.

Еще одним важным исследованием, для понимания концепции новой промышленной революции является работа экономиста П.Ромера “Эндогенные технологические изменения”. В своем труде Ромер выдвинул на передний фронт понятия информация и инновация. Несмотря на принятый в традиционной экономической теории принцип построения моделей, ученый доказал, что технологические изменения необходимо включить в список эндогенных (неотъемлемых) факторов, таких как: сбережения, рост населения и производительность [4]. Ромер отстаивал позицию о необходимости включения инноваций в рамки теории роста, так как их воздействие носит предсказуемый, а не случайный характер. Также в исследованиях было дано определение технологическому изменению – улучшение инструкций по сочетанию между собой исходных материалов.

Информация, по мнению Ромера, является проектом, который способен объяснить, как можно создать продукт в физическом или цифровом мире, но информационный продукт будет абсолютно отличен от любого физического.

Исследователь Дэвид Уорш охарактеризовал данную ситуацию, следующим образом: “Земля, труд и капитал перестают быть фундаментальными категориями экономического анализа, которыми они являлись на протяжении порядка двух сотен лет. На смену элементарной классификации пришли люди, идеи и вещи. Привычный принцип недостатка дополняется важным принципом изобилия” [5].

Сам факт сложности и взаимозависимости технологий, предполагает ответственность всех участников глобального сообщества за работу в тесном взаимодействии, для осознания формирующихся тенденций. Необходима выработка единого, комплексного представления о том, как технологии будут меняться, и менять жизнь будущих поколений. Грядущие фундаментальные изменения, это не только эпоха возможностей, это также эпоха вызовов человечеству.

Существуют разные мнения касательно четвертой промышленной революции. Является ли данная революция самостоятельной, или же это логическое продолжение третьей промышленной революции. Самостоятельность новой промышленной революции можно обосновать тремя факторами:

1) Темпы развития. Четвертая промышленная революция развивается не линейными, но экспоненциальными темпами. Это обусловлено многогранностью и глобальностью современного мира, а также тем, что новые технологии способны синтезировать все более передовые и эффективные технологии.

2) Объем изменений. Разнообразие технологий, способных синтезировать все новые технологии, обуславливает беспрецедентные изменения парадигм в экономике, социуме и в каждой отдельной личности. Прошлые промышленные революции были способны изменить “что” и “как” делает индивид. Новая промышленная революция способна изменить “кем” индивид является.

3) Системность. Подразумеваются внутренние и внешние изменения всех систем по всем странам, отраслям, компаниям и обществам.

Также четвертую промышленную революцию можно разделить на два этапа. Первый этап – до 2010 года. Второй этап – последующие годы. Связано подобное разделение с тем, что первый этап можно назвать линейным развитием. В то время как на втором этапе развитие происходит экспоненциально. Также стоит выделить третий этап, пока как некий абстрактный, прогнозируемый конструкт – этап сингулярности или трансцендентности. Данный этап будет характеризоваться технологиями настолько развитыми, что не будет необходимости в человеческом вмешательстве. Машины и системы будут способны перепрограммировать и обновлять себя самостоятельно. Данный этап будет, безусловно, тесно связан с разработками в области искусственного интеллекта.

Уникальной чертой новой промышленной революции является интеграция огромного количества дисциплин и открытий. Материальные инновации, созданные в результате взаимосвязи между различными технологиями – это сегодняшняя действительность. Цифровые технологии производства способны взаимодействовать с биологическим миром, что отражается в новаторских проектах. Совмещение автоматизированного проектирования, аддитивных технологий, инжиниринга материалов и синтетической биологии способны менять условия

сосуществования нашего организма с микроорганизмами, потребляемыми нами продуктами и даже зданиями, в которых мы живем [6]. Для реализации подобных проектов уже сегодня создаются или выращиваются объекты, которые постоянно адаптируются, что является отличительным признаком растительного и животного мира [7].

Исследователи Э.Бринольфссон и Э.Макафи в своей книге “Вторая эра машин” утверждают, что компьютеры являются настолько способными, что практически невозможно определить, какие именно приложения и программы они будут использовать через несколько лет [8]. Все это стало возможно благодаря росту вычислительных мощностей и доступности колоссальных объемов данных. Подобные процессы позволили создать алгоритмы предсказывающие культурные особенности или товарные предпочтения индивида. Данные алгоритмы создаются на основе “хлебных крошек”, цифровых следов, которые оставляет каждый индивид в сети интернет.

Все это позволяет создавать новые типы компьютерного обучения и автоматизированного изобретения, загружая работой цепи самопрограммирования и поиска оптимальных решений на основе исходных принципов. В условиях четвертой промышленной революции становится ясно, что технологии способны изменить само понятие мобильного телефона, и создать нечто новое. Устройство, которое становится частью личной экосистемы индивида: способное предупреждать потребности, отвечать на запросы в кратчайшее время, помогать по мере надобности и даже если устройство не получало подобного запроса.

Четвертая промышленная революция является еще одной ступенью развития человечества, на которой можно увидеть взаимосвязь и работу цифровых, физических и биологических систем. Данный симбиоз все глубже проникает в жизнь человека, меняя его предпочтения, поведение и потребности, таким образом, четвертая промышленная революция не только влияет на индустрию нового поколения, данный процесс влияет, и будет влиять на каждого индивида. Для более глубоко понимания данного процесса стоит отдельно разобрать работу систем или же блоков новой промышленной революции.



Рисунок 1. Блоки систем и знаний, формирующие новую промышленную революцию.

Как показано на рисунке №1 новая промышленная революция формируется и действует под давлением трех наиболее крупных и фрагментированных блоков систем. Физический блок представлен в виде трех технологических мегатрендов:

1) Беспилотные транспортные средства;
2) Аддитивные технологии (3D – печать);
3) Инновационные материалы.

Беспилотные или же полуавтономные транспортные средства, становятся одним из последних шагов на пути полной автоматизации. Внедрение искусственного интеллекта в управление беспилотных автомобилей позволит более точно выстраивать маршруты и избегать аварийных ситуаций. Предпочтение в данной отрасли отдаётся инновациям в программной и аппаратной сферах, обеспечивающим основную долю монетизации проекта. Крупные производители действуют агрессивно, скупая стартапы и небольшие компании, стараясь завладеть не только технологиями, но и талантами, порождающими их. Согласно прогнозу американского аналитического центра RethinkX к 2030 году 95 % маршрутов будет обслуживаться автономными автомобилями [9]. Подобное предположение выглядит достаточно вызывающим и спорным, однако, это может стать величайшей технологической революцией транспорта в истории. Научная мысль проделала колоссальный путь, позволяющий говорить об абсолютно новом этапе построения транспортной системы. Можно сказать, что наступает эра беспилотных аппаратов, и мы присутствуем при её прогрессирующем становлении на волне достижений инновационных систем. Существует множество определений, в разной степени характеризующих аддитивные технологии, что в первую очередь вызвано направленностью или отраслью, где они используются. Если же подходить к данному термину более универсально, можно определить, что под аддитивными технологиями (AM – Additive Manufacturing; AF – Additive Fabrication) подразумевается создание изделия путем послойного синтеза или послойного выращивания изделия, при использовании 3D – модели [10] [11]. В отличии от традиционного, субтрактивного метода производства, где изготовление происходит путем вычитания материала из заготовки, аддитивное производство подразумевает построение детали путем постепенного наложения слоев [12]. При стандартном методе создания изделия отходы материала составляют до 70%, в то время как использование аддитивных технологий позволяет свести данный показатель до нуля [13]. Не поддается представлению та область производства, где было бы невозможно использовать подобные технологии.

Характерной чертой новой промышленной революции является коллаборация научных знаний и технологий. Доказательства данного утверждения несложно отыскать именно в биологическом мегатренде, как в составляющей части четвертой промышленной революции. ДНК потенциально может решить проблему хранения и записи данных, которая столь остро стоит в последние годы. По оценкам Cisco Systems к 2025 году к интернету будет подключено более 50 млрд устройств, которые будут ежегодно вырабатывать суммарно около 44 зетабайта,

или 44 триллиона гигабайт данных. Для хранения подобного информационного массива необходимы инновационные системы хранения данных. Одним из таких проектов стало исследование компании Microsoft, группе ученых удалось разместить 200 мегабайт данных в молекуле ДНК [14]. Все хранимые данные можно было извлечь и считать. Подобный опыт был успешно повторен компанией Twist Bioscience, была осуществлена первая в истории запись музыкального файла на ДНК [15]. Согласно мнению исследователей, записи могут храниться на данном носителе больше столетия, и их можно будет считать, и воспроизвести без потери качества. Главным отличием от стандартных методов записи и хранения информации является долговечность записи с помощью нуклеиновых кислот.

Цифровой блок новой промышленной революции связан развитием искусственного интеллекта. Одной из важных точек сосредоточения новых технологий становится интернет вещей (IoT – internet of things). Данная концепция подразумевает взаимодействие предметов и машин внутри вычислительной сети [16]. Прототип данной концепции был известен в конце 90 -х годов, предполагалось использование радиочастотной идентификации для взаимодействия предметов внутри собственной цикличной системы, а также со внешней средой [17]. С точки зрения практического применения идея состояла в применение микрочипов в разного рода устройствах, для того чтобы сделать их “умными”. Подобный теоретический конструкт тесно связан с созданием семантической паутины, где машины будут самостоятельно обрабатывать информацию, получаемую из сети интернет, что по сути является машинной обработкой информации, без участия человека [18].

Искусственный интеллект также является одной из составляющих новой промышленной революции. Представить ИИ можно как совершенную программу, потенциально способную собирать огромные массивы информации из сети интернет или из внешней среды, а затем в кратчайшие сроки подвергать данную информацию обработке и анализу. Затем на основе структурированной информации принимать решения или же предоставлять человеку важную информацию. В наши дни ИИ является неотъемлемой частью экосистемы индивида, например ограниченный искусственный интеллект активно используется в голосовых помощниках на смартфонах, позволяя получать информацию и ответы на вопросы. Более сложные системы используются в иных областях, от добычи полезных ископаемых до медицины. Существуют разные проекты, связанные с ИИ, некоторые из них уже обладают искусственными нейронными сетями, обладающими миллиардами синоптическими связей, что теоретически является прообразом развития ребенка. Одной из спорных задач в области развития искусственного интеллекта является создание высокоразвитого ИИ – являющегося равным человеческому, или не уступающему ему.

Заключение

Четвертая промышленная революция находится уже на втором этапе развития, технологии развиваются, наслаиваются и усиливают друг друга, создавая переплетение из мира биологии, физики, химии и цифровых реалий. Изменения видны во всех отраслях, рождаются новые бизнес-модели, меняющие традиционные устои, преобразовывающие системы потребления, производства, транспортировки и поставки. Смена парадигм осуществляется и в социальной сфере, в том, как индивиды общаются, работают, получают информацию и обмениваются ею. Подобные трансформации происходят и на уровне правительств и государственных учреждений, касаются они и здравоохранения, образования и транспортных сетей. Новые пути использования технологий ведут к изменению поведения индивидов, систем производства и потребления, тем самым к развитию новой системы восстановления и сохранения окружающей среды. Однако развитие и внедрение новейших технологий связаны с неопределенностью, что влияет на представление и прогнозы развития преобразований и будущего четвертой промышленной революции.

Литература

1. О. Тоффлер. Смещение власти: знание, богатство и принуждение на пороге XXI века. Москва. 1991.

2. Д. Белл. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Москва.1999

3. P. Drucker. Post – capitalist Society. Oxford, 1993.

4. P. Romer. Endogenous Technological Change. Journal of Political Economy, vol. 98, no. 5, pt. 2, 1990.

5. *Warsh, D: Knowledge* and the *Wealth* of Nations. A *Story* of Economic*. Discovery*: XXII, W. W. Norton, London 2006.

6. Fernandez J. G. and Ingber D. E., Bioinspired Chitinous Material Solutions for Environmental Sustainability and Medicine. Advanced Functional Materials, 23 (36). 2013.

7. Duro Royo J., Mogas Soldevila L. and Oxman N., Methods and Apparatus for Integrated Large Scale Robotic Fabrication of Functionally Graded Materials and Structures. US Patent Pending. M.I.T. Case No. 17388T, 2014.

8. Бриньолфсон Эрик, Макафи Эндрю. Вторая эра машин. Работа, прогресс и процветание в эпоху новейших технологий. АСТ, 2016.

9. RetinkX Disruption, Implications and Choices. Rethinking transportation 2020 – 2030. The Disruption of Transportation and the Collapse of the Internal-Combustion Vehicle and Oil Industries. 2017.

10. Зорин В.А., Полухин Е.В. Аддитивные технологии. Перспективыпримененияаддитивныхтехнологийприпроизводстведорожно-строительныхмашин // Строительная техника и технологии. 2016. No3 (119).

11. Фиговский О.Л. Инновационный инжиниринг – путь к реализации оригинальных идей и прорывных технологий // Инженерный вестник дона. 2014. (URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnyy-inzhiniring-put-k-realizatsii-originalnyh-idey-i-proryvnyh-tehnologiy дата обращения: 03.05.2022)

12. Шевченко Д.Ю. Аддитивные технологии в машиностроении // Комплексные проблемы развития науки, образования и экономики региона: Научно-практический журнал Коломенского института (филиала) МГМУ(МАМИ). № 2 (7). 2015.

13. Сироткин О.С. Современное состояние и перспективы развития аддитивных технологий. Авиационная промышленность. №2, 2015.

14. DeNisco Rayome Alisson. Microsoft stored 200MB of data in DNA strands, and what's next. TechRepublic, 2017. URL: https://www.techrepublic.com/article/why-microsoft-stored-200mb-of-data-in-dna-strands-and-whats-next/ (дата обращения: 03.05.2022)

15. Twist Bioscience and Collaborators Microsoft, University of Washington Preserve Archive Quality Audio Recordings for UNESCO's Memory of the World Collection.Iconic Performances of Deep Purple's "Smoke on the Water" and Miles Davis' "Tutu" Performed at the Montreux Jazz Festival Stored on DNA for the First Time, 2017. URL: https://twistbioscience.com/sites/default/files/downloads/press/Twist-Bioscience-and-Collaborators-Microsoft-University-of-Washington-Preserve-Archive-Quality-Audio-Recordings-for-Memory-of-the-World-1506677724388.pdf (дата обращения: 03.05.2022)

16. Леонид Черняк. Платформа Интернета вещей. Открытые системы. СУБД, №7, 2012. Открытые системы. 26 сентября, 2012. URL: https://www.osp.ru/os/2012/07/13017643/ (дата обращения: 03.05.2022)

17. Kevin Ashton. That 'Internet of Things' Thing. In the real world, things matter more than ideas. RFID Journal. 22 June 2009. URL: https://www.rfidjournal.com/articles/view?4986. (дата обращения: 03.05.2022)

18. Tim Berners-Lee. Semantic Web Road map. URL: https://www.w3.org/DesignIssues/Semantic.html (дата обращения: 03.05.2022)

Historical and theoretical context of the fourth industrial revolution

Lukyanov I.V.

Lomonosov Moscow State University

The fourth industrial revolution is an independent phenomenon, but not a continuation of the third industrial revolution. By breaking down the new industrial revolution into blocks or megatrends, it becomes obvious that over time, more and more scientific disciplines will work in collaboration. The synthesis of technologies and their interaction is increasing. The dynamics of innovation in various fields is changing significantly. During the fourth industrial revolution, new technologies and innovations are spreading at an accelerated pace. The new industrial revolution is no less significant in scale and role in history than the previous three. The article examines the historical prerequisites for the formation of the new industrial revolution. The concept of the fourth industrial revolution, consisting of three blocks of systems and knowledge interacting with each other, is explored. The independence of the new industrial revolution is proven, and the importance of new technologies in the conditions of the modern world is considered.

Keywords: history of industrial revolutions, fourth industrial revolution, innovations, technologies, artificial intelligence, additive technologies, internet of things

References

1. O. Toffler. Shifting Power: Knowledge, Wealth, and Coercion on the Threshold of the Twenty-First Century. Moscow. 1991.
2. D. Bell. The Coming Post-Industrial Society. An Experiment in Social Forecasting. Moscow. 1999
3. P. Drucker. Post-Capitalist Society. Oxford, 1993.
4. P. Romer. Endogenous Technological Change. Journal of Political Economy, vol. 98, no. 5, pt. 2, 1990.
5. Warsh, D: Knowledge and the Wealth of Nations. A Story of Economic. Discovery: XXII, W. W. Norton, London 2006.
6. Fernandez J. G. and Ingber D. E., Bioinspired Chitinous Material Solutions for Environmental Sustainability and Medicine. Advanced Functional Materials, 23 (36). 2013.
7. Duro Royo J., Mogas Soldevila L. and Oxman N., Methods and Apparatus for Integrated Large Scale Robotic Fabrication of Functionally Graded Materials and Structures. US Patent Pending. M.I.T. Case No. 17388T, 2014.
8. Brynjolfsson Erik, McAfee Andrew. The Second Machine Age. Work, Progress, and Prosperity in the Age of New Technologies. AST, 2016.
9. RetinkX Disruption, Implications and Choices. Rethinking transportation 2020 – 2030. The Disruption of Transportation and the Collapse of the Internal-Combustion Vehicle and Oil Industries. 2017.
10. Zorin V.A., Polukhin E.V. Additive technologies. Prospects for the application of additive technologies in the production of road construction machinery // Construction equipment and technologies. 2016. No. 3 (119).
11. Figovsky O. L. Innovative engineering - the path to the implementation of original ideas and breakthrough technologies // Engineering Bulletin of the Don. 2014. (URL: https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnyy-inzhiniring-put-k-realizatsii-originalnyh-idey-i-proryvnyh-tehnologiy accessed: 03.05.2022)
12. Shevchenko D. Yu. Additive technologies in mechanical engineering // Complex problems of development of science, education and economy of the region: Scientific and practical journal of the Kolomna Institute (branch) of Moscow State Medical University (MAMI). No. 2 (7). 2015.
13. Sirotkin O. S. Current state and prospects for the development of additive technologies. Aviation industry. No. 2, 2015.
14. DeNisco Rayome Alisson. Microsoft stored 200MB of data in DNA strands, and what's next. TechRepublic, 2017. URL: https://www.techrepublic.com/article/why-microsoft-stored-200mb-of-data-in-dna-strands-and-whats-next/ (accessed 05/03/2022)
15. Twist Bioscience and Collaborators Microsoft, University of Washington Preserve Archive Quality Audio Recordings for UNESCO's Memory of the World Collection. Iconic Performances of Deep Purple's "Smoke on the Water" and Miles Davis' "Tutu" Performed at the Montreux Jazz Festival Stored on DNA for the First Time, 2017. URL: https://twistbioscience.com/sites/default/files/downloads/press/Twist-Bioscience-and-Collaborators-Microsoft-University-of-Washington-Preserve-Archive-Quality-Audio-Recordings-for-Memory-of-the-World-1506677724388.pdf (accessed: 03.05.2022)
16. Leonid Chernyak. Internet of Things Platform. Open Systems. DBMS, No. 7, 2012. Open Systems. September 26, 2012. URL: https://www.osp.ru/os/2012/07/13017643/ (accessed: 03.05.2022)

17. Kevin Ashton. That ‘Internet of Things’ Thing. In the real world, things matter more than ideas. RFID Journal. 22 June 2009. URL: https://www.rfidjournal.com/articles/view?4986. (Accessed: 03.05.2022)
18. Tim Berners-Lee. Semantic Web Road map. URL: https://www.w3.org/DesignIssues/Semantic.html (Accessed: 03.05.2022)

Интент-анализ публичного дискурса губернатора Московской области А.Ю. Воробьева в кризисной ситуации на фоне теракта 22 марта 2024 года

Лысенко Петр Николаевич
аспирант, МГУТУ им. К. Г Разумовского (ПКУ),
Petr.lysenko.88@mail.ru

Статья посвящена роли регионального лидера в коммуникации между властью и обществом в условиях кризисной ситуации. Представлены результаты интент-анализа сообщений губернатора Московской области Воробьева А. Ю. в официальном Телеграм-канале на фоне теракта 22 марта 2024 года в «Крокус Сити Холл». Полученные данные сравниваются с результатами интент-анализа речи вне кризиса, выделяются различия и сходства в трансляции образа регионального лидера и его коммуникативные особенности. В ходе исследования осуществлена дистантная оценка личности А.Ю. Воробьева, в которую были включены такие аспекты, как его политический образ, сложность или простота этого образа, а также его «Я-концепция», мотивационный и ценностный блоки, поведенческий стиль и тип лидерства. Кроме того, выделены особенности коммуникативной стратегии Воробьева А.Ю., проявляющиеся в его частых публичных выступлениях, а также в использовании современных цифровых платформ для налаживания обратной связи с населением, что подчеркивает важность адаптации лидерских методов в условиях постоянно меняющегося общественного контекста.

Ключевые слова*:* образ лидера, интент-анализ, региональный лидер, теория коммуникации, А.Ю. Воробьев, московская область, психолингвистика, дистантная оценка личности

С 2022 года Российская Федерация находится в состоянии открытого вооруженного конфликта (Специальная военная операция на Украине, далее – СВО, Спецоперация). Боевые действия ведутся вблизи Российских границ, и диверсионная активность противника выражается в том числе на приграничных территориях РФ, что вовлекает в процесс значительное количество мирных жителей[1]. В то же время жизнь в большинстве городов страны сохраняет относительную стабильность, что способствует психологическому дистанцированию от конфликта. Многие россияне, не ощущая непосредственного влияния военной ситуации, не осознают в полной мере её масштабы и серьезность[2].

Террористический акт в «Крокус Сити Холле» 22 марта 2024 года, произошедший в столичном регионе, стал значимым поворотным моментом, вызвав у граждан острое и непосредственное ощущение военного конфликта, в результате чего многие включились в процессы помощи пострадавшим[3]. Связь террористов с украинскими властями делает этот акт не просто терактом, а частью боевых действий на территории Российской Федерации, в самом её сердце[4]. Всё это оказывает непосредственное влияние на восприятие гражданами Спецоперации[5]. Если ранее события Спецоперации воспринимались как нечто удаленное и не имеющее непосредственного отношения к жизни обычных граждан, то теперь данное событие символизирует непосредственную угрозу, «стучащуюся в дверь каждого».

В условиях экзистенциальной угрозы и необходимости консолидации общества, роль региональных лидеров становится ключевой. Коммуникативная стратегия регионального политического лидера приобретает особую важность. Публичная коммуникация становится механизмом для управления кризисами, поддержания общественного спокойствия и укрепления доверия населения к государственным структурам. Особое место в этом контексте занимает публичная речь, которая не только информирует, но и формирует общественное мнение, влияет

[1] Диверсионная деятельность киевского режима против РФ. ИА ТАСС. [Эл. ресурс] URL: https://tass.ru/politika/19583077 (дата обращения 19.06.2024)
[2] Глава ВЦИОМ о 20 миллионах «ушедших в себя» россиян. РИА Новости. [Эл. ресурс] URL: https://www.rbc.ru/politics/30/09/2023/65181f4d9a79472abaf2d73e (дата обращения 15.06.2024)
[3] Как жители столицы помогают пострадавшим в теракте. Издание «Коммерсант». [Эл. ресурс] URL: https://www.kommersant.ru/doc/6592893 (дата обращения 11.06.2024)
[4] Связь теракта в «Крокусе» с Украиной. РИА Новости. [Эл. ресурс] URL: https://ria.ru/20240524/terakt-1948046381.html (дата обращения 11.06.2024)
[5] Вассерман А. – «Все понимают единственное средство борьбы с террором». Издание «MK.ru». [Эл. ресурс] URL: https://www.mk.ru/politics/2024/03/27/vasserman-rasskazal-kak-terakt-v-krokuse-izmenit-final-svo.html (дата обращения 11.06.2024)

на эмоциональное состояние граждан и способствует сплочению общества в периоды нестабильности. Высказывания губернатора Московской области Воробьева А. Ю. на фоне теракта, произошедшего в Крокусе 22 марта 2024 года, являются ярким примером подобного кризисного диалога.

Воробьев А. Ю., как политический деятель, активно задействует различные платформы для трансляции своего имиджа и донесения ключевых посланий до широких масс населения – это официальный сайт[6], площадка для обращений на портале правительства Московской области[7], личный телеграм-канал[8]. В феврале 2023 года вошел в тройку лидеров медиа-рейтингов глав регионов ЦФО и России[9]. С 28 апреля 2022 г. выходит его авторская программа «Подмосковье. Работаем»[10].

Исследование публичной речи Воробьева А.Ю. в ответ на террористический акт дополняет теоретическую базу политической психологии и коммуникации и предоставляет практические рекомендации для разработки стратегий взаимодействия с населением.

Целью интент-анализа было выявление образа Воробьёва А. Ю. в условиях чрезвычайной ситуации посредством определения в его публичной речи намерений и целей.

В данной статье публичный дискурс Воробьева А.Ю. анализируется как «сообщение» в рамках ***модели коммуникации Г. Лассуэла***, которая относительно нашего исследования может быть описана так: *«Кто говорит?»* – коммуникатор (Воробьев А.Ю.); *«Что сообщает?»* – сообщение (публичный дискурс); *«По какому каналу?»* – средство массовой коммуникации (официальный телеграм-канал); «Кому?» – получатель (молодежь Подмосковья); *«С каким результатом?»* – обратная связь, эффект (образ регионального лидера) [7]. Региональный лидер рассматривается и как *«лидер мнений»* – звено коммуникации, предложенное П. Лазарсфельдом [7].

Образ лидера рассматривался с учетом наработок отечественной школы политической психологии [10][11]. Личностные характеристики Воробьева рассматривались согласно методике, предложенной М.Н. Ракитянским [8]. Проведена дистантная оценка личности Губернатора [13]. Исследование включило анализ «Я-концепции» политика, его мотивационной сферы, типа политического лидерства и психолингвистического анализа публичных высказываний с целью выявления коммуникативного стиля, целей, установок и намерений [1; 3; 6; 11][12][13]. Исследование проводилось с учетом специфики кризисной коммуникации [4; 12].

Материалом для анализа послужила последовательность сообщений губернатора, опубликованных в телеграм-канале «Воробьев LIVE»[14]. Рассматриваемое событие – теракт в подмосковном «Крокус Сити Холле» 22 марта 2024 года[15]. Интерес в данном контексте представляют сообщения с 00:59 23.03.2024 (первое сообщение о теракте)[16] по 20:50 03.04.2024 (последнее сообщение о теракте)[17]. В отмеченных временных рамках Воробьев А. Ю. вел информационное сопровождение трагических событий.

Для оценки коммуникативных особенностей Воробьева А.Ю. в разных контекстах добавлены источники: встречи с Президентом 11.07.2022 г.,[18] 21.08.2023 г.[19] и 17.06.2024 г.[20]; интервью А. Ю. Воробьева РБК 27 мая 2022[21]; встреча Воробьева А. Ю. со школьниками[22].

В работе использован метод интент-анализа, в соответствии с которым в речи выявлялись 5 интенциональных категорий: «я», «мы», «они», «третья сторона», «ситуация» [9]. Высказывания с выявленными категориями соотносились с перечнем из 29 интенций, описанных в политической науке [9].

Высказывания Воробьева А. Ю. в рамках трагедии сосредоточены на информировании общественности о происходящем, выражении благодар-

---

[6] Сайт Губернатора Московской области Воробьева А.Ю. [Эл. ресурс] URL: https://воробьёв.рф/ (дата обращения 11.06.2024)

[7] Правительство Московской области. [Эл. ресурс] URL: https://mosreg.ru/pravitelstvo/struktura/gubernator (дата обращения 11.06.2024)

[8] Воробьев А. Ю. Официальный Телеграм-канал. [Электронный ресурс] URL: https://t.me/vorobiev_live (дата обращения 21.06.2024)

[9] Портал MOSREGTODAY.RU. [Эл. ресурс] URL: https://mosregtoday.ru/news/soc/gubernator-voshel-v-trojku-liderov-rejtingov-glav-regionov-cfo-i-rf-v-yanvare/ (дата обр. 24.06.2024)

[10] МИА «Россия сегодня» [Эл. ресурс] URL: https://radiosputnik.ru/podmoskovye/ (дата обр. 24.06.2024)

[11] Имидж лидера: Психологическое пособие для политиков / Под ред. Егоровой-Гантман Е.В. – М.: «Знание России», 1994. – 264 с.

[12] Имидж лидера: Психологическое пособие для политиков / Под ред. Егоровой-Гантман Е.В. – М.: «Знание России», 1994. – 264 с.

[13] Платонов К. К. Структура и развитие личности [Текст] / К. К. Платонов ; отв. ред. А. Д. Глоточкин ; АН СССР, Ин-т психологии. – Москва : Наука, 1986. – 254 с.

[14] Воробьев А. Ю. Официальный Телеграм-канал. [Эл. ресурс] URL: https://t.me/vorobiev_live (дата обращения 21.06.2024)

[15] О теракте в «Крокус Сити Холле». РИА Новости. [Эл. ресурс] URL: https://ria.ru/20240323/terakt-1935117035.html (дата обращения 30.06.2024)

[16] Сообщение в телеграм-канале «Воробьев LIVE» от 23.03.2024 в 00:59. [Эл. ресурс] URL: https://t.me/vorobiev_live/6164 (дата обращения 31.06.2024)

[17] Сообщение в телеграм-канале «Воробьев LIVE» от 03.04ю2024 в 20.50 [Эл. ресурс] URL: https://t.me/vorobiev_live/6195 (дата обращения 19.06.2024)

[18] Встреча В. В. Путина с губернатором Московской области А. Ю. Воробьёвым 11.07.2022 года. [Эл. ресурс] URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68852 (дата обращения 20.06.24)

[19] Встреча В. В. Путина с губернатором Московской области А. Ю. Воробьёвым 21.08.2023 года. [Эл. ресурс] URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/72078 (дата обращения 20.06.24)

[20] Встреча В. В. Путина с губернатором Московской области А. Ю. Воробьёвым 17.06.2024 года. [Эл. ресурс] URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/74308 (дата обращения 20.06.24)

[21] Интервью Воробьева А.Ю. изданию РБК от 27.05.22. Сетевое издание «РБК» [Эл. ресурс] URL: https://www.rbc.ru/interview/politics/27/05/2022/628f655e9a7947b5366b1907?from=copy (дата обращения 21.06.24)

[22] Встреча Губернатора со школьниками в Одинцовском филиале МГИМО. Июнь 2023 г. Издание МК. [Эл. ресурс] URL: https://www.mk.ru/mosobl/2023/06/29/vy-takie-krutye-andrey-vorobev-poobshhalsya-s-talantlivymi-shkolnikami.html (дата обращения 21.06.24)

ности за помощь и призывах к солидарности и содействию. В интенциональной направленности речи выявлен ряд закономерностей, характеризующих коммуникационное поведение политика.

Далее представлен анализ сообщений губернатора, опубликованных в телеграм-канале «Воробьев LIVE» с 00:59 23.03.2024 (первое сообщение о теракте) по 20:50 03.04.2024 (последнее сообщение о теракте).[23]

Анализ интенциональных категорий (таб. 1) показал, наиболее раскрытую сторону повествования – так категория «мы» встречается чаще всего (86 раз), в то время как «Я» политиком не употребляется.

Таблица 1
Представленность интенциональных категорий в сообщениях Воробьева А.Ю. на фоне теракта в «Крокусе» 23.03.2024 г.

Параметр	Категория				
	Я	**Мы**	**Они**	**3-я сторона**	**Ситуация**
Общее количество	1,5	**86**	-	**48**	19
Количество по составляющим	Я – 0 [я] – 3*0,5=1,5	Мы – 37 [мы] – 24*0,5=12 Врачи – 18 Спасатели – 12 Правоохр. блок – 7		Люди – 11 Пострадавшие – 21 Погибшие – 16	Теракт – 11 Трагедия – 8

** Категория, выделенная в таблице квадратными скобками в анализе, учитывалась в значении 0,5 от целого, так как выражена глаголами, относящимися к данной категории без прямого употребления «Я». Прим: «[я] Выехал на место» – выражена интенция «Я», но поскольку само местоимение не употреблялось, его интенциональные влияние в тексте ниже.*

Из представленной в таблице 1 информации видно, что Воробьев А.Ю. чаще всего упоминает категории, связанные с коллективными субъектами (мы, врачи, спасатели). Наблюдается отстраненность от личной точки зрения (отсутствие «Я»).

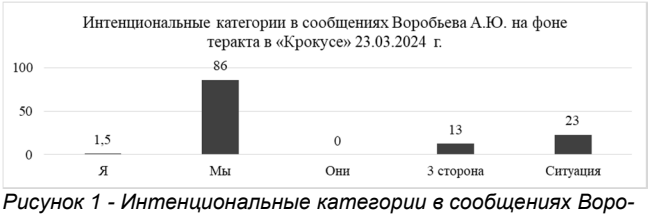


Рисунок 1 - Интенциональные категории в сообщениях Воробьева А.Ю. на фоне теракта в «Крокусе» 23.03.2024 г.

Интенциональная категория «Я», привязанная к личным действиям губернатора в речи выявлена минимально. Губернатор мало говорит от первого лица, и даже в этих случаях ни разу не употребил само местоимение «Я»: *прим.:* «[я] Выехал на место», «[я] Доложил Президенту из штаба на месте событий…», «[я] Буду информировать [вас] при поступлении новых данных…». В острой кризисной ситуации Воробьев А. Ю. встает на один уровень с гражданами.

Интенциональная категория «Мы», привязанная к совокупным действиям губернатора и его команды употребляется значительно чаще. В большинстве случаев само местоимение «мы» также не используется: *прим.:* «Провели [мы] оперативный штаб у Крокуса. Занимаемся [мы] сверкой данных по пострадавшим, в ближайшее время опубликуем [мы] списки», «Все свои действия мы координируем с правоохранительным блоком», «Утром провели [мы] оперативный штаб на месте трагедии», «По мере поступления информации будем [мы] уточнять списки», «О их ходе [работ] будем [мы] информировать», «Вместе с правительством Москвы приняли [мы] решение о выплатах семьям погибших и пострадавшим при теракте в Крокусе». Использование категории «мы» производится в основном в рамках интенций «Кооперация» – «В центре будут работать представители и нашего, и московского правительства» – и в меньшей степени «Успокоение аудитории» –… мы компенсируем расходы на захоронение и урегулируем все юридические вопросы».

В категорию «Мы» дополнительно включены упоминания служб и лиц причастных к ликвидации последствий, которым совокупно можно отнести к части единой команды – это врачи – (18 упоминаний), спасатели – (12 упоминаний), правоохранительный блок – (7 упоминаний). Встречается с интенцией «*Оценивание* +» – «Низкий поклон всем врачам…» и «*Информирование*» – «Около Крокуса более 70 бригад скорой помощи», «Врачи продолжают оказывать помощь всем пострадавшим», «Медики оценивают состояние большинства…», «Пострадавшие госпитализированы…». Это способствует позитивному восприятию работы врачей и медицинского персонала, и укрепляет доверие к ним в глазах аудитории. Также данная категория окрашена в «*Успокоение аудитории*» – «Врачи оказывают необходимую помощь всем пострадавшим», что позволяет успокоить аудиторию, подчеркнув роль и действия всех участников.

Интенциональная категория «Ситуация», выражающая описание происходящих событий по частоте упоминаний, встречается в речи так же часто, как категория «Мы». Воробьев описывает мероприятия по координации действий и принятия оперативных мер в интенции «*Информация*» – «Провели оперативный штаб у Крокуса», «Доложил Президенту из штаба на месте событий о том, что предпринимается…», «Утром провели оперативный штаб на месте трагедии», «Для всех, кого коснулась трагедия, мы создали чат в Телеграм», «40 человек погибли во время теракта в Крокусе». Интенция «*Успокоение аудитории*» указывает на приоритетные действия и цели на месте событий, а именно, все усилия направлены на спасение людей – «На месте делается все для спасения людей», «Это поможет продолжить поисковую операцию». Выражения благодарности адресуются всем, кто оказывает поддержку или помощь в данной ситуации, подчеркивается значимость их участия с интенцией «*Оценивание* +» – «Спасибо всем, кто откликнулся в этот

[23] Воробьев А. Ю. Официальный Телеграм-канал. [Эл. ресурс] URL: https://t.me/vorobiev_live (дата обращения 21.06.2024)

сложный час», «Спасибо каждому, кто сейчас вместе с нами».

Интенциональная категория «*3 сторона*», выражающая обращение к аудитории, встречается только с интенцией «*Побуждение*» – «Если ваши близкие пострадали или вы не можете с ними связаться, звоните по телефону горячей линии». В данном контексте Воробьев предоставляет информацию и рекомендации по действиям в случае чрезвычайной ситуации. Он регулярно обращается к потенциальным пострадавшим от трагедии с призывами обращаться за помощью и передает четкие инструкции и контактную информацию для тех, кто может быть затронут терактом.

Выявленные интенции соотносятся с категориями и составляют определенный коммуникативный фон (таб. 2)

Таблица 2
Интенции по отношению к категориям, выявленные в сообщениях Воробьева А.Ю. на фоне теракта в «Крокусе» 23.03.2024 г.

Интенция / Категория	Я	Мы	Они	3 сторона	Ситуация
Кооперация	–	24	–	–	–
Побуждение	–	–	–	7	4
Успокоение	0,5	16	–	–	–
Информирование	–	32	–	6	6
Анализ	–	–	–	–	7
Оценивание+	–	5	–	–	5
Благодарность	0,5	3	–	–	–
Соболезнование	0,5	7	–	–	–
Предупреждение	–	–	–	–	1

В речи присутствует множество фактических данных о происходящем с интенцией «*Информация*», включая количество погибших и пострадавших, действия спасателей и врачей, детали спасательных операций и дальнейшие планы помощи пострадавшим. Воробьев информирует аудиторию о масштабе происшествия, создает общую картину ситуации: *прим.:* «40 человек погибли во время теракта в Крокусе, более 100 пострадали», «Всего в стационарах сейчас 115 пострадавших…», «Привлечено 183 единицы техники и 477 человек». Указывает на систематическое реагирование на происшедшее: *прим.:* «Создан оперативный штаб», «Утром провели [мы] оперативный штаб на месте трагедии». Информирование позволяет Губернатору демонстрировать масштаб происшествия и освещать событие для граждан со всех сторон. Воробьев заранее отвечает на большинство вопросов жителей, которые могли быть заданы в сети интернет или с которыми они могли обратиться за поиском. Предоставляет информацию о масштабе медицинского и силового реагирования на произошедшее: *прим.:* «Около Крокуса более 70 бригад скорой помощи». Предоставление фактических данных и деталей о происходящем помогает гражданам понять масштаб и серьезность произошедшего. Кроме того, информирование о действиях спасателей, медицинских служб и планах помощи демонстрирует реакцию властей на событие и их готовность в кризисных ситуация. Важно продолжать обеспечивать общественность актуальной информацией о развитии событий и принимаемых мерах. Также важно поддерживать открытый канал коммуникации с гражданами, чтобы они могли получить ответы на свои вопросы и чувствовать себя информированными и поддержанными в сложной ситуации.

Губернатор выражает признательность и благодарность врачам и спасателям за их слаженную работу (интенция «*Оценивание (+)*»): *прим.:* «Спасибо врачам – помощь всем поступившим оказали быстро, все живы», «Низкий поклон всем врачам, которые сейчас борются за жизни людей!». Также позитивно отмечает консолидацию бизнеса и простых граждан, объединившихся в совместной помощи пострадавшим: *прим.:* «Спасибо тем, кто стоит в очередях, чтобы сдать кровь для пострадавших, спасибо нашим медикам и спасателям», «Российский бизнес, предприниматели, владельцы больших и совсем малых компаний пишут нам, спрашивают, чем помочь. **Мы это ценим и благодарим».**

В тексте содержится предупреждение о возможных опасностях и затруднениях (интенция «*Предупреждение*»), таких как продолжающиеся очаги возгорания и сложности доступа к завалам: *прим.:* «Он [огонь] распространился по большой площади».

Интенция «*Кооперация*» в тексте проявляется через описание совместных усилий различных организаций и ведомств для оперативной ликвидации последствий теракта. Отмечает сотрудничество между представителями различных уровней правительства для предоставления помощи и информирования общества: *прим.:* «В центре будут работать представители и нашего, и московского правительства, они окажут необходимую помощь и ответят на вопросы». Воробьев отчетливо выделяет роль и совместные усилия различных организаций и ведомств, таких как спасатели, медицинский персонал, правительство Москвы и Подмосковья, а также общественные инициативы, например сбор пожертвований. Выделяет сотрудничество с правоохранительным блоком для координации действий: *прим.:* «Работает СОБР. Около Крокуса более 70 бригад скорой помощи», «Все свои действия мы координируем с правоохранительным блоком», совместные усилия для оказания медицинской помощи: *прим.:* «Вместе с зампредом правительства РФ Татьяной Голиковой и главой минздрава России Михаилом Мурашко приехали в Химкинскую больницу…». Губернатор акцентирует внимание на совместном участии в сборе пожертвований для помощи пострадавшим: *прим.:* «Совместно с Москвой, Российским Красным Крестом и общероссийской акцией #МЫВМЕСТЕ объявлен сбор пожертвований **на помощь», и** консолидации в целом: *прим.:* «Российский бизнес, предприниматели, владельцы … компаний пишут нам, спрашивают, чем помочь.», «И Москва, и Подмосковье, государство в целом, … сделают все, чтобы помочь людям**».**

Губернатор уверяет общественность (интенция «*Успокоение аудитории*»), что ситуация находится под контролем, и все возможные меры помощи пострадавшим предпринимаются. Воробьев сооб-

щает, что лично присутствует на месте происшествия, свидетельствуя о том, что ситуация контролируется: *прим.:* «Выехал на место. Создан оперативный штаб. Все подробности позже», «По мере поступления информации будем уточнять списки [погибших и пострадавших]», «Занимаемся сверкой данных по пострадавшим, в ближайшее время опубликуем списки», «Буду информировать при поступлении новых данных», «О их ходе [работ] будем информировать». Высказывание «На месте делается все для спасения людей» подчеркивает активность и направленность действий на спасение людей, что может успокоить аудиторию, демонстрируя, что проблема активно решается. Неоднократно Воробьев подчеркивает, что на месте происшествия пострадавшие получили необходимую медицинскую помощь и госпитализированы: *прим.:* «Врачи оказывают необходимую помощь всем пострадавшим», «Врачи продолжают оказывать помощь всем пострадавшим», «Пострадавшие госпитализированы в мед. учреждения». Демонстрируется ресурс для оказания помощи пострадавшим *прим.:* «Запасы крови для переливания и препаратов достаточные». Готовность к дальнейшим действиям и стремление решить проблему: *прим.:* «В ближайшее время подъедет спецтехника. Это поможет продолжить поисковую операцию», «Основная задача сейчас – потушить огонь». Демонстрирует гарантии финансовой и юридической поддержки: *прим.:* «…всем в обязательном порядке мы компенсируем расходы на захоронение и урегулируем все юридические вопросы». Главная цель Губернатора успокоить аудиторию и дать понять, что власти контролируют ситуацию и предпринимают все возможные меры для оказания помощи пострадавшим. В дальнейшей коммуникации он продолжает информировать население о ходе расследования и оказываемой помощи, поддерживает прямой контакт с гражданами через социальные сети или средства массовой информации, а также предоставляет оперативные данные о ситуации.

Интенция «Анализ» в речи проявляется через рассмотрение ситуации и ее элементов без выражения эмоциональной окраски. Воробьев А. Ю. анализирует текущее состояние после пожара и проводимых действий:

– анализирует ситуацию с пожаром: *прим.:* «Отдельные очаги возгорания еще остались, но в основном огонь ликвидирован.»

– рассматривает результаты действий спасателей: *прим.:* «Спасатели смогли зайти в зрительный зал, где долгое время была высокая температура и где, по всей видимости, был эпицентр пожара.».

– анализирует продолжительность работ и выдвигает прогноз: *прим.:* «Спасателям понадобится еще несколько суток, чтобы полностью разобрать завалы.».

Интенция «Анализ» в речи губернатора проявляется через объективное рассмотрение текущей ситуации после пожара и оценку результатов проводимых действий с позиции информирования общественности.

Интенционально речь Воробьева А.Ю. спокойная и успокаивающая. Преобладают интенции «Кооперация», «Побуждение», «Успокоение», «Информирование», «Анализ», «Оценивание+», «Благодарность», «Соболезнование», «Предупреждение». Он сдержанно и в то же время активно информирует население о проблеме, выполняя функции информирования, организации, принятия ответственности, мобилизации.

Личность политика во время острого конфликта может иметь более яркое выражение. Могут обнажаться те или иные когнитивные черты, так как стресс снижает возможности для самоконтроля [4]. И если для одних лидеров чрезвычайная ситуация становится тормозящим фактором, то другие, наоборот наиболее полно, если не в первые, раскрываются в своих функциях [12]. Проведенный интент-анализ позволяет выявить черты Воробьева А.Ю. на фоне кризисной ситуации.

Для сравнения мы взяли данные из проведенного нами ранее исследования. Массив материалов представляет разные контексты: встречи с Президентом 11.07.2022 г.,[24] 21.08.2023 г.[25] и 17.06.2024 г.[26]; интервью А. Ю. Воробьева РБК 27 мая 2022[27]; встреча Воробьева А. Ю. со школьниками[28]. Это позволило преломить транслируемый образ по ситуации (кризисная, спокойная), по характеру общения (формальное, неформальное, с молодежью).

Диаграмма (рис. 2) демонстрирует разные коммуникативные стратегии Воробьева А.Ю.

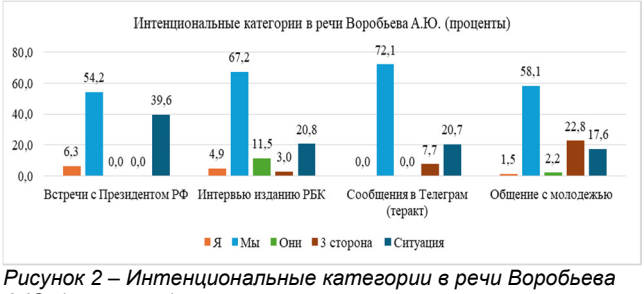


Рисунок 2 – Интенциональные категории в речи Воробьева А.Ю. (проценты)

[24] Встреча В. В. Путина с губернатором Московской области А. Ю. Воробьёвым 11.07.2022 года. [Эл. ресурс] URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68852 (дата обращения 20.06.24)

[25] Встреча В. В. Путина с губернатором Московской области А. Ю. Воробьёвым 21.08.2023 года. [Эл. ресурс] URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/72078 (дата обращения 20.06.24)

[26] Встреча В. В. Путина с губернатором Московской области А. Ю. Воробьёвым 17.06.2024 года. [Эл. ресурс] URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/74308 (дата обращения 20.06.24)

[27] Интервью Воробьева А.Ю. изданию РБК от 27.05.22. Сетевое издание «РБК» [Эл. ресурс] URL: https://www.rbc.ru/interview/politics/27/05/2022/628f655e9a7947b5366b1907?from=copy (дата обращения 21.06.24)

[28] Встреча Губернатора со школьниками в Одинцовском филиале МГИМО. Июнь 2023 г. Издание МК. [Эл. ресурс] URL: https://www.mk.ru/mosobl/2023/06/29/vy-takie-krutye-andrey-vorobev-poobshhalsya-s-talantlivymi-shkolnikami.html (дата обращения 21.06.24)

В общении с Президентом РФ Воробьев чаще использует местоимение «Мы», что предполагает акцент на коллективной ответственности и единстве. Местоимение «Я» в незначительном количестве (6.3%) свидетельствует о его стремлении минимизировать личную ответственность или саморекламу в таких важных встречах. Он также избегает упоминания других (внешних) субъектов – «Они». Акцент на ситуации (39.6%) указывает на желание обсудить конкретные текущие вопросы или проблемы.

В интервью изданию РБК коммуникация отличается появлением категории «Они» (11.5%) – он обсуждает внешнее влияние, что может быть важно в контексте публикации. Включение в речь упоминания категории «Они» показывает его усилия по поддержанию баланса между коллективным трудом и внешними факторами.

В сообщениях по поводу теракта Воробьев не использует местоимение «Я» вообще, полностью сосредотачиваясь на коллективном «Мы» (72.1%). Он ни разу не упоминает «они», что может указывать на его стратегию избегать разделения и обвинений, а также акцентировать внимание на коллективных действиях и общей ситуации.

Воробьев активно использует коллективное местоимение «Мы» практически во всех контекстах, что подчеркивает его желание акцентировать командную работу и единство.

В формальном общении и в кризисных ситуациях он избегает значительного личного выделения, предпочитая говорить от имени группы или команды. В менее формальных или публикационных контекстах он допускает больше личных интенций, что помогает установить контакт с широкой аудиторией. Стиль общения Воробьева А.Ю. адаптивен в зависимости от контекста, сохраняя при этом ключевые элементы, такие как акцент на коллективной ответственности и текущих ситуациях.

В коммуникации с федеральными властями образ Воробьева выражен обезличенно через категории «Мы». Категория «я» встречается всего 3 раза в указаниях ответственности третьих лиц – «я попросил у Министерства обороны содействия»[29]. В коммуникации с Президентом губернатор выполняет функцию информирования и принятия ответственности, что обуславливает такой характер речи.

В коммуникации с молодежью Воробьев транслирует более эмоциональный образ. Часто обращается лично в категории «вы» (19 раз в 5 текстах) и почти не использует категорию «Я» (2 раза в 5 текстах), говоря от лица власти: *прим.* «Вы подаете хороший пример.» и др., таким образом выражая одобрение. Фразой «Мы отмечаем вас и дальше будем это делать.» выражает позитивные гарантии. В разговоре со студентами транслирует заинтересованность: *прим.* «Главное – что мы разговариваем на одном языке». Выражает положение на равных: *прим.* «Очень хочется, чтобы вы тоже нас учили чему-то новому». Воробьев активно мотивирует молодежь к диалогу: *прим.* «Этого станет больше, если это будет востребовано, когда увеличится количество пассионарных людей – таких, как вы». Транслирует стремление не просто услышать, но и понять молодежь. Он как бы говорит молодежи: «Я хочу услышать то, что ты хочешь сказать», что характеризует его образ как «учителя» и даже «родителя», так как они демонстрируют, что полностью погружены в разговор и заинтересованы в том, что говорит ребенок или ученик. [30] [31]

В кризисной ситуации высказывания А. Ю. Воробьева когнитивно-легкие, доступные. Отсутствует дипломатическая терминология, губернатор использует простую грамотную речь. Отсутствие эмоциональной окраски делает текст сдержанным, что помогает обеспечить прозрачность и объективность, подчеркивает серьезность ситуации. Формируется образ лидера, который способен координировать усилия всех сторон для общей цели. В кризисной ситуации Воробьев освещает события безлично: прим. «[я] Выехал на место», «[я] Доложил Президенту…»[32]. Он успокаивает и информирует – выполняет одну из своих главных функций лидера. В кризисной ситуации Воробьев встает на один уровень с гражданами. Докладывая аудитории о деятельности в рамках трагедии, он выступает как коммуникатор и, вместе с этим, являясь формальным лидером, становится лидером мнений. Уровень доверия к информации повышается в связи с прямым доступом.

Параметры и результаты дистантной оценки образа Воробьева А.Ю. представлены в таблице 3.

Таблица 3
Оценка личности Воробьева А.Ю. на фоне кризиса

Параметр	Значение
Образ:	образ «друга отца», «умного приветливого соседа», «интеллектуала, готового делиться информацией», «учителя» формирует доверительное отношение у молодежи
+ в кризисной ситуации	образ «отца», «ответственного администратора», «спасателя»
Я-концепция:	«Я» имеющий силу и возможность ей делиться ради достижения общих целей. «Я» открытый и справедливый «друг». «Я» решительный и ответственный «отец».
Сложность/простота:	когнитивно-легкий, доступный
Мотивационный блок:	достижения / аффилиация
Ценностный блок:	сотрудничество

[29] Сообщение в телеграм-канале «Воробьев LIVE» от 23.03.2024 в 01:24 [Электронный ресурс] URL: https://t.me/vorobiev_live/6164 (дата обращения 26.06.2024)

[30] Июнь 2023 года. Губернатор встретился со школьниками в Одинцовском филиале МГИМО. Издание Московский Комсомолец. [Электронный ресурс] URL: https://www.mk.ru/mosobl/2023/06/29/vy-takie-krutye-andrey-vorobev-poobshhalsya-s-talantlivymi-shkolnikami.html (дата обращения 21.06.24)

[31] РИАМО. [Эл. ресурс] URL: https://riamo.ru/news/obschestvo/andrej-vorobev-v-razvitii-molodezhnyh-dvizhenij-my-delaem-stavku-na-soderzhanie/ (дата обращения 26.06.2024)

[32] Сообщения в телеграм-канале «Воробьев LIVE» от 23.03.2024 в 00:49, от 23.03.2024 в 00:49 [Электронный ресурс] URL: https://t.me/vorobiev_live/6164 (дата обращения 26.06.2024)

Поведенческий стиль:	администратор
Тип лидерства:	
по способу утверждения:	формальный
по стилю управления:	демократический
по Харманн М.:	лидер-пожарный

Анализ личности Воробьева в кризисной ситуации позволяет сделать вывод о том, что он обладает качествами, присущими хорошему лидеру.

Образ Воробьева формируется из множества положительных срезов, таких как «друг отца», «учитель». Эти черты формируют доверительное отношение, что особенно важно во время кризисов, когда необходима крепкая связь и уверенность в лидере. Привлекательность Воробьева заключается в том, что он говорит доступно и просто, а его поведение открыто и приветливо.

«Я»-концепция Воробьева А.Ю. отражает, что он воспринимает себя как человека, обладающего силой и готового делиться этой силой ради достижения общих целей. Это указывает на сильную личную ответственность и стремление заботиться о других, что важно для лидера, особенно в стрессовых и сложных ситуациях. Он выступает как фигура, способная не только принять решения, но и поддержать моральный дух окружающих, что способствует стабилизации ситуации в коллективе или группе.

Когнитивные особенности Воробьева А.Ю., демонстрируют умение просто и доступно объяснять сложные вещи, что делает его хорошим коммуникатором. Такое качество очень важно в ситуациях, когда необходимо быстро и ясно доносить сведения до всех участников и пострадавших. Легкость в общении помогает передавать информацию, успокаивать и направлять людей в трудные моменты.

Мотивационный блок Воробьева сосредоточен на достижениях и аффилиации. Он стремится к успеху и установлению крепких связей с окружающими, что свидетельствует о его способности объединять людей ради достижения общих целей и создания сплоченного коллектива. Его сила в том, что он нацелен на личные победы, но и на успешное сотрудничество, что является неотъемлемой частью лидерских качеств.

В кризисной ситуации Воробьев полностью и своевременно освещает ситуацию заранее отвечая на все возможные вопросы, включая информационную, медицинскую, финансовую и юридическую помощь, демонстрацию личных действий и консолидации всех структур.

В процессе коммуникации в зависимости от аудитории Воробьев А. Ю. занимает разные позиции на коммуникационной модели:

– В трансляции федеральной повестки лидер выполняет роль канала коммуникации и в некоторых случаях лидера мнений, его образ сдержан и убедителен, усиливает сообщение и не затмевает образ государственной власти (позиция – канал, лидер мнений) (функции – принятие ответственности, информирование).

– В трансляции повестки своего региона он выступает коммуникатором, выполняя функцию принятия решений, организации и коммуникации, и его образ должен иметь более выраженные личные черты (позиция – коммуникатор) (функции – интеграция, информирование, организация).

– В трансляции молодежной политики Воробьев А. Ю. являясь коммуникатором, также занимает место лидера мнений, его образ более яркий относительно других контекстов, транслируется большая эмоциональность и активность (позиция – лидер мнений, коммуникатор) (функции – мотивация, интеграция, организация).

На посту Губернатора Московской области Воробьев А. Ю. транслирует свой образ не как авторитарного и единственного лидера, а как часть команды. Его деятельность можно охарактеризовать четким выполнением всех функций и сплоченной командной работой, в которой снижено влияние личностного фактора и нет идеологического конфликта с федеральным лидером. Образ Воробьева А. Ю. не возвышается над командой, а усиливает её. Выход на прямой диалог от первого лица и позиционирование своей личности как части сильной команды, позволяет политику выполнять лидерские функции.

Высказывания Воробьева А. Ю, особенно с точки зрения структуры и содержания, можно охарактеризовать как когнитивно-легкие, доступные. Отсутствует дипломатическая терминология, губернатор использует простую грамотную речь. В тексте преобладают объективные факты, информация о текущих действиях и мерах, предпринимаемых в ответ на произошедшую трагедию. Он описывает основные шаги и меры, принимаемые властями для помощи пострадавшим.

Отсутствие эмоциональной окраски и ярких эмоциональных выражений делает текст сдержанным и деловым. Это помогает обеспечить информационную прозрачность и объективность, что важно в ситуации, связанной с кризисом или чрезвычайным событием. Такой стиль общения часто используется в официальных заявлениях и сообщениях, чтобы подчеркнуть серьезность ситуации и ориентировать на действия по ее решению.

Литература

1. Гиззатов Э.К. Когнитивные характеристики личности политического лидера в условиях кризисов: диссертация ... кандидата политических наук: 19.00.05 / Гиззатов Эльдар Кашифович; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Филос. фак.]. – Москва, 2007. – 159 с.

2. Имидж лидера: Психологическое пособие для политиков / Под ред. Егоровой-Гантман Е.В. – М.: «Знание России», 1994. – 264 с.

3. Пищева Т. Н., Виноградова Н. С., Недова А. Д. Образ России под углом зрения политических коммуникаций. – Полис. Политические исследования. 2010. № 4. С. 107-121.

4. Ракитянский, Н. М. Политическая психология. Психологическое портретирование: учебное пособие для вузов / Н. М. Ракитянский. — 2-е изд., испр.

и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 187 с.

5. Ушакова Т.Н., Павлова Н.Д., Латынов В.В., Алексеев К.И., Цепцов В.А. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса. – СПб: Алетейя, 2000. – 316 с.

6. Шестопал Е. Б. Политическая психология: учеб. для студентов вузов / Е. Б. Шестопал. – М., 2007. – 448 с.

7. Keltner D., Gruenfeld D.H., Anderson C. Power, Approach, and Inhibition. Psychological Review. Inc. 2003, Vol. 110, No. 2, p. 265–28

Intent analysis of the public discourse of the governor of the moscow region A.Yu. Vorobyov in a crisis situation against the background of the terrorist attack on march 22, 2024

Lysenko P.N.

Moscow State University of Technology and Management Named after K.G. Razumovsky (FCU)

The article is devoted to the role of a regional leader in communication between government and society in a crisis. The results of an intent analysis of the messages of the governor of the Moscow region Vorobyov A. in the official Telegram channel against the background of the terrorist attack on March 22, 2024 at Crocus City Hall are presented. The data obtained are compared with the results of the intent analysis of speech outside the crisis, the differences and similarities in the translation of the image of the regional leader and its communicative features are highlighted. During the study, a distant assessment of the personality of A. Vorobyov was carried out, which included such aspects as his political image, the complexity or simplicity of this image, as well as his "I-concept", motivational and value blocks, behavioral style and type of leadership. In addition, the features of Vorobyov's communicative strategy are highlighted, manifested in his frequent public appearances, as well as in the use of modern digital platforms to establish feedback with the public, which emphasizes the importance of adapting leadership methods in an ever-changing social context.

Keywords: image of a leader, intent analysis, regional leader, theory of communication

References

1. Gizzatov E.K. Cognitive characteristics of the personality of a political leader in times of crisis: dissertation ... candidate of political sciences: 19.00.05 / Gizzatov Eldar Kashifovich; [Place of protection: Moscow state University named after M.V. Lomonosov. Philosophical faculty]. - Moscow, 2007. - 159 p.
2. Image of a leader: Psychological manual for politicians / Ed. Egorova-Gantman E.V. - Moscow: "Knowledge of Russia", 1994. - 264 p.
3. Pishcheva T.N., Vinogradova N.S., Nedova A.D. Image of Russia from the point of view of political communications. - Polis. Political studies. 2010. No. 4. P. 107-121. 4. Rakityansky, N. M. Political Psychology. Psychological Portraiture: A Textbook for Universities / N. M. Rakityansky. - 2nd ed., corrected. and additional. - Moscow: Yurait Publishing House, 2024. - 187 p.
5. Ushakova T. N., Pavlova N. D., Latynov V. V., Alekseev K. I., Tseptsov V. A. Word in Action. Intent Analysis of Political Discourse. - St. Petersburg: Aleteya, 2000. - 316 p.
6. Shestopal E. B. Political Psychology: A Textbook for University Students / E. B. Shestopal. - Moscow, 2007. - 448 p.
7. Keltner D., Gruenfeld D. H., Anderson C. Power, Approach, and Inhibition. Psychological Review. Inc. 2003, Vol. 110, No. 2, p. 265–28

Влияние социокультурных факторов на правовое сознание в постсоветском пространстве

Гончаров Максим Алексеевич
аспирант, Московский Государственный Лингвистический Университет, maxgekkon@gmail.com

Данная статья посвящена анализу влияния социокультурных факторов на формирование правового сознания в странах постсоветского пространства. Проблема правового сознания является одной из наиболее сложных и многогранных в современной социологии права и юридической психологии, так как она тесно связана с культурными, историческими и социальными аспектами жизни общества.
Социокультурные факторы, такие как историческое наследие, традиции, этническая идентичность и социальные установки, играют ключевую роль в формировании отношения населения к праву и правоприменению.
Ключевые слова: правовое сознание, постсоветское пространство, социальная философия, современное сознание.

Введение

В последние десятилетия страны постсоветского пространства переживают значительные изменения в своих правовых системах, однако на фоне этих изменений сохраняются многие социокультурные особенности, которые могут оказывать влияние на восприятие закона. В частности, важно учитывать, как исторические события, такие как колониальное прошлое, войны и революции, сформировали правосознание граждан, влияя на их восприятие легитимности законодательных актов и действий правоохранительных органов. Например, восприятие закона как инструмента социальной справедливости или, напротив, как средства угнетения, в значительной мере зависит от ранее пережитых исторических катаклизмов. Эти обстоятельства способствуют формированию уникального правового поля, где традиции и обычаи зачастую переплетаются с современными правовыми нормами, создавая сложные правовые конструкции, которые нуждаются в соответствующем исследовании.

Не менее важным аспектом является то, как социальные установки и ценности формируются под влиянием экономических, политических и культурных изменений. В условиях рыночной экономики и усиления индивидуалистических настроений в различных обществах правосознание претерпевает трансформации. Ожидания граждан от правовой системы, степени доверия к юридическим институтам и готовности следовать закону также становятся в значительной степени зависимыми от этого контекста. Таким образом, изучение влияния социокультурных факторов позволяет более глубоко понять особенности правового сознания в странах постсоветского пространства и выработать рекомендации по его формированию на основе учета этих факторов.

Данная работа основывается на интердисциплинарном подходе, включая элементы социологии, юриспруденции и философии, что позволяет исследовать правовое сознание в широкой социокультурной рамке. В результате проведенного анализа будут выявлены ключевые аспекты социокультурной среды, оказывающие влияние на правовую систему и восприятие закона населением, что, в свою очередь, способствует расширению научного понимания правового сознания и его динамики в современном обществе [17]. Исследование также направлено на осознание важности интеграции социокультурных факторов в юридическую практику и образовательные программы, что может позитивно сказаться на правосознании и придаст актуальность вопросам

правового образования и правовой культуры в странах постсоветского пространства [1].

Методология

В данном исследовании применяются сравнительный и историко-социологический методы, которые представляют собой основополагающие инструменты для анализа социокультурного влияния на правовое сознание в постсоветских странах. Эти методы позволяют глубже понять динамику правосознания, опираясь на контекст исторического развития, культурных традиций и социальных изменений, происходящих в обществе.

Сравнительный метод предполагает изучение правового сознания в разных постсоветских странах, что позволяет выявить как общие тенденции, так и специфические черты, уловленные в культурных и правовых системах. Учитывая разнообразие социокультурных контекстов в странах СНГ, данный метод предоставляет возможность сопоставить различные правовые культуры, их взаимосвязь с историческим наследием и актуальные социальные реалии. Например, в некоторых странах, таких как Эстония и Литва, наблюдаются более выраженные проявления правовой культуры, тогда как в других, например, в Таджикистане, можно заметить особенности, связанные с авторитарными режимами и традициями. Сопоставление данных позволяет выявить позитивные и негативные аспекты правового сознания, что может стать основой для дальнейших исследований и рекомендаций по улучшению правосознания в разных государствах.

Историко-социологический метод, в свою очередь, предназначен для глубокого анализа влияния исторических событий на формирование правового сознания. Этот метод позволяет проследить изменения в правосознании через призму исторического контекста, начиная с времени распада Советского Союза и до настоящего времени. Рассматривая ключевые события – от юридических реформ, направленных на демократизацию, до экономических кризисов и социальных протестов, – исследование может выявить, каким образом различные исторические процессы влияли на восприятие закона и правового порядка в обществе. Это также включает изучение влияния важнейших исторических личностей, социальных движений и идеологий, которые оставили заметный след в правосознании. Таким образом, историко-социологический подход обогащает результаты исследования, поскольку устанавливает причинно-следственные связи между историческими событиями и изменениями в правосознании населения.

Сочетание этих двух методов дает возможность получить комплексное представление о процессе формирования правового сознания под воздействием социокультурных факторов. В результате исследования могут быть выделены ключевые характеристики правосознания, которые в дальнейшем могут быть использованы для разработки рекомендаций по оптимизации юридической практики и правового образования в странах постсоветского пространства [4]. Применение этих методов также представляет интерес для будущих исследований в области социологии права и культурных исследований, что позволяет объединить различные дисциплины и расширить горизонты понимания взаимосвязи между правом и культурой [2].

Источники данных

В данной работе для анализа социокультурного влияния на правовое сознание в постсоветском пространстве используются разнообразные источники данных, которые обеспечивают комплексный подход к исследованию. Основное внимание уделяется трем категориям источников: научным публикациям, статистическим данным и интервью с экспертами. Каждая из этих категорий наделена уникальными свойствами, и их сочетание позволяет получить более полное понимание сложного взаимодействия социокультуры и права.

Научные публикации являются важным источником теоретических и эмпирических данных, касающихся правосознания и социокультурных аспектов. В исследовании рассматриваются работы как отечественных, так и зарубежных авторов, где внимание уделяется различным парадигмам понимания права и правосознания. Эти публикации помогают выявить, каким образом научное сообщество интерпретирует понятие правового сознания в контексте социокультуры, а также какие модели и теории активно обсуждаются в рамках разных академических дисциплин. Анализ публикаций позволяет исследователю выявить текущие тренды в изучении правового сознания и определить, какие именно аспекты социальной культуры наиболее активно исследуются в научной среде.

Статистические данные, собранные из различных источников, таких как национальные статистические агентства и международные организации, помогают обнаружить количественные показатели и тенденции, связанные с правосознанием и его изменениями в зависимости от социокультурных факторов. Эти данные могут включать информацию о доверии граждан к правовой системе, частоте правонарушений, а также результаты социологических опросов, которые показывают отношение населения к различным юридическим нормам и институтам. Анализ статистических данных служит важной основой для проверки гипотез, выдвигаемых в рамках исследования, и обеспечивает количественный аспект в изучении правового сознания, что важно для выявления закономерностей и отклонений в различных социокультурных контекстах.

Интервью с экспертами, представляющими различные сферы (юриспруденцию, социологию, антропологию и культурологию) позволяют получить качественные оценки и комментарии, необходимые для глубинного понимания темы. Эксперты помогают выявить не только существующие проблемы, но и позитивные примеры, а также стратегии, которые могут быть применены для улучшения правосознания в определенных социокультурных контекстах. Такие интервью становятся важной частью исследований: они не только добавляют глубину и

нюансы в понимание предмета, но и служат источником конкретных случаев, иллюстрирующих теоретические выводы и статистические данные. Комбинирование указанных источников данных создает многоуровневый подход к анализу, что позволяет более точно очертить границы влияния социокультурных факторов на правовое сознание и предложить рекомендации для дальнейших исследований и практической работы в этой области [19]. Данный методологический подход не только способствует более объективному восприятию проблемы, но и помогает развивать новые направления в изучении социокультуры и права [18].

Влияние истории и традиций

Вклад исторического наследия и культурных традиций в восприятие правовых норм и институтов является ключевым элементом исследования правового сознания в постсоветских странах. Актуальность данной темы обуславливается тем, что правовая система каждого государства не существует в вакууме и неизменно связана с историко-культурным контекстом, в рамках которого она развивается. На протяжении десятилетий правовые нормы подвергались влиянию различных исторических этапов, что оказало значительное воздействие на формирование правосознания граждан.

Исторические события, такие как распад Советского Союза, войны, революции, а также более ранние периоды колониального и феодального управления, формируют представления людей о праве, справедливости и легитимности правовых институтов. Например, в таких странах, как Украина и Грузия, на фоне стремления к независимости и европейской интеграции, наблюдается переосмысление правовых норм, основанное на историческом опыте обращения к демократии и правам человека. Однако наследие авторитарных режимов и исторические обиды могут сильно влиять на недоверие к правовой системе и ее институтам, что также наблюдается в Республике Беларусь и некоторых других странах, где правовые нормы часто воспринимаются как инструменты контроля и подавления.

Культурные традиции, в свою очередь, в значительной степени определяют отношение населения к праву. Например, в киргизском обществе, где традиции кочевого образа жизни имели глубокие корни, правосознание часто базируется на кодексах, таких как "Улукм" и других нормативах, которые имеют историческую ценность. Эти традиции создают особую форму правопорядка, отличающуюся от более формализованных правовых систем, и отражают предпочтение к устной передаче знаний и практик. В отличие от этого, в странах с сильной иерархической структурой, таких как Россия, традиции часто предполагают более четкое разделение ролей в правовых отношениях, что сказывается на формировании правосознания и восприятии норм.

Таким образом, историческое наследие и культурные традиции оказывают важное влияние на восприятие правовых норм в постсоветских странах. В этом контексте можно выделить два основных аспекта: во-первых, историческая память формирует представления о легитимности власти и законности, во-вторых, культурные нормы и традиции определяют способы взаимодействия индивидов с правовой системой. Это взаимодействие более всего выражается в том, как люди воспринимают и интерпретируют законы, а также как они воспринимают правовые институты в контексте своего исторического опыта.

Такой подход к анализу позволяет предусмотреть, что для эффективного функционирования правовых систем в постсоветских странах необходимо учитывать историческое и культурное наследие. Наиболее целесообразным является использование трансформативного подхода, который сочетает элементы традиционного права с современными международными стандартами и основополагающими правами человека. Таким образом, возможности для реформирования правовой системы связаны не только с юридическими инновациями, но и с глубоким уважением к культурным и историческим контекстам, что составляет немалую сложность, но и предоставляет большие перспективы для формирования правового сознания, основанного на уважении и доверии к правовым институтам [11].

Заключение

В ходе проведенного исследования было установлено, что социокультурные факторы играют ключевую роль в формировании правового сознания и существенно влияют на эффективность правовой системы в постсоветском пространстве. Отмеченное влияние особенно ярко проявляется в контексте исторических традиций, социальных установок и культурных ценностей, которые определяют как восприятие правовых норм, так и взаимодействие граждан с системой права.

Первым важным выводом является то, что историческое наследие, включая последствия авторитарного управления, коррумпированных практик и социальных конфликтов, значительно формирует отношение населения к правосудию. В странах, где правовая система отображает преемственность с режимами, не обеспечивающими надежные гарантии прав и свобод, наблюдается низкое доверие к законам и правовым институтам. Это недоверие порождает негативные социальные установки, которые затрудняют создание эффективных механизмов правосудия и могут приводить к правонарушениям и коррупции в сфере правоохранительных органов [12].

Вторым аспектом является влияние культурных традиций на правосознание. Исследование показало, что в постсоветских обществах часто преобладает коллективистский подход, где доминирующими являются неформальные нормы и обычаи, что может конфликтовать с формализованным правом. Граждане могут предпочитать разрешение споров в рамках своих социальных групп, а не прибегать к официальным средствам правовой защиты. Это приводит к неэффективности судебной системы и возникновению дополнительной нагрузки на правоохранительные органы, что может снизить уровень правопорядка в обществе [3].

Третьим значимым выводом является наличие разнообразия в восприятии правовых норм в зависимости от социокультурного контекста. В разных странах постсоветского пространства могут существовать различные подходы к правопорядку, что особенно важно учитывать при разработке правовых реформ и инициатив. Одна и та же правовая норма может толковаться совершенно иначе в зависимости от местного культурного фона, что требует интеграции местных особенностей в процесс реформирования и применения права.

Таким образом, результаты исследования подчеркивают необходимость учета социокультурных факторов при разработке и внедрении правовых норм. Эффективность правовой системы в постсоветских странах коренным образом зависит от способности юридических институтов адаптироваться к реалиям социальной жизни, а также от развития правосознания, основанного на доверии и понимании со стороны населения.

В заключение, для обеспечения эффективного функционирования правовой системы необходимо комплексное взаимодействие между обществом и правом. Правовые реформы должны не только следовать международным стандартам, но и учитывать местные традиции и социальные установки, что в свою очередь позволит создать более устойчивую и эффективную правовую систему в постсоветском пространстве.

Литература

1. Г.Т. Киртава. Влияние социокультурных факторов на развитие профессиональной направленности будущего педагога. DOI 10.18411/trnio-09-2023-12 // Тенденции развития науки и образования. 01.01.2023 URL: https://doicode.ru/doifile/lj/101/trnio-09-2023-12.pdf (дата обращения: 16.03.2025).

2. Е.В. Ушаков. Проблема социокультурной обусловленности научного познания: уровни воздействия социокультурных факторов и понятия, характеризующие влияние общего культурного контекста на науку. DOI 10.18411/lj-07-2021-192 // Тенденции развития науки и образования. 01.07.2021 URL: https://doicode.ru/doifile/lj/75/lj-07-2021-192.pdf (дата обращения: 16.03.2025).

3. Ксения Бондаренко. Трансформация социокультурных факторов, влияющих на внешнюю трудовую миграцию в Узбекистане. DOI 10.14530/se.2020.3.076-108 // Spatial Economics. 01.01.2020 URL: http://spatial-economics.com/eng/arkhiv-nomerov/2020-3/970- (дата обращения: 16.03.2025).

4. П. Л. Глухих, Денис Вадимович Шкурин, Людмила В. Воронина. Оценка социокультурных детерминант развития предпринимательской культуры молодежи. DOI 10.14515/monitoring.2019.6.08 // Monitoring obŝestvennogo mneniâ: èkonomičeskie i social'nye peremeny. 22.02.2019 URL: https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/565 (дата обращения: 16.03.2025).

5. Н.А. Голубь. Регуляция культурной деятельности в Приднестровье. DOI 10.17805/zpu.2021.4.17 // Знание. Понимание Умение. 28.12.2021 URL: https://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/1471 (дата обращения: 16.03.2025).

6. Н.Н. Седова. Динамика смысложизненных установок россиян и консолидационного потенциала общества. DOI 10.14515/monitoring.2023.5.2498 // Monitoring obŝestvennogo mneniâ: èkonomičeskie i social'nye peremeny. 10.11.2023 URL: https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/2498 (дата обращения: 16.03.2025).

7. Т.Н. Пупышева, Е. Есенгараев, А. Таубаев, Y. Пунтус, Т.Н. Пупышева, Е.Ж. Есенгараев, А.А. Таубаев, Е.А. Пунтус. Государственный менеджмент: влияние культуры. DOI 10.52260/2304-7216.2022.3(48).36 // Вестник Казахского университета экономики финансов и международной торговли. 26.11.2022 URL: http://vestnik.kuef.kz/web/uploads/file-vestnik/d29f27f5134a903657fdb3568bc7b900.pdf (дата обращения: 16.03.2025).

8. Карпович О.Г.. Карпович О.Г. Международные организации и их роль в предупреждении, урегулировании и разрешении этнополитических конфликтов. DOI 10.7256/2073-8560.2014.3.11786 // Национальная безопасность / nota bene. 01.03.2014 URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-29723 (дата обращения: 16.03.2025).

9. Д. М. Баймаканова, Джамиля Оспанова. Конституционное и правовое сознание как важный компонент конституционализма и его роль в решении проблем прав человека. DOI 10.32014/2018.2224-5294.22 // SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES. 15.10.2018 URL: http://soc-human.kz/images/o20185/022_126-136.pdf (дата обращения: 16.03.2025).

10.Валерий Лазарев. Судебная активизм в формировании правовой рамки. DOI 10.12737/jrl.2021.107 // Journal of Russian Law. 11.07.2022 URL: https://jrpnorma.ru/articles/article-3314.pdf?1666168709 (дата обращения: 16.03.2025).

11.Вадим Радаев. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. DOI 10.17323/1726-3247-2002-5-115-117 // Journal of Economic Sociology. 01.01.2002 URL: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf#page=115 (дата обращения: 16.03.2025).

12.Е.С. Жидяева, П.С. Самыгин, С.И. Самыгин. Интернет как фактор формирования правового сознания современной российской молодежи. DOI 10.17213/2075-2067-2023-5-204-211 // Bulletin of the South-Russian state technical University (NPI) Series Socio-economic Sciences. 25.11.2023 URL: https://vestnik.npi-tu.ru/index.php/vestnikSRSTU/article/view/2456 (дата обращения: 16.03.2025).

13.В.П. Майкова, Э.М. Молчанов. Духовность как фактор стабильности социальных систем. DOI 10.18384/2310-7227-2017-1-46-53 // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriâ Filosofskie nauki/Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriâ: Filosofskie nauki. 01.01.2017 URL:

http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/10282 (дата обращения: 16.03.2025).

14.Татьяна Ряховская. Непрерывность в конституционном праве в контексте конституционной идентичности. DOI 10.12737/jrl.2021.017 // Journal of Russian Law. 09.07.2021 URL: https://jrpnorma.ru/articles/article-3157.pdf?1663322681 (дата обращения: 16.03.2025).

15.М.В. Голомидова. Топонимическая политика в наименовании городских объектов: теоретические и прикладные вопросы. DOI 10.15826/vopr_onom.2018.15.3.028 // Вопросы ономастики. 01.01.2018 URL: http://onomastics.ru/en/content/2018-volume-15-issue-3-1 (дата обращения: 16.03.2025).

16.Н.И. Лапин. Проблема ценностей в исследованиях В.А. Ядова и его коллег DOI 10.17323/1726-3247-2009-3-82-93 // Journal of Economic Sociology. 01.01.2009 URL: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204980/ecsoc_t10_n3.pdf#page=82 (дата обращения: 16.03.2025).

17.И.Н. Трофимова Гражданский активизм в России: новые реалии. DOI 10.7256/1812-8696.2014.9.13166 // Политика и Общество. 01.09.2014 URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-30940 (дата обращения: 16.03.2025).

18.Дмитрий Тимошкин. Доверие против дезориентации: Экономика русскоговорящих 'мигрантских' групп в социальных сетях (на примере ВКонтакте). DOI 10.17323/1726-3247-2019-5-53-73 // Journal of Economic Sociology. 01.01.2019 URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2019/11/30/1519237930/ecsoc_t20_n5.pdf#page=53 (дата обращения: 16.03.2025).

19.В.А. Молодых. Готовы ли российские студенты быть добросовестными налогоплательщиками? Проблемы налоговой морали. DOI 10.17323/1726-3247-2019-5-150-173 // Journal of Economic Sociology. 01.01.2019 URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2019/11/30/1519237930/ecsoc_t20_n5.pdf#page=150 (дата обращения: 16.03.2025).

The influence of sociocultural factors on legal consciousness in the post-soviet space

Goncharov M.A.

Moscow State Linguistic University

This article is devoted to the analysis of the influence of socio-cultural factors on the formation of legal consciousness in the post-Soviet countries. The problem of legal consciousness is one of the most complex and multifaceted in modern sociology of law and legal psychology, as it is closely related to the cultural, historical and social aspects of society.

Socio-cultural factors, such as historical heritage, traditions, ethnic identity and social attitudes, play a key role in shaping the population's attitude to law and law enforcement.

Keywords*:* legal consciousness, post-Soviet space, social philosophy, modern consciousness.

References

1. G. T. Kirtava. The influence of socio-cultural factors on the development of professional orientation of future teachers. DOI 10.18411/trnio-09-2023-12 // Trends in the development of science and education. 01.01.2023 URL: https://doicode.ru/doifile/lj/101/trnio-09-2023-12.pdf (accessed: 16.03.2025). 2. E. V. Ushakov. The problem of socio-cultural determination of scientific knowledge: levels of influence of socio-cultural factors and concepts characterizing the influence of the general cultural context on science. DOI 10.18411/lj-07-2021-192 // Trends in the development of science and education. 01.07.2021 URL: https://doicode.ru/doifile/lj/75/lj-07-2021-192.pdf (date of access: 16.03.2025).
3. Ksenia Bondarenko. Transformation of socio-cultural factors influencing external labor migration in Uzbekistan. DOI 10.14530/se.2020.3.076-108 // Spatial Economics. 01.01.2020 URL: http://spatial-economics.com/eng/arkhiv-nomerov/2020-3/970- (date of access: 16.03.2025).
4. P. L. Glukhikh, Denis Vadimovich Shkurin, Lyudmila V. Voronina. Assessment of socio-cultural determinants of the development of youth entrepreneurial culture. DOI 10.14515/monitoring.2019.6.08 // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 22.02.2019 URL: https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/565 (accessed: 16.03.2025). 5. N.A. Golub. Regulation of cultural activities in Transnistria. DOI 10.17805/zpu.2021.4.17 // Knowledge. Understanding. Skill. 28.12.2021 URL: https://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/1471 (date of access: 16.03.2025).
6. N.N. Sedova. Dynamics of the meaning-of-life attitudes of Russians and the consolidation potential of society. DOI 10.14515/monitoring.2023.5.2498 // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 10.11.2023 URL: https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/2498 (date of access: 16.03.2025).
7. T.N. Pupysheva, E. Yesengaraev, A. Taubaev, Y. Puntus, T.N. Pupysheva, E.Zh. Yesengaraev, A.A. Taubaev, E.A. Puntus. Public management: the influence of culture. DOI 10.52260/2304-7216.2022.3(48).36 // Bulletin of the Kazakh University of Economics, Finance and International Trade. 11/26/2022 URL: http://vestnik.kuef.kz/web/uploads/file-vestnik/d29f27f5134a903657fdb3568bc7b900.pdf (access date: 03/16/2025).
8. Karpovich O.G.. Karpovich O.G. International organizations and their role in the prevention, regulation and resolution of ethnopolitical conflicts. DOI 10.7256/2073-8560.2014.3.11786 // National Security / nota bene. 01.03.2014 URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-29723 (date of access: 16.03.2025).
9. D. M. Baimakanova, Dzhamilya Ospanova. Constitutional and legal consciousness as an important component of constitutionalism and its role in solving human rights problems. DOI 10.32014/2018.2224-5294.22 // SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES. 15.10.2018 URL: http://soc-human.kz/images/o20185/022_126-136.pdf (date of access: 16.03.2025).
10. Valery Lazarev. Judicial Activism in the Formation of the Legal Framework. DOI 10.12737/jrl.2021.107 // Journal of Russian Law. 11.07.2022 URL: https://jrpnorma.ru/articles/article-3314.pdf?1666168709 (date of access: 16.03.2025).
11. Vadim Radaev. The Great Transformation: Political and Economic Origins of Our Time. DOI 10.17323/1726-3247-2002-5-115-117 // Journal of Economic Sociology. 01.01.2002 URL: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf#page=115 (date of access: 16.03.2025).

12. E.S. Zhidyaeva, P.S. Samygin, S.I. Samygin. The Internet as a factor in the formation of legal consciousness of modern Russian youth. DOI 10.17213/2075-2067-2023-5-204-211 // Bulletin of the South-Russian state technical University (NPI) Series Socio-economic Sciences. 25.11.2023 URL: https://vestnik.npi-tu.ru/index.php/vestnikSRSTU/article/view/2456 (date of access: 16.03.2025).
13. V.P. Maikova, E.M. Molchanov. Spirituality as a factor in the stability of social systems. DOI 10.18384/2310-7227-2017-1-46-53 // Vestnik of Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences/Vestnik of Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences. 01.01.2017 URL: http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/10282 (date of access: 16.03.2025).
14. Tatyana Ryakhovskaya. Continuity in constitutional law in the context of constitutional identity. DOI 10.12737/jrl.2021.017 // Journal of Russian Law. 09.07.2021 URL: https://jrpnorma.ru/articles/article-3157.pdf?1663322681 (date of access: 16.03.2025).
15. M.V. Golomidova. Toponymic policy in naming urban objects: theoretical and applied issues. DOI 10.15826/vopr_onom.2018.15.3.028 // Issues of Onomastics. 01.01.2018 URL: http://onomastics.ru/en/content/2018-volume-15-issue-3-1 (date of access: 16.03.2025).
16. N.I. Lapin. The Problem of Values in the Research of V.A. Yadov and His Colleagues DOI 10.17323/1726-3247-2009-3-82-93 // Journal of Economic Sociology. 01/01/2009 URL: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204980/ecsoc_t10_n3.pdf#page=82 (access date: 03/16/2025).
17. I.N. Trofimova Gra Zhdansky activism in Russia: new realities. DOI 10.7256/1812-8696.2014.9.13166 // Politics and Society. 01.09.2014 URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-30940 (date of access: 16.03.2025).
18. Dmitry Timoshkin. Trust versus disorientation: The economy of Russian-speaking 'migrant' groups in social networks (on the example of VKontakte). DOI 10.17323/1726-3247-2019-5-53-73 // Journal of Economic Sociology. 01.01.2019 URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2019/11/30/1519237930/ecsoc_t20_n5.pdf#page=53 (date of access: 16.03.2025).
19. V.A. Molodykh. Are Russian students ready to be conscientious taxpayers? Problems of tax morality. DOI 10.17323/1726-3247-2019-5-150-173 // Journal of Economic Sociology. 01.01.2019 URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2019/11/30/1519237930/ecsoc_t20_n5.pdf#page=150 (date of access: 16.03.2025).

Гражданская идентичность и электоральное поведение молодежи: политические процессы и влияние на политическую активность в России

Кветной Владимир Владимирович
аспирант, кафедра политического анализа и социально-психологических процессов РЭУ им. Г. В. Плеханова

В статье рассматриваются проблемы формирования гражданской идентичности личности и какое влияние она оказывает на электоральное поведение молодежи России в обстоятельствах цифровой трансформации политических процессов. Исследуются основные теоретические подходы к изучению гражданской идентичности, особенности электорального поведения молодежи в России, а также влияние информационных технологий, социальных сетей, новых медиа и политических манипуляций на политическую активность.
Особое внимание уделяется феномену когнитивных искажений, информационных битов, созданных при помощи технологии дипфейк и политической рекламы, используемых для воздействия на избирательные предпочтения молодежи. В исследовании применяются методы политической социологии, когнитивной психологии и цифровых коммуникаций, а также рассматриваются механизмы повышения уровня политической вовлеченности молодежи. В заключении представлены рекомендации по совершенствованию избирательных технологий и повышению цифровой грамотности молодых избирателей.
Ключевые слова: гражданская идентичность, электоральное поведение, политическая социализация, молодежь, информационные технологии, когнитивные искажения, дипфейки, информационные биты, нарративы, политическая реклама, цифровая политика, электоральная активность, манипуляции в новых медиа, цифровая агитация, социальные сети и политика, молодежные политические движения, политическая апатия.

Введение

Актуальность темы исследования

Гражданская идентичность и электоральное поведение молодежи считаются значимыми компонентами политической культуры в любой стране, и в особенно - России. За последние десятилетия политическая обстановка в России претерпела существенные изменения, что не могло не повлиять на гражданскую активности молодежи и её взгляд на политические процессы. Исследование воздействия информационных технологий, новых медиа и политических манипуляций на электоральные предпочтения молодежи — это важная задача. Молодые люди обычно являются одной из самых активных групп в социальной и политической жизни[33].

Механизмы формирования гражданской идентичности среди молодежи и её участие в политической жизни приобретают значение не только как средства укрепления демократии, но и как важный фактор социальной и политической консолидации общества.

Таким образом, изучение того, как граждане определяют свою идентичность и как это влияет на их выборы в России, а также факторов, которые формируют их политическую активность, требует особого внимания в условиях современных политических процессов и новых вызовов информационной среды.

Изучение этих вопросов важно как для анализа внутренних процессов политической жизни в России, так и для создания подходов к стимулированию активности среди молодежи.

Цель и задачи работы

Цель данного исследования заключается в изучении гражданской идентичности молодежи и ее воздействия на электоральное поведение[34], а также выявлении факторов, формирующих политическую активность молодежи в России в условиях современных политических процессов. Для достижения указанной цели в работе решаются следующие задачи:

[33]Анисимова Т. В., Бакулева К. К., Безгодова С. А. и др. Социально-психологическая модель стратегий политической социализации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2021. № 202. С. 106-116. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskaya-model-strategiy-politicheskoy-sotsializatsii

[34] Барсукова Т.И., Ростовцева М.В., Паслер О.В. Электоральные предпочтения молодежи регионов РФ через призму ее политической лояльности и протестного потенциала // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 2 (94). С. 16-23. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektoralnye-predpochteniya-molodezhi-regionov-rf-cherez-prizmu-ee-politicheskoy-loyalnosti-i-protestnogo-potentsiala

- Исследовать теоретические аспекты гражданской идентичности и её структуру в контексте политической активности.
- Изучить особенности электорального поведения молодежи в России и выявить важные аспекты, оказывающие влияние на их политические предпочтения.
- Изучить влияние современных политических технологий на электоральное поведение молодежи: таргетированную политическую рекламу, дипфейки, информационные биты.
- Изучить, как социальные сети и новые медиа влияют на активность молодежи в политике.

Методы исследования

В рамках исследования применяется комплексный методологический подход, включающий теоретический анализ существующих концепций гражданской идентичности и электорального поведения. Дополнительно проводится эмпирическое исследование на основе имеющихся социологических данных и анализ политических технологий[35]. Методология работы включает различные подходы:

- **Теоретический подход** заключается в изучении существующих теорий гражданской идентичности и электорального поведения, а также их применения в контексте российской молодежи.
- Изучение восприятия политических процессов молодежью через призму когнитивных искажений и влияния СМИ — это **когнитивный подход**.
- Исследование **подходов в социологии** - анализ уже проведенных исследований, опросов и статистических данных о политическом поведении молодежи.
- Исследование влияния политических технологий и новых медиа на электоральное поведения среди молодежи — это **политологический подход**.

Гражданская идентичность и её роль в политической активности молодежи

Понятие гражданской идентичности

Гражданская идентичность играет важную роль в формировании политических убеждений личности. Это означает осознание индивидуумом своей принадлежности к обществу и включает в себя знания, убеждения и эмоциональные переживания, связанные с государством и политической системой[36]. Гражданская идентичность не только подразумевает осознание гражданства; она также включает активное участие в политической жизни как участника процесса принятия решений и стимулирует гражданскую активность.

Гражданская идентичность отличается от этнической или национальной тем, что она формируется на основе общего правового поля и гражданских обязательств. В современном обществе она включает не только признание политических институтов и законов, но и участие в формировании политической реальности через избирательный процесс, общественные движения и другие виды политической активности[37]. На личностном уровне гражданская идентичность молодежи выражается в понимании своих прав и обязанностей как гражданина и способности участвовать в процессе принятия политических решений.

Составляющие гражданской идентичности

Гражданская идентичность включает в себя несколько аспектов, которые тесно связаны между собой и взаимодействуют друг с другом[38]. При изучении гражданской идентичности следует выделить несколько ключевых компонентов.

Компонент знаний — это сведения о базовых принципах политической системы, правах и обязанностях граждан, а также историко-культурных аспектах национальной идентичности. Важным элементом этого компонента является уровень политической грамотности молодых людей, который влияет на их активность в политической жизни;

Ценностный аспект касается признания ключевых политических и социальных ценностей, таких как свобода, равноправие, справедливость и права человека. Он представляет собой систему убеждений, которые помогают молодежи формировать свою гражданскую позицию.

Эмоциональный компонент - подразумевает глубокую привязанность к своей родине и обществу. Чувство гордости за достижения страны и желание активно участвовать в политической жизни также важны. Этот аспект включает в себя чувство ответственности за будущее своей страны и стремление к её постоянному улучшению.

Поведенческий компонент - определяет действия по выполнению гражданских обязанностей и прав. Включает участие в выборах, гражданских инициативах, волонтерских проектах и других формах политической активности[39].

Факторы, влияющие на формирование гражданской идентичности молодежи

[35] Бугайчук Т.В. Становление гражданской идентичности российской молодежи как политический феномен // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. № 4. С. 144-154. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-grazhdanskoy-identichnosti-rossiyskoy-molodezhi-kak-politicheskiy-fenomen

[36] Буров А.С. Перспективные технологии формирования политически лояльной молодежи в современной России // PolitBook. 2021. № 4. С. 31-46. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivnye-tehnologii-formirovaniya-politicheski-loyalnoy-molodezhi-v-sovremennoy-rossii

[37] Гаглоева А.Б. Факторы формирования гражданской и этнической идентичностей // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66-3. С. 348-350. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-formirovaniya-grazhdanskoy-i-etnicheskoy-identichnostey

[38] Сафин Н.В. Гражданская идентичность личности: компонентная структура понятия в интерпретации ученых // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 77-4. С. 326-328. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-identichnost-lichnosti-komponentnaya-struktura-ponyatiya-v-interpretatsii-uchenyh

[39] Гайченя Т.А. Теоретико-методологические подходы к исследованию гражданской идентичности // Личность: ресурсы и потенциал. 2024. № 3. С. 86-97. URL: https://journal.foirgspm.ru/issues/2024/3/323202407.pdf

Формирование гражданской идентичности молодых людей представляет собой сложный и разносторонний процесс, зависящий от множества факторов. Воздействие этих факторов не ограничивается только воспитанием или политической социализацией; оно также охватывает другие социальные, культурные и политические аспекты жизни молодежи.

Семейное воспитание играет важную роль в формировании гражданских ценностей и гражданской идентичности на ранних этапах развития личности. Обычно родители оказывают значительное влияние на политические предпочтения и убеждения своих детей формируя их отношения к власти и обществу;

Образовательные учреждения - школы и университеты - играют ключевую роль в формировании гражданской идентичности путем обучения различным дисциплинам: истории, праву, общественным наукам и другим дисциплинам. Они служат важными центрами для развития политической осведомленности и гражданских ценностей, необходимых для активного участия в общественной жизни.

В последние годы роль **социальных сетей, новых медиа и СМИ** в формировании гражданской идентичности молодежи значительно увеличилась. Виртуальное пространство стало ключевым средством распространения политической информации и привлечения молодежи к общественным и политическим процессам. Через информационные каналы **новых медиа** молодежь имеет доступ к разнообразным точкам зрения, что способствует развитию индивидуальных политических убеждений[40].

Политические события и социальные движения оказывают влияние на формирование гражданской идентичности молодежи. Участие в протестных движениях и гражданских акциях побуждает молодых людей осознавать свою значимость в обществе во время выборов или аналогичных событий.

Государственная стратегия и организации молодежи — это программы государственной поддержки молодежи и деятельность различных общественных организаций молодежи. Они играют важную роль в формировании гражданской идентичности. Молодежь активно участвует в проектах по патриотическому воспитанию, развитию грабительства и активному участию в жизни страны.

Влияние гражданской идентичности на уровень политической активности

Гражданская идентичность тесно связано с участием в политической жизни и формирует отношение личности к политическим процессам[41]. Обычно молодежь с развитым чувством гражданской идентичности более активно участвует в выборах, митингах и других формах гражданского участия[42].

Осознание гражданской идентичности способствует повышению чувства гражданской ответственности и ощущению собственной важности в процессе принятия политических решений. Это напрямую влияет на активное участие в политической процессах через участие в выборах, голосовании и других формах политической деятельности. Молодежь ощущает потребность в активном участии в формировании политики путем своего соприкосновения с обществом и государством.

Электоральное поведение молодежи и факторы, влияющие на его формирование

Теория электорального поведения

Электоральное поведение играет важную роль в политической жизни общества и представляет собой способ участия граждан в политических процессах через активное участие в выборах и влияние на результаты голосования своими осознанными или неосознанными действиями. Формирование электорального поведения зависит от множества факторов таких как личных предпочтений, социокультурная среда, и от воздействия политических факторов как политика партий, кандидатов и политической рекламы.

Существует несколько различных теорий анализа электорального поведения. Одной из наиболее известных является **теория рационального выбора**, согласно которой избиратели принимают решение на основе своих собственных интересов и оценки того, какие преимущества они получат от поддержки конкретного кандидата или партии на выборах. Тем не менее этот подход не всегда применим к молодежной аудитории в силу того, что молодые люди могут проявлять неопределенность в своих политических предпочтениях и часто голосуют под воздействием эмоций или политической социализации.

Ещё одним подходом является **теория политической социализации**. Она подчеркивает важность влияния социальных институтов таких, как семья, школа, СМИ, новые медиа, сверстники, коллеги, на формирование политических предпочтений. По этой теории политические убеждения молодёжи формируются в процессе взаимодействия с окружающим миром и эта взаимосвязь влияет на их поведение на выборах. Теория социализации также учитывает культурные и социальные факторы - общественные молодежные движения, идеологические течения и культурные ценности.

Изучение процесса социализации имеет важное значение для понимания предпочтений молодежи в

[40]Городецкая Е.Г. Мотивация электорального поведения студенческой молодежи // Государственная молодежная политика: национальные проекты 2019– 2024 гг. в социальном развитии молодежи : материалы Всерос. науч.-практ. конф., г. Москва, 20–21 апреля 2020 г. Москва : Перспектива, 2020. С. 166-172. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Gosudarstvennaya_molodezhnaya_politika_2020_final.pdf#page=168

[41]Попова Е.А., Гринченко Е.А. Анализ эффективности применения информационных и политических технологий, направленных на повышение правовой культуры избирателей в Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 4. С. 45-52. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-effektivnosti-primeneniya-informatsionnyh-i-politicheskih-tehnologiy-napravlennyh-na-povyshenie-pravovoy-kultury-izbirateley

[42]Дринова Е.М., Востроухова А.П. Политическая реклама и электоральные предпочтения молодежи в россии // История. Общество. Политика. 2023. № 3. С. 16-25. URL: http://clio-brgu.ru/wp-content/Archiv/HSP2022-N3.pdf#page=18

политике. Оно раскрывает влияние политических культур и идеологий на формирование политических убеждений молодых людей через общественный дискурс. Например, молодежь России может выражать поддержку партии или разделять определенные идеологические течения, поощряющих стабильность и социальную справедливость.

Особенности выборного поведения молодежи в Российской Федерации

Электоральное поведение молодёжи в России отличается своими особенностями из-за исторического контекста и общественно-экономических условий. Несмотря на заметное политическое безразличие среди молодежи в последние десятилетия степень их участия в политической жизни постепенно возрастает[43]. Это проявляется особенно ярко накануне выборов.

Молодежь в России часто характеризуется высокой степенью неопределенности в политических взглядах. Интерес молодежи к политике не всегда постоянен и их участие в выборах может носить эпизодический характер. Экономическая нестабильность, уровень социального напряжения и ограниченные возможности для развития карьеры оказывают влияние на политическую активность среди молодежи. Одновременно увеличивается интерес к политике благодаря образовательным программам и общественным инициативам.

Факторы, влияющие на политические взгляды молодежи

Влияние новых медиа: социальных сетей, мессенджеров, видеохостингов на поведение молодежи на выборах становится все более значимым. Социальные сети, мессенджеры, видеохостинги такие как ВКонтакте, Telegram, YouTube, Facebook, Instagram, TikTok и Snapchat служат ключевыми каналами для обмена политической информацией среди молодежи. Участие молодых людей в обсуждениях политических тем влияет на их предпочтения на выборах и может как стимулировать их мобилизацию на активное участие в выборах, так и вызывать политическую апатию[44].

СМИ и политическая реклама - Традиционные СМИ вроде телевидения и радио оказывают влияние на молодежь вместе с политической рекламой на этих площадках. Однако за последние годы роль телевизионной политической рекламы уменьшилась, в то время как значимость контента распространяемых через каналы дистрибьюции новых медиа: социальные сети, мессенджеры, видеохостинги и т. д. значительно возросла. Использование таргетированной политической интернет-рекламы в избирательных кампаниях становится все более успешным инструментом для привлечения молодежной аудитории.

Роль семейных и образовательных учреждений в формировании политических предпочтений молодежи неоспорима. Исследования показывают важное влияние политической социализации на молодых людей через семейные ценности и образовательные программы. Например, если родители активно участвуют в выборах, их дети чаще всего следуют их примеру.

Воздействие сверстников и социальных групп – Молодежь активно общается в различных кругах и это может существенно повлиять на их политические предпочтения. Мнение друзей, коллег и однокурсников играет важную роль в принятии решения о голосовании. Также значимым является влияние идеологических течений и политических движений, которые ориентированы на молодежную аудиторию: к примеру молодежные фракции политических партий или независимые молодежные объединения.

Политическая апатия и абсентеизм среди молодежи

Несмотря на увеличение интереса к политике среди молодых людей, проблема их политической пассивности остается значимой. Политическая апатия молодежи - частое явление и объясняется недоверием к политической системе, ощущением бесполезности голосования и разочарованием в политических институтах[45]. Молодые люди могут не ощущать принадлежности к политической системе и поэтому не видят смысла в активном участии в выборах.

Для преодоления проблемы политического абсентизма необходимо работать над стратегиями по вовлечению молодежи в политические процессы путем повышения их политической грамотности, обеспечения доступа к информации о выборах и поощрения активного участия в политической жизни через разнообразные молодежные инициативы и общественные проекты.

Воздействие информационных технологий и политических событий на электоральное поведения молодежи.

Политическая пропаганда и применение дипфейков

Современные выборы немыслимы без политической рекламы – основного электорального инструмента в формировании предпочтений избирателей. Последние годы характеризуются увеличением использования цифровых технологий в политических кампаниях: создание политических видеороликов,

[43]Зиненко В.Е. Современные тенденции политической активности студенческой молодежи // Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы: материалы Ежегод. Всерос. науч. конф. с междунар. участием РАПН'2020, г. Москва, 27-28 ноября 2020 г. Москва : МПГУ, 2020. С. 214-215. URL: https://pureportal.spbu.ru/files/71223517/_2020.pdf

[44]Качанов А.В., Ивлева А.С. Электоральное поведение как социально-политический феномен // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 7. С. 29-33. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektoralnoe-povedenie-kak-sotsialno-politicheskiy-fenomen

[45]Костригина М.Ю., Артемова Д.И. Молодежь и выборы: проблема политического абсентеизма // Конституционное право в эпоху глобальных вызовов (к 30-летию Конституции Российской Федерации) : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф., г. Пенза, 15 декабря 2023 г. Пенза : Изд-во ПГУ, 2024. С. 36-41. URL: https://dep_gpd.pnzgu.ru/files/dep_gpd.pnzgu.ru/konstitucionnoe_pravo_v_epohu_globalnyh_vyzovov_k_30_letiyu_konstitucii_sb_2023_2024_.pdf

таргетированная политическая реклама, распространяемая через каналы дистрибьюции новых медиа: социальные сети, мессенджеры, видеохостинги и применение новых медиа-форматов, таких как дипфейки.

Дипфейк – это технологии создания фальшивого, высоко-реалистичного, правдоподобного видео и аудио контента при помощи искусственного интеллекта любого содержания и уже сегодня трудно отличимых от подлинников - становятся все более популярными электоральными инструментами в современных политических кампаниях[46]. Применение дипфейков в таргетированной политической рекламе может серьезно повлиять на избирательный предпочтения молодежи, так как эти технологии способны манипулировать общественным мнением и создавать недостоверные представления о политических лидерах или событиях, а также высмеивать важные политические события через мемы с применением тех же технологий дипфейк и интерпретировать значимые политические события, как ничего не стоящие.

В 2023 году в некоторых странах (например, в Аргентине и Турции) появились случаи использования политических дипфейков для атак на политических противников. Это привело к увеличению недоверия и путаницы среди избирателей[47]. Технологии, способные искажать восприятие реальности из-за своей сверх реалистичности. Применение дипфейков было задействовано в политических конфликтах между кандидатами, что привело к подрыву доверие у части избирателей к ряду политических институтов. Качество избирательных процессов пострадало. Однако использование дипфейков выявило проблему о необходимости разработки эффективных инструментов их идентификации, маркировки и предотвращения.

В связи с этим, дипфейки способны оказывает ощутимое воздействие на электоральное поведение молодежи. Молодое поколение, активно потребляющее контент новых медиа, легко воспринимает такие технологии, но не всегда осознают их манипулятивное содержание.

Следует отметить важную роль учебных заведений и государства в обучении молодежи медиаграмотности для борьбы с эффектом манипулятивных технологий.

Новые медиа и их влияние на политическое поведение людей.

Новые медиа сегодня играют значительную роль в формировании политических предпочтений среди молодежи. Социальные сети, мессенджеры, видеохостинги такие, как ВКонтакте, Telegram, YouTube, Facebook, Instagram, TikTok и Snapchat не только служат местом обмена информацией и развлечением, но также являются важными инструментами для политической агитации и социализации. В последние годы социальные сети и мессенджеры стали основным каналами для получения информации молодежью, включая новости, дискуссии и таргетированную политическую рекламу.

Социальные сети с их многомиллионной аудиторией и быстрой передачей информации открывают новые перспективы для политических партий и движений. Они также предоставляют возможности для индивидуальных кандидатов через таргетированную политическую рекламу, рассчитанную на молодежь.

Молодежь, активно вовлеченная в интернет-коммуникацию, зачастую принимает участие в политических обсуждениях и выражает свою политическую позицию через лайки репосты и комментарии. Это оказывает влияние на избирательные предпочтения молодых людей.

Использование социальных сетей и других видов новых медиа даёт возможность точнее подстраиваться под избирательные настроения молодежи и изменяет характер избирательных кампаний. Политические партии могут напрямую взаимодействовать с молодым электоратом через каналы новых медиа без необходимости использования традиционных СМИ.

Тем не менее такие возможности также увеличивают степень вероятности политической манипуляции из-за распространения фейковых новостей, созданных в том числе при помощи технологий дипфейк и манипулятивных политических сообщений, распространяемых без контроля в интернете.

Кроме того, исследования свидетельствуют о том, что использование социальных сетей и новых медиа для политической пропаганды может увеличить уровень политической активности среди молодежи в том случае, если сообщения или кампании будут восприняты как важные и соответствующие ценностям молодого поколения.

Когнитивные искажения и электоральные предпочтения

Влияние когнитивных искажений на электоральные поведение молодежи

представляет собой важный аспект принятия политических решений. Когнитивные искажения – это систематические отклонения от рационального анализа информации и принятия решений. В контексте электорального поведения одним из наиболее заметных когнитивных искажений является **эффект подтверждения**. Люди имеют тенденцию искать и интерпретировать информацию таким образом, чтобы она соответствовала их существующим взглядам и убеждениям[48].

[46]Кветной В.В. Технология манипуляции: дипфейки как инструмент создания когнитивных искажений в политических сообщениях // Закон и власть. 2025. № 1. С. 4-8. URL: https://zakonivlast.ru/upload/iblock/f21/juwb20flnl3bmqb1hkwnwz5brvgeqa5w/№1%202025%203иВ.pdf

[47]Łabuz M., Nehring C. On the way to deep fake democracy? Deep fakes in election campaigns in 2023 // European Political Science. 2024. Vol. 23. N. 4. P. 454-473. URL: https://link.springer.com/article/10.1057/s41304-024-00482-9

[48]Почему мы верим пропаганде: как когнитивные искажения формируют картину мира. 2023. URL: https://ai-news.ru/2023/04/pochemu_my_verim_propagande_kak_kognitivnye_iskazheniya_formiruut_kartin.html (дата обращения: 24-01-2025).

Когнитивные искажения могут серьезно влиять на восприятие политических событий и кандидатов, особенно если информация воспринимается как эмоционально насыщенная или подтверждающая личные убеждения. Молодежь часто становится жертвой фейковой информации и политической манипуляции в социальных сетях и на других видах новых медиа, где молниеносно распространяются как положительные, так и отрицательные стереотипы о политических кандидатах. Когнитивные искажения политического восприятия могут привести к ошибочному выбору и участию в электоральных процессах.

И еще одно когнитивное искажение - **иллюзия правды** заключается в том, что люди часто склонны доверять информации, с которой они сталкиваются многократно, независимо от ее достоверности по принципу ложь, повторенная тысячу раз - становится правдой. Это искажение также может повлиять на политическое восприятие среди молодежи. Если определенные политические сообщения или нарративы постоянно повторяются через информационные каналы новых медиа: социальные сети, мессенджеры, видеохостинги, даже если они не соответствуют действительности, молодежь может начать воспринимать их как правду.

Новые медиа и информационных технологии

С развитием новых информационных технологий возрастает роль применения информационных битов - небольших фрагментов информации с заданным нарративом, созданных при помощи технологий дипфейк. Они распространяются через контент социальных сетей и на других видах новых медиа. Контент, созданный с применением информационных битов, может быть правдивыми или ложными и часто способен быстро и эмоционально оказывать ощутимое влияние на итоговые предпочтения молодежи в выборе кандидатов.

Молодежь сегодня активно использует новые медиа и часто получает короткие и эмоционально насыщенные сообщения через них. Эти сообщения оказывают влияние на политическую идентичность и предпочтения молодых людей. В ряде случаев такие краткие информационные фрагменты могут быть использованы для воздействия на выборы путем манипуляции политическими убеждениями и взглядами.

Особое значение следует уделять использованию онлайн-платформ новых медиа для мобилизации молодежи в политические процессы со стороны политических партий и молодежных организаций. Такие технологии помогают привлечь молодое поколение как к участию в выборах, санкционированных митингах и акциях, так и во внесистемных протестах[49].

Политическая активность молодежи и участие в выборах

Уровень вовлеченности молодежи в политическую жизнь России

Политическое участие молодежи в России является ключевым показателем её активности в процессах формирования будущего страны. Молодежь активно участвует в политической жизни; однако их присутствие на выборах и политических мероприятиях остается ограниченным. Уровень избирательной активности среди молодежи в возрасте от 18 до 30 лет меняется в зависимости от социально-экономических условий образования и политической социализации. Согласно опросам за 2020–2021 годы примерно 60% молодых людей заявили о своей поддержке демократических ценностей; однако участие в выборах как правило остается невысоким[50].

Одной из причин низкой является недоверие молодых людей к политическим институтами и избирательному процессу в целом. Для многих из них остается неясным значимость своего голоса на выборах и его потенциальное влияние на реальные изменения в обществе. Это отчасти приводит к пассивности в политической жизни и умалчиванию о своем мнении по поводу действий политических партий.

В последнее время можно заметить растущий интерес молодежи к политике. Этот интерес усиливается за счет усиления политической социализации через различные каналы влияния — от общеобразовательных школ и университетов до активного участия в тематических сообществах социальных сетей. Однако проблема заключается в том, что не всегда молодежь осознает важность своего участия в политической жизни общества и это ограничивает её активность в избирательных процессах.

Молодежные протесты и электоральное поведение

Молодежные протесты и участие в митингах имеют ключевое значение для политической активности среди молодежи. В последние годы в России отмечается увеличение протестной активности среди молодежи. Это является важным показателем одновременно политической зрелости и незрелости. Особую роль в поднятии уровня протестов сыграли события 2017 года - протесты по поводу политических репрессий и борьбы с коррупцией. Они привлекли значительное количество молодых людей и отразили возрастающее недовольство молодежи, стремящейся к переменам в политической системе.

Однако стоит отметить важность того факта, что протесты как способ политической активности не всегда приносят конструктивные изменения в электоральном поведении. Молодежь, активно участвующая в протестах, не всегда проявляет такую же активность на выборах. Это говорит о том, что протесты и выборы представляют собой различные формы политической деятельности и их воздей-

[49]Моругина И.Н. Методология исследования политической мобилизации как фактора активизации политического участия // Теории и проблемы политических исследований. 2023. Т. 12. № 3А-4А. С. 59-65. URL: http://www.publishing-vak.ru/file/archive-politology-2023-3/a8-morugina.pdf

[50]Лаврикова А.А. Политическое участие молодежи в условиях неопределенности: тенденции и перспективы развития // Управление устойчивым развитием. 2021. № 2. С. 63-68. URL: https://www.kstu.ru/servlet/contentblob?id=364455

ствие на электоральное поведение часто оказывается несимметричным[51]. Политические партии и активисты должны работать над интеграцией протестной молодежи в избирательные процессы для использования этого потенциала на благо улучшения политической системы.

Перспективы политической активности молодежи

Перспективы увеличения участия молодежи в политике в России зависят от нескольких ключевых аспектов, среди которых особое значение имеют следующие:

Образование и информированность играют ключевую роль в увеличении участия молодежи в политической жизни. Один из наиболее эффективных способов это сделать - расширение образовательных возможностей для повышения уровня политической грамотности. Внедрение образовательных программ по развитию политической культуры и гражданской ответственности имеет значительное значение для формирования активной гражданской позиции.

Использование современных цифровых технологий играет важную роль в привлечении молодежи к участию в выборах. Новые инструменты, такие как мобильные приложения для голосования, онлайн-кампании и активности в социальных сетях и новых медиа способствуют активному участию молодежи в электоральном процессе. Образовательные учреждения и общественные организации имеют возможность успешно использовать интернет-платформы для стимулирования интереса молодежи.

Развитие институтов молодежного парламентаризма.

Молодежные парламенты и других организаций для молодежи могут сыграть значительную роль в формировании политической культуры у молодых людей. Участие в подобных структурах поможет не только выстраивать свои политические взгляды, но и принимать участие в принятии важных политических решений. Активное участие молодежи в реальных политических процессах - например, в разработке законов и проведении законодательных инициатив, может повысить интерес к политике среди молодежи и укрепить доверие к политическим учреждениям.

Протестные и общественные движения.

Активизация общественных движений с целью изменений в политической системе способствует активизации молодежи в политике[52]. Важно, чтобы эти движения, даже если они носят протестный характер, обеспечивали также возможности для конструктивного политического участия, включая участие в выборах, в том числе через волонтерство и участие в партийных структурах[53].

Политическое участие молодежи в выборах

Проблема участия молодежи в политической жизни во время выборов в России имеет множество аспектов. Это касается не только уровня участия на различных этапах избирательного процесса - от муниципальных до федеральных выборов. В России граждане с 18 лет имеют право голосовать на выборах. Однако реальное участие молодежи в голосовании остается невысоким[54]. Существует несколько причин такого слабого участия:

Отсутствие доверия к политическим партиям и кандидатам является распространенным явлением среди молодежи из-за того, что они часто не различают партии и кандидатов друг от друга. Это усложняет процесс выбора и не стимулирует их участие в выборах из-за восприятия политики как отрасли, которая не привязана к реальным интересам молодежи.

Проблемы в политической социализации среди молодежи часто связаны с недостаточным уровнем политического образования, что может сказаться на их активности в выборах. Информация о политических процессах часто воспринимается как сложная и неочевидная для понимания обычным людям, что может отпугнуть молодежь от участия в выборах.

Проблемы с доступом к информации могут существенно влиять на участие молодежи в выборах[55], поскольку отсутствие ясной и доступной информации о кандидатах и процессе голосования затрудняет их осознание важности участия в политической жизни страны и понимание своего влияния на будущее общества.

Заключение

В ходе нашего исследования мы изучили важные аспекты гражданской идентичности и электорального поведения молодежи на выборах в России, а также воздействие политических и информационных технологий на активность этой социальной группы. Гражданская идентичность, как ключевой элемент политической социализации молодежи, оказывает значительное влияние на её участие в избирательных процессах. Связь между гражданской идентичностью и политической активностью моло-

[51]Невский Е.В. Структура гражданской активности молодежи // Страховские Чтения. 2020. № 28. С. 238-242. URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/page/files/xxviii_strahovskie_chteniya_2020.pdf

[52]Разов П.В., Скворцов Н.Г. Молодежные общественные организации в региональном социуме как ресурс консолидации российского общества // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12. № 1. С. 26-38. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnye-obschestvennye-organizatsii-v-regionalnom-sotsiume-kak-resurs-konsolidatsii-rossiyskogo-obschestva

[53]Просвирнина О.И. Электоральное поведение современной российской молодежи: подходы к изучению // Инновации. Наука. Образование. 2022. № 50. С. 2885–2891. URL: https://drive.google.com/file/d/1Aq_O9cTNbm0DFejIvRfZ6pfoUCilzs6w/view

[54]Моисеев В.В.,Беликова Е.А., Ницевич В.Ф. и др. Актуальные тренды политической и электоральной активности молодежи в России // Человеческий капитал. 2022. № 8. С. 152-159. URL: https://humancapital.su/wp-content/uploads/2022/08/202208_p152-159.pdf

[55]Снегирева П.Е. Методологическая концептуализация электорального поведения молодежи // Приоритетные направления развития науки и образования. Пенза: Наука и просвещение, 2020. С. 78-88. URL: https://disk.yandex.ru/d/3dDzsqSGu234Kw

дежи проявляется через осознание личной ответственности за политическое будущее страны и готовность активно участвовать в общественно-политической жизни.

Молодежь – это одна из наиболее энергичных и чувствительных к общественным изменениям групп. Она играет значимую роль в избирательных процессах. Несмотря на некоторую политическую апатию и абсентеизм среди молодых избирателей, растущее влияние новых медиа: социальных сетей, мессенджеров, видеохостингов, таргетированной политической рекламы и информационных технологий открывает новые возможности для вовлечения молодежи в политические процессы.

Следует отметить важность того факта, что хотя контент новых медиа может стать как электоральный инструментом для манипуляции, так и способами увеличения политической активности среди молодежи. Одновременно необходимо уделять большее внимание проблемам медийной грамотности и навыкам критического осмысления предоставляемой информации.

Электоральное поведение молодых людей на выборах в России остается сложным и многофакторным процессом. Оно зависит от различных факторов: экономического положения, уровня образования, доступа к политической информации и влияния социальных групп. Проблемы связанные с политической социализацией населения, низким уровнем понимания политики и отсутствием доверия к политическим институтам продолжают оказывать влияние на активность молодежи в избирательном процессе. Несмотря на эти трудности имеется потенциал для увеличения политической активности среди молодежи. Это важно для развития демократии и гражданского общества.

Для активизации участия молодежи в политике необходимо сконцентрироваться на различных направлениях: улучшении образовательных программ по политической культуре и гражданскому участию; развитии медийной грамотности и укреплении взаимодействия с молодежными организациями. Важным шагом будет также внедрение новых методов политического участия через цифровые платформы для привлечения молодежи к избирательному процессу и поддержанию демократии.

Для того чтобы эффективно увеличить степень участие молодежи в политике в России нужно учитывать специфику становления гражданской идентичности и использовать новаторские подходы для повышения доверия молодежи к политическим институтам и мотивирования их активного участия в избирательных процессах.

Литература

1. Анисимова Т. В., Бакулева К. К., Безгодова С. А. и др. Социально-психологическая модель стратегий политической социализации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2021. № 202. С. 106-116. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskaya-model-strategiy-politicheskoy-sotsializatsii

2. Барсукова Т.И., Ростовцева М.В., Паслер О.В. Электоральные предпочтения молодежи регионов РФ через призму ее политической лояльности и протестного потенциала // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 2 (94). С. 16-23. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektoralnye-predpochteniya-molodezhi-regionov-rf-cherez-prizmu-ee-politicheskoy-loyalnosti-i-protestnogo-potentsiala

3. Бугайчук Т.В. Становление гражданской идентичности российской молодежи как политический феномен // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. № 4. С. 144-154. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-grazhdanskoy-identichnosti-rossiyskoy-molodezhi-kak-politicheskiy-fenomen

4. Буров А.С. Перспективные технологии формирования политически лояльной молодежи в современной России // PolitBook. 2021. № 4. С. 31-46. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivnye-tehnologii-formirovaniya-politicheski-loyalnoy-molodezhi-v-sovremennoy-rossii

5. Гаглоева А.Б. Факторы формирования гражданской и этнической идентичностей // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66-3. С. 348-350. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-formirovaniya-grazhdanskoy-i-etnicheskoy-identichnostey

6. Сафин Н.В. Гражданская идентичность личности: компонентная структура понятия в интерпретации ученых // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 77-4. С. 326-328. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-identichnost-lichnosti-komponentnaya-struktura-ponyatiya-v-interpretatsii-uchenyh

7. Гайченя Т.А. Теоретико-методологические подходы к исследованию гражданской идентичности // Личность: ресурсы и потенциал. 2024. № 3. С. 86-97. URL: https://journal.foirgspm.ru/issues/2024/3/323202407.pdf

8. Городецкая Е.Г. Мотивация электорального поведения студенческой молодежи // Государственная молодежная политика: национальные проекты 2019– 2024 гг. в социальном развитии молодежи : материалы Всерос. науч.-практ. конф., г. Москва, 20–21 апреля 2020 г. Москва : Перспектива, 2020. С. 166-172. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Gosudarstvennaya_molodezhnaya_politika_2020_final.pdf#page=168

9. Попова Е.А., Гринченко Е.А. Анализ эффективности применения информационных и политических технологий, направленных на повышение правовой культуры избирателей в Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 4. С. 45-52. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-effektivnosti-primeneniya-informatsionnyh-i-politicheskih-tehnologiy-napravlennyh-na-povyshenie-pravovoy-kultury-izbirateley

10.Дринова Е.М., Востроухова А.П. Политическая реклама и электоральные предпочтения молодежи в россии // История. Общество. Политика. 2023. № 3. С. 16-25. URL: http://clio-brgu.ru/wp-content/Archiv/HSP2022-N3.pdf#page=18

11.Жуликова К.С. Интернет-технологии как фактор политической мобилизации молодежи // Вопросы политологии. 2022. № 6. С. 1919-1929. URL: https://voprospolitolog.ru/images/6822022/Жуликова%20К.С.%20Вопросы%20политологии%20№%206-2022.pdf

12.Зиненко В.Е. Современные тенденции политической активности студенческой молодежи // Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы : материалы Ежегод. Всерос. науч. конф. с междунар. участием РАПН'2020, г. Москва, 27-28 ноября 2020 г. Москва : МПГУ, 2020. С. 214-215. URL: https://pureportal.spbu.ru/files/71223517/_2020.pdf

13.Качанов А.В., Ивлева А.С. Электоральное поведение как социально-политический феномен // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 7. С. 29-33. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektoralnoe-povedenie-kak-sotsialno-politicheskiy-fenomen

14.Костригина М.Ю., Артемова Д.И. Молодежь и выборы: проблема политического абсентеизма // Конституционное право в эпоху глобальных вызовов (к 30-летию Конституции Российской Федерации) : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф., г. Пенза, 15 декабря 2023 г. Пенза : Изд-во ПГУ, 2024. С. 36-41. URL: https://dep_gpd.pnzgu.ru/files/dep_gpd.pnzgu.ru/konstitucionnoe_pravo_v_epohu_globalnyh_vyzovov_k_30_letiyu_konstitucii_sb_2023_2024_.pdf

15.Кветной В.В. Технология манипуляции: дипфейки как инструмент создания когнитивных искажений в политических сообщениях // Закон и власть. 2025. № 1. С. 4-8. URL: https://zakonivlast.ru/upload/iblock/f21/juwb20flnl3bmqb1hkwnwz5brvgeqa5w/№1%202025%203иВ.pdf

16.Łabuz M., Nehring C. On the way to deep fake democracy? Deep fakes in election campaigns in 2023 // European Political Science. 2024. Vol. 23. N. 4. P. 454-473. URL: https://link.springer.com/article/10.1057/s41304-024-00482-9

17.Клейнерман А.Л. Технологии формирования электоральных предпочтений как вид политических технологий // Студенческий вестник. 2023. № 45-7. С. 53-54. URL: https://www.internauka.org/archive2/vestnik/45(284_7).pdf

18.Моругина И.Н. Методология исследования политической мобилизации как фактора активизации политического участия // Теории и проблемы политических исследований. 2023. Т. 12. № 3А-4А. С. 59-65. URL: http://www.publishing-vak.ru/file/archive-politology-2023-3/a8-morugina.pdf

19.Лаврикова А.А. Политическое участие молодежи в условиях неопределенности: тенденции и перспективы развития // Управление устойчивым развитием. 2021. № 2. С. 63-68. URL: https://www.kstu.ru/servlet/contentblob?id=364455

20.Колмыков Г.О. Электоральная активность молодежи в России: основные факторы и тенденции // Научный аспект. 2024. № 5. С. 5666-5672. URL: https://na-journal.ru/pdf/nauchnyi_aspekt_5-2024_t42_web.pdf#page=56

21.Невский Е.В. Структура гражданской активности молодежи // Страховские Чтения. 2020. № 28. С. 238-242. URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/page/files/xxviii_strahovskie_chteniya_2020.pdf

22.Почему мы верим пропаганде: как когнитивные искажения формируют картину мира. 2023. URL: https://ai-news.ru/2023/04/pochemu_my_verim_propagande_kak_kognitivnye_iskazheniya_formiruut_kartin.html (дата обращения: 24-01-2025).

23.Разов П.В., Скворцов Н.Г. Молодежные общественные организации в региональном социуме как ресурс консолидации российского общества // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12. № 1. С. 26-38. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnye-obschestvennye-organizatsii-v-regionalnom-sotsiume-kak-resurs-konsolidatsii-rossiyskogo-obschestva

24.Просвирнина О.И. Электоральное поведение современной российской молодежи: подходы к изучению // Инновации. Наука. Образование. 2022. № 50. С. 2885-2891. URL: https://drive.google.com/file/d/1Aq_O9cTNbm0DFejIvRfZ6pfoUCiIzs6w/view

25.Моисеев В.В.,Беликова Е.А., Ницевич В.Ф. и др. Актуальные тренды политической и электоральной активности молодежи в России // Человеческий капитал. 2022. № 8. С. 152-159. URL: https://humancapital.su/wp-content/uploads/2022/08/202208_p152-159.pdf

26.Снегирева П.Е. Методологическая концептуализация электорального поведения молодежи // Приоритетные направления развития науки и образования. Пенза : Наука и просвещение, 2020. С. 78-88. URL: https://disk.yandex.ru/d/3dDzsqSGu234Kw

Civic Identity and Electoral Behavior of Young People: Political Processes and Impact on Political Activity in Russia

Kvetnoy V.V.
Plekhanov Russian University of Economics

The article examines the problems of forming a person's civic identity and what impact it has on the electoral behavior of young people in Russia in the context of the digital transformation of political processes. The article examines the main theoretical approaches to studying civic identity, the features of young people's electoral behavior in Russia, as well as the impact of information technology, social networks, new media and political manipulation on political activity.

Particular attention is paid to the phenomenon of cognitive distortions, information bits created using deepfake technology and political advertising used to influence the electoral preferences of young people. The study uses methods of political sociology, cognitive psychology and digital communications, and also examines mechanisms for increasing the level of political involvement of young people. The conclusion provides recommendations for improving electoral technologies and increasing the digital literacy of young voters.

Keywords: civic identity, electoral behavior, political socialization, youth, information technology, cognitive distortions, deepfakes, information bits, narratives,

political advertising, digital politics, electoral activity, manipulation in new media, digital campaigning, social networks and politics, youth political movements, political apathy.

References

1. Anisimov T. V., Bakuleva K. K., Bezgodova S. A., et al. Socio-psychological model of political socialization strategies // Bulletin of the Herzen Russian State Pedagogical University. 2021. No. 202. Pp. 106-116. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskaya-model-strategiy-politicheskoy-sotsializatsii
2. Barsukova T. I., Rostovtseva M. V., Pasler O. V. Electoral preferences of young people in the regions of the Russian Federation through the prism of their political loyalty and protest potential // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2022. No. 2 (94). Pp. 16-23. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektoralnye-predpochteniya-molodezhi-regionov-rf-cherez-prizmu-ee-politicheskoy-loyalnosti-i-protestnogo-potentsiala
3. Bugaychuk T.V. Formation of the civic identity of Russian youth as a political phenomenon // Locus: people, society, cultures, meanings. 2021. No. 4. P. 144-154. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-grazhdanskoy-identichnosti-rossiyskoy-molodezhi-kak-politicheskiy-fenomen
4. Burov A.S. Promising technologies for the formation of politically loyal youth in modern Russia // PolitBook. 2021. No. 4. P. 31-46. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivnye-tehnologii-formirovaniya-politicheski-loyalnoy-molodezhi-v-sovremennoy-rossii
5. Gagloeva A.B. Factors in the Formation of Civil and Ethnic Identities // Problems of Modern Pedagogical Education. 2020. No. 66-3. P. 348-350. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-formirovaniya-grazhdanskoy-i-etnicheskoy-identichnostey
6. Safin N.V. Civil identity of the individual: the component structure of the concept in the interpretation of scientists // Problems of modern pedagogical education. 2022. No. 77-4. P. 326-328. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-identichnost-lichnosti-komponentnaya-struktura-ponyatiya-v-interpretatsii-uchenyh
7. Gaichenya T.A. Theoretical and methodological approaches to the study of civic identity // Personality: resources and potential. 2024. No. 3. Pp. 86-97. URL: https://journal.foir-gspm.ru/issues/2024/3/323202407.pdf
8. Gorodetskaya E.G. Motivation of electoral behavior of student youth // State youth policy: national projects 2019–2024 in the social development of youth: materials of the All-Russian scientific-practical. conf., Moscow, April 20-21, 2020. Moscow: Perspektiva, 2020. Pp. 166-172. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Gosudarstvennaya_molodezhnaya_politika_2020_final.pdf#page=168
9. Popova E.A., Grinchenko E.A. Analysis of the effectiveness of the use of information and political technologies aimed at improving the legal culture of voters in the Rostov region // State and municipal administration. Scientific notes. 2022. No. 4. Pp. 45-52. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-effektivnosti-primeneniya-informatsionnyh-i-politicheskih-tehnologiy-napravlennyh-na-povyshenie-pravovoy-kultury-izbirateley
10. Drinova E.M., Vostroukhova A.P. Political advertising and electoral preferences of young people in Russia // History. Society. Politics. 2023. No. 3. Pp. 16-25. URL: http://clio-brgu.ru/wp-content/Archiv/HSP2022-N3.pdf#page=18
11. Zhulikova K.S. Internet technologies as a factor in the political mobilization of youth // Questions of Political Science. 2022. No. 6. Pp. 1919-1929. URL: https://voprospolitolog.ru/images/6822022/Zhulikova%20K.S.%20Voprosy%20politologii%20№%206-2022.pdf
12. Zinenko V.E. Modern trends in political activity of student youth // Political representation and public power: transformation challenges and prospects: materials of the Annual All-Russian scientific conf. with international participation RAPN'2020, Moscow, November 27-28, 2020 Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2020. P. 214-215. URL: https://pureportal.spbu.ru/files/71223517/_2020.pdf
13. Kachanov A.V., Ivleva A.S. Electoral behavior as a socio-political phenomenon // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. No. 7. Pp. 29-33. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektoralnoe-povedenie-kak-sotsialno-politicheskiy-fenomen
14. Kostrigina M.Yu., Artemova D.I. Youth and elections: the problem of political absenteeism // Constitutional law in the era of global challenges (on the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation): collection of articles of the All-Russian scientific and practical conf., Penza, December 15, 2023. Penza: Publishing house of PSU, 2024. Pp. 36-41. URL: https://dep_gpd.pnzgu.ru/files/dep_gpd.pnzgu.ru/konstitucionnoe_pravo_v_epohu_globalnyh_vyzovov_k_30_letiyu_konstitucii_sb_2023_2024_.pdf
15. Kvetnoy V.V. Manipulation technology: deepfakes as a tool for creating cognitive distortions in political messages // Law and power. 2025. No. 1. P. 4-8. URL: https://zakonivlast.ru/upload/iblock/f21/juwb20flnl3bmqb1hkwnwz5brvgeqa5w/№1%202025%203иВ.pdf
16. Łabuz M., Nehring C. On the way to deep fake democracy? Deep fakes in election campaigns in 2023 // European Political Science. 2024. Vol. 23. N. 4. P. 454-473. URL: https://link.springer.com/article/10.1057/s41304-024-00482-9
17. Kleinerman A.L. Technologies for the formation of ele preferences as a type of political technologies // Student Bulletin. 2023. No. 45-7. P. 53-54. URL: https://www.internauka.org/archive2/vestnik/45(284_7).pdf
18. Morugina I.N. Methodology for studying political mobilization as a factor in activating political participation // Theories and Problems of Political Research. 2023. Vol. 12. No. 3A-4A. P. 59-65. URL: http://www.publishing-vak.ru/file/archive-politology-2023-3/a8-morugina.pdf
19. Lavrikova A.A. Political participation of young people in conditions of uncertainty: trends and development prospects // Sustainable Development Management. 2021. No. 2. P. 63-68. URL: https://www.kstu.ru/servlet/contentblob?id=364455
20. Kolmykov G.O. Electoral activity of young people in Russia: main factors and trends // Scientific aspect. 2024. No. 5. Pp. 5666-5672. URL: https://na-journal.ru/pdf/nauchnyi_aspekt_5-2024_t42_web.pdf#page=56
21. Nevsky E.V. Structure of youth civic activity // Strakhov Readings. 2020. No. 28. Pp. 238-242. URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/page/files/xxviii_strahovskie_chteniya_2020.pdf
22. Why do we believe propaganda: how cognitive distortions shape the picture of the world. 2023. URL: https://ai-news.ru/2023/04/pochemu_my_verim_propagande_kak_kognitivnye_iskazheniya_formiruut_kartin.html (date of access: 24-01-2025).
23. Razov P.V., Skvortsov N.G. Youth public organizations in regional society as a resource for consolidation of Russian society // Humanitarian of the South of Russia. 2023. Vol. 12. No. 1. P. 26-38. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnye-

obschestvennye-organizatsii-v-regionalnom-sotsiume-kak-resurs-konsolidatsii-rossiyskogo-obschestva
24. Prosvirnina O.I. Electoral behavior of modern Russian youth: approaches to study // Innovations. Science. Education. 2022. No. 50. P. 2885-2891. URL: https://drive.google.com/file/d/1Aq_O9cTNbm0DFejIvRfZ6pfoUCiIzs6w/view
25. Moiseev V.V., Belikova E.A., Nitsevich V.F. et al. Current trends in political and electoral activity of young people in Russia // Human capital. 2022. No. 8. P. 152-159. URL: https://humancapital.su/wp-content/uploads/2022/08/202208_p152-159.pdf
26. Snegireva P.E. Methodological conceptualization of the electoral behavior of young people // Priority areas for the development of science and education. Penza: Science and education, 2020. P. 78-88. URL: https://disk.yandex.ru/d/3dDzsqSGu234Kw

Продовольственная безопасность в Северной Африке в контексте продовольственного кризиса (2022–2024)

Пряникова Алина Алексеевна
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, alinapryanikova06@gmail.com

В настоящей статье рассматриваются особенности влияния глобального продовольственного кризиса на регион Северной Африки в период 2022–2024 гг. Автор рассматривает положение таких североафриканских государств, как Египет, Тунис, Алжир, Ливия и Марокко в области продовольственной безопасности к началу кризиса, а также определяет динамику и отдельные особенности его развития до настоящего времени. В статье уделяется внимание определению ключевых проблем, с которыми сталкиваются государства Северной Африки в контексте обеспечения продовольственной безопасности, а также предлагаются потенциальные решения этих проблем. Автором также предпринимается попытка сделать прогноз относительно дальнейших путей развития продовольственной ситуации в регионе на основе решений, уже принятых и реализованных отдельными североафриканскими государствами. В заключении дается вывод о степени влияния глобального продовольственного кризиса на Северную Африку и о краткосрочных перспективах, ожидающих регион в контексте рассматриваемой проблемы.

Ключевые слова: Северная Африка, продовольственный кризис, продовольственная безопасность, аграрные системы, проблема голода

Введение

Вспыхнувший в 2022 г. глобальный продовольственный кризис в очередной раз подчеркнул значимость проблемы обеспечения населения продовольствием для мирового сообщества. Более того, скорость распространения кризиса и количество государств, им затронутое, продемонстрировали комплексность его причин: экономические (последствия пандемии *COVID-19*, низкий уровень экономического развития в некоторых государствах, разрыв между бедными и богатыми, инфляции); климатические (засухи, наводнения, экстремально высокие температуры, сезонность урожайности); политические (российско-украинский конфликт и его последствия, гражданские войны и военные конфликты внутри ряда государств).

Северная Африка также столкнулась с продовольственным кризисом, однако в гораздо меньшей степени, нежели Восточная, Западная и Центральная Африка. При этом не стоит недооценивать риски влияния продовольственного кризиса на государства Северной Африки: согласно отчету *Global food security index*, североафриканские страны (Египет, Тунис, Алжир, Марокко, Ливия) входят во вторую группу государств региона Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) по продовольственной безопасности[56]. Они получили больше 50 баллов в оценке доступности продовольствия, но назвать такое положение стабильным нельзя.

Вопросы влияния продовольственного кризиса на регион рассматривали ряд авторов. Это коллектив исследователей из Сельскохозяйственного университета в Кракове: А.Козелец, Й.Пекуч, К.Даниек и Л.Лути [1]; Т.Бен Хассен (Университет Катара) и Х.Эль Билали (Международный центр передовых агрономических исследований Средиземноморья) [2]; И.Матвеев (к.и.н., доцент ГАУГН) [3]; А.Н.Сёмин (профессор УрГЭУ) и Е.В.Килимник (профессор Уральского института МВД) [4]; М.Абуленин и Й.Ху (социологи из Университета Ланкастера) [5].

Актуальность настоящей статьи обусловлена тем, что Северная Африка уже давно является одним из самых неблагополучных в плане продовольственной безопасности регионов мира. Также актуальность характеризует острота рассматриваемой проблемы (не только в региональном, но и в глобальном плане) и внешнеэкономические взаимосвязи Российской Федерации с государствами Северной Африки (в первую очередь, экспорт продо-

[56] См.: https://impact.economist.com/sustainability/project/food-security-index/reports/Economist_Impact_GFSI_2022_Global_Report_Sep_2022.pdf (accessed 16.08.2024)

вольствия). Более того, вопросы обеспечения продовольствием в разной степени актуальны для любого региона мира и являются ключевым пунктом ЦУР №2 «Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства».

Целями работы является оценка степени влияния глобального продовольственного кризиса на североафриканские государства и определение краткосрочных перспектив его развития в регионе.

Проблема обеспечения продовольственной безопасности в Северной Африке

Начало глобального продовольственного кризиса весной 2022 г. сильно ударило по странам Северной Африки в силу своих масштабов и экстремального характера. Роль сыграла и сильная зависимость от импорта продовольствия. В первые недели кризиса пресс-секретарь отделения Всемирной продовольственной программы ООН в Каире Абир Атифа так комментировала ситуацию: «Цены на продовольствие выросли до самого высокого уровня в феврале прошлого года… цены на пшеницу выросли на 21% в период с 21 февраля по 15 марта, и это только начало. Конечно, это будет угрожать продовольственной безопасности миллионов семей… наиболее уязвим к росту цен на продовольствие регион Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) из-за того, что он импортирует большое количество продуктов питания»[57].

Говоря о том, в каком состоянии с точки зрения продовольственной безопасности регион оказался на пороге кризиса, отметим, что в период 2020–22 гг. во всех североафриканских странах (Египет, Алжир, Тунис, Ливия, Марокко) наблюдался рост остроты проблемы отсутствия продовольственной безопасности (по данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО ООН), Всемирного банка и Международного института стратегических исследований)[58]. В частности, в Ливии доля населения, сталкивающегося с проблемой отсутствия продовольственной безопасности, постоянно росла в течение последних нескольких лет и достигла 39,8% в период 2020–22 гг. по сравнению с 30,9% в период 2015–17 гг[59]. В то же время в Алжире в период с 2019 по 2022 год доступность продовольствия снизилась на 12,2%[60]. В Марокко также наблюдается ухудшение ситуации с продовольственной безопасностью.

В первую очередь, влияние на это оказал экологический фактор. Например, регион близ реки Нил и дельты Нила подвержен влиянию уровня моря, засаливанию почв; влияние также оказывают плотины, которые строятся в соседних странах. Так, студент Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И.Лобачевского И.Н.Чих в статье о продовольственной безопасности в БВСА отмечает, что «по оценкам специалистов, при полном заполнении водохранилища в рамках проекта «Великой плотины Эфиопского возрождения» стоимостью $4 млрд и мощностью 6000 МВт, в течение 21 года Египет будет ежегодно терять 3 млрд м^3 нильских вод (или 5% всех водных ресурсов страны), что приведет к сокращению площади сельхозугодий на 2,5%» [6].

Кроме того, российско-украинский конфликт усугубил перебои в цепочке поставок, сохранившиеся после пандемии *COVID-19*, усилив степень уязвимости, особенно учитывая зависимость североафриканских государств от украинской пшеницы. В период 2020–23 гг. в Египте, Ливии, Марокко и Тунисе цены на пшеницу выросли почти на 50%[61]. Даже Алжир, нетто-экспортер пшеницы, не избежал последствий войны из-за значительной зависимости от импорта удобрений из России[62]. Очевидно, что мы наблюдали значительный рост цен: представитель Всемирной продовольственной программы ООН (ВПП ООН) Томсон Пири отмечал, что «бассейн Черного моря является одним из важнейших регионов для производства зерна и сельскохозяйственной продукции, на Украину и Россию приходится 30% мирового экспорта пшеницы, 20% мирового экспорта кукурузы и 76% поставок подсолнечника»[63]. Именно эти товары североафриканские страны чаще всего импортируют.

На это указывает статистика: в 2019 г. Алжир импортировал 71% всего потребляемого зерна, Египет — 48%, Марокко — 57%, Тунис — 66%. За период 2005–2019 гг. импорт пшеницы в Египте поднялся на 83%, в Алжире — на 20%, в Марокко — на 46%, в Тунисе — на 63%. В то же время сборы пшеницы росли значительно медленнее [7].

Если обратиться к такому показателю, как распространенность серьезных проблем с продовольственной безопасностью среди всего населения, статистика покажет следующее: на 2020–22 гг. 5,6% населения в Алжире, 8,8% в Египте, 21,2% в Ливии и 12,6% в Тунисе страдали от серьезной нехватки продовольственной безопасности[64]. Глядя на эти цифры можно счесть их вполне приемлемыми для североафриканских стран, объяснимыми особенностями климата и развитостью сельского хозяйства. Однако оценим еще один показатель.

---

[57] https://ria.ru/20220331/krizis-1781181899.html (accessed 02.08.2024)

[58] См.: https://www.iiss.org/publications/armed-conflict-survey/2023/weathering-converging-storms-in-north-africa/ (accessed 15.08.2024)

[59] См.: https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/37ccc4cb-b402-4be1-9e92-92fcff8ffbcb/content (accessed 03.08.2024)

[60] См.: https://impact.economist.com/sustainability/project/food-security-index/reports/Economist_Impact_GFSI_2022_Global_Report_Sep_2022.pdf (accessed 03.08.2024)

[61] https://www.vedomosti.ru/press_releases/2024/02/28/prodovolstvennii-krizis-bit-ili-ne-bit (accessed 02.08.2024)

[62] См.: https://www.iiss.org/publications/armed-conflict-survey/2023/weathering-converging-storms-in-north-africa/ (accessed 01.08.2024)

[63] https://ria.ru/20220331/krizis-1781181899.html (accessed 02.08.2024)

[64] См.: https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/1f66b67b-1e45-45d1-b003-86162fd35dab/content (accessed 18.08.2024)

Распространенность умеренного или серьезного отсутствия продовольствия среди всего населения в 2020–22 гг. выглядела следующим образом: в Алжире она составила 19,4% населения, в Египте – 28,5%, в Ливии – 39,8%, в Тунисе – 28,5%[1]. Данная статистика вызывает опасения: практически треть или четверть населения в каждой североафриканской стране сталкивается с умеренным или серьезным отсутствием продовольственной безопасности. Подобное состояние опасно тем, что «умеренный» формат легко может перейти в «серьезный» при резких и сильных изменениях или обострении влияния внешних факторов.

Важной для решения обеспечения региона продовольствием являлась Зерновая сделка или Черноморская инициатива, которую 22 июля 2022 г. подписали представители России, Турции, Украины и ООН, однако 18 июля 2023 г. Россия вышла из нее, поскольку международные обязательства по обеспечению беспрепятственной транспортировки необходимого количества продовольствия в нуждающиеся регионы не соблюдались. Несмотря на выход России из сделки, экспорт зерна не только не снизился, но даже увеличился. Так, председатель правления Союза экспортеров зерна Эдуард Зернин в августе 2023 г. сообщил, что «С начала агросезона (1 июля) к 16 августа Россия экспортировала 9,1 млн т зерна, из них 2,4 млн т — в период действия зерновой сделки (до 18 июля)»[2].

На Саммите Россия-Африка в Санкт-Петербурге состоялась пленарная сессия «Россия и Африка: партнерство ради продовольственного суверенитета», посвященная вопросам продовольственной безопасности на континенте[3].

На ней Помощник Президента РФ А.А.Фурсенко отметил, что континент в целом сталкивается с логистическими сложностями и двумя типами проблем: объективными и субъективными. К первым спикер отнес климат, высокие темпы роста населения, увеличивающуюся продолжительность жизни африканского населения вследствие развития медицины – отсюда нехватка продовольствия. Среди субъективных проблем Фурсенко выделил санкции, торговые войны, эмбарго, вооруженные конфликты внутри континента[4]. Президент, председатель совета директоров Африканского экспортно-импортного банка (Афрэксимбанк) Бенедикт Окей Орама подчеркнул, что для устойчивого развития сельского хозяйства в африканских государства необходимы тренинги специалистов, наработка практик и внедрение достижений науки.

К.А.Бабкин, президент Ассоциации «Росспецмаш», председатель совета директоров (президент) ПАО РСМ подчеркнул, что «Ростсельмаш» (входит в Ассоциацию «Росспецмаш») активно работает в Африке, адаптируясь под разные рынки и условия. По словам спикера, за последние 3 года компания поставила сельскохозяйственную технику в Алжир и Египет, планируются поставки в Марокко и Тунис[5].

Все эксперты сессии, при этом, сошлись во мнении, что для обеспечения продовольствием Африке необходима внешняя помощь, которую, в частности, готова оказывать Россия.

Таким образом, можно говорить о том, что государства Северной Африки находятся в состоянии средней нехватки продовольствия. Каждое из государств сталкивалось (и продолжает сталкиваться) с рядом внутренних и внешних факторов, оказывающих значительное влияние на обеспеченность продовольствием. Это внутриполитические конфликты и нестабильность, экономические потрясения и инфляция, неразвитость сельского хозяйства с одной стороны, и международная политическая среда, климатические потрясения, последствия пандемии *COVID-19*, зависимость от импорта продовольствия и удобрений, с другой.

Египет, Тунис и Алжир в период продовольственного кризиса 2022–2024 гг.

Египет

Египет сталкивается с серьезными проблемами в области продовольственной безопасности из-за большой численности населения (111 млн человек на 2022 год[6]) и ограниченных пахотных земель (около 4% от общей площади[7]). Страна в значительной степени зависит от импорта продовольствия, особенно пшеницы, для удовлетворения внутреннего спроса.

Еще одной острой проблемой является нехватка воды, усугубляемая воздействием строительства Великой Эфиопской Плотины Возрождения (или ГЭС Хыдасе) на потоки воды в Ниле. Впервые информация о ней появилась в СМИ в начале февраля 2011 г., открыта ГЭС была в 2020 г. Собкор научного журнала «Азия и Африка сегодня» в Аддис-Абебе А.Н.Брагин в своей статье отмечал, что у Египта проблема возведения Эфиопией ГЭС вызывала большую озабоченность, ведь засухи и рост населения требуют постоянного увеличения потребления воды [8]. Так или иначе, Эфиопия вынуждена была возвести ГЭС за счет собственных средств.

Наиболее актуальными проблемами, усугубляющими продовольственную среду в Египте, явились:

1) рост численности населения. Растущее опережающими темпами население Египта (1,6% в год[8]; население достигнет 120 млн человек к 2030

[1] Там же.
[2] https://rg.ru/2023/08/19/kak-idet-eksport-rossijskogo-prodovolstviia-volstviia-posle-okonchaniia-zernovoj-sdelki.html (accessed 04.08.2024)
[3] https://summitafrica.ru/programme/business-programme/ (accessed 10.09.2024)
[4] Там же.
[5] https://summitafrica.ru/programme/business-programme/ (accessed 12.09.2024)
[6] См.: https://datacatalog.worldbank.org/search/dataset/0037712 (accessed 06.08.2024)
[7] Там же.
[8] См.: https://datacatalog.worldbank.org/search/dataset/0037712 (accessed 02.08.2024)

г.[1]) продолжает оказывать давление на систему снабжения продовольствием;

2) нехватка воды. Ограниченные водные ресурсы, усугубляемые последствиями строительства упомянутой выше ГЭС Хыдасе, препятствуют продуктивности сельского хозяйства. В 2023 г. прошли переговоры о работе ГЭС «Возрождение» на Голубом Ниле между Эфиопией, Суданом и Египтом. Активного прогресса страны не добились: Египет придерживается идеи квот на воды Нила и опасается за доступ к водным ресурсам;

3) экономические трудности. Например, по данным Центрального агентства по мобилизации общественности и статистике (*CAPMAS*) годовая инфляция в Египте выросла с 37,4% в августе 2023 г. до 38% в сентябре того же г. В тот же период цены на продукты питания и напитки выросли на 3,6%, овощи – на 19,2%, фрукты – на 5,4%, сахар – на 2,9%[2].

Для смягчения ситуации правительством были приняты усилия по модернизации сельского хозяйства, включая инвестиции в технологии и инфраструктуру, направленные на повышение производительности и снижение зависимости от импорта. АПК Египта начал сотрудничество с «Ростсельмаш», которая приняла участие в деловой миссии российских производителей в Египте в рамках Международной выставки сельского хозяйства и пищевой промышленности *Sahara Expo – 2023*[3].

К весне 2023 г., несмотря на кризис, Египет расширил сельскохозяйственные угодья почти на 420 000 га. Также, одним из новых достижений в период кризиса стало то, что в 2023 г. Египет впервые в своей истории применил договорной подход к ведению сельского хозяйства. Так, местные сельхозпредприятия договариваются с другими сельхозорганизациями или физлицами о выполнении определённых работ, (например, обработки почвы). Это способствует повышению эффективности сельхозработ, сокращению затрат на содержание персонала и техники, что отвечает основной цели – снижению рисков от водно-энергетического кризиса[4].

Одним из ключевых шагов к выравниванию ситуации с продовольственной безопасности, помимо прочих преимуществ, явилось вступление Египта 1 января 2024 г. в БРИКС. Профессор политологии Каирского университета, член Египетского совета по международным делам Нурхан Эль-Шейх в рамках Валдайского дискуссионного клуба отметила, что «Членство Египта в БРИКС поможет увеличить экспорт Египта за счёт большей интеграции в проект «Пояс и путь» и экономические блоки во главе со странами БРИКС, то есть Евразийский экономический союз и МЕРКОСУР. Экспорт Египта в страны БРИКС в 2022 г. увеличился на 5,3%, достигнув $4,9 млрд. Ожидается, что он увеличится вдвое. Кроме того, речь идёт о доступе к стратегическим товарам, в частности к зерну, треть мирового производства которого обеспечивают страны БРИКС. Россия является крупнейшим экспортёром зерна, а Египет – крупнейшим импортёром»[5].

На ПМЭФ-2024 министр промышленности и торговли РФ Д.Мантуров заявил, что Россия и Египет «…достигли договоренностей по модернизации нашего соглашения, что предполагает более быстрое размещение наших логистических возможностей на территории Египта,… Мы рассчитываем… поставлять свою продукцию с добавленной стоимостью на рынки Северной Африки»[6].

На примере Египта мы видим, что продовольственный кризис может стать стимулом к консолидации не только внутригосударственных институтов, но и бизнеса с привлечением международных игроков, а также к партнерству с другими государствами. Наблюдается положительная динамика в сельскохозяйственном сектора, а также в объемах экспорта зерновых.

Тунис

Благодаря более диверсифицированному сельскохозяйственному сектору Тунис имеет относительно более высокий уровень продовольственной безопасности по сравнению с некоторыми соседними странами. Например, по данным ФАО ООН, распространенность недоедания среди населения в целом в 2020–2022 гг. в Тунисе составляла 3% населения (в то время как в Египте – 7,2%, в Ливии – 8,4%, в Марокко – 6,3%, в Алжире – менее 2,5%[7]. Однако страна по-прежнему зависит от импорта основных продуктов питания, таких как зерно. Экономические трудности влияют на доступность и дешевизну продовольствия.

Говоря о проблемах в области продовольственной безопасности, с которыми столкнулся Тунис, можно обратить внимание на следующие:

1) экономическая напряженность: высокий уровень безработицы (в первом квартале 2023 г. уровень безработицы в Тунисе достиг 16,2%, что является одним из самых высоких показателей в регионе БВСА) и инфляции (уровень инфляции в Тунисе вырос до 7,3% в июне 2024 г. по сравнению с 7,2% в мае[8]) влияет на доступность продовольствия для значительной части населения;

2) Политическая нестабильность. Продолжающиеся политические преобразования и социальные

[1] И. Ибрагимов. Египет сползает в кризис. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/egipet-spolzaet-v-krizis/ (accessed 06.08.2024)

[2] https://russian.news.cn/20231012/c1f3888a51184e269525e9a57466b1cc/c.html (accessed 06.08.2024)

[3] https://www.agroinvestor.ru/business-pages/41007-modernizatsiya-apk-egipta-s-rostselmash/ (accessed 15.08.2024)

[4] http://www.rossahar.ru/press-center/news/novosti/egipet-rasshiril-ploshchad-selkhozzemel-bolee-chem-na-400-tys-ga/ (accessed 06.08.2024)

[5] Нурхан Эль-Шейх. Египет и БРИКС: приоритеты взаимодействия. https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/egipet-i-briks-prioritety-vzaimodeystviya/ (accessed 06.08.2024)

[6] См.: https://forumspb.com/news/news/rossija-egipet/ (accessed 15.08.2024)

[7] См.: https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/1f66b67b-1e45-45d1-b003-86162fd35dab/content (accessed 01.09.2024)

[8] См.: https://tradingeconomics.com/tunisia/inflation-cpi (accessed 02.08.2024)

волнения нарушают цепочки поставок продовольствия и стабильность рынка. После революции, завершившейся в 2011 г., в Тунисе сменилось 12 правительств. Конечно, формируемые институты не имели достаточной легитимности и были не в состоянии проводить политику, в силу чего особенно сильно пострадала именно экологическая политика[1].

Решая проблему продовольственной безопасности, Тунис предпринял усилия по диверсификации сельскохозяйственного сектора и повышению самообеспеченности продовольствием. Кроме того, помогла природа: благоприятные условия зимней вегетации обеспечивают Тунису урожай выше среднего в 2024 г. Посевы пшеницы и ячменя хорошо развиваются, и по прогнозам Post, производство пшеницы и ячменя в 2024/25 гг. составит 1,25 млн т и 600 000 т, соответственно, а импорт – 1,8 млн т и 500 000 т[2].

В июле 2024 г. Дмитрий Краснов, руководитель центра «Агроэкспорт» при Минсельхозе на площадке Международной выставки продуктов питания в Африке «*IFSA 2024*» отметил, что поставки продукции АПК из РФ в Тунис увеличились в 8 раз за последние 5 лет. Объем экспорта, таким образом, может превысить $400 млн. Так, в 2023–2024 сельхозгоду из России в Тунис было поставлено 1,1 млн т зерновых, что в три раза больше, чем в период 2022–2023 гг.[3] Такая динамика говорит о том, что при налаживании эффективных цепочек поставок и поддерживании постоянных контактов между правительствами возможно избежать явного влияния продовольственного кризиса на тунисский рынок.

Алжир

Алжир представляет собой самое благоприятное с точки зрения продовольственной безопасности государство Северной Африки. Статистика ФАО ООН указывает на то, что в стране наименьший процент населения, сталкивающегося с проблемой недоедания (среди других североафриканских государств). На продовольственную безопасность Алжира влияет его зависимость от доходов от продажи нефти, за счет которых финансируется импорт продовольствия. При этом, страна остается уязвимой к колебаниям мирового рынка и экономической нестабильности. Нехватка воды и деградация земель еще больше подрывают производительность сельского хозяйства. Дефицит воды выглядит следующим образом: доступно менее 300 м^3 на человека в год (для населения в 43 млн человек в 2019 г.). Это 30% от теоретического порога дефицита, установленного Всемирным банком на уровне 1000 м^3/население/год[4].

Алжир столкнулся со следующими проблемами в области продовольственной безопасности:

1) экономическая зависимость от нефти. Колебания цен на нефть продолжают влиять на финансирование импорта продовольствия и развитие сельского хозяйства;

2) деградация водных и земельных ресурсов. Постоянные проблемы нехватки воды и деградации почв ограничивают развитие сельского хозяйства. И в целом, управление водными ресурсами является серьезной проблемой для Алжира, поскольку потребность в питьевой воде и постоянные засухи превращают этот процесс в гонку со временем. Чтобы справиться с этой проблемой, страна полагается на свои опреснительные установки и плотины.

Тем не менее, ряд улучшений в области продовольственной безопасности в Алжире произошел. Так, правительство увеличило инвестиции в сельское хозяйство, чтобы повысить местное производство, особенно зерновых и молочных продуктов. Это было реализовано в рамках *Invest Algeria Agriculture* (который, впрочем, функционирует уже с 2018 г.). Это государственная инициатива, направленная на продвижение и привлечение иностранных инвестиий в сельскохозяйственный сектор Алжира[5].

Таким образом, мы видим, что несмотря на различные вызовы и трудности, страны Северной Африки способны справляться с ними. Значительную роль во многих случаях играет кооперация с другими государствами или межправительственными организациями в области продовольственной безопасности и борьбы с голодом.

Заключение

В статье мы рассмотрели влияние продовольственного кризиса на североафриканский регион в период до продовольственного кризиса и в настоящее время. Можно сделать вывод о том, что продовольственный кризис затронул государства региона, усугубив то состояние продовольственной безопасности, которое существовало в них ранее. Однако нельзя сказать, что эти страны оказались в состоянии острой нехватки продовольствия.

Говоря о потенциальных сценариях развития ситуации в области продовольственной безопасности в регионе, можно предположить, какие перспективы ожидают североафриканские государства в отдельных сферах.

Изменение климата и экологические проблемы: Ожидается, что в связи с изменением климата нехватка воды в регионе усугубится, что скажется на производительности сельского хозяйства. Увеличение частоты засух и тепловых волн может привести к снижению урожайности и деформации цепочек поставок продовольствия.

Экономика: Инфляция может привести к росту цен на продовольствие, в результате чего населению с низким уровнем дохода будет становиться все

[1] M.O. Kardous. Political Instability and Environmental Politics in Postrevolutionary Tunisia. https://www.csis.org/analysis/political-instability-and-environmental-politics-postrevolutionary-tunisia (accessed 01.09.2024)

[2] См.: https://fas.usda.gov/data/tunisia-grain-and-feed-annual-8 (accessed 01.09.2024)

[3] https://www.agroinvestor.ru/markets/news/42569-eksport-prodovolstviya-iz-rossii-v-tunis-mozhet-prevysit-400-mln/ (accessed 02.09.2024)

[4] См.: https://www.fao.org/in-action/water-efficiency-nena/countries/algeria/en (accessed 03.08.2024)

[5] https://www.afsic.net/invest-algeria-agriculture/ (accessed 09.08.2024)

труднее позволить себе основные продукты питания.

Технологические и сельскохозяйственные инновации: Инвестиции в современные методы ирригации, засухоустойчивые культуры и другие сельскохозяйственные технологии могут смягчить последствия изменения климата и повысить урожайность.

Динамика мирового рынка: Колебания на мировых рынках, сбои в торговле или санкции могут повлиять на доступность продовольствия. При этом, иностранная помощь и инвестиции в сельское хозяйство и инфраструктуру могут способствовать укреплению продовольственной безопасности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в краткосрочной перспективе продовольственная безопасность в Северной Африке будет зависеть от эффективного управления водными ресурсами, политической и экономической стабильности, внедрения современных методов ведения сельского хозяйства и способности ориентироваться в динамике глобальных рынков. Уникальные условия каждой страны будут определять конкретные стратегии и результаты.

Литература

1. Kozielec, A.; Piecuch, J.; Daniek, K.; Luty, L. 2024. Challenges to Food Security in the Middle East and North Africa in the Context of the Russia–Ukraine Conflict. *Agriculture.* 2024, Issue 14(1), Pp. 155–177.
2. Ben Hassen, T., El Bilali, H. 2024. Conflict in Ukraine and the unsettling ripples: implications on food systems and development in North Africa. *Agriculture & Food Security.* Issue 13, Pp. 1–14.
3. Матвеев И.А. Роль России в обеспечении продовольственной безопасности арабских стран: вызовы, возможности и перспективы. *ИМЭМО РАН*. 2022. № 2, с. 62–81.
4. Matveev I.A. 2022. Russia's Role in Ensuring Food Security of Arab Countries: Challenges, Opportunities and Prospects. *IMEMO.* Issue 2, Pp. 62–81 (In Russ.)
5. Сёмин А.Н., Килимник Е.В. Поставки продовольствия в страны Северной Африки и Ближнего Востока и их влияние на продовольственную безопасность в мире. *Агропродовольственная политика России*. 2023. № 2, с. 51–56.
6. Syomin A.N., Kilimnik E.V. 2023. Food supplies to the countries of North Africa and the Middle East and their impact on food security in the world. *Agrofood Policy of Russia*. Issue 2, Pp. 51–56 (In Russ.)
7. Abouelenin M., Yang Hu. 2024. Food insecurity and affective well-being during COVID-19 in the Middle East and North Africa. *Journal of Affective Disorders*. Issue 350, Pp. 741–745.
8. Чих И.Н. Продовольственная безопасность стран Ближнего Востока и Северной Африки. *Восточный курьер*. 2024. № 1, с. 134–141.
9. Chikh I.N. 2024. Food security of the countries of the Middle East and North Africa. *Oriental Courier*. Issue 1, Pp. 134–141 (In Russ.)
10. Арабский Восток в лабиринте социально-экономических проблем. Отв. ред. А. О. Филоник. *Москва*, 2022. 226 с.
11. Arab East in the Labyrinth of Socio-Economic Problems: Collective Monograph. Ed. By A. O. Filonik. 2022. *Moscow*. 226 p. (In Russ.)
12. Брагин А.Н. Эфиопия: «Великая дамба возрождения». *Азия и Африка сегодня.* 2012. № 1. с. 56–58.
13. Bragin A.N. 2012. Ethiopia: “The Great Dam of Revival”. *Asia and Africa today.* 2012. Issue 1. Pp. 56–58. (In Russ.)

Food security in North Africa in the context of the food crisis (2022-2024)

Pryanikova A.A.

Saint Petersburg State University

This article focuses on the specifics of the impact of the global food crisis on the North African region in the period 2022–2024. The article examines the general dynamics of the food crisis in North African states on the basis of statistical data. The author turns their attention to the food security situation of such North African states as Egypt, Tunisia, Algeria, Libya and Morocco at the onset of the crisis, as well as identifies the dynamics and certain features of its development right up until today. The article focuses on identifying the key challenges faced by North African countries in the context of food security, proposing potential solutions to these challenges. The author also attempts to make a forecast of the further development of the food security situation in the region based on the solutions already adopted and implemented by the North African states. The author concludes with the extent of the impact of the global food crisis on North Africa and the short-term prospects for the region in the context of the problem at hand.

Keywords: North Africa, food crisis, food security, agrarian systems, hunger problem

References

1. Kozielec, A.; Piecuch, J.; Daniek, K.; Luty, L. 2024. Challenges to Food Security in the Middle East and North Africa in the Context of the Russia–Ukraine Conflict. Agriculture. 2024, Issue 14(1), pp. 155–177.
2. Ben Hassen, T., El Bilali, H. 2024. Conflict in Ukraine and the unsettling ripples: implications on food systems and development in North Africa. Agriculture & Food Security. Issue 13, pp. 1–14.
3. Matveev I.A. Russia's Role in Ensuring Food Security in Arab Countries: Challenges, Opportunities, and Prospects. IMEMO RAS. 2022. No. 2, pp. 62–81.
4. Matveev I.A. 2022. Russia's Role in Ensuring Food Security of Arab Countries: Challenges, Opportunities and Prospects. IMEMO. Issue 2, pp. 62–81 (In Russ.)
5. Semin A.N., Kilimnik E.V. Food supplies to the countries of North Africa and the Middle East and their impact on food security in the world. Agrofood Policy of Russia. 2023. No. 2, pp. 51–56.
6. Syomin A.N., Kilimnik E.V. 2023. Food supplies to the countries of North Africa and the Middle East and their impact on food security in the world. Agrofood Policy of Russia. Issue 2, pp. 51–56 (In Russ.)
7. Abouelenin M., Yang Hu. 2024. Food insecurity and affective well-being during COVID-19 in the Middle East and North Africa. Journal of Affective Disorders. Issue 350, Pp. 741–745.
8. Chikh I.N. Food security of the countries of the Middle East and North Africa. Oriental Courier. 2024. No. 1, pp. 134–141.
9. Chikh I.N. 2024. Food security of the countries of the Middle East and North Africa. Oriental Courier. Issue 1, Pp. 134–141 (In Russ.)

10. Arab East in the Labyrinth of Socio-Economic Problems. Ed. A. O. Filonik. Moscow, 2022. 226 p.
11. Arab East in the Labyrinth of Socio-Economic Problems: Collective Monograph. Ed. By A. O. Filonik. 2022. Moscow. 226 p. (In Russ.)
12. Bragin A. N. Ethiopia: “The Great Dam of Revival”. Asia and Africa today. 2012. No. 1. pp. 56–58.
13. Bragin A. N. 2012. Ethiopia: “The Great Dam of Revival”. Asia and Africa today. 2012. Issue 1. pp. 56–58. (In Russ.)

Цзян Тинфу и китайско-советская дипломатия

Ху Вэньсюй
аспирант Института Китая и современной Азии Российской академии наук, 1085430069@QQ.Com

Цзян Тинфу (蒋廷黻) - выдающаяся историческая фигура в современной истории Китая, чья жизнь была связана со многими областями науки, управления и дипломатии. 26 августа 1936 г. Чан Тин-фу был назначен послом в Советском Союзе. 1 января 1938 года Чан Тин-фу был вызван обратно в Китай. В этой статье мы рассмотрим китайско-советскую дипломатию Цзян Тинфэя в период его пребывания на посту посла Китайской Республики в СССР в свете архивных материалов Китая и России.
В статье критически рассматриваются ключевые этапы дипломатической карьеры Цзян Тинфу в контексте сложной геополитической обстановки того времени, включая Маньчжурский инцидент, советскую помощь Китаю в борьбе с японской агрессией и переговоры о заключении советско-китайского пакта о ненападении. Особое внимание уделяется анализу противоречий между прагматичным стремлением Гоминьдана к получению военной и экономической поддержки со стороны СССР и идеологической несовместимостью двух политических систем.
Статья раскрывает, как Цзян Тинфу, будучи сторонником модернизации Китая и прагматичного подхода к внешней политике, стремился к установлению стабильных и взаимовыгодных отношений с Советским Союзом, несмотря на глубокие различия в политических и экономических моделях развития. На основе анализа ранее неопубликованных архивных материалов, в том числе личной переписки Цзян Тинфу, а также его мемуаров и научных работ, автор реконструирует его видение перспектив китайско-советского сотрудничества и выявляет факторы, препятствовавшие его реализации.
Ключевые слова: Цзян Тинфу; Чан Кай-ши; китайско-советские отношения; китайско-японская война, история Китая, архивные материалы, Гоминьдан, СССР.

Введение

В XX веке китайско-советские отношения представляли собой один из важнейших факторов, определявших глобальный политический ландшафт. От непродолжительного союзничества в 1920-х годах до глубокого идеологического раскола в 1960-х, эти отношения характеризовались сложной динамикой сотрудничества и соперничества, оказывая значительное влияние на внутреннюю политику обеих стран, а также на расстановку сил в Азии и мире. Изучение роли отдельных политических деятелей в формировании и реализации внешней политики, особенно в периоды переломных моментов, позволяет углубить наше понимание этих сложных процессов. Одной из таких фигур, чья деятельность оказала заметное влияние на китайско-советские отношения в первой половине XX века, является Цзян Тинфу (蒋廷黻, 1895-1965), выдающийся историк, дипломат и общественный деятель.

Целью данного исследования является анализ роли Цзян Тинфу в китайско-советской дипломатии в период его пребывания на посту посла Китайской Республики в Советском Союзе (1936-1938). Особое внимание уделяется его усилиям по поддержанию и развитию отношений между двумя странами в условиях нарастающей японской агрессии в Китае и сложной внутриполитической обстановки в СССР. Исследование направлено на выявление ключевых факторов, определявших позицию Цзян Тинфу в вопросах китайско-советского сотрудничества, а также на оценку его влияния на принятие внешнеполитических решений Гоминьдановским правительством. Анализ дипломатической деятельности Цзян Тинфу позволит расширить наше понимание стратегий и тактик, применяемых Китаем в период становления советско-китайских отношений.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе деятельности Цзян Тинфу в контексте китайско-советской дипломатии на основе широкого круга источников, включая архивные материалы, дипломатическую переписку, мемуары и научные исследования. В работе предпринята попытка выйти за рамки традиционного рассмотрения китайско-советских отношений как исключительно идеологического противостояния и акцентировать внимание на роли личного фактора, дипломатического мастерства и прагматичных соображений в принятии политических решений. Новым является также акцент на рассмотрении деятельности Цзян Тинфу в контексте внутренней политики обеих стран, что позволяет глубже понять мотивы и ограничения, определявшие его дипломатическую стратегию. Результаты исследования и вносят вклад в

расширение и углубление научного знания об истории китайско-советских отношений и роли отдельных личностей в формировании внешней политики.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования использованы архивные документы из Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Национального архива Китайской Республики на Тайване (Academia Historica), личные архивы Цзян Тинфу, опубликованные дипломатические документы, мемуары политических деятелей и дипломатов, а также научные труды отечественных и зарубежных исследователей. В работе применены методы исторического анализа, источниковедческого анализа, сравнительно-исторического анализа и биографического метода. Использование комбинации этих методов позволило комплексно подойти к изучению поставленной проблемы и получить достоверные результаты, представляющие научный интерес.

Результаты и обсуждения

Цзян Тинфу (1895-1965), уроженец города Шаоян провинции Хунань, был известным историком и дипломатом. Он является пионером в изучении современной китайской дипломатической истории и типичным примером интеллектуалов Китайской Республики в политике, и за свою жизнь он участвовал во многих областях науки, управления и дипломатии. С 1936 по 1937 год Цзян Тинфу служил послом в Советском Союзе. До сих пор исследования о Цзян Тинфу были сосредоточены в основном на его академической и политической истории, в то время как китайско-советская дипломатия в период пребывания Цзян Тинфэя на посту посла в СССР практически не изучалась. В своих мемуарах Чан Тин-фу также мало рассказывает о своей деятельности во время пребывания на посту посла в Советском Союзе [9, с. 200-201]. Во время пребывания на посту посла в Советском Союзе, в период китайско-японской войны, Цзян Тинфу мог бы сыграть важную роль в поиске советской помощи, но неожиданно он покинул пост посла в Советском Союзе менее чем через полтора года. Причинам этого и будет посвящена данная статья. Во время пребывания на посту посла в Советском Союзе, в период китайско-японской войны, Цзян Тинфу мог бы сыграть важную роль в поиске советской помощи, но неожиданно он покинул пост посла в Советском Союзе менее чем через полтора года. Причинам этого и будет посвящена данная статья.

В ранние годы Цзян Тинфу учился в США и вернулся в Китай в 1923 году, чтобы преподавать в Нанкайском университете и Университете Цинхуа после получения докторской степени по истории в Колумбийском университете [10, с. 212]. Цзян Тинфу был одним из пионеров в изучении современной китайской дипломатической истории в Китае, начиная с архивных материалов. Помимо академических исследований, Чан Тинфу уделял активное внимание текущим событиям. После вспышки инцидента 18 сентября 1931 года Чан Тинфу, Ху Ши и другие друзья инициировали и основали журнал Independent Review, в котором развернулась широкая дискуссия по вопросам «государственного строительства» и «гражданского правления и диктатуры» .

В 1934 году Чан Тинфу узнал, что советское правительство готовится открыть свои архивы для ученых всего мира. Чан Тинфу обратился к советскому послу в Китае и попросил разрешения поехать в Советский Союз для ознакомления с архивами. Советский посол Д.В.Богомолов с воодушевлением ответил Чан Тинфу, что он обязательно постарается сделать все возможное, чтобы получить разрешение на использование материалов для Чан Тинфу [8, с. 181]. Советское правительство попросило Чан Тинфу подробно указать, какая информация ему нужна. Чан Тинфу представил подробный список, который включал: сведения о деятельности Н.Н.Муравьёв-Аму́рский по реке Амур (Хэйлунцзян) в 1850 году; сведения о деятельности И.П.Игнатьева в Пекине в 1860 году; сведения о Центральной Азии в период 1870-1885 годов; сведения о Корее в 1885-1894 годах; сведения о северо-восточной части страны в период 1990-19100 годов. Информация о Корее с 1885 по 1894 год; Информация о северо-востоке страны с 1900 по 1901 год. В июне 1934 года Чан Тинфу получил не только паспорт, но и разрешение от советской стороны на доступ ко всем необходимым ему архивам.

В конце июля 1934 года Чан Кайши встретился с Чан Тинфу. Во время встречи с Чан Тинфу Чан Кайши поинтересовался планами Чан Тинфу посетить Европу и выразил надежду, что Чан Тинфу сможет остаться в Советском Союзе на более длительное время [7, с. 2]. Чан Кайши хотел, чтобы Чан Тинфу изучил ситуацию в Советском Союзе и узнал о возможности расширения сотрудничества советской стороны с Китаем против японцев. Чтобы советская сторона могла больше доверять Чан Тинфу, Чан Кайши вызвал советского посла в Китае Д.В.Богомолова и объяснил ему секретную миссию Чан Тинфу в Советском Союзе. Чан Кайши хотел, чтобы советская сторона поняла, что Чан Тинфу - человек, которому он доверяет.

Вскоре после прибытия в Москву Цзян Тинфу провел переговоры с заместителем министра иностранных дел СССР Б.С.Стомоняковым. В ходе переговоров Чан Тинфу узнал, что Советский Союз хочет и дальше устанавливать дружеские отношения с Китаем [4, с. 19]. Советскую сторону беспокоит вопрос о том, нужно ли Китаю и дальше устанавливать дружеские отношения с Советским Союзом. Сразу же после окончания переговоров Чан Тинфу доложил об этом Чан Кайши. Чан провел в Москве три месяца, за это время он встретился со многими советскими синологами. Эти синологи были единодушны в осуждении тех китайцев, которые препятствовали войне с Японией, как предателей и восхваляли тех, кто выступал за войну, как патриотов. Его впечатление от Москвы было благоприятным, и он увидел, что советские люди, хотя и живут в трудных условиях, полны надежд и предприимчивы [1, с. 443].

В ноябре 1935 г. Чан Тинфу был вызван Чан Кайши вскоре после его возвращения из Европы. После этого Чан Тинфу занял должность директора Отдела административных дел Исполнительного юаня. Кроме того, Чан Кайши попросил Чан Тин-фу поддерживать тесный контакт с советским посольством и уделять пристальное внимание развитию отношений между Китаем и Советским Союзом. В июне 1936 г. китайский посол в СССР Янь Хуэйцин попросил об отставке по причине своего возраста. Вскоре Чан Кай-ши лично назначил Чан Тин-фу послом в Советском Союзе [13, с. 100].

В то время японские захватчики наступали, и китайская сторона надеялась совместно с советской стороной справиться с Японией. Когда было объявлено о миссии Чан Тинфу в Советский Союз, все стороны в Китае возлагали на Чан Тинфу большие надежды. Все надеялись, что Чан Тинфу удастся уговорить Советский Союз сражаться вместе с Китаем против японского вторжения. Однако, по мнению Чан Тинфу, для Советского Союза защита Европы была важнее, чем защита Азии, и было нереально ожидать, что Советский Союз пожертвует своими собственными интересами, чтобы помочь Китаю противостоять Японии. Чан Тинфу пессимистично оценивал, как много он сможет сделать в качестве посла в СССР.

Вскоре после того, как Чан Тин-фу отправился в Советский Союз в качестве посла в СССР, в Китае произошел Сианьский инцидент, в ходе которого Чжан Сюэлян, лидер Северо-восточной армии Китая, и Ян Хучэн, лидер Северо-западной армии, устроили мятеж в Сиане, заключили Чан Кай-ши в тюрьму и потребовали от Чан Кай-ши прекратить гражданскую войну и противостоять вторжению Японии [16, с. 77-78]. Подозревая, что за подстрекательством КПК и Чжан Сюэляна к заключению Чан Кайши в тюрьму стоит советская сторона, китайское правительство попросило Чан Тинфу собрать доказательства причастности советской стороны к Сианьскому инциденту в надежде, что советское правительство окажет давление на КПК и Чжан Сюэляна с целью скорейшего освобождения Чан Кайши и мирного урегулирования Сианьского инцидента. Однако заявления Чан Тинфу, несомненно, разозлили Советский Союз, который отрицал свою причастность к планированию Сианьского инцидента. Перед Чан Тин Фу встала дилемма, и он все больше и больше не доверял советской стороне [2, с. 1-14].

7 июля 1937 года началась китайско-японская война. В условиях тотального наступления Японии китайская сторона теряла позиции. В это время советская сторона предложила подписать китайско-советский пакт о ненападении в качестве правовой основы для оказания помощи Китаю, и у китайского правительства в этот момент не было возможности торговаться. Чтобы решить назревающую проблему нехватки оружия и техники, 1 августа 1937 года Чан Кайши одобрил подписание пакта о ненападении с СССР в обмен на быстрые поставки военных материалов в Китай со стороны СССР. 21 августа 1937 г. был заключен Договор о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Китаем сроком на 5 лет .

В этот период Чан Кайши поставил китайско-советские отношения в ключевое положение. На пленарном заседании Высшего совета национальной обороны, состоявшемся 1 сентября, он заявил, что Советский Союз обязан принять участие в войне против Японии только на том основании, что «если Китай потерпит поражение, то и Советский Союз не будет иметь мира». 9 сентября Чан Кайши вновь подчеркнул, что «советская дипломатия, убежденная в том, что она не может не помочь мне». Поэтому Чан Кайши поставил перед Цзян Тинфу задачу, во-первых, обеспечить советскую военную помощь и, во-вторых, добиться прямого участия СССР в войне. К тому, что Советский Союз будет участвовать в войне против Японии, китайский посол в СССР Цзян Тинфэй относился более пессимистично [14, с. 183]. Так, после начала китайско-японской войны Цзян Тинфу советовал Чан Кайши, что китайско-советский союз, носящий характер договора о взаимопомощи, безнадежен. Столкнувшись с пессимистичным настроем Цзян Тинфу, Чан мог возлагать свои надежды на прорыв в дипломатии с Советским Союзом только на китайскую военную делегацию в СССР во главе с Ян Цзе.

1 ноября 1937 г. Сталин принял Ян Цзе, и стороны провели дружескую и откровенную беседу. На следующий день Ян Цзе в своем докладе Чан Кайши объяснил, что «Китай сейчас оказывает сильное сопротивление войне и добивается хороших результатов, и если Китай будет неблагоприятен, СССР может вступить в войну с Японией». Доклад Ян Цзе, несомненно, дал Чан Кай-ши увидеть Советский Союз для участия в войне надежду, но также Чан Кай-ши наиболее счастлив услышать эту новость. С этого момента Чан Тинфу в советской дипломатии постепенно отошел на второй план. В начале 1938 года Чан Тинфу уезжает обратно в Китай, вернувшись в Китай, Чан Тинфу в китайской прессе публикует статью с критикой Советского Союза, «Великая чистка», этот шаг Чан Тинфу вызвал протест Советского Союза . Перед лицом протестов со стороны Советского Союза Чан Кайши решил, что Чан Тинфу больше не подходит на должность посла в Советском Союзе. В мае 1938 года Ян Цзе занял пост посла в Советском Союзе [6, с. 47].

Особое внимание Цзян Тинфу уделял вопросам советской помощи Китаю в борьбе с японской агрессией. Он прилагал значительные усилия для увеличения объемов поставок вооружений, военной техники и специалистов. Благодаря его настойчивости и умению убеждать советское руководство, Китай получал значительную помощь, которая играла важную роль в сопротивлении японской оккупации. Однако, Цзян Тинфу понимал, что советская помощь не является бескорыстной. Советский Союз преследовал собственные геополитические интересы в регионе и стремился использовать Китай в качестве буфера против японской экспансии [11, с. 403].

После начала Второй мировой войны роль Китая в антигитлеровской коалиции возросла, и отношения с Советским Союзом приобрели еще большее значение. Цзян Тинфу активно участвовал в координации действий союзников и в организации совместной борьбы против общего врага [15, с. 20]. Он подчеркивал необходимость признания Китаем в качестве равноправного партнера в антигитлеровской коалиции и выступал против любых попыток советской стороны установить контроль над китайской территорией.

В послевоенный период, когда в Китае разгорелась гражданская война между Гоминьданом и коммунистами, Цзян Тинфу осознавал, что Советский Союз будет поддерживать коммунистическую партию. Он предпринимал попытки убедить советское руководство в необходимости сохранения нейтралитета и невмешательства во внутренние дела Китая, но эти попытки оказались безуспешными [3, с. 46]. Победа коммунистов в гражданской войне и установление Китайской Народной Республики стали для Цзян Тинфу трагедией. Он не принял коммунистический режим и остался верен Гоминьдану, продолжив свою политическую деятельность в Тайване.

В целом, деятельность Цзян Тинфу в качестве дипломата и политика, занимавшегося китайско-советскими отношениями, является ярким примером сложного и противоречивого периода в истории Китая. Он был прагматиком, стремившимся использовать сотрудничество с Советским Союзом для защиты национальных интересов Китая в условиях внешней угрозы. В то же время, он оставался убежденным антикоммунистом и критически относился к сталинской политике [5, с. 20]. Его вклад в китайско-советскую дипломатию заключается в умении находить баланс между необходимостью сотрудничества и сохранением независимости и суверенитета Китая. Его опыт и знания остаются актуальными и сегодня, когда Китай вновь играет важную роль на мировой арене и сталкивается с новыми вызовами и возможностями [12, с. 372]. Изучение его наследия позволяет лучше понять сложности и противоречия, с которыми сталкивается Китай в процессе формирования своей внешней политики и в отношениях с другими великими державами.

Выводы

Подводя итог, можно сказать, что Цзян Тинфу, как представитель современной китайской интеллигенции в политике, придавал большое значение развитию китайско-советских отношений Чан Кайши и служил послом в Советском Союзе. Однако после начала китайско-японской войны Чан Тинфу пессимистично оценивал участие Советского Союза в войне и публично критиковал советские «Великие чистки», поэтому руководство двух стран все больше не доверяло ему и менее чем через полтора года он покинул пост посла в Советском Союзе. До и после начала антияпонской войны Чан Тинфу ездил в Советский Союз, и все стороны надеялись, что он сможет изменить эту миссию, смягчив отношения с СССР, чтобы добиться советской военной помощи Китаю, но этому не суждено было случиться. Вопрос о том, как оценивать достижения Цзян Тинфу как ученого-дипломата, является предметом дискуссий в научных кругах. Это касается и оценки общей исторической роли Цзян Тинфэя в качестве посла в Советском Союзе. Чан Кайши несправедливо относился к дипломатическим достижениям Чан Тинфу слишком критически. Чан Кайши ожидал от Советского Союза слишком многого, а внешняя политика Советского Союза была сформулирована не в соответствии с потребностями Китая, а скорее в соответствии с его собственными национальными интересами.

Литература

1. Антология Цзян Тинфэй / Отв. ред. Дэн Лилань, Лю Идуань. Тяньцзинь.: Издательство Нанкайского университета. 2019. 473с.
2. Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ).Ф. 100. Оп. 21. Д. 11. П. 187. С. 1-14.
3. Болотова А.Ю. Оценка инвестиционных проектов с использованием реальных опционов для рынка телекоммуникаций // журнал «ФИНАНСЫ». 2023.№4. С.45-51.
4. Волков В. А., Востряков Л. Е. Идеология и культура в контексте государственной культурной политики // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2022. – №3. – С. 18–23.
5. Волков В. А., Востряков Л. Е. Консервативный реализм как идеология современной государственной культурной политики России // Культура и образование. – 2022. – № 3. – С. 14–20.
6. Егоров, А. М. Влияние Тридцатилетней войны на развитие базовых принципов международного права (1618-1648) / А. М. Егоров // Международное публичное и частное право. – 2007. – № 3. – С. 44-49.
7. Егоров, А. М. Проблема сохранения исторической памяти в контексте современности / А. М. Егоров, И. А. Егоров // Метаморфозы истории. – 2022. – № 25. С. 1-3.
8. Каткова З. Д. Цзян Тинфу - учёный и дипломат \\ Общество и государство в Китае: XLI научная конференция. М.: 2011. С. 181 - 185.
9. Мемуары Чан Тинфу. Тайбэй.: Издательство биографии и литературы. 1979. 227с.
10. Москалева Л.Ю., Троицкая Е.М. Современная когнитивная коммуникация Homo Educandus в постижении философско-образовательных смыслов // Человеческий капитал. 2023. № 8 (176). С. 211-216.
11. Панцов А. Дневник Чан Кайши // Молодая гвардия, 2019 г. 507 с.
12. Русско-китайские отношения в XX веке: Материалы и документы. Т. IV. Советско-китайские отношения. 1937-1945 гг. Кн. 1. 1937-1944 гг. / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: 2000. 870с.
13. Чэнь Чжи-Май. Стремления и жизнь Чан Тин-Фу. Тайбэй.: Издательство биографической литературы, 1985. 154с.

14.Рен Цзюнь. Цзян Тинфэй и китайско-советские отношения до и после инцидента 7 июля \\ Исследования современной истории. № 4. 1990. С. 181-200.

15.Экономова А. Д. Роль риторических фигур в процессе порождения учебно-научного дискурса // Современный ученый. 2023. № 3. С. 19-23.

16.Янь Хуэйцин. Автобиография Янь Хуэйцина. Пекин.: Чжунхуа Шуцзюй. 2015. 459с.

Jiang Tingfu and sino-soviet diplomacy

Hu Wenxiu

Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences

Jiang Tingfu is an outstanding historical figure in modern Chinese history, whose life was associated with many fields of science, administration and diplomacy. On August 26, 1936, Chiang Ting-fu was appointed ambassador to the Soviet Union. On January 1, 1938, Chiang Ting-fu was summoned back to China. This article will examine Jiang Tingfei's Sino-Soviet diplomacy during his tenure as Ambassador of the Republic of China to the USSR in light of Chinese and Russian archival materials.

The article critically examines the key stages of Jiang Tingfu's diplomatic career in the context of the complex geopolitical situation of that time, including the Manchurian incident, Soviet assistance to China in combating Japanese aggression, and negotiations on the conclusion of a Soviet-Chinese non-aggression pact. Special attention is paid to the analysis of contradictions between the pragmatic desire of the Kuomintang to receive military and economic support from the USSR and the ideological incompatibility of the two political systems.

The article reveals how Jiang Tingfu, being a proponent of China's modernization and a pragmatic approach to foreign policy, sought to establish stable and mutually beneficial relations with the Soviet Union, despite deep differences in political and economic development models. Based on the analysis of previously unpublished archival materials, including Jiang Tingfu's personal correspondence, as well as his memoirs and scientific papers, the author reconstructs his vision of the prospects of Sino-Soviet cooperation and identifies the factors that hindered its implementation.

Keywords: Jiang Tingfu; Chiang Kai-shek; Sino-Soviet relations; Sino-Japanese war, Chinese history, archival materials, Kuomintang, USSR.

References

1. The anthology of Jiang Tingfei / Ed. Deng Lilan, Liu Yiduan. Tianjin: Nankai University Press. 2019. 473c.
2. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVPRF).F. 100. Op. 21. D. 11. P. 187. pp. 1-14.
3. Bolotova A.Y. Evaluation of investment projects using real options for the telecommunications market // Journal of FINANCE. 2023.№4. pp.45-51.
4. Volkov V. A., Vostryakov L. E. Ideology and culture in the context of State cultural policy // Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture. - 2022. – No. 3. – pp. 18-23.
5. Volkov V. A., Vostryakov L. E. Conservative realism as an ideology of modern state cultural policy in Russia // Culture and Education. – 2022. – No. 3. – pp. 14-20.
6. Egorov, A.M. The influence of the Thirty Years' War on the development of basic principles of international law (1618-1648) / A.M. Egorov // International public and private law. – 2007. – No. 3. – pp. 44-49.
7. Egorov, A.M. The problem of conservation historical memory in the context of modernity / A.M. Egorov, I. A. Egorov // Metamorphoses of history. – 2022. – No. 25. pp. 1-3.
8. Katkova Z. D. Jiang Tingfu - scientist and diplomat \\ Society and the state in China: XLI scientific conference. Moscow: 2011. pp. 181 - 185.
9. Memoirs of Chang Tingfu. Taipei: Publishing House of Biography and Literature. 1979. 227c.
10. Moskaleva L.Yu., Troitskaya E.M. Modern cognitive communication of Homo Educandus in comprehension of philosophical and educational meanings // Human capital. 2023. No. 8 (176). pp. 211-216.
11. Pantsov A. Diary of Chiang Kai-shek // Young Guard, 2019, 507 p.
12. Russian-Chinese relations in the XX century: Materials and documents. Vol. IV. Soviet-Chinese relations. 1937-1945. Book 1. 1937-1944 / Ed. by S.L. Tikhvinsky. Moscow: 2000. 870s.
13. Chen Zhi-Mai. The aspirations and life of Chiang Ting-Fu. Taipei: Publishing House of Biographical Literature, 1985. 154c.
14. Ren Jun. Jiang Tingfei and Sino-Soviet relations before and after the July 7 incident \\ Studies of modern History. No. 4. 1990. pp. 181-200.
15. Economova A.D. The role of rhetorical figures in the process of generating educational and scientific discourse // Modern Scientist. 2023. No. 3. pp. 19-23.
16. Yan Huiqing. The autobiography of Yan Huiqing. Beijing.: Zhonghua Shujiu. 2015. 459c.

Экономическая безопасность России в условиях международных рестрикций: стратегические риски и механизмы их снижения

Прокопов Владислав Андреевич
аспирант кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, РЭУ им. Г.В. Плеханова,
prokopov_vlad@mail.ru

В экономике Российской Федерации в условиях масштабных санкционных ограничений. Обоснована актуальность изучения данной проблемы с учетом глобальных вызовов и нестабильности международной экономической системы. Проведена классификация стратегических рисков, выявлены ключевые угрозы, оказывающие наибольшее влияние на экономическое развитие страны. Рассмотрены механизмы нейтрализации рисков, предложены инструменты адаптации и устойчивого функционирования российской экономики в условиях внешнего давления. Разработаны алгоритмы антикризисного управления, которые могут быть полезны для государственных структур, ответственных за экономическую политику и национальную безопасность.
Ключевые слова: российская экономика, санкционные ограничения, стратегические риски, идентификация стратегических рисков, классификация стратегических рисков, механизмы противодействия, антикризисное управление.

Современные геополитические и экономические условия характеризуются ростом нестабильности и увеличением числа вызовов для национальных экономик. В отношении России введено беспрецедентное количество санкций, что оказывает давление на ключевые отрасли и требует новых подходов к стратегическому управлению рисками. Основной целью данного исследования является анализ стратегических рисков, выявление критических угроз и разработка механизмов их нейтрализации.

В современных реалиях наблюдается значительное ускорение процессов в социально-экономической сфере Российской Федерации. На эту сферу все большее влияние оказывает мировая геополитическая нестабильность, рост конфликтности, усиление межгосударственных противоречий, а также появление новых глобальных вызовов, угроз и рисков.

Согласно данным глобальной базы мониторинга санкций Castellum.ai, по состоянию на 19 января 2025 года в отношении России введено 21 698 санкционных ограничений, инициированных различными государствами и международными организациями. [1]

Ни одна страна в мире ранее не сталкивалась с подобным объемом санкционного давления. Введенные ограничения вызвали сложности в различных секторах российской экономики, включая финансовую и бюджетную системы. Доступ к современным технологиям, инновациям и инвестиционным ресурсам оказался значительно затруднен. Помимо этого, санкции оказывают негативное влияние на политическую стабильность и международное положение России, усугубляют напряженность в отношениях с другими странами и повышают риск развития конфликтных ситуаций. Все эти факторы сказываются на темпах экономического роста и общем векторе развития страны.

В условиях беспрецедентного санкционного давления российская экономика сталкивается со стратегическими рисками. Под стратегическими рисками понимается вероятность возникновения неблагоприятных явлений и потерь, способных привести к существенному снижению уровня безопасности государства. [3, с. 51]

Стратегический риск государства представляет собой возможность появления негативных последствий, обусловленных недостатками в стратегическом планировании и управлении, что может привести к серьезным экономическим, политическим или

социальным потрясениям. Такие риски проявляются в виде угроз национальной безопасности, снижения доверия инвесторов и международных партнеров, ухудшения уровня жизни населения.

Поэтому минимизация стратегических рисков требует пристального внимания со стороны государственных и муниципальных структур, а также разработки и внедрения эффективных механизмов их снижения. Концепция стратегических рисков, рассматриваемая как угроза национальной безопасности и устойчивому развитию страны, подробно исследуется в работе Акимова В. А. и Лесных В. В. [3]

Некоторые исследователи представляют данные о выделении стратегических рисков и их значимости для национальной безопасности России в ключевых сферах государственной деятельности: политической, экономической, социальной, природно-техногенной и научно-технической [3]. Это подчеркивает высокий приоритет стратегических рисков среди прочих угроз, которые можно представить в виде иерархической пирамиды.

Текущее политико-экономическое положение России требует принятия управленческих мер, направленных на своевременное выявление и нейтрализацию стратегических рисков в социальной и экономической сферах. В ходе совещания по экономическим вопросам 11 августа 2023 года премьер-министр РФ М. Мишустин отметил: «Важно учитывать все возможные риски и оперативно на них реагировать, предпринимать необходимые шаги для сохранения финансовой стабильности и обеспечения устойчивого экономического роста. Особенно с учетом сложных задач, стоящих перед страной, включая вопросы обороны, безопасности и выполнения социальных обязательств» [4].

Однако на встрече с Президентом РФ В.В. Путиным 7 февраля 2025 года М.В. Мишустин заявил, что «экономика страны справилась успешно с беспрецедентным санкционным давлением, в отличие от многих стран, которые сами вводили против нас санкции. В ряде случаев там ситуация близка к стагнации». [5] Однако сам Президент на заседаниях Правительства не раз подчеркивал, что проблемы есть, и их не нужно скрывать от общественности.

Россия и ее экономика оказались в условиях беспрецедентного давления, связанного с военной обстановкой и санкционными ограничениями. Это привело к формированию серьезных системных угроз и стратегических рисков, включая утрату экономической и финансовой стабильности, разрушение торговых и кооперационных связей, снижение промышленного производства в отдельных отраслях и ухудшение уровня жизни населения. В результате негативное влияние на потенциал экономического развития страны усилилось.

Исследования, проведенные Финансовым университетом, позволили выявить и отнести к стратегическим рискам российской экономики более 30 угроз в условиях санкционного давления, среди которых:

- усиление санкций против предприятий оборонно-промышленного комплекса (ОПК), что может привести к срыву выполнения гособоронзаказа и сокращению экспорта вооружений;
- заморозка активов России, а также российских юридических и физических лиц за рубежом;
- запрет на экспорт стратегически важных товаров двойного назначения и современных технологий, необходимых для технологического развития и военного потенциала РФ (включая электронные компоненты для вооружений, беспилотников, ракет, вертолетов и другой техники);
- введение блокирующих санкций против энергетических компаний («Роснефть», «Лукойл», «Газпром Нефть», «Транснефть», «РусГидро», «Интер РАО» и др.);
- ограничение иностранных инвестиций в российский энергетический сектор, за исключением атомной энергетики и отдельных видов перевозок в ЕС;
- снижение доступа к международным рынкам капитала и кредитования;
- падение инвестиционной привлекательности и экономической активности;
- запрет на привлечение долгосрочных займов для российских банков с государственным участием (ВТБ, ВЭБ, Россельхозбанк, Газпромбанк, Сбербанк и др.);
- отключение ряда российских банков от SWIFT (Сбербанк, Россельхозбанк, Московский кредитный банк и др.);
- ухудшение конкурентоспособности российских компаний;
- расширение санкционных мер в международных экономических отношениях;
- снижение имиджа России на мировой арене.

Для эффективного управления рисками осуществляется их классификация, позволяющая определить их место в общей системе риск-менеджмента. В условиях санкционного давления первоочередное внимание уделяется отраслям, наиболее подверженным санкциям со стороны западных стран, среди которых:

1. оборонно-промышленный комплекс;
2. энергетика;
3. транспортно-логистическая сфера;
4. финансовый сектор;
5. внешняя торговля;
6. технологическое развитие.

Анализ санкций, введенных в 2022–2025 годах, показал, что наибольшие ограничения коснулись ОПК, энергетической отрасли, транспортной логистики и финансовой системы. Это позволило выделить наиболее значимые стратегические риски для экономики России в текущих внутренних и международных условиях.

К числу стратегических рисков, влияющих на экономическое и социальное развитие России, относятся:

1. Угроза усиления санкционного давления на предприятия оборонно-промышленного комплекса (ОПК).

2. Опасность дальнейшего распространения санкционных ограничений в международной торгово-экономической сфере.

3. Вероятность усиления социальной напряженности и снижения устойчивости социально-экономической системы Российской Федерации.

4. Риск научно-технического отставания и деградации экономической структуры страны.

Среди этих угроз особое внимание следует уделить двум критическим рискам, которые в ближайшие годы могут повлиять на целостность и суверенитет России. Это усиление санкционного давления на ОПК (с последующими проблемами выполнения гособоронзаказа и экспорта вооружений) и нарастание социальной нестабильности.

Одним из ключевых последствий санкций стало изменение структуры потребления. Ввиду ограниченного импорта определенных товаров, покупатели стали чаще выбирать продукцию отечественного производства, что способствует поддержке российских производителей и развитию внутреннего рынка. Это, в свою очередь, способствует росту национальной экономики.

Ограничения также повлияли на доступность товаров и услуг: некоторые импортные продукты значительно подорожали или вовсе исчезли с рынка. В результате потребители пересматривают свои траты, отдавая приоритет необходимым категориям расходов — продуктам питания, жилью и коммунальным услугам, — одновременно сокращая траты на непродовольственные товары и услуги.

Кроме того, возникший дефицит импортных товаров способствует росту отечественного предпринимательства. Российские компании вынуждены увеличивать производство и предлагать альтернативные решения, что стимулирует развитие новых отраслей.

Социологические исследования подтверждают, что в последние годы уровень тревожности населения в связи с ростом цен увеличился. Например, согласно данным Росстата, еще в 2018 году около 33,8% граждан опасались инфляции, а к концу 2020 года этот показатель вырос до 57%. События 2022 года лишь усилили негативные ожидания. [6, с. 531]

Данные опросов осенью 2022 года показали, что 48% респондентов отметили ухудшение своего материального положения с марта, а 43% ожидали дальнейшего его ухудшения в ближайшие полгода. В целом более 87% россиян заявили о финансовых трудностях. [7]

Однако россияне с оптимизмом смотрят в будущее, по данным ФОМ. Так ответ на вопрос «Как вы думаете, в ближайший год ваше материальное положение улучшится, ухудшится или практически не изменится?» еще сентябре 2024 года лишь 25% ожидали улучшений, тогда как в ноября 2024 года показатель достиг 30%. [8]

Однако при ответе на вопрос «Как вы считаете, ваше материальное положение за последние два-три месяца улучшилось, ухудшилось или практически не изменилось?» в июне 2024 года только 15% россиян отметили, что положение ухудшилось, в ноябре 2024 года показатель вырос до 23%. То есть вера в будущее есть, но реально положение дел оптимизма не внушает. [8]

Эти факторы повлияли на поведение потребителей: люди стали более осторожно относиться к своим расходам, стремясь минимизировать необязательные траты. Основная тенденция заключается в отказе от дорогостоящих товаров, таких как автомобили, ювелирные изделия, смартфоны и планшеты, в пользу более необходимых покупок, включая продукты питания, одежду и товары для детей.

Сегодня потребители активно ищут возможности сэкономить: возрос интерес к акциям, скидкам и бюджетным вариантам товаров. При этом покупатели пока не готовы полностью отказаться от базовых нужд, но стараются оптимизировать свои расходы даже в этих категориях. [7]

Введение санкций и торговых ограничений оказало существенное влияние на потребительские привычки россиян. Рост цен на импортную продукцию и снижение доступности товаров вынуждают людей адаптировать свои стратегии потребления, уделяя больше внимания экономии и рациональному выбору.

Таким образом, текущее экономическое поведение потребителей России отражает их стремление к адаптации в условиях неопределенности, сокращению ненужных затрат и поиску доступных альтернатив. Однако такое положение вещей может вызвать социальную нестабильность.

Предложения по поддержке экономики и снижению стратегических рисков

В целях стабилизации российской экономики предлагается реализовать комплекс мер, направленных на преодоление угроз в социальной и экономической сферах:

1. дополнительное финансирование предприятий, наиболее пострадавших от санкционных ограничений;

2. защита внутреннего продовольственного рынка за счет ограничения экспорта значимых сельскохозяйственных товаров и продуктов их переработки;

3. легализация параллельного импорта, позволяющего ввозить востребованные иностранные товары без согласия правообладателей;

4. создание и развитие национальной системы межбанковских платежей в качестве альтернативы SWIFT;

5. гибкое валютное регулирование;

6. расширение программ льготного кредитования для предприятий и граждан;

7. обеспечение стабильности занятости и уровня доходов населения;

8. модернизация системы социальной защиты с учетом среднесрочной перспективы;

9. временный запрет на плановые проверки бизнеса, включая ИТ-компании и финансовые организации;

10. установление квот на экспорт критически важных ресурсов и продукции.

Антикризисные механизмы противодействия санкциям

В условиях санкционного давления целесообразно применять следующие меры:

1. развитие промышленного сектора через политику протекционизма и поддержку отечественного производства;
2. формирование производственных альянсов с дружественными государствами;
3. разработка стратегии антикризионного регулирования;
4. реализация программы импортозамещения в ключевых отраслях экономики;
5. внедрение комплексных механизмов санкционного и антисанкционного комплаенса;
6. формирование долгосрочных программ развития федеральных территорий.

Управление рисками и мониторинг ситуации

Разработанные механизмы управления рисками обеспечивают комплексный подход к выявлению, анализу и нейтрализации стратегических угроз. Алгоритм действий строится на системном мониторинге ситуации, фиксации отклонений, определении их причин и принятии корректирующих решений.

Государственные структуры, ответственные за управление рисками, занимаются анализом угроз, мониторингом их развития и разработкой мер по их минимизации.

Результаты исследования могут быть полезны в работе:

- Аппарата Совета Безопасности Российской Федерации;
- Департамента экономики и финансов Аппарата Правительства Российской Федерации;
- Департамента государственного регулирования в экономике Министерства экономического развития Российской Федерации.

Таким образом, в условиях возрастающих санкционных ограничений и внешнеэкономического давления российская экономика сталкивается с серьезными стратегическими рисками, среди которых особую угрозу представляют усиление санкций против предприятий оборонно-промышленного комплекса и нарастание социальной нестабильности. Эти факторы могут существенно повлиять на суверенитет страны, экономическую устойчивость и уровень жизни населения.

Для эффективного противодействия данным рискам необходим комплексный подход, включающий меры по защите внутреннего рынка, стимулированию промышленного производства, развитию альтернативных финансовых механизмов и гибкому регулированию экономики. Ключевую роль в этом процессе играет государственное регулирование, направленное на поддержку предприятий, снижение социально-экономических потрясений и формирование устойчивой системы антикризисного управления.

Разработка стратегий импортозамещения, расширение международного сотрудничества с дружественными странами, создание независимой финансовой инфраструктуры и усиление государственного контроля за критически важными секторами экономики позволят минимизировать последствия санкционного давления и обеспечить долгосрочную стабильность России.

Литература

1. Russia Sanctions Dashboard // Castellum.ai6 офиц. сайт. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard (дата обращения: 05.03.2025).
2. Акимов В. А., Лесных В. В., Радаев Н. Н. Риски в природе, техносфере, обществе и экономике. – М., 2004. – 352 с.
3. Воробьев Ю. Л. Стратегические риски России: оценка и прогноз / под общ. ред. Ю.В. Воробьева. – М.: Деловой экспресс, 2005. – 392 с.
4. Мишустин М. В. Совещание у Председателя Правительства Российской Федерации по экономическим вопросам 11 августа 2023 года // Правительство России: офиц. сайт. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://government.ru/news/49253/ (дата обращения: 06.03.2025).
5. Мишустин М.В. Премьер-министр Михаил Мишустин на встрече с президентом РФ Владимиром Путиным // ТАСС [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/23081895
6. Харламова, А. В. Исследование потребительского поведения / А. В. Харламова. —Молодой ученый. — 2022. — № 23 (418). — С. 580-582. — URL: https://moluch.ru/archive/418/92789/
7. Пять трендов потребительского поведения в 2023 году // РБК [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://trends.rbc.ru/trends/social/6437c2be9a7947664c7c3819
8. Динамика материального положения // ФОМ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://fom.ru/Ekonomika/15099

Russia's economic security under international restrictions: strategic risks and mitigation mechanisms

Prokopov V.A.

Plekhanov Russian University of economics

The article analyzes strategic risks arising in the economy of the Russian Federation under large-scale sanctions restrictions. The relevance of studying this issue is substantiated in the context of global challenges and the instability of the international economic system. A classification of strategic risks is provided, and key threats with the greatest impact on the country's economic development are identified. Risk mitigation mechanisms are examined, and tools for adaptation and sustainable functioning of the Russian economy under external pressure are proposed. Anti-crisis management algorithms have been developed, which may be useful for government bodies responsible for economic policy and national security.

Keywords: Russian economy, sanctions restrictions, strategic risks, strategic risk identification, strategic risk classification, counteraction mechanisms, anti-crisis management.

References

1. Russia Sanctions Dashboard // Castellum.ai6 official website. [Electronic resource] – Access mode: https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard (date of access: 03/05/2025).
2. Akimov V. A., Lesnykh V. V., Radaev N. N. Risks in nature, technosphere, society and economy. – Moscow, 2004. – 352 p.
3. Vorobyov Yu. L. Strategic risks of Russia: assessment and forecast / under the general editorship of Yu. V. Vorobyov. – Moscow: Delovoy Express, 2005. – 392 p.
4. Mishustin M. V. Meeting of the Chairman of the Government of the Russian Federation on economic issues on August 11, 2023 // Government of Russia: official website. [Electronic resource] – Access mode: http://government.ru/news/49253/ (date accessed: 06.03.2025).
5. Mishustin M.V. Prime Minister Mikhail Mishustin at a meeting with Russian President Vladimir Putin // TASS [Electronic resource] – Access mode: https://tass.ru/ekonomika/23081895
6. Kharlamova, A.V. Research of consumer behavior / A.V. Kharlamova. - Young scientist. - 2022. - No. 23 (418). - P. 580-582. — URL: https://moluch.ru/archive/418/92789/
7. Five trends in consumer behavior in 2023 // RBC [Electronic resource] - Access mode: https://trends.rbc.ru/trends/social/6437c2be9a7947664c7c3819
8. Dynamics of financial situation // FOM [Electronic resource] - Access mode: https://fom.ru/Ekonomika/15099

Избирательные комиссии России и Казахстана: сравнительно-правовой анализ

Чокандарян Людмила Наириевна
магистрант юридического факультета РАНХиГС,
chokandaryan_ln@mail.ru

В статье проводится сравнительно-правовой анализ систем избирательных комиссий Российской Федерации и Республики Казахстан. Исследуются особенности структурной организации, правового статуса, порядка формирования и компетенции избирательных органов двух государств. Особое внимание уделяется проблематике независимости избирательных комиссий, профессионализации их членов, внедрению кодекса этики работников избирательной системы, а также функционированию комиссий в межвыборный период. Выявлены общие тенденции и национальные особенности систем электоральных органов, предложены направления совершенствования их деятельности.
Ключевые слова: избирательные комиссии, избирательный процесс, электоральные органы, правовой статус, Российская Федерация, Республика Казахстан, сравнительно-правовой анализ.

Системы избирательных комиссий составляют организационно-правовую основу электоральных процессов в современных демократических государствах. Сравнительное исследование таких систем в постсоветских странах представляет особый научный интерес, поскольку позволяет выявить общие закономерности и национальные особенности институциональной трансформации избирательных органов на пространстве бывшего СССР. Российская Федерация и Республика Казахстан, имея общие исторические корни организации избирательного процесса, за годы независимости выработали самобытные модели функционирования электоральных органов, отражающие специфику государственного устройства и политико-правовых традиций.

Избирательные комиссии играют определяющую роль в обеспечении конституционного права граждан – права избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, свободно выражать свою политическую волю. Как справедливо отмечает С.Д. Князев, «именно на избирательные комиссии возлагается основная организационная работа по проведению выборов, обеспечению гласности и прозрачности избирательного процесса, созданию равных условий для всех политических партий и кандидатов, реализации и защите избирательных прав и свобод граждан» [1, с. 37].

Архитектоника систем избирательных комиссий двух государств отражает различия в административно-территориальном устройстве. Российская модель, будучи более разветвленной, включает пять уровней: ЦИК России, избирательные комиссии субъектов РФ, окружные комиссии, территориальные комиссии и участковые комиссии. Казахстанская модель имеет более компактную трехуровневую структуру: ЦИК РК, территориальные комиссии (областные, районные, городские) и участковые комиссии. Примечательно, что в Казахстане функции окружных комиссий и комиссий муниципальных образований интегрированы в полномочия территориальных избирательных комиссий, что обеспечивает большую централизацию и вертикальную интеграцию системы [2].

По данным источников, в России на 2023 год насчитывалось 2771 территориальная избирательная комиссия [3], а в Казахстане на 2022 год - 232 территориальные комиссии, включающие 1624 члена. Что касается участковых комиссий, в Казахстане действовало 10050 УИК, состоящих из 69178 членов [4]. Данное соотношение свидетельствует о

более широкой сети избирательных органов в России, что обусловлено не только большей территорией и численностью населения, но и более сложной федеративной структурой государства.

Дискуссионным в обоих государствах остается вопрос о государственно-правовой природе избирательных комиссий. Ни в России, ни в Казахстане избирательные комиссии не включены в традиционную триаду ветвей власти. В российской правовой доктрине развивается концепция избирательной власти как особой, четвертой ветви государственной власти. Так, Ю.А. Веденеев рассматривает избирательную власть как самостоятельную ветвь власти, имеющую «исторический контекст, политико-правовую сущность и механизмы осуществления» [5, с. 42]. В.Е. Чуров и Б.С. Эбзеев также подчеркивают особую природу избирательных органов, указывая на их роль в поддержании демократии и управлении избирательным процессом [6, с. 8]. В Казахстане избирательные комиссии также имеют особый статус, не относясь ни к одной из традиционных ветвей власти. При этом в обоих государствах наблюдается тенденция к усилению административной автономии избирательных органов.

Существенные различия наблюдаются в организации работы избирательных комиссий в межвыборный период. Ю.А. Веденеев и С.Д. Князев справедливо отмечают, что «избирательные правоотношения существуют и в период между выборами» [15, с. 73]. В Российской Федерации значительная часть системы функционирует на непостоянной основе: только председатели (в отдельных случаях – заместители и секретари) комиссий работают на профессиональной основе. Как отмечает Н. Миронов, «функционирование на постоянной основе отражает новый этап в развитии системы комиссий, связанный с большим количеством проводимых выборов федерального, регионального и местного уровней, что объективно требует наличия устойчивых и компетентных избирательных органов» [18, с. 48]. В Казахстане предусмотрена возможность осуществления председателем или заместителем председателя, секретарем территориальной избирательной комиссии полномочий на постоянной профессиональной основе [16].

Принципиальное значение для обеспечения легитимности выборов имеет порядок формирования избирательных комиссий. В Российской Федерации законодательно закреплен принцип партийного представительства: не менее половины членов комиссии должны назначаться по предложениям политических партий, представленных в законодательных органах соответствующего уровня [7]. В Казахстане каждая политическая партия вправе представить одну кандидатуру в соответствующую избирательную комиссию, однако отсутствует требование о минимальной квоте партийного представительства в составе комиссий [8].

Существенное различие также заключается в том, что в Казахстане территориальные избирательные комиссии непосредственно формируют участковые избирательные комиссии, в то время как в России участковые комиссии формируются территориальными комиссиями на основе предложений различных субъектов, включая политические партии, общественные объединения и собрания избирателей [9].

Особого внимания заслуживает проблема обеспечения независимости и беспристрастности членов избирательных комиссий. В российской научной литературе высказываются критические замечания относительно партийного принципа формирования комиссий. Так, Д.А. Реут отмечает, что члены комиссий, выдвинутые политическими партиями, зачастую ориентированы на защиту интересов «своих» партий, а не на объективное проведение выборов [10, с. 31]. В.В. Пылин указывает на необходимость демократизации избирательных комиссий как фактора повышения доверия граждан к избирательной системе [11, с. 30]. В казахстанской модели проблемой является значительное представительство государственных и муниципальных служащих в составе избирательных комиссий, что создает риски административного влияния на избирательный процесс [12].

Инновационным предложением, направленным на повышение профессионализма и ответственности членов избирательных комиссий, является разработка кодекса этики работника избирательной системы. Как отмечает Д.А. Реут, «подобный институт, зарекомендовавший себя с положительной стороны, давно существует в сфере правосудия, адвокатуры, государственной службы» [10, с. 31]. Такого рода кодекс мог бы регламентировать различные аспекты: независимость и беспристрастность при принятии решений, недопустимость публичной оценки деятельности кандидатов и политических партий, корректное взаимодействие с участниками избирательного процесса, противодействие попыткам использования статуса члена комиссии для достижения личных целей и т.п.

В качестве информирования избирателей за пределами избирательной кампании указанный автор предлагает рассматривать опубликование сведений о численности избирателей в каком-либо субъекте Российской Федерации с разбивкой согласно административно-территориальному делению или по муниципальным образованиям на территории соответствующего региона [17, с. 182-183]. По его мнению, информировать избирателей о сроках и порядке совершения избирательных действий, в том числе выходящих за временные рамки избирательной кампании, необходимо постоянно, включая довыборный и поствыборный периоды [17, с. 182-183]. Такой подход способствует повышению правовой культуры избирателей и укреплению доверия к избирательной системе.

Информационное обеспечение деятельности избирательных комиссий также имеет свои особенности. В России функционирует Государственная автоматизированная система «Выборы», комплексы средств автоматизации которой установлены на уровне территориальных комиссий. В Казахстане развивается собственная электронная система для автоматизации избирательного процесса. При этом

в обоих государствах наблюдается тенденция к цифровизации избирательных процедур и расширению электронных сервисов для избирателей.

Принципы открытости и гласности реализуются в обоих государствах через институты наблюдателей, представителей СМИ и политических партий. В России политические партии, не имеющие представителя в составе избирательной комиссии, вправе назначить члена комиссии с правом совещательного голоса. В Казахстане политические партии, не имеющие представителя в составе избирательной комиссии, вправе делегировать своего представителя с правом совещательного голоса на период избирательной кампании [19]. Такие представители имеют право участвовать в обсуждении вопросов, вносить предложения, но не участвуют в голосовании и не подписывают документы комиссии.

А.Ю. Бузин в своем исследовании проблем правового статуса избирательных комиссий в Российской Федерации указывает на избыточность системы избирательных комиссий [20], в то время как В.В. Пылин считает целесообразным создание собственной муниципальной избирательной комиссии в каждом поселении [11, с. 27-30]. Данная дискуссия отражает поиск оптимальной конфигурации системы избирательных органов, соответствующей принципам федерализма и местного самоуправления.

Заслуживает внимания регламентация взаимодействия избирательных комиссий с органами государственной власти и местного самоуправления. В России избирательные комиссии в пределах своей компетенции независимы от органов государственной власти и местного самоуправления [21], однако на практике нередки случаи административного влияния на их деятельность. В Казахстане также декларируется независимость избирательных комиссий, но значительное представительство государственных и муниципальных служащих в их составе создает риски зависимости от исполнительной власти [22].

Важным аспектом функционирования избирательных комиссий является их роль в защите избирательных прав граждан. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что «участие в деятельности избирательных комиссий, т.е. специальных коллегиальных органов, организующих и обеспечивающих подготовку и проведение выборов, является одной из форм реализации гражданами Российской Федерации конституционного права на участие в управлении делами государства» [23]. При осуществлении своих полномочий избирательные комиссии действуют прежде всего в интересах граждан как носителей избирательных прав, что соответствует статье 2 Конституции Российской Федерации [24].

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет сделать вывод о том, что системы избирательных комиссий России и Казахстана, имея общие черты, отражают специфику государственного устройства и политических систем двух стран. Российская модель характеризуется более разветвленной структурой и большей акцентуацией партийного представительства, казахстанская – более компактной организацией и значительным участием государственных служащих. При этом в обоих государствах наблюдаются схожие тенденции к профессионализации избирательных органов, цифровизации избирательных процедур и расширению открытости и прозрачности деятельности комиссий.

Перспективными направлениями совершенствования систем избирательных комиссий в обоих государствах, на наш взгляд, являются: усиление гарантий независимости членов комиссий, профессионализация кадрового состава, развитие системы непрерывного обучения, внедрение этических стандартов поведения, расширение открытости и прозрачности деятельности, использование современных информационных технологий. Особую актуальность приобретает расширение функций избирательных комиссий в межвыборный период, включая деятельность по повышению правовой культуры избирателей, методическому обеспечению участников избирательного процесса, мониторингу применения избирательного законодательства.

Представляется, что дальнейшее развитие систем избирательных комиссий двух государств должно быть направлено на укрепление их институциональной самостоятельности, повышение профессионализма членов комиссий, внедрение современных технологий и расширение функций в межвыборный период. Особое значение приобретает разработка и внедрение кодексов этики членов избирательных комиссий, способствующих формированию корпоративной культуры и профессиональных стандартов поведения. Только при таких условиях избирательные комиссии смогут эффективно выполнять свою ключевую роль в обеспечении избирательных прав граждан и легитимности избираемых органов власти.

Литература

1. Князев С.Д. Правовой статус избирательных комиссий в Российской Федерации: перспективы развития // Журнал российского права. 1999. № 10. С. 37-45.

2. Конституционный закон Республики Казахстан «О выборах в Республике Казахстан» от 28.09.1995 № 2464.

3. Данные официального сайта ЦИК России. URL: http://www.cikrf.ru/news/relevant/2016/02/10/01.html. (дата обращения: 10.03.2025).

4. Избирательный процесс в Республике Казахстан: теория и практика. Материалы к дистанционному обучению для организаторов выборов. Нур-Султан, 2022.

5. Веденеев Ю.А. Избирательная власть: исторический контекст, политико-правовая сущность и механизмы осуществления // Бюллетень ЦИК России. 1995. № 2. С. 39-48.

6. Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Демократия и управление избирательным процессом: отечественная модель // Журнал российского права. 2011. № 11. С. 5-20.

7. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

8. Постановление ЦИК РК от 29 ноября 2018 г. № 22/215 «О Рекомендациях по формированию составов избирательных комиссий в 2019 году».

9. Турищева Н.Ю. Актуальные вопросы правового статуса избирательных комиссий // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 7. С. 19-27.

10.Реут Д.А. Конституционно-правовой статус избирательных комиссий в Российской Федерации // Уральский форум конституционалистов. 2017. № 1. С. 29-32.

11.Пылин В.В. Демократизация избирательных комиссий как один из важных факторов повышения доверия граждан к избирательной системе России // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2012. № 2. С. 27-30.

12.Закон Республики Казахстан «О государственной службе Республики Казахстан» от 23.11.2015 № 416-V.

13.Белоусова Е.В. Избирательная комиссия муниципального образования - муниципальный орган с неопределенным статусом // Российский юридический журнал. 2010. № 4. С. 84-91.

14.Макарцев А.А. К вопросу о статусе избирательных комиссий: проблемы возложения полномочий // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 1. С. 26-28.

15.Веденеев Ю.А., Князев С.Д. Избирательные правоотношения: понятие, политико-правовое содержание и структура // Журнал российского права. 1998. № 10/11. С. 71-78.

16.Закон Республики Казахстан «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан» от 23.01.2001 № 148-II.

17.Реут Д.А. Информирование избирателей как гарантия реализации активного избирательного права граждан в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 240 с.

18.Миронов Н. Институт избирательных комиссий в России: тенденции развития и роль в избирательном процессе // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 2. С. 44-53.

19.Постановление ЦИК РК от 4 октября 2018 года № 17/210 «О некоторых вопросах взаимодействия избирательных органов Республики Казахстан с субъектами избирательного процесса».

20.Бузин А.Ю. Проблемы правового статуса избирательных комиссий в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

21.Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июня 2010 г. № 14-П по делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 1 и подпункта «а» пункта 8 статьи 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.М. Малицкого // СЗ РФ. 2010. № 27. Ст. 3552.

22.Постановление ЦИК РК от 29 ноября 2018 г. № 22/215 «О Рекомендациях по формированию составов избирательных комиссий в 2019 году».

23.Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июня 2010 г. № 14-П по делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 1 и подпункта «а» пункта 8 статьи 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А. М. Малицкого.

24.Определение Конституционного Суда РФ от 16 января 2007 г. № 160-О-П по жалобе федерального государственного учреждения «Маганский лесхоз» на нарушение конституционных прав и свобод положением пункта 19 статьи 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 20. Ст. 2453.

Electoral commissions of Russia and Kazakhstan: comparative legal analysis

Chokandaryan L.N.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article provides a comparative legal analysis of the systems of electoral commissions of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. The features of the structural organization, legal status, procedure for the formation and competence of the electoral bodies of the two states are studied. Particular attention is paid to the issues of independence of electoral commissions, professionalization of their members, implementation of the code of ethics for employees of the electoral system, as well as the functioning of commissions in the inter-election period. General trends and national features of the systems of electoral bodies are identified, directions for improving their activities are proposed.

Keywords: electoral commissions, electoral process, electoral bodies, legal status, Russian Federation, Republic of Kazakhstan, comparative legal analysis.

References

1. Knyazev S.D. Legal status of election commissions in the Russian Federation: development prospects // Journal of Russian Law. 1999. No. 10. P. 37-45.
2. Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan "On Elections in the Republic of Kazakhstan" dated September 28, 1995 No. 2464.
3. Data from the official website of the Central Election Commission of Russia. URL: http://www.cikrf.ru/news/relevant/2016/02/10/01.html. (date of access: 03/10/2025).
4. Electoral process in the Republic of Kazakhstan: theory and practice. Materials for distance learning for election organizers. Nur-Sultan, 2022.
5. Vedeneyev Yu.A. Electoral power: historical context, political and legal essence and mechanisms of implementation // Bulletin of the Central Election Commission of Russia. 1995. No. 2. P. 39-48.
6. Churov V.E., Ebzeev B.S. Democracy and Electoral Process Management: Domestic Model // Journal of Russian Law. 2011. No. 11. P. 5-20.
7. Federal Law of 12.06.2002 No. 67-FZ "On the Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 24. Art. 2253.
8. Resolution of the Central Election Commission of the Republic of Kazakhstan dated November 29, 2018 No.

22/215 "On Recommendations for the Formation of the Composition of Electoral Commissions in 2019".
9. Turishcheva N.Yu. Current issues of the legal status of election commissions // Constitutional and municipal law. 2016. No. 7. P. 19-27.
10. Reut D.A. Constitutional and legal status of election commissions in the Russian Federation // Ural forum of constitutionalists. 2017. No. 1. P. 29-32.
11. Pylin V.V. Democratization of election commissions as one of the important factors in increasing citizens' trust in the electoral system of Russia // Municipal service: legal issues. 2012. No. 2. P. 27-30.
12. Law of the Republic of Kazakhstan "On the civil service of the Republic of Kazakhstan" dated 23.11.2015 No. 416-V.
13. Belousova E.V. The Electoral Commission of the Municipality is a Municipal Authority with an Undefined Status // Russian Law Journal. 2010. No. 4. P. 84-91.
14. Makartsev A.A. On the Status of Electoral Commissions: Problems of Assigning Authority // State Authority and Local Self-Government. 2011. No. 1. P. 26-28.
15. Vedeneyev Yu.A., Knyazev S.D. Electoral Legal Relations: Concept, Political and Legal Content and Structure // Journal of Russian Law. 1998. No. 10/11. P. 71-78.
16. Law of the Republic of Kazakhstan "On Local Public Administration and Self-Government in the Republic of Kazakhstan" dated 23.01.2001 No. 148-II.
17. Reut D.A. Informing voters as a guarantee of the implementation of active electoral rights of citizens in the Russian Federation: diss. ... candidate of legal sciences. Moscow, 2016. 240 p.
18. Mironov N. The Institute of Electoral Commissions in Russia: Development Trends and Role in the Electoral Process // Comparative Constitutional Review. 2007. No. 2. Pp. 44-53.
19. Resolution of the Central Election Commission of the Republic of Kazakhstan dated October 4, 2018 No. 17/210 "On Some Issues of Interaction between Electoral Bodies of the Republic of Kazakhstan and Subjects of the Electoral Process".
20. Buzin A.Yu. Problems of the Legal Status of Electoral Commissions in the Russian Federation: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. M., 2004.
21. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 22, 2010 No. 14-P on the case of verifying the constitutionality of subparagraph "a" of paragraph 1 and subparagraph "a" of paragraph 8 of Article 29 of the Federal Law "On the Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation" in connection with the complaint of citizen A.M. Malitsky // Collected Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 27. Art. 3552.
22. Resolution of the Central Election Commission of the Republic of Kazakhstan of November 29, 2018 No. 22/215 "On Recommendations for the Formation of the Compositions of Electoral Commissions in 2019".
23. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 22, 2010 No. 14-P on the case of verifying the constitutionality of subparagraph "a" of paragraph 1 and subparagraph "a" of paragraph 8 of Article 29 of the Federal Law "On the Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation" in connection with the complaint of citizen A. M. Malitsky.
24. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 16, 2007 No. 160-O-P on the complaint of the federal state institution "Magansky Forestry" regarding the violation of constitutional rights and freedoms by the provision of paragraph 19 of Article 29 of the Federal Law "On the Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 20. Art. 2453.

Цифровое управление в правительстве: характерные черты времени, практические дилеммы и пути к распаду

Жен И
докторант Школы государственного управления Хэйлунцзянского университета, преподаватель Сельскохозяйственного мелиоративного университета Ба И

Цифровое управление в правительстве - важная мера, способствующая модернизации национальной системы управления и потенциала управления. Цифровое государственное управление характеризуется усилением двустороннего взаимодействия между государством и обществом, реализацией эффективной связи между традициями и современностью, обеспечением двойной гарантии технологии и безопасности, воплощением концепций служения и верховенства закона, что способствует повышению эффективности государственного управления. В настоящее время применение цифрового государственного управления на низовом уровне сталкивается с дилеммой цифрового формализма, которая вызвана неправильным взглядом на политическую деятельность, дисбалансом структуры власти и ответственности, а также системой, основанной на давлении. Для того чтобы выполнить функции цифрового управления, необходимо устранить неуместное представление о политической деятельности с помощью этического духа "цифровой доброты", устранить дисбаланс в структуре власти и ответственности с помощью модели социального управления "многомерной синергии" и устранить последствия системы давления с помощью совершенствования системы.

Ключевые слова: цифровое управление; цифровая формалистика; совместное управление; государственное управление; институциональное строительство

Введение

Под цифровизацией понимается ряд цифровых технологий, таких как большие данные, искусственный интеллект, мобильный интернет, облачные вычисления, блокчейн и другие цифровые технологии, которые образуют "цифровой комплекс". Цифровое управление - это модель управления, которая использует цифровые средства для управления государством и внедряет цифровые технологии в социальное управление. Государственное цифровое управление является основным органом, цифровое управление предприятиями и социальное цифровое управление - его полезным дополнением. Государственное цифровое управление может принести обществу эффективность и справедливость, поддержать социальную жизнеспособность и порядок, а также добиться интеграции целостности и инноваций. Однако, повышая эффективность государственного цифрового управления, оно имеет и непредвиденные последствия в виде цифрового формализма, который приводит к тому, что цифровое "расширение возможностей" на практике превращается в цифровую "негативную" энергию. Как отметил генеральный секретарь Си Цзиньпин, такой формализм "подменяет твердую реализацию напыщенной формой, а противоречия и проблемы прикрывает яркой и эффектной внешностью", что по сути является своего рода "субъективизмом и утилитаризмом", который фокусируется только на поверхности и не делает акцент на практических результатах. ". [1] В "Рекомендациях Центрального комитета Коммунистической партии Китая по разработке четырнадцатого пятилетнего плана национального экономического и социального развития и концепции до 2035 года" прямо предлагается ускорить развитие цифровизации, усилить строительство цифрового общества и цифрового правительства, повысить уровень цифровизации и интеллекта в государственных услугах, социальном управлении и т. д., расширить упорядоченное открытие основных государственных информационных данных и построить единую платформу обмена и открытия национальных данных.2021 В "Рекомендациях по В 2021 году в докладе "Уведомление о дальнейшем регулировании мобильных интернет-приложений с целью устранения формализма на кончиках пальцев" требуется устранить "формализм на кончиках пальцев" и снизить рабочую нагрузку на низовые кадры.

Характеристика эпохи цифрового государственного управления

В "Руководящих мнениях Государственного совета по укреплению строительства цифрового правительства" (далее - "Мнения") отмечается, что

Проект Фонда социальных наук провинции Хэйлунцзян: Управление рисками, ориентированное на управление вопросами устойчивости в городских сообществах провинции Хэйлунцзян (проект № 20GLE388)

"укрепление строительства цифрового правительства является неизбежным требованием для адаптации к тенденциям нового витка научно-технической революции и промышленных изменений, для руководства и стимулирования развития цифровой экономики и строительства цифрового общества, для создания хорошей цифровой экосистемы и ускорения развития цифровизации, и это является основной и Пилотный проект является важной инициативой по инновации концепции и способа государственного управления, формированию новой модели цифрового управления и содействию модернизации национальной системы управления и потенциала управления". [2] Мнения предлагают активно продвигать инновации в модели цифрового управления, продвигать модель социального управления от одностороннего управления к двустороннему взаимодействию, от интеграции офлайн к интеграции онлайн и офлайн, и стремиться к улучшению потенциала цифрового управления в области разрешения конфликтов, предотвращения и контроля социальной безопасности, общественной безопасности и безопасности, а также социального управления на низовом уровне.

Цифровое государственное управление укрепляет двустороннее взаимодействие между государством и обществом

В "Руководящих мнениях Госсовета по укреплению строительства цифрового правительства" четко указано, что режим социального управления должен быть переведен с одностороннего управления на двустороннее взаимодействие. Развитие человека - это конечная ценностная ориентация управления, а односторонний режим управления чреват превращением людей в то, что Маркузе называет односторонними людьми, то есть в людей развитых индустриальных обществ, которые живут только материальной жизнью и утратили негативность, креативность и критичность. Цифровое управление - это новая модель управления, способствующая реализации национального и социального развития, а также человеческих ценностей, основанная на осмыслении ограничений технологического управления и фактических дилемм, которые оно ставит перед управлением и человеческим развитием. В модели цифрового управления повышается степень двустороннего взаимодействия между государством и обществом и происходит переход от чисто государственного регулирования к совместному социальному управлению. В Китае формируется модель цифрового совместного управления, в которой под цифровым совместным управлением понимается "применение цифровых платформ для реализации институциональных механизмов участия множества взаимозависимых лиц или учреждений в принятии государственных решений и управлении". [3] Цифровая модель совместного управления - это цифровая платформа, которая объединяет в единую структуру и сохраняет независимость множества субъектов управления, которые не могут или не хотят участвовать в сотрудничестве в рамках традиционной модели управления, и разрушает ограничения времени и пространства с помощью цифровизации, чтобы реализовать двустороннее взаимодействие между государством и обществом.

Цифровое управление правительством для достижения эффективного взаимодействия между традициями и современностью

Цифровое управление правительством - это главный орган цифрового управления, а цифровая трансформация государственных услуг - важный элемент цифрового управления. В процессе продвижения цифровой трансформации государственных услуг в Китае цифровое управление реализовало эффективную конвергенцию традиционных и современных средств. Хотя программы реформирования государственных услуг в разных регионах отличаются друг от друга, основной темой является концепция обслуживания, ориентированная на человека. Существуют тонкие различия в том, как каждый регион работает с услугами, но основной упор делается на связь между традиционными и современными средствами, чтобы избежать неравенства услуг, возникающего в результате технологического управления.

Таблица 1
Статистика реформ в некоторых провинциях и муниципалитетах, непосредственно подчиненных центральному правительству, по развитию цифровизации государственных услуг

Провинция	Время	Программа реформы	Способ обработки
Чжэцзян	2023	Реформа услуг с добавленной стоимостью	Интеграция онлайн и офлайн обработки
Гуандун	2022	Стандартизация и упрощение государственных услуг	Интеграция онлайн и офлайн обработки
Хэйлунцзян	2022	Реформа всей цепочки бизнес-процессов "одного дела".	Интеграция онлайн и офлайн обработки
Гуйчжоу	2020	Реформа "провинциальных и разовых" государственных услуг	Интеграция онлайн и офлайн обработки
Хунань	2019	Реформа по принципу "одно дело за раз"	Интеграция онлайн и офлайн обработки
Хайнань	2023	Реформа государственных услуг с нулевым управлением	Высокая степень интеграции онлайн и офлайн
Цзилинь	2019	Реформа "одна сеть, одна дверь, одно время" для государственных услуг	Интеграция онлайн и офлайн
Синьцзян	2023	Реформа "Одно дело - один офис"	Интеграция и объединение онлайн и офлайн
Пекин	2024	62 сценария реформ по	Синхронизация онлайн и

		принципу "одно дело за раз"	офлайн усилий
Шанхай	2024	Реформа "одна сеть, чтобы делать"	Глубокая интеграция онлайн и офлайн
Чунцин	2022	Реформа государственных услуг	Интеграция и взаимодействие онлайн и офлайн

Государственное цифровое управление обеспечивает технические гарантии и гарантии безопасности

Развитие цифровых технологий привело мир к новому витку революции, а конкуренция между странами переместилась из физического пространства в цифровое, основой которого является безопасность. 1 сентября 2021 года вступил в силу Закон Китайской Народной Республики о безопасности данных, и было разработано 62 национальных стандарта для поддержки реализации этого закона, включая требования и рекомендации по безопасности для данных о лице, данных сетевых платежей, данных услуг связи, сетевых аудио- и видеоданных, данных здравоохранения, данных государственной информации, биометрических данных и других аспектов. Требования и руководящие принципы безопасности касаются аудио- и видеоданных, данных здравоохранения, правительственных информационных данных, биометрических данных и многих других аспектов. В процессе применения технологий цифровое управление придает большое значение концепции безопасности данных. При построении цифрового правительства необходимо обеспечить нижнюю границу безопасности, уточнить красную границу регулирования и усовершенствовать систему защиты сети и данных.2022 В "Мнениях о создании системы, основанной на данных, чтобы лучше играть роль элементов данных" говорится, что необходимо содействовать модернизации национальной системы управления и потенциала управления на основе обеспечения безопасности национальных данных и защиты личной информации и коммерческих секретов.

Цифровое государственное управление воплощает в себе двойную концепцию обслуживания и верховенства закона

С одной стороны, реформа государственных служб в различных провинциях и городах отражает переход от "могу сделать" к "хорошо", делая больший акцент на концепции ориентированного на услуги государственного управления. Благодаря оцифровке и интеллекту мы будем продолжать удовлетворять разнообразные потребности предприятий и населения, предоставлять удобные и интеллектуальные услуги, играя ключевую роль в создании национальной интегрированной платформы государственных услуг. Она способствует применению цифровых технологий в сфере основных государственных услуг для расширения возможностей обслуживания и обеспечивает доступность информации для особых групп населения. С другой стороны, применение технологий требует этических и правовых ограничений; при наличии только этики и отсутствии закона технологии могут привести к непредсказуемым и непредусмотренным последствиям. Закон Китайской Народной Республики о безопасности данных, вступивший в силу в 2021 году, воплощает в себе концепцию управления на основе верховенства закона. Он обеспечивает безопасность данных, придерживается общей концепции национальной безопасности, создает надежную систему управления безопасностью данных и повышает способность гарантировать безопасность данных. Таким образом, обеспечивается защита законных интересов отдельных лиц и организаций, а также национальный суверенитет, безопасность и интересы развития.

Реальность правительственной дилеммы цифрового управления.

В сфере низового управления преобладает цифровой формализм, который проявляется в виде бюрократического дигитализма и цифрового ретенционизма в технологическом обличье. Формализм в технологическом обличье прикрывает формализм в традиционной модели управления, что не только не повышает эффективность административной деятельности, но и приводит к падению доверия к правительству.

Проявление: цифровой формализм

Если судить по упоминанию цифрового формализма, то он представляет собой сочетание "цифровых технологий" и "формализма". 2019 год был определен Центральным комитетом партии как год снижения нагрузки на низовой уровень, в котором подчеркивалась необходимость борьбы с формализмом на низовом уровне и ослабления ограничений для низовых кадров. 2020 год стал годом, когда генеральный секретарь Си Цзиньпин дал указания избегать смены формальности на формальность. В 2020 году генеральный секретарь Си Цзиньпин издал инструкции, чтобы не допустить, чтобы запятнанные правительственные программы отнимали много времени у низовых кадров. На практике руководители рассылают документы в виде строительных групп для достижения связи по государственным делам, а в системе, основанной на давлении, давление работы смещается вниз через "цифровой код", и низовые кадры сформировали дилемму управления "маленькой тележкой, запряженной лошадью". Основной орган управления на низовом уровне должен нести самую тяжелую нагрузку, принимать надзор на самых многочисленных уровнях и сталкиваться с самой сложной ситуацией в управлении. Применение новых информационных технологий повысило уровень интеллекта в государственном цифровом управлении, но при этом породило цифровой формализм. Цифровой формализм, также известный как "умная бюрократия", - это технологическая концепция государственных услуг, содержанием которой является электронное правительство, управление информацией и онлайн-управление. Из-за "технологической оболочки" ди-

гитализма, в виде эффективности и повышения качества услуг, но на практике, цифровой формализм склонен вызывать в сетевом офисе ложные действия, бездействие и хаотичные действия. Эта практика фокусируется только на форме работы, а не на содержании услуги, обращает внимание только на высший уровень проверки, не обращает внимания на голоса масс, серьезно подрывая доверие к правительству.

Цифровой формализм уже давно распространен в низовом управлении, и решение проблемы цифрового формализма является важной задачей в модернизации системы управления и потенциала управления. После 18-го съезда партии к проблеме цифрового формализма на низовом уровне стали относиться серьезно, а 19-й съезд партии четко обозначил оппозицию формализму и бюрократии. Однако в ходе цифровой трансформации цифровые технологии, применяемые в управлении на низовом уровне, вновь стали очагом формализма, и новые формы формализма начали разрастаться. Поскольку вышестоящие органы власти используют "материалы" в качестве основы для оценки низовых органов власти, низовые органы управления стали работать по принципу "оставлять следы", и сложилась ситуация, когда "много материалов - много внимания" и "толщина материалов - много работы". "Толщина материала - это действительность", "не смотри на фактическое, смотри на материал", "не смотри на поле, смотри на бумагу", "не смотри на сделанное". Смотри на написанное" - цифровой формализм. Как отметил генеральный секретарь Си Цзиньпин: "С напыщенной формой вместо твердой реализации, с яркой и блестящей внешностью, чтобы скрыть противоречия и проблемы, по сути, является своего рода субъективизмом, утилитаризмом, который фокусируется только на поверхности и не фокусируется на практическом эффекте". [4]

Анализ причин

Первоначальный замысел цифрового управления в правительстве заключался в использовании технологий для повышения научного и стандартизированного уровня управления, однако на практике возник цифровой формализм, увеличивающий бремя управления и приводящий к нерациональному использованию ресурсов. Этому пессимистическому результату, когда телегу ставят впереди лошади, способствует большой символизм средств. Государственное цифровое управление неизбежно оказывается втянутым в борьбу между инструментальной и ценностной рациональностью, из которой оно не в состоянии вырваться. Причины такого результата три: неверное представление о политической эффективности, дисбаланс структуры власти и ответственности, а также система, основанная на давлении.

1. Этические факторы: неправильное представление о политической деятельности

Генеральный секретарь Си Цзиньпин отметил, что "суть формализма заключается в субъективизме и утилитаризме, а первопричина - в неправильном взгляде на политическую деятельность и отсутствии ответственности". [5] Неверное представление о политической деятельности может привести кадры к индивидуальному оппортунизму. Согласно новой институциональной экономике, люди стремятся к максимизации полезности, а эгоистические тенденции при определенных условиях превращаются в оппортунистическое поведение, что и составляет эндогенную силу цифрового формализма. "Цифровой формализм в основном вызван искаженными и неуместными идеологическими концепциями некоторых ведущих кадров, которые оторваны от масс и пренебрегают реальностью". [6] Технология - это обоюдоострый меч, когда цифровые технологии используются правильно, они способствуют повышению эффективности и оперативности работы правительства; когда цифровыми технологиями злоупотребляют, это приводит к возникновению цифрового формализма. Под руководством концепции правительства, ориентированного на услуги, перед лицом постоянно меняющихся и постоянно обновляющихся вопросов социального управления структура управления в Китае проявляется как пирамидальная структура, в которой "слои и слои кодирования" и "весь процесс отслеживания и проверки" заставляют все уровни правительства брать на себя главную ответственность, а в случае инверсии структуры власти и ответственности "главная ответственность" - это "ответственность" правительства. В перевернутой структуре "цифровой формализм" стал буферной зоной для низов. Низовые правительства "используют простоту, чтобы справиться со сложностью", применяя визуальные "материалы", такие как бухгалтерские книги, формы, изображения и аудио, чтобы ответить на все более сложные вопросы управления обществом. "В ответ на все более сложные вопросы управления они используют такие визуальные материалы, как бухгалтерские книги, формы, картинки, аудио и т. д., чтобы удовлетворить спрос общества на управление и требования инспекции более высокого уровня". Логику упрощенного управления необходимо рассматривать диалектически. С одной стороны, технология в рамках упрощенной логики управления приводит к усложнению и неэффективности внутреннего поведения правительства, например, к необходимости собирать девять материалов для одного гигиенического мероприятия в деревне. Как отмечает Мертон в своей статье "Бюрократическая структура и личность", "аналогичный процесс смещения цели происходит, когда инструментальная ценность становится конечной. ..... В результате смещения первоначальной цели акцент на дисциплине перерастает в жесткость и отсутствие способности к быстрой корректировке. Формализм, даже ритуализм, приводит к беспрекословной решимости скрупулезно придерживаться формализованных процедур". [7] Этот процесс "смещения цели" тесно связан с логикой действия государства и является тем, что порождает функционирование бюрократии. С другой стороны, логика упрощенного управления повышает способность государства к контролю и является политическим действием, которое в значительной степени коррелирует с властью. Скотт предполагает,

что простота - это реконструкция государством сложных социальных явлений, то есть упрощение и абстрагирование сложных и конкретных объектов управления. Причина появления такой "логики упрощения" заключается в том, что общество сложно, и только сделав сложное общество простым и понятным, государство может эффективно управлять им и достичь своей цели - контроля над обществом. "Сложные объекты управления вряд ли могут быть включены в сферу государственного управления, если они не преобразованы посредством оцифровки или квантификации". [8]

2. Структурные факторы: "маленькие повозки, запряженные лошадьми"

Структура включает в себя горизонтальное и вертикальное измерения, причем горизонтальное измерение определяет распределение власти, а вертикальное - взаимоотношения между различными уровнями от центра до местного уровня. В Китае вертикальная децентрализация является более важным структурным вопросом, чем горизонтальная децентрализация. Несоответствие вертикальной структуры приведет к слабости власти на низовом уровне, а оптимизация вертикальной структуры власти может усилить фундаментальную власть государства, что способствует модернизации национальной системы управления и потенциала управления. "В настоящее время существует проблема несоответствия между ресурсами, потенциалом и задачами в управлении на низовом уровне, которая проявляется в перегрузке низового звена, в частности, в перегрузке задачами, перегрузке ответственностью и перегрузке давлением". [9] В цифровом управлении правительством цифровые технологии не только изменили производство и жизнь людей, но и сформировали новую структуру управления, что породило практический парадокс в ее работе. Цифровые технологии встроены как инструмент в сложную организационную структуру, и бюрократия создает электронную иерархическую структуру, основанную на давлении. В этой структуре применение цифровых технологий ставит субъект низового управления в состояние сдавливания как "силами сверху вниз", так и "силами снизу вверх" во всей организационной структуре. С одной стороны, цифровые технологии создают канал для передачи информации между уровнями и разрушают ограничения традиционной иерархической системы, позволяя людям устанавливать контакты с низовыми структурами через цифровые платформы, и тем самым увеличивая нагрузку на низовые структуры в плане управления. С другой стороны, чтобы обеспечить выполнение задач управления, правительство более высокого уровня оказывает давление на низы через механизм надзора и инспекции, а также повод для анализа и оценки, в результате чего низовые кадры оказываются зажатыми двумя силами в цифровом управлении и предпочитают справляться со стратегией с помощью цифрового формализма. Внутреннее противоречие в структуре привело к серьезному формализму низового управления и дисфункции развития функции.

"Эта растущая бюрократическая структура китайских политических организаций и их носителей наложила уникальный отпечаток на китайскую гуманистическую традицию". [10] Последствия технологических изменений никогда не были неоднозначными; хотя технологии приносят огромные выгоды и удобства, они также несут новые риски и неопределенность. Технологические изменения пересматривают отношения между людьми и организациями, ослабляя традиционные структуры управления и создавая новые. В очень сложных и неопределенных обществах возрастает потребность в межсубъектном сотрудничестве. Цифровое управление также открывает больше возможностей для сотрудничества между субъектами на практическом уровне, а сотрудничество подразумевает изменение границ. Одновременно с корректировкой границ организационные границы имеют тенденцию к расширению. Асимметрия прав, обязанностей и выгод, а также необоснованное распределение премии за синергию приводят к отсутствию стимулов в низовом управлении. Существует противоречие между логикой секционного управления и логикой социального управления. Логика секционного управления требует, чтобы низовое управление выполняло задачи вышестоящего руководства, а также осуществляло территориальное управление. Логика социального управления требует, чтобы многочисленные субъекты управления добивались совместного управления, но на практике все более сложные вопросы управления в основном берут на себя низовые органы управления, и структурная дилемма "малых телег, запряженных лошадьми" должна быть решена.

3. Институциональные факторы: институты, основанные на давлении

"Институты, основанные на давлении, означают систему управления с количественной декомпозицией задач и материалистической оценкой, принятую политическими организациями первого уровня (уезды и волости), чтобы добиться экономического догоняющего развития и выполнить задачи, поставленные вышестоящими уровнями". [11] Политические организации всех уровней количественно делят задачи и цели и делегируют их организациям более низкого уровня, приказывая им выполнить их в течение определенного периода времени. У давления есть своя мотивация, и система давления сыграла свою роль в содействии местному экономическому развитию, но система давления также дала почву для роста "чиновничества", что привело к "трем хаотическим явлениям" в 1980-х годах, которые имели негативные социальные и политические последствия. политические последствия. Концепции "ориентированности на правительство" и "ориентированности на людей" противоречат друг другу, и при неправильной идеологии поведение людей будет идти в противоположном направлении. Сложность управления в цифровую эпоху возрастает не только с точки зрения негативных последствий институтов, основанных на давлении, но и с точки зрения негативных последствий, которые могут возник-

нуть в результате огромного разрыва между способностью субъекта и объекта управления управлять технологиями.

Литература

1. Выдержки из важного выступления генсека Си Цзиньпина о противостоянии формализму и бюрократии[J]. China Discipline Inspection and Supervision, 2018(10):4-5.
2. Государственный совет. Guiding Opinions of the State Council on Strengthening the Construction of Digital Government (6 June 2022) [EB/OL]. Сайт правительства Китая http://www.gov.cn/gongbao/content/2022/content_5699869.htm.
3. Цзэн Юй, Хуан Хуан. Исследование модели цифрового совместного управления[J]. China Administration,2021,(12):58-66.
4. Хуан Синьхуа. Представительство, корни и регулирование цифрового формализма[J]. Национальное управление, 2023, (06): 31-35.
5. R. Merton. Bureaucratic Structure and Personality, Social Forces, vol.18, no.4 (1940), pp.560-568
6. Янь Чанюй, Ян Хуацзе. Воспринимая "след" как "исполнение": как управление следами эволюционирует в трассизм[J]. Exploration and Controversy, 2019,(11):111-121+159.
7. Фэнь Фэнчунь. Причины проблемы "маленькой тележки, запряженной лошадьми" в низовом управлении и пути ее решения[J]. Народный форум, 2024, (11): 23-26.
8. Макс Вебер. Конфуцианство и даосизм[M]. Перевод Хун Тяньфу. Нанкин: Народное издательство Цзянсу, 1997.:127.
9. Ронг Цзинбэнь. От системы, основанной на давлении, к системе демократического сотрудничества: Реформа политической системы на уровне уездов и волостей [M]. Пекин: Центральное издательство компиляций и переводов, 1998:28.
10. Герберт Маркузе. Однонаправленный человек: исследование идеологии в передовых индустриальных обществах [M]. Лю Ж. Перевод. Шанхай:Шанхайское переводческое издательство, 2014:191.
11. Кевин Келли. Чего хочет технология [M]. Xiong Xiang. Пекин:CITIC Press, 2011:252.
12. Мандевиль. Басня о пчелах[M]. [14][Голландия] Мандевиль. Пекин: Коммерческая пресса, 2019:1.
13. Гай Питерс. Институциональная теория в политической науке: новый институционализм [M]. Перевод Ван Сянмина и Дуань Хунвэя. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 2016:98.

Digital Government Governance: Characteristics of the Times, Practical Dilemmas, and the Path to Disintegration

Zhen Yi

Heilongjiang University

Digital government governance is an important measure to promote the modernization of the national governance system and governance capacity. Digital government governance is characterized by strengthening the two-way interaction between the state and society, realizing the effective connection between tradition and modernity, providing dual guarantees of technology and security, embodying the concepts of service and the rule of law, which is conducive to improving the efficiency of public administration. At present, the application of digital government governance at the grassroots level is faced with the dilemma of digital formalism, which is caused by the wrong view of political activity, the imbalance of the power and responsibility structure, and the pressure-based system. In order to fulfill the functions of digital governance, it is necessary to eliminate the inappropriate concept of political activity with the ethical spirit of "digital kindness", eliminate the imbalance in the structure of power and responsibility with the social governance model of "multidimensional synergy", and eliminate the consequences of the oppressive system through system improvement.

Keywords: digital governance; digital formalism; collaborative governance; public administration; institution building

References

1. Excerpts from General Secretary Xi Jinping's Important Speech on Countering Formalism and Bureaucracy[J]. China Discipline Inspection and Supervision, 2018(10):4-5.
2. State Council. Guiding Opinions of the State Council on Strengthening the Construction of Digital Government (6 June 2022) [EB/OL]. Website of the Government of China http://www.gov.cn/gongbao/content/2022/content_5699869.htm.
3. Zeng Yu, Huang Huang. Research on the Model of Digital Collaborative Governance[J]. China Administration,2021,(12):58-66.
4. Huang Xinhua. Representation, Roots, and Regulation of Digital Formalism[J]. National Administration, 2023, (06): 31-35.
5. R. Merton. Bureaucratic Structure and Personality, Social Forces, vol.18, no.4 (1940), pp.560-568
6. Yan Changyu, Yang Huajie. Perceiving "Trace" as "Implementation": How Trace Management Evolves into Traceism[J]. Exploration and Controversy, 2019,(11):111-121+159.
7. Fen Fengchun. Causes of the "Horse-Drawn Cart" Problem in Grassroots Management and Ways to Solve It[J]. People's Forum, 2024, (11): 23-26.
8. Max Weber. Confucianism and Taoism[M]. Translated by Hong Tianfu. Nanjing: Jiangsu People's Publishing House, 1997.:127.
9. Rong Jingben. From a Pressure-Based System to a Democratic Cooperation System: Reform of the County and Township Political System [M]. Beijing: Central Compilation and Translation Press, 1998:28.
10. Herbert Marcuse. The One-Way Man: A Study of Ideology in Advanced Industrial Societies [M]. Liu, J. Transl. Shanghai: Shanghai Translation Press, 2014:191.
11. Kevin Kelly. What Technology Wants [M]. Xiong Xiang. Beijing: CITIC Press, 2011:252.
12. Mandeville. The Fable of the Bees [M]. [14][Netherlands] Mandeville. Beijing: Commercial Press, 2019:1.
13. Guy Peters. Institutional Theory in Political Science: The New Institutionalism [M]. Translated by Wang Xiangming and Duan Hongwei. Shanghai: Shanghai People's Publishing House, 2016:98.

Эволюция внешней политики России в постсоветский период

Лю Идин
магистр, МГУ, 2300725748@qq.com

В статье рассматривается трансформация внешней политики Российской Федерации в постсоветский период (1991–2023 гг.) сквозь призму ключевых стратегических этапов, нормативных концепций и региональных приоритетов. Проведён анализ эволюции официальных внешнеполитических документов и президентских посланий, а также внешнеполитического дискурса в контексте роста многополярности и конфронтации с Западом. Особое внимание уделено геополитическим интересам России в Евразии, а также роли Китая и новых центров силы. Исследование демонстрирует переход от либерального идеализма к модели «жёсткого суверенитета», отражающей изменения в международной системе и стратегическом мышлении российского руководства.

Ключевые слова: Внешняя политика России, Постсоветский период, Геополитика, Многополярность, Конфронтация с Западом

Введение

Эволюция внешней политики Российской Федерации в постсоветский период является предметом особого внимания как отечественного, так и зарубежного научного сообщества. Изменения международной обстановки, трансформация системы международных отношений, а также смена приоритетов внешнеполитического курса России делают данное направление актуальным для комплексного анализа. Проблематика рассматривается в работах таких ведущих российских экспертов, как П.А. Цыганков, разработавший концепт «великодержавной идентичности» России; Ф.А. Лукьянов, критически анализировавший либерально-атлантистскую модель 1990-х годов; а также Т.В. Бордачёв, акцентирующий внимание на значении ЕАЭС в условиях формирования многополярного мира.

Распад Советского Союза в 1991 году ознаменовал собой начало качественно нового этапа в истории российской внешней политики. В условиях перехода от биполярной модели мировой системы к «однополярному моменту», во главе с Соединёнными Штатами Америки, Россия оказалась перед необходимостью переосмысления своих внешнеполитических ориентиров и стратегических интересов. Как отмечает С.А. Караганов, «острая российская дискуссия по внешней политике, сохранявшаяся в 1990-х годах, помогла предотвратить безвозвратную сдачу позиций или попытку самоубийственного реванша, подготовила почву к возвращению к более реалистическому и национально ориентированному курсу» [1].

Современный этап развития внешней политики России (2012–2023 гг.) характеризуется существенным обострением отношений с Западом, прежде всего на фоне украинского кризиса и режима санкционного давления. По мнению Д. Тренина, «перелом в российско-западных отношениях уже не “срастётся”, отыграть назад не получится; тяжёлое противоборство с Западом России гарантировано на длительный срок» [2]. В этих условиях особое значение приобретает развитие отношений с государствами Азии, прежде всего с Китайской Народной Республикой. Как подчёркивает Д.С. Песков, «наши отношения с Китаем, с Китайской Народной Республикой, носят характер стратегического особенного партнёрства, и это не связано с какой-то зависимостью кого-то» [3].

Цель исследования — всесторонне проанализировать эволюцию внешнеполитического курса Российской Федерации в постсоветский период с акцен-

том на ключевые этапы, трансформацию приоритетов и внешнеполитическую реакцию на изменения в международной системе.

Методологическую основу исследования составляют принципы политического реализма, историко-генетический подход, а также методы сравнительного и проблемно-хронологического анализа. Используются как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция), так и специальные методы (контент-анализ внешнеполитических документов, дискурс-анализ выступлений политических лидеров, интерпретация стратегических концептов).

Научная новизна исследования заключается в комплексной систематизации этапов внешнеполитического развития России в условиях постсоветской трансформации и многополяризации мировой системы, а также в уточнении роли двустороннего российско-китайского партнёрства в архитектуре евразийской безопасности.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения его результатов при разработке аналитических и прогностических материалов в области внешней политики, международных отношений и евразийской интеграции, а также в учебном процессе при подготовке специалистов в сфере международных отношений.

Таким образом, обращение к теме эволюции внешней политики России в постсоветский период позволяет не только лучше понять стратегическую логику внешнеполитического курса страны, но и выявить основные тенденции трансформации её роли в глобальной системе международных отношений.

Теоретико-методологические основы

Анализ эволюции внешней политики Российской Федерации в постсоветский период требует обращения к междисциплинарной теоретико-методологической базе, охватывающей как классические подходы, так и современные теории международных отношений. Одним из фундаментальных теоретических оснований для осмысления геополитических приоритетов России традиционно служит классическая геополитика, сформулированная Х. Маккиндером в работе «Географическая ось истории» (1904), в которой подчёркивалось значение Евразии как ключевого пространства глобального контроля [4]. На развитие этих идей существенное влияние оказали труды российских политологов. Так, К.С. Гаджиев акцентирует внимание на стратегической важности Кавказа и Центральной Азии для России, подчёркивая, что: «значимость Кавказа и Центральной Азии для России, помимо всего прочего, определяется выгодным геополитическим положением региона, расположенного на перекрестках коммуникаций, связывающих Европу со странами Юго-Западной, Южной и Восточной Азии...» [5]. Он подчёркивает, что потеря влияния в этом регионе чревата для России серьёзными геополитическими потерями.

Созвучные выводы представлены и в концепции А.Г. Дугина, согласно которой обеспечение внешнеполитического влияния России требует институционализации евразийского геополитического пространства. В своей монографии «Основы геополитики» он отмечает: «России необходимо оформить и укрепить свою цивилизацию, включив в неё страны СНГ в рамках единого „евразийского геополитического пространства“, на основании огромного потенциала в виде совокупности православно-славянской культуры и цивилизационной идентичности» [6].

Тем не менее, реалии XXI века требуют адаптации и развития классических теорий в свете современных вызовов. Современная внешнеполитическая стратегия России всё чаще интерпретируется через призму неореализма — с акцентом на баланс сил, защиту национального суверенитета и сдерживание, включая ядерный фактор. Наряду с этим актуализируются элементы конструктивистского подхода, согласно которому внешняя политика формируется не только через материальные интересы, но и через идентичность и восприятие угроз. В частности, расширение НАТО на восток рассматривается как экзистенциальная угроза, формирующая внешнеполитическую риторику. В подтверждение данной тенденции можно привести слова Президента России В.В. Путина, сказанные на Валдайском форуме в 2023 году: «Многополярный мир утвердится» [7]. Это отражает институционализированный дискурс о постепенном демонтаже западноцентричной модели мировой политики и формировании новых центров силы.

С методологической точки зрения, хронологический анализ внешней политики России в постсоветский период позволяет выделить четыре ключевых этапа, каждый из которых связан с определённой трансформацией внешнеполитической доктрины:

1991–1999 гг. — период прозападной ориентации, характеризующийся стремлением к интеграции с западными структурами и сотрудничеством с НАТО. Ключевым кризисом стал конфликт в Косово (1999), в котором, несмотря на формальную поддержку Сербии, Россия фактически признала итоги натовских бомбардировок, что вызвало внутреннюю критику курса.

2000–2008 гг. — этап «прагматического разворота» к Востоку и энергетической дипломатии. Значимыми событиями стали создание ШОС (2001), запуск проекта «Голубой поток» (2002), а также начало переосмысления собственной роли в евразийском пространстве.

2008–2012 гг. — период попытки «перезагрузки» с США, сопровождавшийся грузино-осетинским конфликтом (2008) и последующим признанием независимости Абхазии и Южной Осетии, что показало пределы сближения с Западом.

2012–2023 гг. — этап «жёсткого реализма», включающий в себя аннексию Крыма (2014), военную операцию в Сирии (2015) и начало конфликта на Украине (2022). Этот период сопровождается укреплением антизападной риторики и активизацией стратегического партнёрства с Китаем и странами Глобального Юга.

Для анализа внешнеполитических решений и поведения России в рамках указанных этапов в настоящем исследовании применяется метод case-study. Особое внимание уделяется кейсу военной операции России в Сирии, которая рассматривается как пример реализации стратегии «гибридной дипломатии», сочетающей ограниченное военное вмешательство с активной информационной поддержкой через международные медиа, в частности RT Arabic. В работе иранского исследователя подчёркиваются две основные причины участия России в сирийском конфликте: во-первых, Сирия обеспечивает доступ к стратегически важным точкам на Ближнем Востоке и в Восточном Средиземноморье; во-вторых, дестабилизация Сирии и усиление террористических группировок создают риски для безопасности на Северном Кавказе и в мусульманских регионах России [8].

Таким образом, совмещение теоретических рамок геополитики, реализма и конструктивизма, а также использование метода case-study в конкретных региональных контекстах позволяет более глубоко осмыслить особенности эволюции внешней политики Российской Федерации в постсоветский период.

Этапы эволюции внешней политики России: от «либерального идеализма» к «жёсткому суверенитету»

1991–1999 гг.: Либеральный идеализм и кризис идентичности

Период 1990-х годов ознаменовался попыткой интеграции России в западноцентричную систему международных отношений на основе идеологии либерального интернационализма. Распад СССР стал не только крупнейшей геополитической катастрофой XX века, но и спровоцировал острую дискуссию об идентичности и внешнеполитическом курсе нового государства. Как отмечают отечественные исследователи, «сразу после появления новой российской государственности судьба отечественной демократии оказалась тесно связана с вошедшим в моду российским либерализмом, занявшим доминирующее положение в среде властного и интеллектуального истеблишмента в стране в начале 90-х годов» [9].

Внешне это выразилось в ряде шагов, направленных на сближение с Западом: подписание Основополагающего акта Россия – НАТО (1997), в котором Москва де-факто согласилась с расширением альянса на восток в обмен на декларативные гарантии безопасности; а также пассивная реакция на кризис в Югославии (1999), когда бомбардировки Белграда силами НАТО не встретили реального сопротивления со стороны России, несмотря на жёсткую риторику МИД.

Одновременно углублялась экономическая зависимость от западных финансовых институтов. Согласно данным Международного валютного фонда, к 1998 году внешний долг России достиг $182 млрд, что обусловило крайне жёсткие условия кредитного сотрудничества, усугубившие финансовый кризис.

2000–2008 гг.: Многополярность как ответ на униполярность

С приходом В.В. Путина на пост Президента начинается пересмотр внешнеполитических ориентиров в сторону укрепления национального суверенитета и возвращения России в качестве самостоятельного актора на мировой арене. Основой нового курса стал прагматизм, сопровождаемый возрождением великодержавной риторики. Ключевым инструментом внешнеполитического влияния становится энергетическая дипломатия. Контроль над стратегическими активами, в частности над «Газпромом», позволил оказывать воздействие на европейские рынки: к 2007 году доля российского газа в импорте ЕС составляла около 25%.

Создание Шанхайской организации сотрудничества (2001) и Организации Договора о коллективной безопасности (2002) стало институциональной основой евразийской интеграции и формирования альтернативных западным форматов международного взаимодействия. Кульминацией политической концептуализации многополярности стало выступление В.В. Путина на Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 году, где он заявил: «Для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна» [10]. Как отметил американский политолог Харлан Ульман, данное выступление стало «резкой критикой однополярного мира под руководством США» [11].

Однако события августа 2008 года – вооружённый конфликт в Грузии – продемонстрировали пределы возможностей российской дипломатии. Несмотря на признание независимости Абхазии и Южной Осетии, Россия столкнулась с международной изоляцией и усилением антироссийских настроений на Западе, что ограничило её дипломатическое маневрирование.

2008–2012 гг.: «Перезагрузка» или стратегическая пауза

Период президентства Д.А. Медведева характеризуется попыткой нормализации отношений с Западом в рамках концепции «перезагрузки». С одной стороны, наблюдается дипломатическая активизация: подписан Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-3); с другой — Россия продолжает укреплять свои позиции в евразийском регионе. Была инициирована модернизация Вооружённых сил, увеличен оборонный бюджет, а также создана структура Единого экономического пространства как зачатка будущего Евразийского экономического союза.

Знаковым событием этого этапа стала гражданская война в Ливии в 2011 году. Воздержание России при голосовании по резолюции 1973 Совета Безопасности ООН, позволившей военную интервенцию, вызвало последующее разочарование в механизмах международной коалиции. Как позднее отметил В.В. Путин, «резолюция Совета Безопасности, безусловно, является неполноценной и ущербной» [12]. Это стало своеобразной точкой отказа от иллюзий сближения с Западом и переходом к более жёсткому внешнеполитическому реализму.

2012–2023 гг.: Суверенитет через конфронтацию

Возвращение В.В. Путина к власти в 2012 году ознаменовало переход к доктрине «жёстких красных линий». Ключевым рубежом этого периода стал Крымский кризис 2014 года. Как отмечает А.Г. Дугин, «после Крыма тщательно скрываемая истина о “цивилизации Россия” вышла на поверхность — мы в полной мере вернулись в историю» [13]. Аннексия Крыма, наряду с поддержкой Донбасса, закрепила отход России от западноцентричной модели взаимодействия и привела к обострению конфронтации с ЕС и США.

Одновременно Россия продемонстрировала способность к проведению ограниченных, но эффективных внешнеполитических операций. Так, военная кампания в Сирии (с 2015 года) показала новую стратегию вмешательства, основанную на гибридной модели: ограниченный военный контингент, кибервоздействие, дипломатическая активность и медиаподдержка (RT, Sputnik). В дальнейшем, начиная с 2022 года, спецоперация на Украине окончательно институционализировала раскол между Россией и коллективным Западом. Согласно оценке Всемирного банка, военные расходы РФ выросли с 3,9% ВВП в 2013 году до 5,9% в 2023 году [14].

Однако наряду с конфронтацией Россия активно развивала стратегический поворот на Восток. Укрепление партнёрства с Китаем и Индией, а также инициатива «Большого Евразийского партнёрства» (БЕП) стали основой альтернативной модели международного сотрудничества, противопоставляемой западной однополярности. Формирование новой архитектуры взаимодействия с государствами Азии, Ближнего Востока и Глобального Юга свидетельствует о стремлении России переосмыслить свою роль в мировой системе координат.

Стратегические приоритеты и региональные интересы

Анализ современной внешнеполитической стратегии Российской Федерации невозможен без изучения её ключевых программных документов, прежде всего — «Концепции внешней политики Российской Федерации», а также ежегодных посланий Президента РФ Федеральному Собранию. Эволюция этих документов отражает не только изменение внешнеполитических приоритетов, но и трансформацию идеологической основы, лежащей в их основании.

Динамика «Концепции внешней политики Российской Федерации»

Год версии	1993	2000	2008	2023
Исторический контекст	Распад СССР, экономический кризис, попытки интеграции в западную систему	Укрепление централизованной власти, восстановление экономики	Рост международного влияния России перед мировым финансовым кризисом	Противостояние с Западом из-за Украины, санкции, ориентация на Восток
Международная позиция	Стремление стать частью «демократического Запада»	Поддержка многополярного мира, критика гегемонии США	Акцент на «многоцентричную систему», сотрудничество с новыми центрами силы	Защита суверенитета, отказ от западной модели, курс на «незападный мир»
Безопасность	Стабилизация постсоветского пространства, защита территориальной целостности	Борьба с терроризмом, ядерное сдерживание, противодействие расширению НАТО	Концепция «стратегической стабильности», критика ПРО США	Угрозы «гибридных войн», усиление ОДКБ, ядерное сдерживание как основа
Экономика	Приоритет сотрудничества с Западом, получение финансовой помощи	Интеграция в рамках СНГ (ЕВРАЗЭС)	Энергетическая дипломатия, партнёрство с Азиатско-Тихоокеанским регионом	Поворот к Китаю, Индии, Ближнему Востоку, обход санкций через альтернативные рынки

Временные редакции «Концепции внешней политики РФ» — 1993, 2000, 2008 и 2023 годов — формируют хронологически последовательную картину эволюции внешнеполитического мышления российской власти.

На основании анализа дискурсивной эволюции данных документов можно выделить несколько устойчивых тенденций:

1. Отношения с Западом: начиная с надежд на полноценное партнёрство в 1990-х, Россия постепенно перешла к позиции стратегической конфронтации, особенно после 2014 года, когда расширение НАТО и украинский кризис усилили восприятие Запада как угрозы.

2. Ядерная политика: от стремления к сокращению вооружений в 1990-е годы — к возрастанию роли ядерного сдерживания как гарантии суверенитета и стратегической автономии к 2023 году.

3. Экономический вектор: заметен переход от западноцентричной модели интеграции к укреплению связей с Китаем, Индией, странами БРИКС и формированию альтернативных логистических и финансовых маршрутов.

4. Ценностная система: векторы дискурса смещаются от имитации западной либеральной демократии к утверждению идеологии «суверенитета», традиционных ценностей и самостоятельной цивилизационной модели развития [16].

Эволюция внешнеполитического дискурса в посланиях Президента РФ

Особое внимание в исследовании динамики внешнеполитических приоритетов уделяется ежегодным посланиям Президента Российской Федерации, отражающим стратегическое видение руководства страны. Важно проследить изменение тональности и приоритетов на основе анализа посланий 2007, 2014 и 2022 годов, а также «Мюнхенской речи» В.В. Путина 2007 года.

Год	2007	2014	2022
Контекст	Пост-"цветных революций",	После присоединения	Начало СВО на Украине,

	рост напряжённости с Западом	Крыма, санкции Запада	жёсткая конфронтация с коллективным Западом
Суверенитет	Акцент на независимость России в условиях глобализации	Защита права России на самостоятельный выбор пути развития	Объявление России "суверенной цивилизацией", борьба за многополярность
Отношения с Западом	Критика однополярности, но сохранение диалога	Резкое осуждение "двойных стандартов" Запада, отказ от уступок	Резкое осуждение "двойных стандартов" Запада, отказ от уступок
Безопасность	Предупреждение о последствиях расширения НАТО	Укрепление обороноспособности как ответ на санкции и давление	Обоснование СВО как защиты Донбасса и "денацификации" Украины
Международные союзы	Поддержка ООН, идея многополярности	Углубление сотрудничества с Китаем, ШОС, БРИКС	Курс на альтернативные блоки (ЕАЭС, ШОС, Африка, Ближний Восток)
Экономика	Интеграция в мировую экономику через энергетику и технологии	Импортозамещение как ответ на санкции	Формирование "суверенной экономики", переход на расчёты в национальных валютах
Идеология	Подчёркивание "прагматизма" без идеологической конфронтации	Концепция "русского мира" и защиты соотечественников	Борьба за "традиционные ценности", критика "либерального тоталитаризма"

Выводы:

-Эскалация конфронтации с Западом: от критики до прямого противостояния.

-Переориентация на Восток и Юг: от символического взаимодействия — к устойчивым альянсам.

-Экономическая автаркия: от идеи «энергетической сверхдержавы» — к построению «суверенной экономики» [16].

Россия в глобальной и региональной политике: между многополярностью и конфронтацией

На современном этапе внешняя политика России представляет собой сложный синтез глобального геополитического позиционирования и активной региональной стратегии.

Глобальный уровень. Российская концепция многополярного мира, последовательно продвигаемая с середины 2000-х годов, усилилась после 2014 года на фоне обострения противоречий с США и ЕС. Москва делает ставку на развитие альтернативных институтов международного сотрудничества (БРИКС, ШОС), а также на концепцию «избирательного многосторонничества». Примером может служить использование права вето в Совбезе ООН (17 раз с 2011 г. по сирийскому вопросу) и акцент на «суверенную демократию» на международных площадках.

Региональные векторы.

Постсоветское пространство. ЕАЭС и ОДКБ выполняют функции политической, экономической и военной стабилизации региона. Интервенция ОДКБ в Казахстане (2022) продемонстрировала готовность Москвы к обеспечению стабильности в партнёрских государствах. Однако ограниченный эффект доктрины «русского мира» на Украине показал пределы культурного влияния.

Европейское направление. Взаимозависимость и конфронтация проявились наиболее ярко в энергетике: проект «Северный поток–2» (2015–2021) символизировал попытку экономического сближения, тогда как денонсация ДРСМД (2019) и введение «газового рубля» (2022) указывают на переход к асимметричной стратегии.

Азиатско-Тихоокеанский регион. Углубление партнёрства с Китаем (контракт «Сила Сибири-2», 2020) сочетается с военным и технологическим сотрудничеством с Индией (49% импорта вооружений Индии из РФ, SIPRI, 2023), а также с регулярными учениями «Восток», демонстрирующими многовекторность.

Ближний Восток. Сирийская кампания (с 2015 г.) эволюционировала в механизм долгосрочного влияния через «Астанинский формат». Сотрудничество с Турцией развивается по модели «конкуренция через партнёрство» — от конфликта (инцидент с Су-24 в 2015 г.) до реализации контрактов (поставка С-400, 2017).

Арктика. Арктическое направление приобретает стратегическое значение. Принятие Стратегии до 2035 года, развитие Северного флота (ввод в строй ледокола «Арктика», 2020) и контроль транспортных маршрутов усиливают влияние России в регионе, сочетая элементы «жёсткой» и «мягкой» силы.

Заключение

Геополитическое противостояние России и Запада в постсоветский период (1991–2023 гг.) стало отражением глубоких трансформаций в системе международных отношений. От попыток интеграции в западный мир в 1990-х годах Россия постепенно перешла к жёсткой модели внешнеполитического суверенитета. Расширение НАТО, поддержка «цветных революций» и санкционное давление способствовали переходу от фрагментарного диалога к устойчивой конфронтации. Одновременно усилилась роль новых центров силы — прежде всего Китая, что позволило Москве выстраивать многовекторную стратегию, опираясь на формирующийся «незападный» мир.

Современная внешняя политика России представляет собой гибрид конфронтации и прагматизма. С одной стороны, усиливаются элементы силового сдерживания — в сфере безопасности, киберугроз, информационного воздействия; с другой — сохраняются экономические каналы взаимодействия, в том числе с недружественными странами. На этом фоне углубляется сотрудничество с Китаем, Индией, странами БРИКС и Ближнего Востока, что формирует устойчивую альтернативу западноцентричной модели глобального управления. Особое значение приобретают инициативы по со-

зданию «суверенной экономики», переходу к национальным валютам и развитию стратегических альянсов в Евразии.

Постсоветское пространство остаётся ключевой ареной соперничества, где пересекаются интересы Москвы, Вашингтона, Брюсселя и Пекина. В этих условиях успех России как самостоятельного центра силы будет зависеть от её способности преодолевать внутренние ограничения, адаптироваться к глобальной нестабильности и формировать устойчивые союзы на принципах равноправия. Евразия превращается в лабораторию нового мирового порядка, где пересекаются линии конфликта и сотрудничества, а будущее международной системы будет определяться не столько силой, сколько способностью к стратегическому балансу и взаимному признанию интересов.

Литература

1. Караганов С.А. Российская внешняя политика: новый этап? [Электронный ресурс]. – 2016. – URL: https://karaganov.ru/rossijskaja-vneshnjaja-politika-novyj-jetap/ (дата обращения: 15.03.2025).
2. Тренин Д.В. Специальная военная операция на Украине как переломная точка внешней политики современной России [Электронный ресурс]. – 2022. – URL: https://globalaffairs.ru/articles/perelomnaya-tochka/ (дата обращения: 15.03.2025).
3. Песков: Москва не согласна с мнением Парижа о вассальной зависимости России от Китая [Электронный ресурс]. – 2023. – URL: https://tass.ru/politika/17749011 (дата обращения: 15.03.2025).
4. Макиндер Х. Географическая ось истории // The Geographical Journal. – 1904. – № 23. – С. 421–437.
5. Лунев С.И. Центральная Азия и Южный Кавказ как геополитические регионы и их значение для России // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – № 3 (45). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsentralnaya-aziya-i-yuzhnyy-kavkaz-kak-geopoliticheskie-regiony-i-ih-znachenie-dlya-rossii (дата обращения: 15.03.2025).
6. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. – М.: Арктогея-центр, 1999. – 928 с.
7. Заседание дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс]. – 2023. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72444 (дата обращения: 15.03.2025).
8. Takhshid M.R., Shoja M. Explaining Russia's Intervention in the Syrian Crisis from a Geopolitical Perspective // Central Eurasia Studies. – 2018. – Vol. 11, № 2. – P. 305–320.
9. Бакланов В.И., Осин Р.С. О либерализме без демократии в России в 1990-е годы // Обозреватель – Observer. – 2023. – № 3 (398). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-liberalizme-bez-demokratii-v-rossii-v-1990-e-gody (дата обращения: 15.03.2025).
10. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности [Электронный ресурс]. – 2007. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (дата обращения: 15.03.2025).
11. Ullman H.K. Did NATO cause the war in Ukraine? [Электронный ресурс] // The Hill. – 2022. – URL: https://thehill.com/opinion/national-security/3484182-did-nato-cause-the-war-in-ukraine/ (дата обращения: 15.03.2025).
12. Интервью премьер-министра РФ Владимира Путина [Электронный ресурс]. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=ikh4Eq618P4 (дата обращения: 15.03.2025).
13. Дугин А.Г. От корпорации к цивилизации [Электронный ресурс]. – URL: https://izborsk-club.ru/3011 (дата обращения: 15.03.2025).
14. World Bank Open Data. Military expenditure (% of GDP) – Russian Federation [Электронный ресурс]. – URL: https://data.worldbank.org/indicator/MS.MIL.XPND.GD.ZS?locations=RU (дата обращения: 15.03.2025).
15. Концепции внешней политики Российской Федерации. 1993–2023 гг. / Сост. Д.В. Кузнецов. – Б.м.: Б.изд., 2023. – 122 с.
16. Послания Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. – URL: https://www.prlib.ru/section/681720 (дата обращения: 15.03.2025).

Evolution of Russia's foreign policy in the post-soviet period

Liu Yiding

Moscow state university

The article examines the transformation of the foreign policy of the Russian Federation in the post-Soviet period (1991–2023) through the lens of key strategic stages, normative concepts, and regional priorities. The study analyzes the evolution of official foreign policy documents and presidential addresses, as well as Russia's foreign policy discourse in the context of growing multipolarity and confrontation with the West. Particular attention is paid to Russia's geopolitical interests in Eurasia and the role of China and other emerging centers of power. The research highlights the shift from liberal idealism to a model of "hard sovereignty," reflecting changes in the international system and the strategic thinking of the Russian leadership.

Keywords: Russia's foreign policy, Post-Soviet period, Geopolitics, Multipolarity, Confrontation with the West

References

1. Karaganov S.A. Russian Foreign Policy: A New Stage? [Electronic resource]. - 2016. - URL: https://karaganov.ru/rossijskaja-vneshnjaja-politika-novyj-jetap/ (accessed: 15.03.2025).
2. Trenin D.V. Special Military Operation in Ukraine as a Turning Point in Modern Russia's Foreign Policy [Electronic resource]. - 2022. - URL: https://globalaffairs.ru/articles/perelomnaya-tochka/ (accessed: 15.03.2025).
3. Peskov: Moscow Disagrees with Paris's Opinion on Russia's Vassal Dependence on China [Electronic resource]. – 2023. – URL: https://tass.ru/politika/17749011 (date of access: 15.03.2025).
4. Mackinder H. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. – 1904. – No. 23. – P. 421–437.
5. Lunev S.I. Central Asia and the South Caucasus as Geopolitical Regions and Their Significance for Russia // Central Asia and the Caucasus. – 2006. – No. 3 (45). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsentralnaya-aziya-i-

yuzhnyy-kavkaz-kak-geopoliticheskie-regiony-i-ih-znachenie-dlya-rossii (date of access: 15.03.2025).
6. Dugin A.G. Fundamentals of Geopolitics. Russia's Geopolitical Future. Thinking in Space. - M.: Arktogeya-Center, 1999. - 928 p.
7. Meeting of the Valdai Discussion Club [Electronic resource]. - 2023. - URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72444 (date of access: 15.03.2025).
8. Takhshid M.R., Shoja M. Explaining Russia's Intervention in the Syrian Crisis from a Geopolitical Perspective // Central Eurasia Studies. - 2018. - Vol. 11, No. 2. - P. 305-320.
9. Baklanov V.I., Osin R.S. On Liberalism Without Democracy in Russia in the 1990s // Observer. - 2023. - No. 3 (398). - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-liberalizme-bez-demokratii-v-rossii-v-1990-e-gody (accessed: 15.03.2025).
10. Speech and discussion at the Munich Conference on Security Policy [Electronic resource]. - 2007. - URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (accessed: 15.03.2025).
11. Ullman H.K. Did NATO cause the war in Ukraine? [Electronic resource] // The Hill. – 2022. – URL: https://thehill.com/opinion/national-security/3484182-did-nato-cause-the-war-in-ukraine/ (date of access: 15.03.2025).
12. Interview with Russian Prime Minister Vladimir Putin [Electronic resource]. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=ikh4Eq618P4 (date of access: 15.03.2025).
13. Dugin A.G. From Corporation to Civilization [Electronic resource]. – URL: https://izborsk-club.ru/3011 (date of access: 15.03.2025).
14. World Bank Open Data. Military expenditure (% of GDP) – Russian Federation [Electronic resource]. – URL: https://data.worldbank.org/indicator/MS.MIL.XPND.GD.ZS?locations=RU (date of access: 15.03.2025).
15. Foreign Policy Concepts of the Russian Federation. 1993–2023 / Comp. D.V. Kuznetsov. – B.m.: B.izd., 2023. – 122 p.
16. Messages of the President to the Federal Assembly [Electronic resource]. – URL: https://www.prlib.ru/section/681720 (date of access: 15.03.2025).

Общее и особенное в юридической ответственности в публичном праве

Березин Александр Александрович
аспирант, Мурманский арктический университет,
alkamino@yandex.ru

В статье рассматриваются общие и особенные черты юридической ответственности в публичном праве Российской Федерации. Анализируется сущность публично-правовой ответственности. Выделены ключевые принципы и параметры юридической ответственности в области защиты публичных интересов. Особое внимание уделено различиям между видами публичной ответственности. Указывается, что специфика каждого вида ответственности определяется основанием привлечения, субъектным составом, формами наказаний и порядком их применения. Выводы подчеркивают значимость публичной юридической ответственности как механизма обеспечения правопорядка и защиты общественных интересов.

Ключевые слова: юридическая ответственность, публично-правовые отношения, публичное право, ответственность, субъект правоотношений, государство

Ответственность представляет собой универсальный феномен и важнейший конструкт человеческого социума. Многоаспектность понятия «ответственность» требует проведения всестороннего анализа в контексте широкого спектра гуманитарных и социальных наук: философии, социологии, психологии, экономики, истории, педагогики, политологии, культурологии, права. При этом для многих областей научного знания – юриспруденция, социология, философия и др. – категория ответственности обладает особой значимостью. Эффективность механизмов ответственности в государстве во многом детерминирует нормальное функционирование общества. При этом феномен ответственности постоянно трансформируется, что обусловлено изменениями в окружающей среде, геополитике, экологической обстановке, в межличностных отношениях. Подобные изменения требуют постоянного обновления научных представлений о юридической ответственности, что, собственно, обусловливает *актуальность* тематики настоящего исследования.

Понятие «юридическая ответственность» – одно из фундаментальных в отечественной правовой науке, сопоставимое по значимости с категориями «право», «государство», «правовая система», «система права».

Выделение признаков, содержания и смысловых нюансов понятия «юридическая ответственность» до сих пор вызывает оживленные дискуссии в научной среде, причем многие из них носят не столько терминологический, сколько прикладной характер. Юридическая ответственность, пишет Г. А. Валеева, играет важную практическую роль в обществе, так как она выступает необходимым компонентом правовой системы, гарантией нормального функционирования общества [1, с. 8]. Следует согласиться с Г. А. Валеевой в том, что юридическая ответственность являет собой многокомпонентную систему, состоящую из разного рода подсистем, дополняющих друг друга. Дефекты в одном из компонентов системы юридической ответственности порождают дисфункции в других компонентах. Следовательно, между данными компонентами следует обеспечивать согласованность [1, с. 8].

Институт юридической ответственности выступает нормативным выражением системы юридической ответственности, представляет собой многоаспектный и межотраслевой феномен и обладает разветвленной структурой на микро- и макроуровне. Наборы взаимосвязанных правовых норм, регулирующих вид и меру юридической ответственности в определенной отрасли, формируют микроуровне-

вые виды юридической ответственности. На макроуровне среди видов юридической ответственности можно выделить публично-правовую и частноправовую, материальную и процессуальную и т. д.

Особый интерес представляет юридическая ответственность в рамках публичного права. Подобная ответственность возникает в рамках системы публичного права. Согласно определению О. В. Яценко, публичная власть представляет собой систему полномочий по управлению общественными делами, обеспечиваемую посредством механизмов принудительного исполнения решений. Публичная власть осуществляется на различных уровнях: государством в лице его органов или самоуправляющимися публичными корпорациями в лице их органов [10, с. 35]. Публично-правовая ответственность сочетает в себе моральные, политические и правовые меры ответственности. Ключевой характеристикой и главным отличием публично-правовой ответственности выступает то, что ее субъекты отвечают перед основными источниками публичной власти – гражданином, народом, населением [10, с. 36].

Существует, кроме того, точка зрения о том, что единой концепции публично-правовой ответственности существовать априори не может, так как юридическая ответственность всегда формируется по отраслевому принципу и следует из конкретных отраслей правовой системы. Как пишет Е. В. Евсикова, в рамках каждой из данных отраслей существует особенный набор средств принудительного воздействия – следовательно, существование межотраслевой, комбинированной ответственности противоречит самой сущности юридической ответственности [3, с. 89].

Д. А. Липинский говорит о том, что привычная для российской юриспруденции дифференциация юридической ответственности на частноправовую и публично-правовую также нуждается в пересмотре. По мнению автора, любые правоотношения, порождающие юридическую ответственность, имеют публично-правовой, а не частноправовой характер. Преступник в любом из случаев «несет ответственность перед государством, обществом, следовательно, и отношения, возникающие в связи с правонарушением, являются публично-правовыми» [4, с. 41].

Более распространена иная точка зрения, когда ответственность все же разделяется на публично-правовую и частноправовую. Принцип дуализма права, характерный для любых юрисдикций, включенных в романо-германскую правовую семью, предполагает разделение права на публичное и частное. Соответственно этому выделяется два вида юридической ответственности: публично-правовая и частноправовая. У обоих из двух видов юридической ответственности имеются как общие родовые признаки, единая правовая природа, так и специфические видовые особенности. Подобные различия обусловлены разным содержанием, перечнем субъектов и объектов правоотношений.

Можно также говорить о наличии внутривидовых общих черт и отличий в рамках публично-правовой ответственности. Юридическая ответственность в публичном праве представляет собой одну из форм государственного принуждения, применяемого к субъектам, нарушившим правовые нормы, регулирующие отношения в сфере публичных интересов. В рамках юридической ответственности в публичном праве можно выделить как общие черты, свойственные всем видам юридической ответственности, так и особенные признаки, присущие именно публично-правовой ответственности.

Во-первых, характерной чертой, объединяющей все виды юридической ответственности в публичном праве, выступает наличие правонарушения. Ответственность наступает в случае совершения деяния, нарушающего установленные правовые нормы, будь то уголовное преступление, административное правонарушение, дисциплинарный проступок или конституционно-правовое нарушение.

Во-вторых, в публичном праве ответственность влечет за собой применение инструментов государственного принуждения. Ответственность реализуется посредством властных действий государственных органов, которые принимают решения о наказании правонарушителя.

В-третьих, можно говорить об общности целей юридической ответственности в публичном праве: ответственность преследует такие цели, как восстановление нарушенного порядка, наказание правонарушителя, предупреждение новых правонарушений, оказание воспитательного воздействия на конкретных членов общества.

В-четвертых, можно говорить об одностороннем характере ответственности. В отличие от частноправовых отношений, где стороны могут быть юридически равными, в публично-правовой сфере принимают участие государственные органы, обладающие властными полномочиями.

Аналогичный тезис выражает Э. Р. Чернова: в публичных правоотношениях одним из субъектов выступает государство, что делает статус всех участников данных правоотношений неравным. В частно-правовых отношениях субъекты обладают равным статусом при реализации своих прав и обязанностей. Кроме того, субъекты частного права не наделены полномочиями применять меры государственного принуждения [8, с. 56].

Таким образом, общей чертой юридической ответственности в публичном праве выступает наличие т. н. юридического лица публичного права. Как пишет А. В. Осокин, категория «юридическое лицо публичного права» обозначает одну из существующих организационно-правовых форм юридических лиц, выступающих участниками публичных правоотношений: (1) предприятия и учреждения; (2) публично-правовые компании; (3) государственные корпорации, посредством которых государство участвует в гражданском обороте [6, с. 282].

В-пятых, общей чертой разных видов ответственности в публично-правовых отношениях является отсутствие диспозитивности. В публичной сфере невозможен отказ от ответственности по соглашению сторон, в отличие от гражданско-правовой ответственности, где допускаются подобные условия.

Кроме того, публично-правовая ответственность регулируется преимущественно императивными нормами, не допускающими отклонений от установленных требований [2, с. 40].

В-шестых, общей чертой всех видов публично-правовой ответственности является наличие т.н. общественного интереса. В отличие от частноправовой ответственности, направленной на защиту индивидуальных интересов, публично-правовая ответственность ориентирована на обеспечение общественного порядка, защиту государственных интересов и прав неопределенного круга лиц.

В рамках различных видов юридической ответственности в публичном праве можно выделить и отличительные черты. Так, имеются различия в субъектном составе: в разных видах публично-правовых отношений субъектами ответственности могут быть граждане, государственные органы, должностные лица, юридические лица, государство в целом.

В публичном праве предусмотрены различные виды ответственности: (1) уголовная ответственность (наступает в ситуациях совершения уголовных преступлений и выражается в уголовных мерах наказания – лишение свободы, ограничение свободы, штраф, исправительные работы и проч.); (2) административная ответственность (наступает в ситуациях совершения административных правонарушений и выражается в административных мерах наказания – штраф, предупреждение, административный арест); (3) конституционно-правовая ответственность (затрагивает нарушения, допущенные в рамках реализации властных полномочий); (4) дисциплинарная ответственность (применяется в отношении государственных служащих и сотрудников организаций и сопряжена с такими мерами наказания, как выговор, увольнение и др.); (5) финансово-правовая ответственность (ответственность, наступающая за нарушение налогового, бюджетного законодательства, включающая санкции в виде штрафов, пени).

По мнению Д. А. Липинского и А. А. Мусаткиной, различные виды юридической ответственности в публичном праве обладают генетическими, координационными и субординационными взаимосвязями. Кроме того, их связывает общность функций: регулятивная, превентивная, карательная, восстановительная и воспитательная функций [5, с. 37]. Виды юридической ответственности в публичном праве также различаются по предмету и методам правового регулирования, мерам защиты [9, с. 138].

По мнению Е. В. Евсиковой, базисом публично-правовой ответственности выступают уголовная и административная ответственность. Именно эти виды ответственности несут основную нагрузку «по противодействию посягательствам на порядок государственного устройства и управления общественными процессами» [3, с. 90].

Характерной особенностью уголовной ответственности является то, что она имеет место в ретроспективном контексте; речь идет о том, что уголовная ответственность связана с обязанностью нести наказание и компенсировать ущерб от уже совершенного преступления. В других, «не-уголовных» контекстах ответственность может иметь также и проспективный характер.

По мнению Е. В. Евсиковой, уголовная ответственность реализуется в двух формах: (1) законопослушное поведение лица, соответствующее положениям уголовного законодательства, (2) оказание принудительного воздействия со стороны общества и государства на лицо, которое уже нарушило данные положения [3, с. 91].

Граница между проспективной и ретроспективной ответственностью, по мнению ряда отечественных правоведов, постепенно стирается посредством введения механизмов т.н. административной преюдиции /административной предикации. Речь идет о подходе, в рамках которого «между субъектом (актантом) и предикатом (наличие у лица непогашенного административного взыскания) формируется препозиция (условие привлечения к уголовной ответственности или усиление таковой)» [3, с. 91]. Имеет место и обратный процесс: реализуются меры по декриминализации ряда преступных уголовно-наказуемых деяний, а уголовная ответственность, таким образом, трансформируется в административную.

Д. А. Липинский и А. А. Мусаткина говорят о динамическом характере современного института юридической ответственности в публичном праве. Изменение общественных отношений приводит к изменениям в российском законодательстве, что, в свою очередь, трансформирует структуру института публичной юридической ответственности. По мнению авторов, на сегодняшний день можно говорить о двух ключевых тенденциях в рассматриваемой области. Во-первых, имеет место сращение разных видов публично-правовой ответственности и сопутствующее укрупнение существующих институтов юридической ответственности. К примеру, институт экологической ответственности был включен в структуру административной ответственности. Во-вторых, происходят обратные процессы: субинституты публично-правовой ответственности формируют самостоятельные институты юридической ответственности. Так, финансово-правовая ответственность была обособлена от административной ответственности. В свою очередь, в последующем в рамках института финансово-правовой ответственности были выделены налоговая, бюджетная и банковская ответственность [5, с. 37].

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

1. Ответственность – важнейший конструкт человеческого социума, одно из фундаментальных понятий отечественной правовой науки и практики.

2. Юридическая ответственность имеет многокомпонентную структуру, состоящую из разного рода взаимосвязанных подсистем.

3. Юридическую ответственность на макроуровне разделяют на публично-правовую и частноправовую. Особый интерес представляет юридическая ответственность в рамках публичного права.

4. Юридическая ответственность в публичном праве представляет собой одну из форм государственного принуждения, применяемого к субъектам, нарушившим правовые нормы, регулирующие отношения в сфере публичных интересов.

5. Можно говорить о наличии внутривидовых общих черт и отличий в рамках публично-правовой ответственности.

– Разные виды юридической ответственности в публичном праве имеют ряд общих черт, связанных с государственно-принудительным характером, законностью, формализованностью процедур и защитой публичных интересов.

– Характерной чертой, объединяющей все виды юридической ответственности в публичном праве, выступает наличие правонарушения.

– В публичном праве ответственность влечет за собой применение инструментов государственного принуждения.

– Можно также говорить об общности целей юридической ответственности в публичном праве: ответственность преследует цель по восстановлению нарушенного общественного порядка.

– Общей чертой юридической ответственности в публичном праве выступает наличие т. н. юридического лица публичного права.

– Общей чертой разных видов ответственности в публично-правовых отношениях является отсутствие диспозитивности.

– Общей чертой всех видов публично-правовой ответственности является наличие т.н. общественного интереса.

6. Тем не менее, каждый вид ответственности обладает специфическими особенностями, определяющими основания, субъекты, формы наказания и порядок привлечения.

Литература

1. Валеева, Г. А. К вопросу об институтах юридической ответственности / Г. А. Валеева // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2024. – №6. – С. 7-18.
2. Герасимова, Н. Р. Юридическая ответственность в публичном праве / Н. Р. Герасимова, Х. Т. Г. Гадбан // Контентус. – 2020. – №7. – С. 35-44.
3. Евсикова, Е. В. Публично-правовая ответственность в современном российском праве: теоретико-правовой аспект / Е. В. Евсикова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – №4. – С. 87-96.
4. Липинский, Д. А. О классификации юридической ответственности на публично-правовую и частноправовую / Д. А. Липинский // Правовая политика и правовая жизнь. – 2016. – №4. – С. 39-41.
5. Липинский, Д. А. Система права и система юридической ответственности: некоторые проблемы взаимосвязей и соотношения / Д. А. Липинский, А. А. Мусаткина // Право и политика. – 2019. – №9. – С. 29-47.
6. Осокин, А. В. К вопросу о правовом положении юридических лиц публичного права / А. В. Осокин, В. А. Шульгина // Вопросы российской юстиции. – 2021. – №15. – С. 279-289.
7. Скребнева, Н. А. Общее и особенное в юридической ответственности в публичном и частном праве / Н. А. Скребнева // Вестник Академии права и управления. – 2017. – №3 (48). – С. 72-81.
8. Чернова, Э. Р. К вопросу о юридической ответственности в публичном и частном праве / Э. Р. Чернова // Право и государство: теория и практика. – 2019. – №7 (175). – С. 54-56.
9. Юрин, А. В. Понятие «Юридическая ответственность» в теории права / А. В. Юрин // Власть и управление на Востоке России. – 2012. – №4. – С. 137-140.
10. Яценко, О. В. Институт правовой ответственности в публичном праве: теоретические аспекты / О. В. Яценко // Философия права. – 2007. – №2. – С. 34-38.

Common and specific features in legal liability in public law

Berezina A.A.
Murmansk Arctic University

The article analyses the general and specific features of legal liability in the public law of the Russian Federation. The essence of public liability is analyzed. The key principles and parameters of legal liability in the field of protecting public interests are highlighted. Particular attention is paid to the differences between the types of public liability. It is indicated that the specifics of each type of liability is determined by the basis for bringing to justice, the subject composition, forms of punishment and the procedure for their application. The conclusions emphasize the importance of public legal liability as a mechanism for ensuring law and order and protecting public interests.

Keywords: legal liability, public law relations, public law, liability, subject of legal relations, state

References

1. Valeeva, G. A. On the issue of institutions of legal liability / G. A. Valeeva // Uchen. zap. Kazan. University. Series. Humanitarian sciences. - 2024. - No. 6. - P. 7-18.
2. Gerasimova, N. R. Legal liability in public law / N. R. Gerasimova, H. T. G. Gadban // Contentus. - 2020. - No. 7. - P. 35-44.
3. Evsikova, E. V. Public-law liability in modern Russian law: theoretical and legal aspect / E. V. Evsikova // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences. - 2022. - No. 4. - P. 87-96.
4. Lipinsky, D. A. On the classification of legal liability into public and private / D. A. Lipinsky // Legal policy and legal life. - 2016. - No. 4. - P. 39-41.
5. Lipinsky, D. A. The system of law and the system of legal liability: some problems of interrelations and relationships / D. A. Lipinsky, A. A. Musatkina // Law and Politics. - 2019. - No. 9. - P. 29-47.
6. Osokin, A. V. On the issue of the legal status of legal entities of public law / A. V. Osokin, V. A. Shulgina // Issues of Russian justice. - 2021. - No. 15. - P. 279-289.
7. Skrebneva, N. A. General and Specific in Legal Liability in Public and Private Law / N. A. Skrebneva // Bulletin of the Academy of Law and Management. - 2017. - No. 3 (48). - P. 72-81.
8. Chernova, E. R. On the Issue of Legal Liability in Public and Private Law / E. R. Chernova // Law and State: Theory and Practice. - 2019. - No. 7 (175). - P. 54-56.
9. Yurin, A. V. The Concept of "Legal Liability" in the Theory of Law / A. V. Yurin // Power and Management in the East of Russia. - 2012. - No. 4. - P. 137-140.
10. Yatsenko, O. V. Institute of legal liability in public law: theoretical aspects / O. V. Yatsenko // Philosophy of Law. - 2007. - No. 2. - P. 34-38.

Виды комплексного развития территории как юридические конструкции

Киль Юлия Эдуардовна
преподаватель кафедры земельного, градостроительного и экологического права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, jullia3913@mail.ru

Настоящая статья посвящена исследованию специфики новейшего правового регулирования комплексного развития территорий (КРТ) в Российской Федерации. Особое внимание уделено дифференциации видов КРТ и соответствующих им процедур. Автор приходит к выводу, что ввиду обширного нормативно-правового поля идентификация, обоснование и имплементация правовых конструкций приобретают повышенную актуальность. Однако с учетом логики законодательного регулирования виды комплексного развития территории нельзя назвать юридическими конструкциями. Виды КРТ скорее выполняют функцию систематизации условий реализации КРТ, не обладая структурными и регулятивными характеристиками, присущими истинной юридической конструкции. Приводится вывод, что если речь идет о комплексном развитии определенного вида, то содержательно это означает, что запуск всех мероприятий был обусловлен параметрами территории (например, наличие аварийных или «критериальных» многоквартирных домов, наличие объектов самовольно строительства, наличие волеизъявления правообладателей объектов недвижимости).

Ключевые слова: комплексное развитие территорий, юридические конструкции, виды КРТ, градостроительное право

Специфика нового правового регулирования КРТ заключается в дифференциации видов КРТ, каждому из которых свойственна собственная процедура. Интерес застройщиков, а также органов публичной власти заключается в апробации всех видов КРТ.

С учетом массивности нормативного регулирования комплексного развития территории в совокупности с межотраслевым характером системы законодательства, запрос на выявление, обоснование и внедрение юридических конструкций приобретает большую актуальность. В условиях диверсификации подходов к КРТ, возрастает значимость методологически выверенных юридических моделей, способных обеспечить прозрачность, предсказуемость и правовую определенность на всех этапах реализации проектов.

Стоит отметить, что непосредственно в градостроительном законодательстве вводится категория видов комплексного развития территории:

1) КРТ жилой застройки – предполагает развитие территории (применительно к выделяемым ЭПС, а также их частей), где находятся МКД и (или) дома блокированной застройки, объекты ИЖС;

2) КРТ нежилой застройки – предполагает развитие территории (применительно к выделяемым ЭПС, а также их частей), где находятся ОКС, то есть нежилые объекты;

3) КР незастроенной территории – предполагает развитие территории (применительно к выделяемым ЭПС, а также их частей), где находятся публичные земельные участки, в том числе неразграниченные земли (даже при условии наличия на них ОКС), однако права третьих лиц на них должны быть исключены;

4) КРТ по инициативе правообладателей – предполагает развитие территории в рамках направленной в местную администрацию инициативы правообладателей в значении части 1 статьи 70 ГрК РФ, что означает заключение договора о КРТ в целях объединения усилий по реализации проекта.

Анализируя представленную законодателем дифференциацию видов КРТ, мы полностью солидарны с мнением А. Р. Кирсанова, отмечавшего, что законодательные виды КРТ выделены в нарушение единства классификационных критериев [4, с. 84-89]. Первые три вида КРТ (жилой, нежилой и незастроенной) выделены исходя из наличия и типа застройки на территории, а последний – в зависимости от направления инициативы правообладателя на заключение договора о КРТ и реализацию соответствующих мероприятий.

Однако, на наш взгляд, указанная неточность не оказывает значительного влияния на практику реализации норм, относящихся к конкретному виду

КРТ, то есть не оказывает значительного влияния на правоприменение, что и демонстрируется практикой. Вероятно, такой подход в большей степени обоснован в рамках теоретических исследований. Более того, выделение в качестве самостоятельного вида КРТ по инициативе правообладателей является обоснованным, поскольку законодательный порядок реализации данного вида КРТ значительно отличается от других. Более непонятным был бы подход законодателя предусмотреть в каждом из видов КРТ, дифференцированных в зависимости от наличия и типа застройки, самостоятельный пункт о возможности реализации определенного вида КРТ по инициативе правообладателя. Очевидно, что при таком подходе осуществлялось бы дублирование законодательных положений. Данный стратегический законодательный выбор упрощает нормативную базу по сути через создание единой, отчетливой категории, тем самым оптимизируя применение нормативных актов в области КРТ и потенциально повышая ясность и эффективность его реализации.

Как отмечают Л. Е. Бандорин и А. В. Башарин, возможность реализации инициативного КРТ не зависит от соблюдения критериев, конституирующих иные виды КРТ, что значительно расширяет область его потенциального применения [1, с. 43]. Это означает, что в границы территории инициативного КРТ могут входить как земельные участки, застроенные жилыми и нежилыми объектами, так и незастроенные в принципе.

Стоит отметить, что действующее регулирование видов КРТ по общему правилу не предполагает возможность включения в границы КРТ объектов, не относящихся к определенному типу застройки – например, при КРТ жилой застройки исходя из общего правила в границы КРТ не могут включаться занятые нежилыми объектами земельные участки. Исключение составляют случаи нахождения земельных участков с расположенными на них ОКС в одном элементе планировочной структуры (части 3, 5 статьи 65 ГрК РФ), что несомненно способствует защите прав и законных интересов частных лиц. Четкое разграничение видов КРТ и ограничение на включение разнородных объектов создают понятные правила игры для всех участников: застройщиков, собственников, органов власти.

Соблюдение установленных правил необходимо для поддержания экономической эффективности проектов. Каждый вид КРТ предполагает определенный набор инструментов и механизмов финансирования, которые ориентированы на конкретный тип застройки. Характеристику порядка КРТ, на наш взгляд, необходимо осуществлять с учетом действующего деления на виды КРТ и свойственных каждому виду специфических черт.

Видится, что с точки зрения теории было бы целесообразно осуществлять дифференциацию КРТ на виды исходя из субъекта-инициатора самого проекта КРТ:

1) КРТ по инициативе публичного субъекта, в рамках которого принятия соответствующий нормативный правовой акт – решение о КРТ;

2) КРТ по инициативе правообладателя – не принимается решение о КРТ и нет необходимости в этом, но заключается без торгов договор о КРТ и (при необходимости) соглашение правообладателей о разграничении возникающих обязанностей в связи с осуществлением запланированных мероприятий по КРТ.

При этом в рамках КРТ, запускаемого инициативой публичного субъекта (разного уровня) следует сохранить разграничение на подвиды исходя из наличия и типа застройки на территории, поскольку такое разграничение напрямую связано с определением условий осуществления КРТ, которые в свою очередь обосновывают допустимость запуска проекта КРТ публичным субъектом.

Однако с учетом содержания правового регулирования, виды комплексного развития не отражают понятие юридической конструкции и не являются таковыми. Прежде всего, разграничение видов комплексного развития территории обусловлено установлением различных требований к потенциально рассматриваемым территориям на «входе», иначе говоря условий для осуществления комплексного развития территории. Названия и описание видов комплексного развития территории коррелируют с данными условиями. Подтверждением указанному являются также положения частей 2, 4 статьи 65 Градостроительного кодекса РФ. Даже условие по проведению общих собраний собственников «критериальный» многоквартирных домов, предусмотренное пунктом 3 части 6 статьи 66, частью 6 статьи 67 Градостроительного кодекса РФ, и относящееся к комплексному развитию территории жилой застройки, по существу является условием.

В данных обстоятельствах виды комплексного развития территории сложно назвать моделью, обладающей структурностью. Более того, сами по себе виды комплексного развития территории не имеют регулирующего значения, исходя из существа деление комплексного развития на виды является систематизацией условий для его осуществления. Если речь идет о комплексном развитии определенного вида, то содержательно это означает, что запуск всех мероприятий был обусловлен параметрами территории (например, наличие аварийных или «критериальных» многоквартирных домов, наличие объектов самовольно строительства, наличие волеизъявления правообладателей объектов недвижимости) [2, с. 27-39].

Представленное заключение также согласуется с подходом Д. Е. Пономарева, который рассуждал, что юридическое конструирование предстает «как индукция от массива отдельных правовых норм к целостному понятию. Однако эта индукция не имеет ничего общего с их обобщением, поскольку обобщение само по себе не создает нового содержания» [5, с. 99]. Виды комплексного развития территории в данном случае представляются именно как обобщения, что требовалось с точки зрения юридической техники закрепления норм в главе 10 Градостроительного кодекса РФ.

Стоит отметить также, что виды комплексного развития территории не обладают наглядностью в

понимании Р. Иеринга, то есть не рассматривает отношение с точки зрения легко доступной нашему воображению [3, с. 130]. В частности, в практической деятельности на первый взгляд может показаться, что ряд видов комплексного развития территории характеризуют результат, например, логичным было бы предположить КРТ жилой застройки предполагает строительство жилых объектов, что не соответствует реальному содержанию правового регулирования.

Наконец, виды комплексного развития территории не уникальны с точки зрения набора правовых средств. Три из видов предполагают принятие решения о комплексном развитии территории, возможно как проведение торгов, так и самостоятельная реализация решения о КРТ, осуществление запланированных в рамках него мероприятий оператором (специально созданным юридическим лицом), заключение договора о КРТ.

Таким образом, осуществление КРТ возможно в рамках четырех видов, которые регламентированы в законодательстве, каждый из которых обладают как схожими чертами, так и спецификой, но при этом не отвечают признакам юридической конструкции. Предусматривая порядок КРТ, законодатель решил избежать дублирования, в силу чего построение правового регулирования основано на общих положениях для всех видов КРТ с вкраплением частей и пунктов, содержащих специфику для конкретного вида.

Литература

1. Бандорин Л. Е., Башарин А. В. О предоставлении земельных участков при комплексном развитии территории по инициативе правообладателей // Закон. 2021. № 11. С. 41-52.

2. Валиев Р. Г. Правотворческая систематизация норм права // Журнал российского права. 2020. №7.С. 31. С. 27-39.

3. Иеринг Р. Юридическая техника: Пер. с нем. Ф.С. Шендорфа. СПб.1905. С. 65. 130 с.

4. Кирсанов А. Р. Виды комплексного развития территорий // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 4. С. 84-89.

5. Пономарев Д. Е. Генезис и сущность юридической конструкции: дисс. … канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2005. 175 с.

Types of Integrated Territorial Development as Legal Constructs

Kil Ju.E.

Urban Planning and Environmental Law of the V. F. Yakovlev Ural State Law University

This article explores the specifics of the latest legal regulations concerning integrated territorial development in the Russian Federation. Particular attention is paid to the differentiation of integrated territorial development types and their corresponding procedures. The author concludes that, given the extensive legal and regulatory landscape, the identification, justification, and implementation of legal constructs become increasingly relevant. However, considering the logic of legislative regulation, types of integrated territorial development cannot be called legal constructs. Rather, integrated territorial development types serve to systematize the conditions for implementing integrated territorial development, lacking the structural and regulatory characteristics inherent to a true legal construct. It is concluded that if we are talking about the integrated development of a certain type, then substantively this means that the launch of all activities was due to the parameters of the territory (for example, the presence of dilapidated or «critical» apartment buildings, the presence of unauthorized construction objects, the presence of the will of the owners of real estate).

Keywords**:** integrated territorial development, legal constructs, types of integrated territorial development, urban planning law

References

1. Bandorin L. E., Basharin A. V. On the provision of land plots during the integrated development of the territory at the initiative of the copyright holders // Law. 2021. No. 11. Pp. 41-52.

2. Valiev R. G. Law-making systematization of legal norms // Journal of Russian Law. 2020. No. 7. Pp. 31. Pp. 27-39.

3. Iering R. Legal technique: Trans. from Ger. F.S. Shendorf. SPb. 1905. Pp. 65. 130 p.

4. Kirsanov A. R. Types of integrated development of territories // Property relations in the Russian Federation. 2021. No. 4. Pp. 84-89.

5. Ponomarev D. E. Genesis and essence of the legal structure: diss. ... cand. legal Sci. Ekaterinburg. 2005. 175 p.

Принцип максимального удовлетворения требований кредиторов: источники и актуальные проблемы правоприменения

Баранов Геннадий Олегович
аспирант, кафедра предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, Gennadiy.olegovich@mail.ru

Статья посвящена анализу принципа максимального удовлетворения требований кредиторов в контексте российского законодательства о банкротстве и международных стандартов, а именно документ «Принципы и рекомендации Всемирного банка по эффективным системам несостоятельности и защиты прав кредиторов», который, хоть и не имплементирован напрямую в правовую систему Российской Федерации официально путем присоединения, но рассматривается автором как основополагающий документ, повлиявший на формирование отечественного правового ландшафта в части регулирования сферы несостоятельности. Автор исследует нормативные источники формирования принципа максимального удовлетворения требований кредиторов, его правовое содержание, а также актуальные проблемы правоприменения, а именно практику оспаривания сделок с недвижимостью, когда действия конкурсного управляющего по возвращению имущества в конкурсную массу, имеющие под собой мотивацией исследуемый принцип, задевают интересы обычных граждан, являющихся добросовестными приобретателями, но не имеющих достаточную квалификацию и осмотрительность для полной проверки приобретаемого имущества и финансового положения продавца. Особое внимание уделено соотношению национальных норм с положениями документа Всемирного банка, а также герменевтическому толкованию и анализу судебной практики.
Ключевые слова: банкротство, конкурсное производство, принцип максимального удовлетворения требований кредиторов, добросовестное приобретение, судебная практика.

Предпринимательская деятельность – это деятельность, основанная на риске. И эти риски в первую очередь носят финансовый характер: неудавшийся бизнес уходит в минус, а предприниматель обрастает долгами. Эта данность обуславливает существование института несостоятельности (банкротства).

Институт несостоятельности является важнейшим элементом современной правовой системы, обеспечивающим баланс интересов должника и кредиторов в условиях финансовой несостоятельности. Как и любые другие институты, институт несостоятельности имеет ряд принципов, лежащих его в основе. Принцип максимального удовлетворения требований кредиторов часто встречается в литературе, например, статья Паловой Г.Г. начинается со слов: *«Главной целью конкурсного производства является максимальное удовлетворение требований кредиторов»[1],* - и это не единичная статья, где этот принцип максимального удовлетворения требований кредиторов безапелляционно приводится, как аксиома. Отчасти поэтому целью настоящей работы, в большей части является именно раскрытие не сколько содержимого этого принципа, ведь оно абсолютно достаточным образом читается из самого названия, сколько правовых норм, составляющих этот принцип.

В отличии от большинства других институтов, где принципы закреплены в основном регулирующем институт законе, институт несостоятельности фактически не имеет прямо прописанных принципов в законе о несостоятельности (далее – «Профильный ФЗ»), в связи с чем во весь рост встает вопрос об установлении источников, формирующих этот принцип.

Под источниками в данном контексте имеются в виду как нормы законодательства, содержащие положения, которые позволяют вывести этот принцип, так и тексты судебных актов, в которых этот принцип зачастую упоминается прямо. Однако ключевым источником в данном контексте будет являться международный документ, принятый еще до вступления в силу ГК РФ и Профильного ФЗ – «Принципы и рекомендации Всемирного банка по эффективным системам несостоятельности и защиты прав кредиторов»[2] (далее – «Рекомендации ВБ»), разработанный Мировым банком в 2001 году. РФ не является напрямую участником этого документа, однако, фактически интегрировала его принципы. Разработка гражданского законодательства, а именно профильный ФЗ и смежные нормы разрабатывались в первую очередь с упором на соответствие Рекомен-

дациям ВБ, что явно видно из заимствования отдельных положений руководства, например, заявленного в ст. 31 Профильного ФЗ приоритета реабилитации перед ликвидацией, в то время как фактически реабилитационные процедуры в РФ применяются редко — лишь 3% дел переходят из наблюдения в санацию[3]. Вместе с тем, о том, что Россия старалась придерживаться документа, может свидетельствовать и тот факт, что до 2022 года Всемирный банк оценивал эффективность систем банкротства стран, включая Россию, по критериям, созвучным Руководству (сроки процедур, стоимость, уровень возврата долгов). При этом стремление улучшить позиции в рейтинге, как можно предположить стимулировало реформы, например, введение упрощенных процедур для малого бизнеса в 2017 году или сокращение сроков конкурсного производства. Однако отсутствие прямой имплементации и сохранение системных недостатков (коррупция, зависимость управляющих, слабая судебная практика) указывают на частичное и фрагментарное заимствование принципов.

В Рекомендациях ВБ, впрочем, принцип максимального удовлетворения требований кредиторов так же не сформулирован напрямую и не выделен в отдельный принцип, но встречается в контексте практически по всему тексту акта. Так, например, Принцип 5 «Осуществление прав залоговых кредиторов» среди прочего гласит: «*Процедуры должны обеспечивать быстрое осуществление прав на предмет залога и цену реализации, максимально приближенную к рыночной стоимости имущества*».[4]

Принцип 13 «Осуществление процедур: возврат, защита имущества и распоряжение им» среди прочего гласит: *«Закон должен предусматривать гибкую и прозрачную систему реализации активов наиболее эффективным образом и по максимально возможной стоимости.»[5]*

Процедура конкурсного производства, в целом, и является такой гибкой и прозрачной системой для реализации активов. Учитывая, что банкротства проходят в арбитражных судах, а ход процесса в обязательном порядке публикуются в сети Интернет, как и объявление о торгах и их ход – можно уверенно констатировать тот факт, что в РФ положения рассматриваемого акта в части реализации системы реализации активов реализованы максимально. На сегодняшний день буквально единичные страны могут похвастаться настолько прозрачным процессом как банкротства, так и реализации имущества должника – и это при том, что РФ даже не является официально участником «Рекомендаций ВБ».

На самом деле, принципом максимального удовлетворения требований кредиторов пронизан весь текст указанного акта. Так, например, часть преамбулы, «Правовая система защиты прав кредиторов» имеет в подробном описании следующий текст: *«Возможность кредитора обратить взыскание на имущество должника и продать это имущество для погашения долга является простейшим и наиболее эффективным способом обеспечения своевременного платежа»[6].*

Звучит, как что-то очевидное, и это действительно так. Надо признать, что на этом тезисе, в общем-то, строится все дальнейшей законодательство, а вся конкурсная процедура представляет собой ничто иное, как реализация имущества должника.

Переходя к национальному законодательству, нужно сказать, что важное значение для понимания принципа максимального удовлетворения требований имеет статья 64 ГК РФ[7], определяющая правила очередности удовлетворения требований кредиторов при ликвидации юридического лица и в сущности служит основой для специальных положений Профильного ФЗ, в связи с чем может быть так же включена в состав источников принципа максимального удовлетворения требований кредиторов.

Говоря о законе о банкротстве как источнике принципа максимального удовлетворения требований кредиторов, нужно сказать, что он содержит косвенный намек на исследуемый принцип: *«конкурсное производство - процедура, применяемая в деле о банкротстве к должнику, признанному банкротом, в целях соразмерного удовлетворения требований кредиторов»[8]*

Нужно отметить, что в тексте идет речь о «соразмерности удовлетворения требований», а не о «максимальном удовлетворении». Представляется странным, почему норма ст. 2 была сформулирована именно так, ведь формулировка «в целях максимального удовлетворения требований кредиторов» прямо бы отражала исследуемый принцип, не создавая вместе с тем правового диссонанса с другими нормами. В то же время, «соразмерное удовлетворение» если не создает такой диссонанс, то как минимум вызывает вопросы: соразмерно чему удовлетворяется требований? Соразмерно требованиям других кредиторов? Конечно, ответ на эти вопросы содержится в других нормах ФЗ о банкротстве, однако, обычно в тексте федерального закона, особенно такого «институтообразующего», ожидается, что первые статьи будут содержать в себе если не принципы, то хотя бы лаконичные формулировки, отражающие суть регулируемых отношений. В этой связи, источник принципа максимального удовлетворения кредиторов приходится «собирать по кусочкам» из текста других норм или вовсе актов, не имеющих нормативной силы напрямую.

Продолжая это исследование, стоит отметить еще одну норму, позволяющую сформировать общую картину принципа – это статья, регулирующая вопрос продажи предприятия должника в Профильном ФЗ, согласно которой, при продаже предприятия должника *«отчуждаются все виды имущества, предназначенного для осуществления предпринимательской деятельности, в том числе земельные участки, здания, строения, сооружения, оборудование, инвентарь, сырье, продукция, права требования, а также права на средства индивидуализации должника, его продукцию (работы, услуги) (коммерческое обозначение, товарные*

знаки, знаки обслуживания), другие принадлежащие должнику исключительные права»[9].

Очевидно, это перечисление направлено на достижение максимальной реализации имущества и дальнейшего удовлетворения требований кредиторов.

В совокупности эти и другие нормы создают некий логический комплекс, обуславливающий собой принцип максимального удовлетворения требований кредиторов. Эта позиция со ссылками на нормы была сформулирована в Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в 2022 году: *«Реализация имущества должника посредством проведения торгов в конкурсном производстве подчинена общей цели названной процедуры - наиболее полное удовлетворение требований кредиторов исходя из принципов очередности и пропорциональности (абзац шестнадцатый статьи 2, статьи 110, 111, 124, 139 Закона о банкротстве)»[10]*

Здесь мы встречаемся с позицией, что максимальное удовлетворение требований кредиторов – это не просто принцип, а общая цель конкурсного производства. Но так как все процедуры, предусмотренные законом о банкротстве, имеют общую глобальную цель, получается, что максимальное удовлетворение требований кредиторов – это общая цель института банкротства в целом. На самом деле, это некорректный вывод хотя бы по той причине, что цель института банкротства варьируется в зависимости от того, кто является выступает должником. Так, например, Верховный суд указал, что цель банкротства физических лиц — это социальная реабилитация должника: *«Основная цель института банкротства физических лиц - социальная реабилитация добросовестного гражданина, предоставление ему возможности заново выстроить экономические отношения, законно освободившись от непосильных для него обязательств.»[11]*

Эта позиция не расходится с той, что была подчеркнута Верховным судом раннее: *«Публично-правовой целью института банкротства является обеспечение баланса прав и законных интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве, имеющих различные, зачастую диаметрально противоположные интересы.»*

Таким образом, можно говорить о том, что баланс прав и законных интересов может смещаться в ту или иную сторону в зависимости от того, кто является должником. Если это физическое лицо – то это реабилитация добросовестного индивида. Нужно отметить, что нормы, отражающие такой подход, появились в гражданском законодательстве еще задолго до выхода в свет вышеуказанной позиции Верховного суда по банкротству физических лиц. Например, ч. 1 ст. 446 ГПК РФ защищает единственное жилье: *«Взыскание по исполнительным документам не может быть обращено на следующее имущество, принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением»* [12]

Да, можно сказать о том, что эта гарантия была несколько «ущемлена» практикой выдачи замещающего жилья на меньшее количество метров, однако, сам факт существования таких норм говорит о том, что принцип максимального удовлетворения требований кредиторов имеет свои границы, проходящие, в сущности, на основополагающих правах человека.

На практике принцип максимального удовлетворения требований кредиторов встречается в иных текстах судебных актов, и суды при рассмотрении дел о несостоятельности руководствуются среди прочего и им.

Так, Верховный суд в обзоре судебной практике указал: *«Из существа обеспечительных обязательств, направленных на максимальное удовлетворение требований кредитора за счет имущества поручителей и залогодателей…»[13].*

Таким образом, с точки зрения судебной системы, принцип максимального удовлетворения требований кредиторов вытекает, в целом, из существа института несостоятельности.

Но нужно признать, что этот принцип, хоть в целом и является довольно понятным по своей сути, тем не менее, имеет обратную сторону, которая заключается в некой гиперболизации этого принципа. Не секрет, что длительность банкротных процессов обусловлена не сколько сложной процедурой реализации имущества, сколько самостоятельными спорами, из которых основную массу составляют споры по оспариванию сделок должника. Арбитражный управляющий в процессе пытается максимально «дотянутся» до всех сделок должника, чтобы вернуть имущество в конкурсную массу. И хотя в общем случае это хорошо, так как зачастую должники намеренно выводят свои активы из владения, чтобы обезопасить их в ходе предстоящего банкротства, тем не менее, иногда под каток правосудия попадают обычные люди, всего лишь проявившие неосторожность в процессе приобретения недвижимости.

Действительно, законом не предусмотрено, что бы покупатель проводил оценку стоимости имущества, заказывая специализированную экспертизу, проверял ЕФРСБ и сайты арбитражных судов, но на практике, именно не совершение таких действий признается «недобропорядчностью» покупателя, который «не проявил должной осмотрительности», и объем таких дел настолько высок, что любой юрист, пусть даже не практикующий в сфере банкротства, слышал о таких делах. Как правило, суды используют следующую формулировку: *«Таким образом, согласно п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве предполагается, что ... знала и должна была знать о цели должника к моменту совершения оспариваемой сделки»[14].*

Отобрать купленную недвижимость в рамках банкротного процесса, могут сейчас даже и у добропорядочного приобретателя. Точнее у того, кто ду-

мает, что он добропорядочный и ему ничего не грозит – а с точки зрения судов, он «должен был знать о цели должника к моменту совершения оспаривания сделки». Основания могут быль любые: якобы нерыночные условия сделки, цена сделки, сомнения в платежеспособности покупателя, сомнения в реальности сделки, не должное оформление сделки, фактическое не распоряжение покупателем купленной недвижимостью.

Подводя итог, нужно сказать, что принцип максимального удовлетворения требований кредиторов, несмотря на отсутствие его прямого закрепления в законе, является системообразующим для института банкротства в России. Его содержание формируется через совокупность норм ГК РФ, ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и судебную практику, а также корреспондирует с международными стандартами, такими как Рекомендации ВБ. Однако правоприменение сталкивается с проблемами, связанными с гипер-реализацией этого принципа и стремления конкурсных управляющих вернуть в конкурсную массу все, даже то, что выбыло в руки добропорядочного приобретателя.

Литература

1. Палова Г.Г. Проблемные аспекты распределения конкурсной массы между кредиторами // Общество, экономика, управление. 2016. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemye-aspekty-raspredeleniya-konkursnoy-massy-mezhdu-kreditorami (дата обращения: 30.03.2025).
2. The World Bank principles and guidelines for effective insolvency and creditor rights systems // Официальный сайт Всемирного банка, электронный ресурс, URL: http://documents.worldbank.org/curated/en/875201468182662754.
3. Аффилированность кредиторов и другие пять проблем банкротства в РФ, публикация 18.05.2018 г. // Сетевое издание «Интерфакс-Россия». Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 – 64321, электронный ресурс, URL: https://www.interfax.ru/business/613377 (дата обращения: 27.03.2025 г.).
4. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994 г., № 32, ст. 3301.
5. Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025), абзац 16 ст. 2 // «Собрание законодательства РФ», 28.10.2002 г., № 43, ст. 4190.
6. Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025), ст. 110 // «Собрание законодательства РФ», 28.10.2002 г., № 43, ст. 4190.
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.03.2022 г. № 305-ЭС21-21247 по делу № А41-49626/2018 // Справочно-правовая система КонсультантПлюс.
8. «Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2023 г.» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.05.2024) // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 6, июнь, 2024.
9. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024 г., с изм. от 16.01.2025 г.) // «Собрание законодательства РФ», 18.11.2002, № 46, ст. 4532.
10. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2017)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017) // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 9, сентябрь, 2018.
11. Дело А40-109856/2017 // Официальный сайт системы арбитражных судов Российской Федерации, электронный ресурс, URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/b5823780-46ff-4e09-8e09-70767e94927b/5daa480b-7e65-4b4e-a661-47cbd2fdb429/A40-109856-2017_20180420_Opredelenie.pdf (дата обращения: 30.03.2025 г.).

The principle of maximum satisfaction of creditors' claims: sources and current problems of law enforcement

Baranov G.O.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin

The article is devoted to the analysis of the principle of maximum satisfaction of creditors' claims in the context of Russian bankruptcy legislation and international standards, namely the document "Principles and Recommendations of the World Bank for Effective Insolvency and Creditor Protection Systems", which, although not directly implemented into the legal system of the Russian Federation officially by accession, is considered by the author as a fundamental document that influenced the formation of the domestic legal landscape in terms of regulating the insolvency sphere. The author examines the normative sources of the formation of the principle of maximum satisfaction of creditors' claims, its legal content, as well as current problems of law enforcement, namely the practice of challenging real estate transactions, when the actions of the bankruptcy trustee to return property to the bankruptcy estate, motivated by the principle under study, affect the interests of ordinary citizens who are bona fide purchasers, but do not have sufficient qualifications and prudence to fully verify the acquired property and the financial position of the seller. Particular attention is paid to the relationship between national norms and the provisions of the World Bank document, as well as hermeneutic interpretation and analysis of judicial practice. Keywords: bankruptcy, bankruptcy proceedings, principle of maximum satisfaction of creditors' claims, bona fide acquisition, judicial practice.

References

1. Palova G.G. Problematic aspects of the distribution of bankruptcy assets among creditors // Society, Economy, Management. 2016. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemye-aspekty-raspredeleniya-konkursnoy-massy-mezhdu-kreditorami (date of access: 30.03.2025).
2. The World Bank principles and guidelines for effective insolvency and creditor rights systems // Official website of the World Bank, electronic resource, URL: http://documents.worldbank.org/curated/en/875201468182662754.
3. Affiliation of creditors and five other problems of bankruptcy in the Russian Federation, publication of 18.05.2018 //

Online publication "Interfax-Russia". Certificate of mass media registration EL No. FS 77 – 64321, electronic resource, URL: https://www.interfax.ru/business/613377 (date of access: 03/27/2025).
4. “Civil Code of the Russian Federation (Part One)” dated 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 08/08/2024, as amended on 10/31/2024) // “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 12/05/1994, No. 32, art. 3301.
5. Federal Law of 26.10.2002 No. 127-FZ (as amended on 26.12.2024) "On Insolvency (Bankruptcy)" (as amended and supplemented, entered into force on 01.03.2025), paragraph 16, Art. 2 // "Collected Legislation of the Russian Federation", 28.10.2002, No. 43, Art. 4190.
6. Federal Law of 26.10.2002 No. 127-FZ (as amended on 26.12.2024) "On Insolvency (Bankruptcy)" (as amended and supplemented, entered into force on 01.03.2025), Art. 110 // "Collection of Legislation of the Russian Federation", October 28, 2002, No. 43, Article 4190.
7. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 21, 2022 No. 305-ES21-21247 in case No. A41-49626/2018 // ConsultantPlus Legal Reference System.
8. "Review of Judicial Practice in Resolving Insolvency (Bankruptcy) Disputes for 2023" (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 15.05.2024) // "Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation", No. 6, June, 2024.
9. "Civil Procedure Code of the Russian Federation" dated 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 28.12.2024, as amended on 16.01.2025) // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 18.11.2002, No. 46, art. 4532.
10. “Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2017)” (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 12, 2017) // “Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation”, No. 9, September, 2018.
11. Case A40-109856/2017 // Official website of the system of arbitration courts of the Russian Federation, electronic resource, URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/b5823780-46ff-4e09-8e09-70767e94927b/5daa480b-7e65-4b4e-a661-47cbd2fdb429/A40-109856-2017_20180420_Opredelenie.pdf (accessed: 30.03.2025).

Правовая регуляция цифровых прав в контексте формирования и развития цифровой среды

Газгиреев Нажмуди Шамсудиевич
аспирант, Департамент права, Московский городской педагогический университет

Настоящая статья посвящена исследованию процессов правового регулирования цифровых прав в меняющихся условиях становления и эволюции цифровой среды. В работе проводится детальное рассмотрение существующих концептуальных подходов к толкованию феномена цифровых прав, исследуется их положение в иерархии гражданско-правовых объектов. Значительное внимание уделяется анализу комплекса проблем, связанных с нормативно-правовым обеспечением функционирования цифровых прав в российском законодательстве. Автором предпринята попытка осмысления соотношения частноправовых и публичноправовых аспектов регламентации цифровых прав, аргументирована необходимость дальнейшей модернизации гражданско-правового инструментария с учетом трансформационных процессов в цифровой экосистеме.
Ключевые слова: цифровые права, цифровая экосистема, юридическая регламентация, объекты гражданских правоотношений, цифровые активы, информационно-коммуникационные технологии, цифровизация экономики, гражданско-правовое регулирование.

Введение. Трансформация информационно-коммуникационного ландшафта и интенсификация цифровизационных процессов в общественных взаимодействиях обусловили возникновение принципиально новых объектов гражданско-правового оборота, что потребовало критического переосмысления традиционных подходов к их юридической регламентации. В числе таких новаций особое место занимают цифровые права, получившие официальное признание в российском законодательстве в качестве самостоятельной категории объектов гражданских правоотношений.

Исследовательский интерес к проблематике юридической регуляции цифровых прав обусловлен стремительной экспансией информационных технологий и их проникновением во все сферы социального бытия, что неизбежно порождает качественно новые общественные отношения, нуждающиеся в адекватном правовом оформлении. В контексте становления цифровизированной экономической модели приоритетное значение приобретает конструирование действенных юридических механизмов регулирования цифровых прав, способных обеспечить баланс интересов всех участников гражданско-правовых отношений и катализировать инновационные трансформации.

Современное состояние нормативно-правового регулирования цифровых прав в Российской Федерации характеризуется транзитивностью и наличием целого комплекса проблем теоретико-методологического и практического характера. Несмотря на включение дефиниции цифровых прав в понятийный аппарат Гражданского кодекса РФ, значительное число юридических вопросов, касающихся особенностей их функционирования в правовом поле, специфики трансакций, инструментов юридической защиты, до сих пор не получили должной нормативной разработки, что формирует зону регуляторной неясности и создает препятствия для полноценной реализации потенциала цифровой экономики.

В связи с вышеизложенным, целью настоящего исследования является комплексный анализ текущего статуса правового регулирования цифровых прав в российском юридическом пространстве, выявление существующих дисфункций и определение перспективных векторов совершенствования законодательного массива в рассматриваемой сфере. Научная новизна представленного исследования заключается в системном анализе проблематики правового регулирования цифровых прав в условиях формирования и эволюции цифровой среды, а также в разработке концептуальных предложений

по совершенствованию гражданского законодательства в исследуемой сфере.

Результаты исследования. Вопрос определения юридической природы цифровых прав продолжает оставаться дискуссионным как в отечественной правовой доктрине, так и в зарубежных юридических исследованиях [5; 7]. В российском юридическом пространстве категория цифровых прав была официально введена в правовой оборот с принятием Федерального закона от 18.03.2019 № 34-ФЗ, внесшего изменения в первую, вторую и статью 1124 третьей части Гражданского кодекса РФ [3]. Указанный нормативный акт дополнил гражданское законодательство новеллой в виде статьи 141.1 ГК РФ [2], в соответствии с которой цифровыми правами признаются указанные в таком качестве законодательством обязательственные и иные права, содержание и порядок осуществления которых детерминируются регламентами функционирования информационной платформы, удовлетворяющей нормативно установленным требованиям.

Предложенная законодателем дефиниция вызывает неоднозначную реакцию в научно-экспертном сообществе. В частности, И. Дроздов подчеркивает, что при формулировании понятия цифровых прав законодатель руководствовался преимущественно формально-юридическими соображениями, не затрагивая сущностных характеристик данного феномена [8]. Аналогичной позиции придерживается М. А. Рожкова, акцентирующая внимание на чрезмерной обобщенности законодательного определения, не позволяющей четко демаркировать границы цифровых прав и их соотношение с другими категориями объектов гражданских правоотношений [10]. Критическое осмысление легального определения цифровых прав позволяет вычленить следующие их атрибутивные признаки [6; 12]:

- наличие формального статуса – обязательственные и иные права должны быть эксплицитно обозначены в нормативно-правовых документах как принадлежащие к категории цифровых;

- технико-процессуальная детерминированность – содержательные аспекты и механизмы исполнения цифровых правомочий устанавливаются техническими протоколами и операционными правилами информационной экосистемы;

- нормативная валидация – цифровая платформа должна удовлетворять комплексу юридических требований, предусмотренных законодательной базой.

Однако перечисленные характеристики не позволяют исчерпывающе раскрыть уникальную специфику цифровых прав в системе объектов гражданских правоотношений, что создает определенные сложности в процессе правоприменения. В этой связи представляется необходимым дальнейшее теоретико-методологическое осмысление юридической природы цифровых прав.

В современной юридической литературе наблюдается плюрализм подходов к юридической квалификации и категоризации цифровых прав [5; 7; 13]. Ряд правоведов рассматривает данный феномен как специализированную категорию внутри системы имущественных правомочий, в то время как другие исследователи трактуют цифровые права в качестве новой модификации классических субъективных правовых возможностей в цифровой экосистеме [9; 10]. Существует также научная концепция, в рамках которой цифровые права интерпретируются как принципиально новый, самостоятельный объект гражданских правоотношений, обладающий уникальным набором идентификационных признаков [11].

Представляется обоснованным рассматривать цифровые права как особую модификацию фиксации и операционализации имущественных правомочий в цифровом пространстве, обладающую специфическими характеристиками, детерминированными особенностями архитектуры и функционирования информационных систем. При этом необходимо учитывать бифункциональную природу цифровых прав, позволяющую им выступать одновременно и в качестве автономного объекта гражданских правоотношений, и в качестве инструментального способа оформления иных гражданских правомочий [10].

Регулятивный механизм в отношении цифровых прав в Российской Федерации имеет многоуровневую структуру [8; 10]. Базовые концептуальные положения закреплены в Гражданском кодексе РФ [2], а также в специализированных нормативно-правовых актах, регламентирующих отдельные аспекты функционирования цифровых прав.

В Гражданском кодексе РФ цифровые права признаны самостоятельной категорией объектов гражданских правоотношений (ст. 128 ГК РФ) [2]. Статья 141.1 ГК РФ дефинирует понятие цифровых прав и устанавливает базовые принципы их гражданского оборота. В частности, нормативно закреплено, что субъектом, обладающим цифровым правом, признается лицо, имеющее технико-юридическую возможность распоряжаться данным правом в соответствии с протоколами информационной системы. Транзакция по передаче цифрового права осуществляется посредством внесения соответствующей записи в реестр информационной системы.

Помимо этого, в статью 309 ГК РФ была интегрирована норма, предусматривающая возможность автоматизированного исполнения обязательств при наступлении заранее определенных обстоятельств без необходимости дополнительного волеизъявления сторон путем использования программно-технологических решений, специфицированных в условиях сделки [3]. Данное нормативное положение формирует правовой фундамент для имплементации смарт-контрактов как особого механизма реализации цифровых прав [7; 10].

Детализированное регулирование отдельных типологических разновидностей цифровых прав содержится в комплексе нормативно-правовых актов, ориентированных на регламентацию цифровой экосистемы и цифровизированных экономических отношений. А. И. Овчинников и В. И. Фатхи справедливо отмечают, что развитие специализированного

законодательства в области цифровых прав представляет собой одно из магистральных направлений совершенствования правового поля в условиях тотальной цифровизации [9]. М. П. Шестакова акцентирует внимание на насущной необходимости гармонизации нормативно-правового массива, регулирующего цифровые права, с целью обеспечения унифицированного правоприменения в данной сфере общественных отношений [12]. А. А. Карцхия подчеркивает критическую важность выработки консолидированных методологических подходов к правоприменительной практике в области цифровых прав [6].

Несмотря на наличие определенного нормативного инструментария, регламентирующего функционирование цифровых прав, действующая система правового регулирования характеризуется выраженной фрагментарностью и внутренней рассогласованностью [6; 8; 10]. В частности, отсутствует единообразный концептуальный подход к интерпретации феномена цифровых прав в различных законодательных и подзаконных актах, что порождает неопределенность в процессе правоприменения. Кроме того, недостаточно проработаны вопросы, связанные с механизмами правовой защиты цифровых прав, спецификой их наследственной трансмиссии, особенностями обращения взыскания на цифровые права.

Аналитическое исследование текущего состояния нормативно-правового регулирования цифровых прав позволяет идентифицировать ряд системных проблем, требующих законодательного разрешения. Рассмотрим ключевые из них.

1. Проблема концептуального определения и типологической классификации цифровых прав. Как уже было отмечено ранее, легальная дефиниция цифровых прав не раскрывает всей полноты их юридической природы. Кроме того, в правовом поле отсутствует научно обоснованная классификационная система цифровых прав, что затрудняет определение их места в таксономии объектов гражданских правоотношений и выработку адекватных механизмов правовой регуляции.

2. Проблема соотношения цифровых прав с конвенциональными объектами гражданских правоотношений. В законодательном массиве не проведена четкая демаркационная линия между цифровыми правами и такими традиционными объектами гражданских прав, как имущественные правомочия, бездокументарные ценные бумаги, что создает ситуацию правовой неопределенности в процессе правоприменения.

3. Проблема правовой защиты цифровых прав. В действующем законодательстве отсутствуют специализированные нормы, регламентирующие способы защиты цифровых прав, что актуализирует вопросы о возможности экстраполяции традиционных механизмов защиты гражданских прав на цифровую сферу. Особую сложность представляют ситуации несанкционированного доступа к цифровым правам, их нелегитимного использования или неправомерной передачи.

4. Проблема юрисдикционной определенности при нарушении режима цифровых прав. В связи с экстерриториальным характером цифровой среды возникает проблематика определения применимого права и юрисдикционной принадлежности при нарушении правового режима цифровых прав. В действующем законодательстве не предусмотрены специальные коллизионные нормы, регулирующие данные аспекты, что усугубляет ситуацию правовой неопределенности.

5. Проблема ответственности операторов информационных систем. Законодательно не урегулированы вопросы юридической ответственности операторов информационных систем за нарушения правомочий обладателей цифровых прав, возникающие вследствие технических сбоев в функционировании системы, несанкционированных вмешательств в работу системы и иных аналогичных обстоятельств.

6. Проблема наследственной трансмиссии цифровых прав. В законодательстве отсутствуют специализированные нормы, регламентирующие наследование цифровых прав, что порождает правовую неопределенность относительно возможности и юридического механизма трансфера цифровых активов наследникам умершего правообладателя.

Выявленный комплекс регуляторных вызовов указывает на объективную потребность в дальнейшей модернизации и совершенствовании нормативно-правового инструментария, регламентирующего цифровые права в отечественной правовой системе. Стратегические направления трансформации юридического обеспечения цифровых прав в российском правовом пространстве связаны с необходимостью формирования целостной, логически непротиворечивой системы юридических норм, обеспечивающей эффективную регламентацию общественных отношений, возникающих в процессе создания, использования и гражданского оборота цифровых прав.

В настоящее время в Российской Федерации реализуется национальный проект «Цифровая экономика», предусматривающий комплексное совершенствование нормативно-правового инструментария, регулирующего цифровую экосистему [4]. В этом контексте представляется возможным выделить следующие перспективные направления модернизации правового регулирования цифровых прав:

1. Доктринальное переосмысление и содержательное уточнение юридической квалификации цифровых прав. Целесообразно пересмотреть и усовершенствовать нормативную дефиницию цифровых прав, включив в неё сущностно-функциональные характеристики данного правового феномена, а также сформировать таксономическую матрицу цифровых прав на основе научно валидированных критериев.

2. Формирование отраслевого нормативного массива, регламентирующего цифровые права. Представляется целесообразным принятие комплекса законодательных актов, регламентирующих

отдельные типологические разновидности цифровых прав и особенности их функционирования в гражданском обороте, а также внесение корректировок в действующие нормативно-правовые акты с целью обеспечения системной согласованности правового регулирования.

3. Совершенствование механизмов правовой защиты цифровых прав. Необходима разработка и законодательное закрепление специализированных способов защиты цифровых прав, учитывающих их уникальную специфику как объекта гражданских правоотношений, а также формирование эффективной системы взаимодействия правообладателей, операторов информационных систем и государственных органов при реализации мер юридической охраны цифровых активов.

4. Активизация транснационального взаимодействия в сфере юридического обеспечения цифровых прав. Учитывая экстерриториальный характер цифровой экосистемы, приоритетное значение приобретает сближение и унификация различных национальных правовых режимов, а также создание кросс-юрисдикционных регуляторных механизмов в области обеспечения функционирования цифровых прав.

Имплементация указанных направлений позволит сформировать действенную систему правового регулирования цифровых прав, обеспечивающую оптимальный баланс интересов всех участников гражданско-правовых отношений и стимулирующую инновационную трансформацию цифровой экономики.

Особую значимость в контексте совершенствования нормативно-правового регулирования цифровых прав приобретает обеспечение защиты прав и законных интересов граждан в цифровой экосистеме. Дж. Коккели справедливо отмечает, что экспансия цифровых технологий порождает принципиально новые вызовы в сфере реализации и защиты фундаментальных прав человека [14]. В этой связи критически важно обеспечить оптимальный баланс между стимулированием развития цифровой экономики и защитой базовых прав и свобод человека и гражданина. Аналогичная позиция отражена в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о праве на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху [1].

Отдельного внимания заслуживает проблематика правового регулирования искусственного интеллекта и его потенциального влияния на реализацию цифровых прав. Е.А. Суханов подчеркивает, что развитие технологий искусственного интеллекта формирует беспрецедентные возможности для создания и использования цифровых прав, одновременно порождая новые риски и вызовы, требующие адекватного правового регулирования [11].

И. М. Конобеевская акцентирует внимание на необходимости интердисциплинарного подхода к регулированию цифровых прав, учитывающего не только строго юридические, но и технологические, социокультурные, экономические аспекты их функционирования в общественных отношениях [7]. Ч. Мэй указывает на критическую важность поддержания баланса интересов правообладателей и пользователей в процессе управления цифровыми правами [13].

Таким образом, перспективы эволюции правового регулирования цифровых прав неразрывно связаны с необходимостью формирования интегрированной, адаптивной и функционально эффективной системы юридических норм, учитывающей специфику цифровой экосистемы и обеспечивающей оптимальный баланс интересов всех субъектов общественных отношений в цифровом пространстве.

Выводы. Проведенное комплексное исследование юридической регламентации цифровых прав в контексте становления и трансформации цифровой экосистемы позволяет сформулировать следующие концептуальные выводы.

Во-первых, цифровые права представляют собой качественно новую категорию объектов гражданско-правовых отношений, юридическая природа которых нуждается в дальнейшем теоретико-методологическом осмыслении. Закрепленная в Гражданском кодексе РФ дефиниция цифровых прав имеет преимущественно формально-юридический характер и не отражает в полной мере сущностных характеристик данного феномена.

Во-вторых, современное состояние нормативно-правового регулирования цифровых прав в Российской Федерации характеризуется транзитивностью и наличием комплекса проблемных аспектов, включая: концептуальную неопределенность юридической природы и отсутствие научно обоснованной классификации цифровых прав; нечеткость демаркации между цифровыми правами и конвенциональными объектами гражданских правоотношений; дефицит специализированных норм о механизмах защиты цифровых прав; неурегулированность вопросов наследственной трансмиссии цифровых прав и юридической ответственности операторов информационных систем.

В-третьих, перспективы эволюции нормативно-правового регулирования цифровых прав связаны с необходимостью конструирования целостной системы юридических норм, обеспечивающей эффективную регламентацию общественных отношений, возникающих в процессе создания, использования и гражданского оборота цифровых прав. Приоритетными направлениями модернизации законодательного массива в данной сфере являются: концептуальное уточнение юридической природы цифровых прав; развитие специализированного законодательства в области цифровых прав; совершенствование механизмов правовой защиты цифровых прав; интенсификация международного сотрудничества в сфере регламентации цифровых прав.

В-четвертых, развитие нормативно-правового инструментария в области цифровых прав должно осуществляться с учетом императива обеспечения оптимального баланса между стимулированием инновационных трансформаций цифровой экономики и защитой фундаментальных прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, формирование эффективной системы правового регулирования цифровых прав выступает одной из приоритетных задач современного законодательства в условиях цифровизации экономического пространства. Решение данной задачи требует системного подхода, интегрирующего как совершенствование нормативно-правового инструментария, так и углубленное теоретико-методологическое осмысление юридической природы цифровых прав.

Литература

1. Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 17.12.2018 // Официальный сайт ООН.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) // Система «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Система «КонсультантПлюс».
4. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 N 7) // Система «КонсультантПлюс».
5. Воронкова, Д. К., Воронков, А. С. Цифровые права как объекты гражданских правоотношений // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 5-1. С. 160-171.
6. Карцхия, А. А. Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2 (31). С. 43-46.
7. Конобеевская И.М. Цифровые права как новый объект гражданских прав // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2019. № 3. С. 330-334.
8. Дроздов И. Право в цифровую эпоху // Фонд «Сколково». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sk.ru/news/pravo-v-cifrovuyu-epohu/ (дата обращения 27.03.2025).
9. Овчинников, А. И., Фатхи, В. И. Цифровые права как объекты гражданских прав // Философия права. 2019. № 3 (90). С. 104-112.
10. Рожкова М.А. Является ли цифровое право отраслью права и нужно ли ожидать появления Цифрового кодекса? // Хозяйство и право. 2020. № 4. С. 3-13
11. Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» / Е.А. Суханов // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 7–29.
12. Шестакова М. П. Цифровые права как новый вид объектов гражданских прав. Что еще поменялось в ГК РФ? // ЭЖ-Юрист. 2019. № 12. С. 36-38.
13. May Ch. Digital rights management and the breakdown of social norms / Ch. May // First Monday. 2003. Vol. 8. P. 27-33.
14. Coccoli J. The challenges of new technologies in the implementation of human rights: An analysis of some critical issues in the digital era // Peace Human Rights Governance. 2017. Vol. 1. No. 2. P. 223-250.

Legal regulation of digital rights in the context of the formation and development of the digital environment

Gazgireev N. S.
Moscow City University

This article is devoted to the study of the processes of legal regulation of digital rights in the changing conditions of formation and evolution of the digital environment. The paper provides a detailed review of the existing conceptual approaches to the interpretation of the phenomenon of digital rights, examines their position in the hierarchy of civil law objects. Considerable attention is paid to the analysis of a set of problems related to the regulatory and legal support of the functioning of digital rights in Russian legislation. The author attempts to comprehend the correlation between private and public-law aspects of digital rights regulation, and argues the need for further modernization of civil-law tools, taking into account the transformation processes in the digital ecosystem.

Keywords: digital rights, digital ecosystem, legal regulation, objects of civil legal relations, digital assets, information and communication technologies, digitalization of the economy, civil law regulation.

References

1. The right to privacy in the digital age. UN General Assembly Resolution of 17.12.2018 // Official UN website.
2. Civil Code of the Russian Federation (CC RF) // ConsultantPlus System.
3. Federal Law of 18.03.2019 No. 34-FZ "On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation" // ConsultantPlus System.
4. Passport of the national project "National Program "Digital Economy of the Russian Federation" (approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects, protocol dated 04.06.2019 N 7) // ConsultantPlus System.
5. Voronkova, D.K., Voronkov, A.S. Digital rights as objects of civil legal relations // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. No. 5-1. P. 160-171.
6. Kartkhiya, A.A. Digital rights and law enforcement // Monitoring of law enforcement. 2019. No. 2 (31). P. 43-46.
7. Konobeevskaya I.M. Digital rights as a new object of civil rights // Bulletin of the Saratov University. New series. Series Economics. Management. Law. 2019. No. 3. P. 330-334.
8. Drozdov I. Law in the digital age // Skolkovo Foundation. [Electronic resource]. – Access mode: https://sk.ru/news/pravo-v-cifrovuyu-epohu/ (date of access 03/27/2025).
9. Ovchinnikov, A. I., Fathi, V. I. Digital rights as objects of civil rights // Philosophy of Law. 2019. No. 3 (90). P. 104-112.
10. Rozhkova M. A. Is digital law a branch of law and should we expect the emergence of a Digital Code? // Business and Law. 2020. No. 4. P. 3-13
11. Sukhanov E. A. On the civil law nature of "digital property" / E. A. Sukhanov // Bulletin of Civil Law. 2021. No. 6. P. 7-29.
12. Shestakova M. P. Digital rights as a new type of civil rights objects. What else has changed in the Civil Code of the Russian Federation? // EZh-Yurist. 2019. No. 12. P. 36-38.
13. May Ch. Digital rights management and the breakdown of social norms / Ch. May // First Monday. 2003. Vol. 8. P. 27-33.
14. Coccoli J. The challenges of new technologies in the implementation of human rights: An analysis of some critical issues in the digital era // Peace Human Rights Governance. 2017. Vol. 1. No. 2. P. 223-250.

Соотношение категорий «относимость доказательств» и «предмет доказывания» в гражданском процессуальном праве РФ

Дыбенко Василий Богданович
аспирант кафедры гражданского права и процесса, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, vasyok.dyba@yandex.ru

В статье рассмотрены дефиниции понятий «предмет доказывания» и «относимость доказательств». Обозначена важность корректного определения предмета доказывания и относимости доказательств. Сделан вывод о том, что в российском гражданском процессе категории «относимость доказательств» и «предмет доказывания» имеют тесную логико-правовую взаимосвязь. Относимость доказательств фактически выступает процессуальным критерием допустимости принятия факта в качестве доказательства, означающим, что доказательство должно иметь связь с предметом доказывания. По мнению автора, связь между предметом доказывания и относимостью доказательств можно представить в виде иерархической системы, на первом уровне которой находится предмет доказывания – он определяет ключевые факты, подлежащие установлению в рамках процесса; на втором уровне находится критерий относимости, позволяющий установить наличие логической связи с предметом доказывания или отсутствие таковой.

Ключевые слова: относимость доказательств, предмет доказывания, гражданский процесс, доказывание, уголовно-процессуальный кодекс

В современной юридической науке вопросы, связанные с реализацией судебного доказывания, до сих пор порождают множество дискуссий. Несмотря на то, что категории, связанные с доказательствами и доказыванием, рассматриваются российскими исследователями уже достаточно давно, далеко не все проблемные аспекты являются изученными в полной мере.

Важность рассмотрения соотношения между различными категориями в рассматриваемой нами предметной области обусловлена тем, что защита нарушенного права (приоритетная цель гражданского процесса) достижима исключительно посредством доказательственной деятельности. Орган суда не имеет иных способов защиты нарушенного права, кроме как собирания, проверки и оценки доказательств. Следовательно, доказывание выступает важнейшим компонентом гражданского процесса и процессуальной деятельности [2, с. 39].

Особенно *актуальным* представляется рассмотрение взаимосвязи между концептуальными и значимыми в процессуальной практике понятиями «относимость доказательств» и «предмет доказывания». Кроме того, актуальность рассматриваемой нами тематики подтверждается наличием большого числа примеров правоприменительной практики, демонстрирующих наличие негативной тенденции в процессе доказывания, связанной с девальвированием высоких стандартов доказывания обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Прежде всего, следует сказать, что судебное доказывание невозможно реализовать без идентификации предмета доказывания. Корректное определение предмета доказывания имеет исключительную важность: если в рассмотрении конкретного дела не будут установлены все факты, необходимые для его разрешения, это приведет к вынесению необоснованного решения. Необоснованное решение будет иметь место также в ситуации, когда суд будет принимать во внимание факты, не имеющие значения для дела, т.е. выходящие за пределы его предмета. Верное определение предмета доказывания обусловливает вектор протекания процесса доказывания, придает правовую ясность и чёткость в содержании обвинения и, как следствие, позволяет защитить нарушенный интерес [8, с. 4]. В данной связи следует рассмотреть категорию «предмет

доказывания» и обозначить ключевые подходы к ее дефиниции.

В общем виде А. Ф. Камалетдинова определяет предмет доказывания как «совокупность обстоятельств, установление которых необходимо для разрешения уголовного дела по существу» [4, с. 172]. При этом, как отмечает Е. А. Нахова, в отечественной правовой доктрине до сих пор не сформировалось единого мнения о сущности понятия «предмет доказывания». Можно выделить два основных подхода к его определению: в узком смысле предмет доказывания интерпретируется лишь как совокупность искомых материально-правовых фактов, а в широком – как совокупность материально-правовых факты и иных фактов, имеющих значение для правильного рассмотрения дела [6, с. 153].

Н. И. Атлашкина, следуя узкому подходу, предлагает следующую дефиницию: «определенные судом с учетом мнения лиц, участвующих в деле, материальные юридически значимые обстоятельства, подлежащие проверке с помощью доказательств на основании процессуальных норм» [1, с. 102].

По мнению Т. В. Бессоновой и Е. В. Михайловой, на предыдущих этапах эволюции юридической науки и практики в понятие «предмет доказывания» было принято включать лишь факты основания иска – материальные факты. Сегодня же все большее число специалистов рассматривают предмет доказывания более широко и включают в него и иные факты. К подобным фактам можно отнести доказательственные факты (те факты, которые косвенно подтверждающие требования и возражения сторон), процессуальные факты (те факты, которые непосредственно не связаны со спором, но релевантные для установления судом по причине наличия соответствующих процессуальных положений законодательства) [2, с. 41]. В качестве примеров процессуальных фактов можно привести факт подведомственности и подсудности дела конкретному суду, наличие ранее вынесенных решений, соблюдение досудебного порядка урегулирования и проч.

И. А. Пелих, в свою очередь, утверждает, что категория «предмет доказывания» является крайне многоаспектной и многоуровневой и выступает определенной системой, выражаемой в двух ключевых аспектах: (1) законодательное определение круга обстоятельств, подлежащих установлению; (2) непосредственное установление группы этих обстоятельств при производстве по конкретному делу. Предмет доказывания, по мнению автора, нельзя определить однозначно: он представляет собой «идеальное образование, отражающее на абстрактном и конкретном уровнях круг реально существующих обстоятельств, подлежащих установлению» [7, с. 109].

Гражданское процессуальное законодательство не содержит определения понятия «предмет доказывания». Тем не менее, представление о сущности данной категории можно получить из положений ч. 1 ст. 55 Гражданского процессуального кодекса, где указано, что орган суда суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Положения ст. 56 содержат указание на то, что каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений. Суд, в свою очередь, определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносить ли обстоятельства на обсуждение [3].

Положения данных статей позволяют получить представление о сочетании диспозитивного и императивного начал в процессе доказывания и определении его предмета как такового.

Таким образом, доказательства, которые представляются участвующими в деле лицами, признаются органом суда доказательствами по данному делу. Критерием, на основании которого конкретные факты обретают статус доказательств, выступает установленное в ст. 59 требование об относимости доказательств [3].

Относимость доказательств можно определить, согласно Е. С. Якимовой, как «свойство судебного доказательства, определяемое существованием объективной связи между содержанием доказательства (сведениями о фактах) и фактами (обстоятельствами), наличие которых надлежит установить при рассмотрении и разрешении дела» [10, с. 236].

Критерий относимости соблюдается в ситуации, когда конкретное доказательство отражает определенные действия или события, на основание которых можно будет подтвердить или опровергнуть определенные факты, необходимые для рассмотрения дела и разрешения соответствующего спора.

Относимость доказательства можно также определить в качестве процессуального правила, нормы, которая ограничивает возможность использования в качестве доказательств по конкретному делу любых фактов и признает только те из них, которые согласуются с требованиями положений ст. 59.

Некоторые исследователи используют более обобщенное определение: по их мнению, в качестве относимых следует считать те факты, которые относятся к конкретному делу [10, с. 236].

В российском гражданском процессе категории «относимость доказательств» и «предмет доказывания» имеют тесную логико-правовую взаимосвязь.

Вопрос взаимосвязи «относимости доказательств» и «предмета доказывания» активно исследуется в российской и зарубежной юридической науке. В рамках классической теории доказательственного права признано, что относимость доказательств напрямую зависит от предмета доказывания.

В современной науке данный подход получает свое развитие: предмет доказывания, согласно современным исследователям, задает рамки для относимости доказательств. Относимость на современном этапе определяется более широко, как своеобразный процессуальный фильтр, защищаю-

щий процесс от введения в судебное разбирательство нерелевантных доказательств. При этом существенным отличием новейших исследований является то, что предмет доказывания рассматривается в качестве динамической категории, поскольку он может изменяться в ходе процесса, и это влияет на признание / непризнание доказательств относимыми. Например, в гражданском процессе, если в ходе рассмотрения дела истец изменяет основания своих требований (вместо требования о взыскании долга переходит к требованию признания сделки недействительной), изменяется и предмет доказывания, и параллельно с этим меняется и подход к определению доказательств относимыми.

Относимость доказательств фактически выступает процессуальным критерием допустимости принятия факта в качестве доказательства, что, в свою очередь, означает, что доказательство должно иметь связь с предметом доказывания. Таким образом, категория «относимость доказательств» является производной от категории «предмет доказывания». Именно предмет доказывания определяет, какие доказательства являются относимыми. Если доказательство не связано с обстоятельствами, входящими в предмет доказывания, оно не подлежит исследованию судом и не может быть использовано для вынесения решения.

Связь между этими категориями очевидна, поскольку предмет доказывания служит основанием для оценки относимости доказательств. В этом контексте можно выделить несколько ключевых аспектов. Во-первых, то, что может быть представлено как доказательство, напрямую зависит от того, какие факты подлежат установлению [6, с. 156]. Если факт не имеет отношения к предмету доказывания, его доказательство не будет относимым, даже если оно получено законным способом. Во-вторых, взаимосвязь прослеживается на уровне права на доказательства. Стороны имеют право представлять доказательства исключительно в рамках предмета доказывания. Если доказательство не имеет отношения к предмету, оно не может быть признано судом. Подобное ограничение направлено на предотвращение учета органом суда нерелевантной информации. В-третьих, из этого следует, что ограничение спектра учитываемых доказательств посредством категории относимости способствует эффективности судебного разбирательства, так как помогает исключить из процесса несущественные материалы. В свою очередь, это снижает нагрузку на суд и стороны, упрощает протекание процесса и ускоряет принятие судебного решения.

Следует согласиться с позицией С. В. Корнаковой в том, что предмет доказывания выступает в конечном итоге ключевым показателем относимости доказательств. Так, к примеру, если в качестве критерия применять выдвинутые следствием версии, то лицо, ведущее производство по делу, столкнется с риском «туннельного зрения» – ситуации, при которой во внимание принимаются лишь факты, подтверждающие конкретную версию [5, с. 71].

Относимость доказательств можно также воспринимать в качестве порогового диапазона объемов фактов, необходимых для рассмотрения конкретного дела. Относимость определяет тот объем доказательств, который будет необходим (минимальное количество фактов) и достаточен (максимальное количество фактов, не выходящих за пределы предмета доказывания) для вынесения законного и обоснованного решения.

Следовательно, как указывает Д. В. Чиркова, определение предмета доказывания является приоритетной, первоочередной стадией, предваряющей стадию определения относимости доказательств. Уточнение предмета доказывания играет ключевую роль в определении относимости доказательств в отношении конкретного дела [9, с. 163].

В подобном контексте представляет интерес рассмотрение иска с позиции определения предмета доказывания. Именно основание иска, факты, лежащие в его основании, определяют предмет доказывания по делу. Иск, будучи способом защиты нарушенных прав, свобод и интересов, содержит в себе факты, которые в последующем будут «ядром» при формировании предмета доказывания по конкретному делу. То же касается возражений, предъявляемых по иску. «Периферия» предмета доказывания образуется позже, по мере расследования, судебного разбирательства. При этом и факты «ядра», и факты «периферии» предмета доказывания подлежат проверке на относимость. Окончательно предмет доказывания формируется органом суда. Относимыми признаются только те доказательства, которые подтверждают обстоятельства, входящие в предмет доказывания. Следовательно, в предмет доказывания входят лишь относимые факты.

Из содержания вышеизложенного следует, что связь между предметом доказывания и относимостью доказательств можно представить в виде иерархической системы, на первом уровне которой находится предмет доказывания – он определяет ключевые факты, подлежащие установлению в рамках процесса; на втором уровне находится критерий относимости, позволяющий установить наличие логической связи с предметом доказывания или отсутствие таковой.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

– Верное определение предмета доказывания имеет исключительную важность для обеспечения качества гражданского процесса. Некорректное определение предмета доказывания может привести к вынесению необоснованного решения органом суда.

– Предмет доказывания представляет собой совокупность обстоятельств, установление которых необходимо для разрешения дела. Ранее в понятие «предмет доказывания» было принято включать лишь факты основания иска – материальные факты. Сегодня же все предмет доказывания включает в себя и иные факты, которые традиционно не включались в предмет доказывания.

– Относимость – свойство судебного доказательства, определяемое существованием объективной связи между содержанием доказательства и фактами, наличие которых надлежит установить при рассмотрении и разрешении дела.

– В российском гражданском процессе категории «относимость доказательств» и «предмет доказывания» имеют тесную логико-правовую взаимосвязь.

– Относимость доказательств фактически выступает процессуальным критерием допустимости принятия факта в качестве доказательства, что, в свою очередь, означает, что доказательство должно иметь связь с предметом доказывания.

– Связь между предметом доказывания и относимостью доказательств можно представить в виде иерархической системы, на первом уровне которой находится предмет доказывания – он определяет ключевые факты, подлежащие установлению в рамках процесса; на втором уровне находится критерий относимости, позволяющие установить имеют логическую связь с предметом доказывания или ее отсутствие.

Литература

1. Атлашкина, Н. И. Понятие и содержание предмета доказывания в гражданском процессе / Н. И. Атлашкина // Вестник магистратуры. – 2014. – №3-2 (30). – С. 99-103.
2. Бессонова, Т. В. Проблемы определения предмета доказывания в гражданском процессе / Т. В. Бессонова, Е. В. Михайлова // ВЭПС. – 2019. – №2. – С. 39-42.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 16.01.2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/. – Дата доступа: 26.03.2025.
4. Камалетдинова, А. Ф. Предмет и пределы доказывания / А. Ф. Камалетдинова, В. А. Рыжикова, И. Ф. Латыпов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – №5-1 (80). – С. 172-174.
5. Корнакова, С. В. К дискуссии о свойствах относимости, допустимости и достоверности уголовно-процессуальных доказательств / С. В. Корнакова // Lex Russica. – 2021. – №9 (178). – С. 67-76.
6. Нахова, Е. А. Функции предмета доказывания в гражданском судопроизводстве / Е. А. Нахова // Ленинградский юридический журнал. – 2020. – №2 (60). – С. 150-161.
7. Пелих, И. А. Структура предмета доказывания и ее влияние на пределы доказывания / И. А. Пелих // Судебная власть и уголовный процесс. – 2016. – №1. – С. 109-114.
8. Прошин, В. М. Комментарий к постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 17.04.2019 г. № 18-П / В. М. Прошин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – №1. – С. 128-130.
9. Чиркова, Д. В. К вопросу об относимости и достаточности доказательств при их оценке в гражданском судопроизводстве / Д. В. Чиркова // Вестник Российской правовой академии. – 2023. – №2. – С. 158-168.
10. Якимова, Е. С. Некоторые вопросы квалификации доказательств в гражданском процессе / Е. С. Якимова // Образование и право. – 2022. – №5. – С. 235-243.

Relationship between the categories of «relability of evidence» and «subject of proof» in the civil procedural law of the Russian Federation

Dybenko V.B.

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

The article considers the definitions of the concepts of subject of proof and relevance of evidence. The importance of correctly defining the subject of proof and the relevance of evidence is indicated. It is concluded that in the Russian civil procedure the categories of relevance of evidence and subject of proof have a close logical and legal relationship. Relevance of evidence actually acts as a procedural criterion for the admissibility of accepting a fact as evidence, which, in turn, means that the evidence must be related to the subject of proof. According to the author, the connection between the subject of proof and the relevance of evidence can be presented in the form of a hierarchical system, at the first level of which is the subject of proof - it determines the key facts subject to establishment within the framework of the process; at the second level is the criterion of relevance, allowing to establish whether there is a logical connection with the subject of proof or its absence.

Keywords: relevance of evidence, subject of proof, civil procedure, proof, criminal procedure code

References

1. Atlashkina, N. I. Concept and content of the subject of proof in civil proceedings / N. I. Atlashkina // Bulletin of the Magistracy. - 2014. - No. 3-2 (30). - P. 99-103.
2. Bessonova, T. V. Problems of determining the subject of proof in civil proceedings / T. V. Bessonova, E. V. Mikhailova // VEPS. - 2019. - No. 2. - P. 39-42.
3. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 11/14/2002 N 138-FZ (as amended on 12/28/2024, as amended on 01/16/2025) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/. – Access date: 03/26/2025.
4. Kamaletdinova, A. F. Subject and limits of proof / A. F. Kamaletdinova, V. A. Ryzhikova, I. F. Latypov // International journal of humanitarian and natural sciences. – 2023. – No. 5-1 (80). – P. 172-174.
5. Kornakova, S. V. On the discussion of the properties of relevance, admissibility and reliability of criminal procedural evidence / S. V. Kornakova // Lex Russica. – 2021. – No. 9 (178). – P. 67-76. 6. Nakhova, E. A. Functions of the subject of proof in civil proceedings / E. A. Nakhova // Leningrad Law Journal. - 2020. - No. 2 (60). - P. 150-161.
7. Pelikh, I. A. The structure of the subject of proof and its influence on the limits of proof / I. A. Pelikh // Judicial power and criminal procedure. - 2016. - No. 1. - P. 109-114.
8. Proshin, V. M. Commentary on the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 17, 2019 No. 18-P / V. M. Proshin // Humanities, socio-economic and social sciences. - 2021. - No. 1. - P. 128-130. 9. Chirkova, D. V. On the issue of relevance and

sufficiency of evidence when evaluating it in civil proceedings / D. V. Chirkova // Bulletin of the Russian Law Academy. - 2023. - No. 2. - P. 158-168.

10. Yakimova, E. S. Some issues of qualification of evidence in civil proceedings / E. S. Yakimova // Education and Law. - 2022. - No. 5. - P. 235-243.

Принципы межотраслевого взаимодействия гражданского и уголовного права как элемент правовой конвергенции

Журавлева Мария Александровна
аспирант Института государственной службы и управления РАНХиГС? ZhuravlevaMA16@yandex.ru

В настоящей статье автор рассматривает межотраслевое взаимодействие гражданского и уголовного права как частное проявление общей конвергенции права. Предлагается два подхода к межотраслевому взаимодействию гражданского и уголовного права с точки зрения правовой конвергенции: межотраслевое взаимодействие рассматривается автором как процесс и как результат интеграции. Исследуется юридическую природу межотраслевой конвергенции. Делается вывод что в управлении конвергенцией работают принципы самоорганизации. Сформулированы и предложены принципы межотраслевого взаимодействия: принцип эффективности, принцип рациональности, принцип системности, принцип своевременности, принцип правовой определенности. Раскрываются отличие понятий «межотраслевые принципы права» и «принципы межотраслевого взаимодействия».

Ключевые слова: межотраслевое взаимодействие, конвергенция права, уголовное и гражданское право, принципы межотраслевого взаимодействия, принципы права, принцип эффективности, принцип рациональности, принцип правовой определенности, принцип своевременности, антисоциальные сделки.

В первые десятилетия XXI века, с развитием информационного общества, прогрессом в области новых технологий и повышением сложности общественных систем, включая правовую систему, вопросы взаимодействия и интеграции приобрели особое значение и получили массовое распространение в теориях конвергенции.

Появление термина конвергенция права было логическим продолжением общих теорий конвергенции культур, предложенных П. Сорокиным [12]. Под конвергенцией, в самом общем виде, он понимал процесс сближения и интеграции культурных систем, целью которой является появление совершенно новых эффективных социокультурных элементов. В научной литературе конвергенция имеет различные значения в зависимости от областей, которые подлежат интеграции, и от того, как они объединяются.

Право, как и мораль, религия, политика, экономика, искусство, — неотъемлемый элемент культуры, а потому идеи конвергенции близки и правовой системе.

В целом тематика конвергенции права в настоящее время является широко востребованной в научном сообществе. Существенный вклад в развитие теории конвергенции права, и конвергенции гражданского и уголовного права, в частности, внесли Н.М.Коршунов [8] и О. Д. Третьякова [14].

О.Д. Третьяковой предложено следующее определение конвергенции «юридическая конвергенция – это процесс взаимодействия элементов внутри системы права, права и иных регуляторов отношений в обществе, а также правовых систем различных государств, характеризующийся сближением, увеличением количества связей между элементами сближающихся объектов и определенной степенью согласованности воздействия этих элементов на общественные отношения» [15, с.19].

Свой подход к понятию конвергенция права выработала и общая теория права. В широком смысле в российской юридической науке термин конвергенции понимается как процесс сближения правовых систем, заимствования правовых норм, принципов и институтов из различных правовых семей (например, романо-германской и англосаксонской) с целью унификации и гармонизации права. Это явление связано с глобализацией и необходимостью правового регулирования транснациональных отношений. Так В.В. Лазарев отмечает, что «конвергенция права — это процесс взаимного влияния и сближения правовых систем, который приводит к форми-

рованию общих правовых принципов и норм, способствующих унификации права в условиях глобализации» [9, с.324].

Правовая конвергенция — это не просто «случайные связи» или несколько общих принципов в правовой системе, а целенаправленная стратегия и процесс. Конвергенция не подразумевает «управление сверху вниз», в управлении конвергенцией работают принципы самоорганизации. Это означает что процессы конвергенции всегда объективно обусловлены. Процесс субъективного влияния, искусственного насаждения определенного взаимодействия, в том числе в правовой системе, конвергенцией не является.

Несмотря на то, что явление конвергенции является предметом изучения в рамках сравнительного правоведения, стоит согласиться с В.В. Колесником, что «в свете идеи о суверенизации сохраняет актуальность межотраслевая конвергенция, особенно конвергенция частного и публичного права внутри российской правовой системы» [5, с.19].

Таким образом, частным проявлением общей конвергенции права является межотраслевая конвергенция. В настоящей статье конвергенция рассматривается в широком смысле как процесс взаимодействия отраслей публичного и частного права, а в узком как процесс межотраслевого взаимодействия гражданского и уголовного права.

Стоит отметить, что некоторые авторы отождествляют понятие конвергенции и интеграции права. На наш взгляд, это не совсем верно. Считается что интеграция - это лишь фаза конвергенции, хотя и более формализованная. Интеграция направлена на формирование новых правовых институтов, регулирующих правовые отношение, которые не могли быть урегулированы инструментами одной отрасли права самостоятельно. Процесс глубокой интеграции приводит к новому поведению системы по сравнению с её компонентами. Возможно, результатом глубокой интеграции уголовного и гражданского права, в недалеком будущем, станет институт экономических преступлений, связанных с применением искусственного интеллекта.

На наш взгляд, можно выделить два подхода к межотраслевому взаимодействию гражданского и уголовного права с точки зрения правовой конвергенции:

Во-первых, межотраслевое взаимодействие можно рассматривать как ***результат.*** В данном случае взаимодействие рассматривается как итоговая форма согласования норм и институтов гражданского и уголовного права. Это статичное состояние, при котором достигается гармонизация правовых норм, устранение противоречий и создание единого правового поля для решения сложных юридических вопросов. Типичным примером такого взаимодействия является преюдиция - процессуальное правило, согласно которому обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором суда по уголовному делу, не нуждаются в доказывании при рассмотрении гражданского дела.

Во-вторых, межотраслевое взаимодействие можно рассматривать как ***процесс.*** В данном случае межотраслевое взаимодействие понимается как динамичный процесс взаимного влияния, одновременного применения норм гражданского и уголовного права, который включает в себя последовательные действия, направленные на достижение целей. Этот процесс имеет свои этапы, правила и принципы, которые обеспечивают его эффективность. Пример такого взаимодействия применение бланкетных норм.

Сущностная разница между подходами состоит в том, что результат — это конечное состояние, достигнутая гармония правовых норм, а процесс — это активная деятельность, направленная на достижение этой гармонии, с учетом принципов и правил.

Рассматривая межотраслевую конвергенцию права, мы рассматриваем это явление как процесс, направленный на достижение определенного результата.

Одной из теорий конвергенции является теория общих фундаментальных принципов. Эта теория постулирует, что явления и процессы подчиняются основным законам и фундаментальным принципам, которые могут пересекаться в различных областях знаний и применения. Действуют такие принципы и в межотраслевом взаимодействии правовых норм.

В правовой науке в целом, и в гражданско-правовой науке в частности, практически нет работ, посвященных принципам межотраслевого взаимодействия. В отличии, например, от тематики межотраслевых принципов права, которым уделяется достаточно внимания.

На наш взгляд это связано с тем, что право в основном рассматривают как социальную систему, регулятор общественных отношений, а не как систему в ее общем кибернетическом понимании, для которой характерны все свойства и признаки систем. Вместе с тем, в системах действуют принципы взаимодействия структурных элементов, которые нельзя игнорировать.

На наш взгляд, говоря о принципах межотраслевого взаимодействия мы говорим прежде всего о принципах, регулирующих процесс межотраслевого взаимодействия (конвергенции). Эти принципы неразрывно связаны с целями межотраслевого взаимодействия и обеспечивают, прежде всего, слаженность и продуктивность взаимодействия между отраслями права, что особенно важно в сложных правовых ситуациях, требующих комплексного подхода.

При этом важно отличать понятие «принципы межотраслевого взаимодействия» и понятие «межотраслевые принципы права». Несмотря на кажущуюся однородность — это совсем разные понятия. Категория «межотраслевые принципы» относиться к понятию принципы права, в то время как категория «принципы межотраслевого взаимодействия» не относиться к категории правовых принципов как таковых, а относиться скорее к категориям принципов межсистемной интеграции.

В самом общем виде, можно сказать, что межотраслевые принципы права — это то, ***что*** объединяет отрасли права (содержательные начала, основополагающие идеи, лежащие в основе правового регулирования), а принципы межотраслевого взаимодействия — это, ***как и для чего*** отрасли права взаимодействуют между собой (процедурные правила). В чем же эта разница выражается?

Разница между межотраслевыми принципами права и принципами межотраслевого взаимодействия как процесса заключается в их сущности, сфере применения и функциональной направленности. Рассмотрим подробнее:

Межотраслевые принципы права в своей сущности — это основополагающие идеи, которые пронизывают несколько отраслей права и являются их общими началами. Они отражают фундаментальные ценности правовой системы и применяются в различных отраслях права. Эти принципы действуют в рамках отдельных отраслей права (например, гражданского, уголовного, административного), но при этом являются общими для них. Они обеспечивают единство правовой системы. Большинство, авторов относят к ним: принцип законности (соблюдение законов во всех отраслях права); принцип равенства перед законом (равное применение норм права ко всем субъектам); принцип справедливости (соразмерность наказания или решения обстоятельствам дела); принцип гуманизма (уважение прав и достоинства личности). Эти принципы задают общие ориентиры для правотворчества и правоприменения, обеспечивая согласованность и непротиворечивость правовых норм в разных отраслях.

Принципы межотраслевого взаимодействия как процесса по своей сути — это правила и подходы, которые регулируют процесс взаимодействия между различными отраслями права, в данном случае гражданского и уголовного. Они направлены на обеспечение эффективного и согласованного применения норм разных отраслей в конкретных ситуациях. Эти принципы применяются в ситуациях, где требуется совместное использование норм и институтов разных отраслей права (например, гражданского и уголовного права).

Таким образом основная разница между указанными принципами и межотраслевыми принципами может быть проведена по нескольким критериям.

Во-первых, по содержанию: межотраслевые принципы права — это общие идеи, которые объединяют несколько отраслей права, а принципы межотраслевого взаимодействия — это правила организации процесса совместного применения норм разных отраслей.

Во-вторых, по назначению: межотраслевые принципы права задают содержательные ориентиры для правовой системы, а принципы межотраслевого взаимодействия регулируют процедурные аспекты взаимодействия.

В-третьих, по сфере применения: межотраслевые принципы права действуют внутри отраслей, но являются общими для них, а принципы межотраслевого взаимодействия применяются на стыке отраслей, когда требуется их совместное использование.

Обе группы принципов, при этом, обеспечивают гармоничное и продуктивное взаимодействие гражданского и уголовного права, что способствует укреплению правопорядка и защите прав граждан. Применительно к межотраслевому взаимодействию эти принципы призваны обеспечивать слаженность и продуктивность взаимодействия между отраслями права, что особенно важно в сложных правовых ситуациях, требующих комплексного подхода.

Являются ли принципы межотраслевого взаимодействия универсальными? На наш взгляд, да. Они одинаково применимы к межотраслевому взаимодействию любых отраслей, а не только, как в рассматриваемом случае, к взаимодействию гражданского и уголовного права.

Так какие же принципы можно назвать принципами межотраслевого взаимодействия? На наш взгляд к ним можно отнести следующие принципы: принцип эффективности, принцип рациональности, принцип системности, принцип своевременности и принцип правовой определенности.

Принцип эффективности. Эффективность – это достижение максимально полезного результата при минимальных затратах времени, ресурсов и усилий. Взаимодействие отраслей должно быть направлено на быстрое и качественное разрешение правовых конфликтов, экономию ресурсов судебной системы. Принцип эффективности в контексте взаимодействия гражданского и уголовного права предполагает достижение максимально справедливого и быстрого разрешения правовых конфликтов, а также защиту прав и интересов всех участников процесса. Это взаимодействие проявляется в случаях, когда гражданско-правовые отношения требуют уголовно-правового вмешательства, например, при защите имущественных прав, возмещении ущерба или установлении фактов, имеющих значение для обеих отраслей права.

Наука уголовного и гражданского права так же ставит эффективность во главу угла межотраслевого взаимодействия.

С.А. Курочкин считает, что именно «эффективность предопределяет результативность правового регулирования общественных отношений» [7, с.69].

А.В. Наумов [10] отмечает, что эффективное взаимодействие этих отраслей права возможно только при условии четкого разграничения их предметов регулирования и одновременного учета их взаимосвязи. Он подчеркивает, что гражданско-правовые последствия уголовных преступлений (например, возмещение ущерба) должны рассматриваться в рамках уголовного процесса, чтобы избежать противоречий между решениями судов.

Е.А. Суханов неоднократно указывал на необходимость гармонизации норм гражданского и уголовного права для повышения эффективности правоприменения.

И.А. Покровский подчеркивает, что взаимодействие гражданского и уголовного права должно быть

направлено на защиту прав личности и имущественных интересов. Он отмечает, что эффективность такого взаимодействия достигается через комплексное применение норм обеих отраслей права [12].

Одним из примеров эффективного взаимодействия гражданского и уголовного права является ситуация, когда в рамках уголовного дела рассматриваются гражданско-правовые требования о возмещении ущерба. Верховный суд РФ неоднократно подчеркивал, что гражданский иск в уголовном процессе должен рассматриваться в соответствии с нормами как уголовного, так и гражданского права, чтобы обеспечить справедливое возмещение вреда потерпевшему.

Другим принципом межотраслевого взаимодействия, тесто связанным с принципом эффективности, является **принцип рациональности**. Данный принцип предполагает использование наиболее целесообразных и логичных методов взаимодействия, исключение избыточных или противоречивых действий. Рациональность, как правило, рассматривается с точки зрения экономической целесообразности, однако, в публичном праве, особенно в вопросах защиты прав граждан, такой подход не применим. Но это не означает что рациональности нет места в вопросах межотраслевого взаимодействия.

А.И. Бойко подчеркивает, что принцип рациональности требует от законодателя и правоприменителя учитывать экономическую целесообразность при решении вопросов, связанных с взаимодействием уголовного и гражданского права. Он отмечает, что рациональное использование процессуальных механизмов позволяет избежать излишних затрат и ускорить восстановление нарушенных прав [1, с.44].

В.В. Лазарев подчеркивает, что рациональность во взаимодействии уголовного и гражданского права достигается через четкое разграничение их предметов регулирования и одновременное использование их инструментов для достижения общих целей. Он приводит примеры, когда гражданско-правовые механизмы (например, возмещение ущерба) используются в уголовном процессе для экономии времени и ресурсов [9].

Принцип рациональности прослеживается и в правовой аргументации судебных решений. На рациональность как цель и принцип межотраслевого взаимодействия ориентирована и судебная система. Верховный суд РФ неоднократно указывал что рассмотрение иска в уголовном процессе является *рациональным*, поскольку позволяет избежать повторного рассмотрения одних и тех же фактов в гражданском суде. Это решение демонстрирует, как принцип рациональности применяется для оптимизации судебных процедур.

Не стоит исключать и экономические факторы рациональности правового взаимодействия. Ряд авторов усматривает проявления экономической целесообразности, в частности, в проявлениях такого феномена, именуемого «экономическим уголовным правом». По мнению Колесника В.В. «под влиянием экономического фактора, соображений прагматизма и целесообразности, защиты интересов бизнеса сформировался уникальный правовой механизм уголовно-правовой защиты общественных отношений в сфере экономики. Его уникальность состоит в сравнительно большей мере частного, диспозитивного, договорного элементов в способе уголовно-процессуального и уголовно-правового реагирования на предпринимательские преступления, формирование меры уголовно-правового воздействия на них» [5, с.22].

Вместе с тем, следует согласиться с мнением Шаповалова И.А. который указывает, что «аргументация судебных решений является рациональной лишь в том случае, если нормы, на основании которых такие решения вынесены, признаются большинством населения и обеспечивают предсказуемость поведения, то есть соответствуют принципу правовой определенности» [16, с.383].

Таким образом принцип рациональности во взаимодействии уголовного и гражданского права РФ проявляется в разумном использовании процессуальных механизмов, минимизации издержек и обеспечении баланса между защитой общественных интересов и восстановлением частных прав. На наш взгляд ярким проявлением принципа рациональности является также внедрение диспозитивных начал в отдельные институты уголовного и уголовно-процессуального права. В частности, институты примирения с потерпевшим и досудебного соглашения о сотрудничестве. Большинство авторов признают договорную природу прекращения уголовных дел по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 20, 25, 25.1, п. 3 ч. 1 ст. 27, ч. 1 ст. 28, ст. 28.1, 427 УПК РФ. Появление данных научных воззрений разрушает постулат о господстве публично-правового начала в регулировании уголовно-правовых отношений.

Стоит согласиться с Колесником В.В., который считает что расширение института примирительных договорных процедур направлено на «экономию уголовно-правовой репрессии, гуманизацию уголовной политики, восстановление нарушенных преступлением общественных отношений мирным (нерепрессивным) путем» [5, с.17].

Принцип системности. Этот принцип подразумевает принятие локальных решений с учётом всей правовой системы и её эволюции. Такой подход к решению проблем сочетает в себе системное видение. Гражданское и уголовное право рассматриваются как элементы единой правовой системы, где нормы и институты взаимосвязаны и дополняют друг друга. Вопросы системности подробно разработаны в теории права.

В.С. Нерсесянц отмечает «системность права означает, что все его элементы (нормы, институты, отрасли) взаимосвязаны и взаимодействуют, образуя целостное единство. Это позволяет обеспечивать согласованность правового регулирования и избегать противоречий между различными отраслями права» [11, с.233].

Принцип системности в праве проявляется в том, что правовые нормы не существуют изолированно,

а образуют единую систему, где каждая норма взаимодействует с другими, обеспечивая эффективное регулирование общественных отношений.

Принцип системности в праве обеспечивает согласованность между различными отраслями, включая гражданское и уголовное право. Это позволяет эффективно регулировать сложные правоотношения, возникающие на стыке различных правовых институтов.

Системообразующее значение в межотраслевом взаимодействии гражданского и уголовного права имеет бланкетность норм права. По мнению некоторых авторов «неправильное истолкование норм уголовного закона, носящих бланкетный характер и, соответственно, имеющих императивную отсылку, приводит к игнорированию правоприменителем норм отраслевого законодательства, к которым, в свою очередь, и отсылает уголовный закон. Это приводит к неприменению закона, подлежащего применению к данным правоотношениям. Таким образом, правоприменитель, сужая сферу подлежащего применению законодательства, нарушает общее требование законности» [6, с.94]. Нарушением системности при взаимодействии уголовного и гражданского права, является ситуация, когда в уголовно-правовых целях термины, определенные в гражданском праве, трактуются шире, чем есть в законе. Это приводит к тому, что обвиняемому лицу в качестве преступления формально вменяются действия по природе своей преступлением не являющиеся, в рамках которых лицо действовало добросовестно и разумно с точки зрения гражданского права. Стоит согласиться с авторами, которые считают, что «указанный подход толкования уголовного закона явно не соответствует буквальному смыслу законодательства, что ведет к грубому нарушению принципа законности» [6, с.100].

Принцип своевременности. Не секрет, что право и юридическая наука иногда используются для решения острых социальных проблем, таких как война, эпидемии или экономический кризис, и для каждой проблемы может потребоваться особое взаимодействие между отраслями права или отдельными нормами, которые ранее не взаимодействовали в определенных аспектах. Задача правоприменителя в данном случае - обеспечение оперативного взаимодействия между отраслями права, чтобы избежать задержек в рассмотрении дел и обеспечить актуальность принимаемых решений.

В качестве примера своевременности межотраслевого взаимодействия для речения политических и социально-экономических задач является институт антисоциальных сделок [4]. Дело в том, что до настоящего времени в гражданском праве не существовало специальных норм, регулирующих вопросы недействительности антисоциальных сделок, и применение последствий такой недействительности в виде обращения в доход государства всего полученного по таким сделкам. В частности, не было никаких специальных норм, касающихся сроков исковой давности по таким сделкам: предполагалось что сроки давности общие для данного института. Однако с ростом числа коррупционных преступлений, в частности, дел о взятках, государство стало активно использовать данный гражданско-правовой инструмент. В ходе активного становления судебной практики по ст.169 Гражданского кодекса РФ выяснилось, что ограниченные сроки давности в том виде, в каком они предусмотрены в настоящее время, не отвечают интересам государства, активно борющегося с коррупцией не только уголовно-правовыми, но и гражданско-правовыми способами. Указанная мысль была высказана в Постановлении Конституционного суда РФ от 31 октября 2024 года №49-П. Судом предложено увеличить сроки исковой давности или рассмотреть вопрос о их неприменении в части сделок (а равно преступлений в уголовно-правовом смысле), не отвечающих интересам правопорядка и нравственности.

Так под влиянием текущей социально-экономической и политической повестки возникла необходимость обновления норм о сроках исковой давности по такой категории гражданских дел. Межотраслевое взаимодействие гражданского и уголовного права в данном контексте определялось преюдициальностью фактов, установленных приговором суда по уголовным делам, а также устранением коллизии между конфискацией как мерой уголовно-правового наказания и конфискацией в гражданско-правовом смысле.

Безусловно подобный подход требует тщательного научного осмысления, но глупо отрицать что подобные нормы весьма своевременны.

Кроме того, принцип своевременности можно понимать и в его прямом значении, а именно как правило, согласно которому правовые нормы и процедуры должны применяться в разумные сроки, чтобы обеспечить эффективное восстановление нарушенных прав и законных интересов. Этот принцип особенно важен при взаимодействии гражданского и уголовного права. Верховный Суд неоднократно указывал, что задержки в рассмотрении гражданского иска в рамках уголовного процесса недопустимы, так как это может привести к утрате доказательств и невозможности взыскания ущерба. Своевременность рассмотрения дел является важным условием обеспечения правосудия.

Своевременность в праве — это не только требование к срокам рассмотрения дел, но и гарантия того, что правовые нормы будут применяться в тот момент, когда это наиболее эффективно для защиты прав и интересов сторон [3, с.67]. Таким образом, своевременность как принцип является одним из главных постулатов эффективной реализации норм права.

Принцип правовой определенности. Принцип правовой определенности является одним из ключевых принципов правового государства и предполагает, что правовые нормы должны быть четкими, ясными и предсказуемыми, а правоприменительная практика была последовательной и непротиворечивой.

Применительно к межотраслевому взаимодействию гражданского и уголовного права принцип

правовой определенности играет важную роль, поскольку эти отрасли права регулируют разные аспекты общественных отношений, и в этом процессе важно не допустит коллизии норм.

Правовая определенность при межотраслевом взаимодействии обеспечивается: четкостью разграничения компетенций и направлением регулирующего воздействия, согласованность правовых норм разных отраслей, последовательностью правоприменения правовых положений. Основная цель – предсказуемость последствий взаимодействия и исключение противоречий. Кроме того, результатом взаимодействия должно стать упрощение, а не усложнение правового регулирования.

По мнению Д. С. Велиевой и М. В. Преснякова «содержательный аспект правовой определенности связан не столько с определенностью правовых предписаний, сколько с выявлением действительного смысла субъективного права, объема входящих в него правомочий, пределов его осуществления и т.п.» [2, с.302].

В силу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в ряде его решений (постановления от 25 апреля 1995 года № 3-П, от 5 июля 2001 года №11-П, от 6 апреля 2004 года №7-П и др.), неопределенность содержания правовой нормы не может обеспечить ее единообразное понимание, ослабляет гарантии защиты конституционных прав и свобод, может привести к нарушению принципов равенства и верховенства закона.

Таким образом, межотраслевое взаимодействие может стать одним из инструментов устранения неопределенности правовой нормы.

Такое взаимодействие должно быть эффективным, рациональным, системным и своевременным.

Безусловно, вышеуказанные принципы не являются исчерпывающими и могут быть дополнены иными принципами, например, принципом последовательности, которые предполагает четкое соблюдение этапов взаимодействия, где каждый шаг логически вытекает из предыдущего и подготавливает следующий; принципом пропорциональности регулирующего воздействия (меры должны быть соразмерны поставленным целям, необходимо избегать избыточного императивного или диспозитивного регулирования), которые требуют дальнейшего научного осмысления.

Литература

1. Бойко А.И. в соавт. Защита потерпевших от преступлений: государственная забота и благоразумие потенциальных жертв. Научно-практическое пособие. – Ростов н/Д: Изд-во ЮРИФ РАНХиГС, 2013. – 232с.

2. Велиева Д. С., Пресняков М. В. Сущность принципа правовой определенности: в поисках конституционно-правового смысла. // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 3 С.302

3. Гурвич М.А. Судебное решение: теоретические проблемы / Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. — Москва: Юрид. лит., 1976. — 175 с.

4. Журавлева М.А. Механизм межотраслевого взаимодействия гражданского и уголовного права на примере признания недействительными антисоциальных сделок по коррупционным делам // Юридическая практика.2024. №11. С.176-182.

5. Колесник В.В. Конвергенция частного и публичного права в сфере уголовного судопроизводства // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2023. Т.23. С.19-28.

6. Коваленко К. Е., Губернаторова Э. В., Тимофеев Е. И., Пинчук А. П., Коваленко Н. Е. Применение бланкетных норм в контексте межотраслевого взаимодействия. /Вестник СурГУ.2020. вып.4 С.94-101.

7. Курочкин С.А. Эффективность правовых норм как условие результативности правового воздействия //Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. С.69-83.

8. Коршунов Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 240 с.

9. Лазарев В.В. Теория государства и права : учеб. для вузов / В. В. Лазарев, С. В. Липень. - Изд. 3-е, испр. и доп. - Москва : Спарк, 2004,- 527с.

10.Наумов А.В. Избранные труды. О реформе Уголовного кодекса Российской Федерации (публикации 2009–2019 гг.) / Ун-т прокуратуры Рос.Федерации. – М., 2019. 384 с.

11.Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. — М.: Норма ИНФРА-М, 2012. 430 с.

12.Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2019. 480 с.

13.Сорокин П. А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2018. 640 с

14.Третьякова О. Д. Юридическая конвергенция: дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир: Владимирский юридический институт, 2012. 445 с.

15.Третьякова О. Д. Юридическая конвергенция: теория, технология, практика. М.: Центр современных образовательных технологий. 2011. 344 с.

16.С.Шаповалов И.А. Проблема рациональности в правовой аргументаций судебных решений. //Юридическая техника. 2013. № 7 (ч.1). С .377- 383

Principles of intersectoral interaction of civil and criminal law as an element of convergence of law

Zhuravleva M.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

In this article, the author considers the intersectoral interaction of civil and criminal law as a particular manifestation of the general convergence of law. Two approaches to the intersectoral interaction of civil and criminal law are proposed from the point of view of legal convergence: intersectoral interaction is considered by the author as a process and as a result of integration. The legal nature of intersectoral convergence is being investigated. It is concluded that the principles of self-organization work in the management of convergence. The principles of intersectoral interaction are formulated and proposed: the principle of efficiency, the principle of rationality, the principle of consistency, the principle of timeliness, the principle of legal certainty. The difference between the

concepts of "intersectoral principles of law" and "principles of intersectoral interaction" is revealed.

Keywords: intersectoral interaction, convergence of law, criminal and civil law, principles of intersectoral interaction, principles of law, principle of efficiency, principle of rationality, principle of legal certainty, principle of timeliness, antisocial transactions.

References

1. Boyko A.I. et al. Protection of victims of crimes: State care and prudence of potential victims. Scientific and practical guide. Rostov n/A: Publishing House of the RANEPA Law Institute, 2013. 232-2.
2. Veliyeva D. S., Presnyakov M. V. The essence of the principle of legal certainty: in search of constitutional and legal meaning. // Izv. Sarath. un-ta. New ser. Ser. Economy. Management. Right. 2019. Vol. 19, issue 3, p.302
3. . Gurvich M.A. Judicial decision: theoretical problems / The All-Union. jurid. by correspondence. in-T. Moscow: Jurid. lit., 1976. 175 p.
4. Zhuravleva M.A. Mechanism of intersectoral interaction of civil and criminal law on the example of invalidation of antisocial transactions in corruption cases // Legal practice.2024. No. 11. pp.176-182.
5. Kolesnik V.V. Convergence of private and public law in the field of criminal proceedings // Bulletin of SUSU. The Pravo series. 2023. Vol.23. pp.19-28.
6. Kovalenko K. E., Gubernatorova E. V., Timofeev E. I., Pinchuk A. P., Kovalenko N. E. Application of blank standards in the context of intersectoral cooperation. /Bulletin of SurGU.2020. issue 4, pp.94-101.
7. Kurochkin S.A. The effectiveness of legal norms as a condition for the effectiveness of legal influence //Scientific notes of Kazan University. Humanities series. pp.69-83.
8. Korshunov N. M. Convergence of private and public law: problems of theory and practice. Moscow: Norm: INFRA-M, 2011. 240 p.
9. Lazarev V.V. Theory of the state and law : textbook. for universities / V. V. Lazarev, S. V. Lipen. - 3rd ed., ispr. and add. Moscow : Spark, 2004, 527 p.
10. Naumov A.V. Selected works. On the reform of the Criminal Code of the Russian Federation (publications 2009-2019) / University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, 2019. 384 p.
11. Nersesyants V.S. General theory of law and the state. Moscow: Norm INFRA-M, 2012. 430 p.
12. Pokrovsky I.A. The main problems of civil law. Moscow: Statute, 2019. 480 p.
13. Sorokin P. A. The crisis of our time. Russia and the United States. Syktyvkar: Anbur LLC, 2018. 640 p.
14. Tretyakova O. D. Legal convergence: dis. ... Dr. jurid. sciences'. Vladimir: Vladimir Law Institute, 2012. 445 p.
15. Tretyakova O. D. Legal convergence: theory, technology, practice. Moscow: Center for Modern Educational Technologies. 2011. 344 p.
16. S.Shapovalov I.A. The problem of rationality in the legal argumentation of judicial decisions. //Legal technology. 2013. No. 7 (part 1). Pp. 377-383

Соглашение о соавторстве как элемент юридического состава возникновения соавторства

Кантемиров Руслан Маратович
аспирант, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
kantemirov.ruslan99@gmail.com

Настоящая статья посвящена теме соглашения о соавторстве. Соглашение о соавторстве является спорным элементом юридического состава соавторства. Основной проблемной точкой является вопрос о необходимости наличия соглашения о соавторстве для возникновения соавторства. В юридической науке нет однозначного мнения о его необходимости. Также не до конца определенным вопросом является юридическая природа такого соглашения, к какому договорному типу оно относится. Высказываются разные предположения на этот счет, включая отнесение такого соглашения к договору простого товарищества.
В рамках настоящей статьи исследуются все обозначенные выше вопросы, а именно вопрос о необходимости соглашения соавторства для возникновения соавторства, вопрос о договорном типе соглашения о соавторстве и вопросы особенностей правоотношений между соавторами в рамках соглашения.
Ключевые слова: авторское право, соавторство, соглашение о соавторстве, юридический состав соавторства.

Существуют различные подходы к определению понятия «соавторство». Гаврилов называет соавторство фактом[1]. Иные считают, что соавторство — это особый правовой режим между авторами[2]. Также отмечается, что соавторство — это особый процесс творчества, который является соавторским, только если неизбежно заканчивается созданием произведения[3].

По нашему мнению, эти определения не являются взаимоисключающими. Соавторство можно представить и как особый юридический факт, то есть как ряд событий из реальной жизни (юридический состав), который обуславливает возникновение соавторства. Соавторство можно также представить и как особый режим взаимоотношений между несколькими авторами (обладателями исключительных и иных прав) по поводу созданного ими произведения. В конечном итоге соавторство можно представить и как особый творческий процесс, который в свою очередь можно выразить в особом юридическом составе соавторства. Мы в свою очередь полагаем, что речь идет в первую очередь о некотором юридическом факте, то есть соавторство таким образом имеет определенный юридический «состав», предшествующий его возникновению.

В любом случае необходимо установить юридический состав соавторства. Одной из первых работ, давших перечисление юридического состава соавторства, стала совместная работа[4] Антимонова Б.С., Флейшиц Е.А., где они указали, что: «Если два лица или несколько лиц создают совместным творческим трудом единое произведение, то все создатели этого произведения признаются по закону носителями единого авторского права. Этих носителей единого авторского права закон признает соавторами.».

Иным примером перечисления юридического состава соавторства является работа[5] Сергеева А.П.: «Прежде всего о соавторстве можно говорить лишь в том случае, если в результате совместных усилий нескольких лиц создано единое коллективное произведение…Вторым непременным условием возникновения соавторства является создание произведения совместным творческим трудом нескольких

[1] Гаврилов Э.П. Комментарий к закону об авторском праве и смежных правах: Судеб. практика. М.: Экзамен, 2005. [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
[2] Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части четвертой (постатейный), отв. редактор Трахтенец Л.А. М., 2009. [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
[3] Гаврилов Э.П., Еременко В.И. Комментарий к части 4 Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) М., 2009. [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
[4] Антимонов Б.С., Флейшиц Е.А. Авторское право. М: Юридическая литература, 1957. С. 66
[5] Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: Учебник. М., 2003 С. 173-175

лиц…Важнейшим условием соавторства является также то, что вклад лиц, претендующих на соавторство, должен носить творческий характер…Наконец, условием признания тех или иных лиц соавторами произведения является наличие соглашения о возникновении соавторства.».

Аналогичным образом юридический состав соавторства описывал[6] Гришаев С.П.: «Возникновение соавторства доктрина и судебная практика связывают с определенными условиями, которые содержатся в нормах действующего законодательства. Важнейшим условием возникновения соавторства является наличие совместного творческого труда, который впоследствии нашел выражение в определенном творческом результате…Вторым условием соавторства является "совместность" творческого труда…В качестве еще одного условия возникновения соавторства некоторые юристы называют соглашение о соавторстве. Однако вопрос о том, является ли соглашение о соавторстве условием для того, чтобы возникло соавторство, является спорным.».

Оценив мнения ученых по этому поводу, мы можем прийти к выводу о том, что юридический состав соавторства состоит из 4 основных элементов:

1) создание единого произведения;
2) совместный творческий труд соавторов;
3) творческий характер труда соавтора;
4) соглашение о соавторстве.

Одним из наиболее спорных элементов юридического состава соавторства – это соглашение о соавторстве. Спорным является не сколько его природа, характеристики или иные параметры, а сам факт наличия необходимости соглашения о соавторстве для возникновения соавторства.

Первое что нужно отметить, так это то, что нынешним позитивным регулированием (ст. 1258 ГК РФ), в отличие от вышеперечисленных элементов юридического состава соавторства, не установлено наличие соглашения между соавторами как обязательного условие его возникновения.

Вместе с тем, п. 83 Постановления Пленума № 10 установлено, что: «…поскольку соавторство на произведение возникает в случае, когда каждый из соавторов по взаимному соглашению (в том числе в устной форме) внес в это произведение свой творческий вклад. При этом соглашение о соавторстве может быть достигнуто на любой стадии создания произведения или после его завершения.». Таким образом, высшая судебная инстанция включает соглашение о соавторстве в качестве обязательного элемента.

Прежде чем говорить о самом соглашении применительно к соавторству, необходимо определить его правовую природу.

Так С.П. Гришаев под соглашением понимает следующее[7]: «При этом под соглашением следует понимать взаимное волеизъявление авторов, направленное на совместную творческую работу над будущим результатом интеллектуальной деятельности. В авторских правоотношениях предметом соглашения соавторов может быть доработка уже законченного произведения, если возникает необходимость внести в него изменения и дополнения творческого характера. Законодатель не указал форму этого соглашения. Таким образом, соглашение может быть выражено в любой форме и на любой стадии работы над результатом интеллектуальной деятельности. Практически оно бывает в письменной и устной форме, удостоверенной в форме указания соавторов в договоре и подтверждаемой свидетельскими показаниями в случае спора.».

Таким образом мы можем констатировать то, что по мнению С.П. Гришаева, такое соглашение это сделка (договор). Исходя из формулировок, выдвигаемых Гришаевым, предметом этого договора являются взаимные права и обязанности соавторов по поводу процесса создания произведения. Не является до конца понятным вкладывал ли Гришаев в это определение правоотношения сторон по поводу распределения доходов от созданного произведения, порядка его эксплуатации, однако отрицать такую возможность не можем, несмотря на отсутствие прямого указания в определении на это. Гришаев также указывает на то, что данное соглашение может быть достигнуто и в письменной, и в устной форме. В этой связи остается открытым вопрос признает ли автор возможность заключить данное соглашение «фактически», путем конклюдентных действий, выражающихся в самом факте совместной работы над произведением.

Ю.С. Харитонова так описывала соглашение о соавторстве[8]: «Под соглашением можно понимать следующее: это взаимное волеизъявление авторов, направленное на совместную творческую работу над произведением. Такое соглашение может быть выражено в любой форме и на любой стадии работы над произведением или даже после ее завершения. Более того, предметом соглашения может быть доработка уже законченного произведения, если возникает необходимость внести в него изменения и дополнения творческого характера.».

Мнение Ю.С. Харитоновой таким образом практически полностью совпадает с мнением С.П. Гришаева.

Более развернутое описание своего понимания соглашения о соавторстве Ю.С. Харитонова дала в своей кандидатской диссертации[9]. В ней она, в частности, упоминала, что соглашение о соавторстве может быть заключено и после окончания работы

[6] Гришаев С.П. Соавторство при создании результатов интеллектуальной деятельности [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. 2011.

[7] Гришаев С.П. Соавторство при создании результатов интеллектуальной деятельности [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. 2011. С. 7

[8] Харитонова Ю.С. Соглашение о соавторстве как основание самостоятельного вида коллективного управления исключительными правами // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. N 1. С. 17

[9] Харитонова Ю.С. Отражение функции управления в институтах гражданского права: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 366-382

над произведением[1], что само по себе соглашение о соавторстве не может создать соавторство[2].

Таким образом, исходя из мнений ученых, норм закона, его формулировок, соглашение о соавторстве – это договор между будущими или текущими соавторами. Но что является предметом этого договора? Здесь можно помыслить 2 основные группы взаимных прав и обязанностей, которые может содержать такой договор. Во-первых, это правоотношения по поводу создания произведения в соавторстве. Во-вторых, это правоотношения по поводу эксплуатации созданного в соавторстве произведение. Аналогичное мнение приводила и Ю.С. Харитонова[3].

Эти 2 группы правоотношений достаточно разные по своей сути. Первая группа правоотношений регулирует вопросы создания произведения, распределения обязанностей между соавторами, связанных с их совместной творческой работой. Вторая же группа правоотношений регулирует вопросы порядка совместной эксплуатации произведения. Их общее объединение под названием «соглашение о соавторстве» или «соглашение соавторов» может быть объяснено исключительно общим объектом таких соглашений, а именно произведения, созданного (или создаваемого) в соавторстве. Также стоить отметить, что эти 2 группы правоотношений могут присутствовать как вместе, так и по отдельности в рамках одного договора. Исходя из всего вышесказанного, соглашение о соавторстве является непоименованным договором в гражданском праве РФ.

1) Первая группа правоотношений, регулирующая права и обязанности сторон в связи с созданием произведения в соавторстве, и является наиболее спорной. Что являет из себя соглашение о соавторстве в этом аспекте? По сути, это выражение согласия сторон на то, что они будут являться соавторами и создадут своим трудом произведение. Иные возможные правоотношения в рамках этой группы будут связаны с обязанностью будущих соавторов создать определенные части произведения, в определенном объеме под угрозой финансовой ответственности.

В науке нет однозначно сложившегося мнения касательно необходимости выражения согласия соавторов на совместное создание произведения в рамках соглашения. Немалое количество специалистов отмечало, что соглашение не требуется для возникновения соавторства.

Так, Серебровский считал[4], что соглашение не является обязательным элементом юридического состава соавторства: «Если же оказываемая скульптору помощь имеет характер творческой деятельности, следует считать таких лиц соавторами в созданном скульптурном произведении, хотя бы между скульптором и этими лицами и не было заключено соавторского соглашения.».

Аналогичного мнения придерживались и многие другие ученые:

А) В.А. Хохлов[5]: «…соавторство возникает вне зависимости от того, заключено ли до этого соглашение соавторов.»;

Б) Калятин В.О.[6]: «…здесь важен не сам факт наличия соглашения (которое тоже имеет значение для урегулирования отношений сторон), а объективно существующее согласование творческой деятельности, реализующееся в работе над произведением.»;

В) Дозорцев В.А.[7]: «…соавторство является объективным фактом, а не результатом соглашения.».

Противоположное мнение, мнение о том, что соглашение о соавторстве является необходимым элементом для его возникновения также получило свое распространение среди ученых-цивилистов:

А) Антимонов Б.С. и Флейшиц Е.А.[8]: «Но для признания соавторства по всяком случае необходимо соглашение о совместной работе.»;

Б) Камшев В.Г.[9]: «Для признания соавторства как как нераздельного, так и раздельного требуется наличие трех условий. Во-первых, необходимо соглашение (письменное или устное) между соавторами о создании коллективного произведения совместным трудом.»

В) Гаврилов Э.П. и Еременко В.И.[10]: «"Совместный" творческий труд — это труд, осуществляемый по соглашению между соавторами. Такое соглашение - устное или письменное - обязательно должно существовать. Отсутствие такого соглашения никогда и ни при каких условиях не приводит к соавторству.»

Г) И.А. Близнец, В.С. Витко.[11]: «Совместный творческий труд нескольких соавторов может привести к созданию общего произведения только в том случае, когда соавторы придерживаются единого замысла - излагают одну и ту же идею (главную мысль). При этом вряд ли изложение одной и той же идеи возможно без соглашения между соавторами о совместной творческой работе по созданию произведения.».

Исходя из цитат и мнений ученых указанных выше, не существует консенсуального мнения по вопросу необходимости такого соглашения. Наше

[1] Там же. С. 370
[2] Там же. С. 371
[3] Там же. С. 373
[4] Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. М.: Изд– во АН СССР, 1956. С. 66
[5] Хохлов В.А. Вопросы соавторства // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 2. С. 167.
[6] Калятин В.О. Проблемы определения системы правообладателей результатов интеллектуальной деятельности [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс
[7] Дозорцев В.А. Авторские дела в суде. Научно-практический комментарий. М., 1985. С. 51
[8] Антимонов Б.С., Флейшиц Е.А. Авторское право. М: Юридическая литература, 1957. С. 66
[9] Камышев В.Г. Права авторов литературных произведений. М.: Юридическая литература, 1972. С. 105
[10] Гаврилов Э.П., Еременко В.И. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. С. 91
[11] Комментарий к некоторым положениям Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса РФ» // И. Близнец, В. Витко. ИС. Авторское право и смежные права. № 6. 2019 г. С. 2

мнение по поводу необходимости соглашения между авторами для возникновения таково, что такое соглашение не требуется. По крайней мере в отдельной форме. Хоть и наш правопорядок через Постановление Пленума № 10 достаточно однозначно говорит о необходимости такого соглашения, на самом деле это соглашение автоматически возникает при выполнении наличии другого элемента юридического состава соавторства – совместной деятельности. Невозможно осуществлять совместную деятельность по созданию произведения не выражая согласие на такую деятельность, а значит и на соавторство. Лицо, которое против чужой воли навязывается другому в соавторы никогда соавтором не станет, так как объект его нападок просто не будет осуществлять с ним совместную деятельность, каклибо согласовывать создание произведения, советоваться и консультироваться с таким лицом. Так и наоборот, лицо, которое фактически осуществляет совместную деятельность по созданию произведения не сможет потом ссылаться на то, что оно не давало согласие на создание произведения в соавторстве.

Как было показано выше, многие авторы сторонники необходимости соглашения о соавторстве использовали понятие «соглашение» для определения понятия «совместная деятельность», что подтверждает неразрывную связь данных понятий.

По нашему мнению, если нет совместной деятельности, то нет и соглашения о соавторстве, а если такая деятельность есть, то соглашение о соавторстве имеется в любом случае. Таким образом, если один критерий (соглашение о соавторстве) в 100% случаев зависит от другого критерия (совместная деятельность соавторов), то смысла в отдельном выделении критерия соглашения о соавторстве для целей определения возникновения соавторства не имеется.

Дополнительным аргументом в пользу тезиса выше можно назвать возможность заключения данного соглашения в конклюдентной форме. Согласно п. 83 Постановления Пленума № 10, соглашение о соавторстве может быть заключено в устной форме. Согласно п. 2 ст. 158 ГК РФ, сделка, которая может быть совершена устно, считается совершенной и в том случае, когда из поведения лица явствует его воля совершить сделку. По нашему мнению, реально осуществляемая совместная деятельность по созданию произведения между несколькими соавторами является безусловным показателем выражения воли лица на заключение соглашения о соавторстве на создание произведения. То есть конклюдетными действиями будет выступать совместная деятельность лиц по созданию произведения, другой элемент

Вместе с тем, даже в случае если к этому конкретному соглашению должна применяться письменная форма сделки, например, если стороны в рамках своего соглашения также включили какие-либо возможные взаимные предоставления на сумму более 10000 рублей (в этом случае исходя из ст. 161 ГК РФ, п. 2 ст. 158 ГК РФ не применяется) то и в этом случае остается возможность констатировать наличие соглашения о соавторстве. Само по себе обсуждение имущественных вопросов касательно судьбы будущего произведения устным образом может автоматически подразумевать соглашение о создании этого будущего произведения.

Еще одним способом доказывания наличия заключенности этой сделки (то есть наличие соглашения о соавторстве) даже при полной молчаливости сторон и лишь фактической совместной деятельности является ссылка на п. 3 ст. 432 ГК РФ, согласно которому сторона, принявшая от другой стороны полное или частичное исполнение по договору либо иным образом подтвердившая действие договора, не вправе требовать признания этого договора незаключенным, если заявление такого требования с учетом конкретных обстоятельств будет противоречить принципу добросовестности. Соавтор, фактически приступивший к созданию произведения с другим соавтором, вряд ли может ссылаться на незаключенность соглашения между ними в таком случае.

Все вышесказанное исключает ситуации, при которых, если стороны фактически осуществляли совместную деятельность по созданию произведения, то возможна констатация отсутствия соглашения на создание произведения в соавторстве. Как мы уже говорили выше, если один из элементов юридического состава соавторства (совместная деятельность) автоматически в 100 % случаев означает наличие другого якобы элемента юридического состава соавторства (соглашение о соавторстве), то такой элемент не существует самостоятельно, а является лишь составной частью другого.

О том, что именно совместная деятельность является более общей категорией по отношению соглашению о соавторстве[1] говорит также то, что стороны не могут лишь одним соглашением создать соавторство между ними. То есть авторы не могут голой волей, без совместной реальной деятельности, стать соавторами. И наоборот, даже при отсутствии прямо выраженного соглашения о соавторстве, например в письменной форме, наличие совместной деятельности по созданию произведения и в конечном итоге создание совместного произведения в 100% случаев приведет к соавторству между этими лицами[2].

С этой точки зрения к возникновению соавторства приводит ряд юридических поступков соавторов, а не какие-либо юридические акты в форме сделок. Это означает, что вне зависимости от воли соавторов, даже если это воля прямо выражена в обратную сторону, фактические действия соавторов в виде создания единого произведения, с помощью

[1] В узком смысле, в смысле взаимного волеизъявления авторов на создание произведения. Мы не рассматриваем иные возможные аспекты такого соглашения, например регулирующие распределение доходов между соавторами.

[2] При условии наличия иных элементов юридического состава соавторства.

творческих вкладов соавторов и в рамках совместной деятельности в любом случае приведут к созданию произведения в соавторстве.

Поэтому мы не считаем соглашение о соавторстве элементом юридического состава соавторства.

2) Вторая группа правоотношений, регулируемая соглашением о соавторстве, касается вопросов имущественной эксплуатации произведения, созданного в соавторстве, осуществления прав на это произведение.

Мы не будем подробно разбирать вопросы осуществления прав на совместное произведение в рамках настоящей главы, а лишь отметим некоторые основные моменты связанные с договором по которому эти права осуществляются. Во-первых, как уже было сказано выше, соглашение о соавторстве в целом и соглашение о соавторстве, регулирующее правоотношения по эксплуатации произведения в частности это непоименованный договор. Вместе с тем, по нашему мнению, существует возможность применять некоторые положения ГК РФ по аналогии к такому договору. К таким договорам можно отнести соглашения об управлении общим имуществом, находящимся в совместной собственности, но ст. 1227 ГК РФ, запрещающая применение раздела II ГК РФ о вещных правах, несколько ограничивают такую возможность.

Вместе с тем, существует еще один договорной тип, позволяющий опосредственно использовать нормативное регулирование этого договорного типа, а именно договор «простого товарищества». Так согласно п. 1 ст. 1041 ГК РФ, по договору простого товарищества (договору о совместной деятельности) двое или несколько лиц (товарищей) обязуются соединить свои вклады и совместно действовать без образования юридического лица для извлечения прибыли или достижения иной не противоречащей закону цели. Согласно п. 2 ст. 1042 ГК РФ, вкладом товарища признается все то, что он вносит в общее дело, в том числе деньги, иное имущество, профессиональные и иные знания, навыки и умения, а также деловая репутация и деловые связи.

Мы полагаем, что существует реальная возможность применять положения данной статьи к отношениям соавторов, выраженных в их соглашении между собой по поводу эксплуатации произведения. Данную идею касательно применения норм, регулирующих договор простого товарищества, к соглашению соавторов мы встретили у Ю.С. Харитоновой[1].

Однако наиболее очевидным и прямо указанным в ГК РФ соглашением в данном случае будет соглашение между несколькими правообладателями одного исключительного права по поводу его эксплуатации (п. 3 ст. 1229 ГК РФ). Во-первых, п. 3 ст. 1258 ГК РФ сам делает отсылку на эту статью, регулируя вопросы распределения доходов от исключительного права и его распоряжения. Во-вторых, нормы п. 3 ст. 1229 ГК РФ сами по себе являются наиболее близкими по содержанию к проблематике совместной эксплуатации соавторами созданного ими произведения.

Причиной по которым нормы п. 3 ст. 1229 ГК РФ могут оказаться недостаточными могут лежать в плоскости того, что, во-первых, они сами по себе лаконичны, а во-вторых, соглашение о соавторстве может регулировать не только вопросы эксплуатации исключительного права, но и вопросы связанные с созданием произведения. Более того, отношения по поводу создания произведения могут прямо перетекать к отношениям по поводу распределения доходов. Так соавторы могут договориться о том, что распределение доходов между ними будет зависеть от объема выполненной творческой работы при создании произведения. Правоприменителю в таком случае может понадобиться обращение к иным договорным конструкциям предусмотренным ГК РФ, например, как уже было сказано выше, к договору простого товарищества.

В том случае, если соглашением соавторов также регулируются вопросы отчуждения исключительного права на произведение между соавторами или предоставления соавторам лицензии на такое произведение после отчуждения, к такому договору должны также применяться положения ГК РФ о соответствующих договорах, что делает соглашение между соавторами также и смешанным договором.

В последней части статьи хотелось бы ещё раз подчеркнуть ***основные выводы***, к которым удалось прийти по результатам проведённого научного исследования:

1) Наличие соглашения о соавторстве для возникновения соавторства необязательно. Невозможно осуществлять «совместную деятельность», другой элемент юридического состава соавторства, без наличия соглашения между соавторами. Таким образом отдельное выделение соглашения о соавторстве как элемента юридического состава соавторства бессмысленно.

2) Юридическая природа соглашения о соавторстве имеет неоднозначный характер. В науке высказывались мнения о том, что соглашение о соавторстве имеет природу договора простого товарищества. В любом случае, по нашему мнению, соглашение о соавторстве — это непоименованный договор, а в некоторых случаях договор смешанный.

3) Соглашение о соавторстве может регулировать 2 основные группы правоотношений между соавторами. Во-первых, это отношения по поводу создания произведения, включающее в себя вопросы распределения труда при создании произведения, юридической ответственности за нарушение условий создания произведения и тому подобные отношения. Во-вторых, это отношения по поводу совместной эксплуатации произведения и распределе-

[1] Харитонова Ю.С. Соглашение о соавторстве как основание самостоятельного вида коллективного управления исключительными правами // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. N 1. С. 20

ния доходов. Две вышеназванные группы отношений также могут быть связаны между собой. Так, например, соавторы могут договориться о распределении доходов в зависимости от количества приложенных творческих усилий каждого из соавторов в ходе процесса создания произведения.

Литература

1. Гаврилов Э.П. Комментарий к закону об авторском праве и смежных правах: Судеб. практика. М.: Экзамен, 2005. [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
2. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части четвертой (постатейный), отв. редактор Трахтенец Л.А. М., 2009. [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
3. [1] Антимонов Б.С., Флейшиц Е.А. Авторское право. М: Юридическая литература, 1957. С. 66
4. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: Учебник. М., 2003 С. 173-175
5. Гришаев С.П. Соавторство при создании результатов интеллектуальной деятельности [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. 2011. С. 7
6. Харитонова Ю.С. Отражение функции управления в институтах гражданского права: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 366-382
7. Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. М.: Изд– во АН СССР, 1956. С. 66
8. Хохлов В.А. Вопросы соавторства // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 2. С. 167.
9. Калятин В.О. Проблемы определения системы правообладателей результатов интеллектуальной деятельности [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс
10. Дозорцев В.А. Авторские дела в суде. Научно-практический комментарий. М., 1985. С. 51
11. Антимонов Б.С., Флейшиц Е.А. Авторское право. М: Юридическая литература, 1957. С. 66
12. Камышев В.Г. Права авторов литературных произведений. М.: Юридическая литература, 1972. С. 105
13. Гаврилов Э.П., Еременко В.И. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. С. 91
14. Комментарий к некоторым положениям Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса РФ» // И. Близнец, В. Витко. ИС. Авторское право и смежные права. № 6. 2019 г. С. 2
15. Харитонова Ю.С. Соглашение о соавторстве как основание самостоятельного вида коллективного управления исключительными правами // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. N 1. С. 20

Co-authorship agreement as an element of the legal composition of the emergence of co-authorship

Kantemirov R.M.

Kutafin University (MSAL)

This article is devoted to the topic of co-authorship agreement. Co-authorship agreement is a controversial element of the legal composition of co-authorship. The main problematic point is the question of the necessity of a co-authorship agreement for the emergence of co-authorship. There is no unambiguous opinion in legal science about its necessity. Also, the legal nature of such an agreement, what contractual type it belongs to, is not fully defined. Various assumptions are made on this matter, including classifying such an agreement as a simple partnership agreement.

Within the framework of this article, all the above issues are examined, namely the question of the necessity of a co-authorship agreement for the emergence of co-authorship, the question of the contractual type of co-authorship agreement and the issues of the specifics of legal relations between co-authors within the framework of the agreement.

Keywords: copyright, co-authorship, co-authorship agreement, legal composition of co-authorship.

References

1. Gavrilov E.P. Commentary on the Law on Copyright and Related Rights: Judicial Practice. Moscow: Examen, 2005. [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus.
2. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation, Part Four (article by article), editor-in-chief L.A. Trakhtenets. Moscow, 2009. [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus.
3. Antimonov B.S., Fleishits E.A. Copyright. Moscow: Legal Literature, 1957. Page 66
4. Sergeev A.P. Intellectual Property Law in the Russian Federation: Textbook. Moscow, 2003 Pages 173-175
5. Grishaev S.P. Co-authorship in the Creation of Results of Intellectual Activity [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus. 2011. P. 7
6. Kharitonova Yu.S. Reflection of the management function in civil law institutions: dis. ... Doctor of Law. M., 2011. P. 366-382
7. Serebrovsky V.I. Issues of Soviet copyright. M.: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1956. P. 66
8. Khokhlov V.A. Issues of co-authorship // Bulletin of Tyumen State University. 2010. No. 2. P. 167.
9. Kalyatin V.O. Problems of determining the system of copyright holders of the results of intellectual activity [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus
10. Dozortsev V.A. Copyright cases in court. Scientific and practical commentary. M., 1985. P. 51
11. Antimonov B.S., Fleishits E.A. Copyright. Moscow: Legal Literature, 1957. Page 66
12. Kamyshev V.G. Rights of Authors of Literary Works. Moscow: Legal Literature, 1972. Page 105
13. Gavrilov E.P., Eremenko V.I. Commentary on Part Four of the Civil Code of the Russian Federation (article by article). [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus. Page 91
14. Commentary on Certain Provisions of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 23, 2019 N 10 "On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation" // I. Bliznets, V. Vitko. IP. Copyright and Related Rights. No. 6. 2019. Page 2
15. Kharitonova Yu.S. Co-authorship agreement as a basis for an independent type of collective management of exclusive rights // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2008. N 1. P. 20

Государственная регистрация корпораций: механизм реализации и юридическое значение

Ларичева Татьяна Викторовна
магистрант юридического факультета, Московский университет им. С. Ю. Витте larichevat83@gmail.com

Статья посвящена изучению механизма государственной регистрации корпораций в России и анализу его юридического значения. Актуальность обусловлена необходимостью обеспечения законности и прозрачности корпоративных отношений, а также снижением рисков фиктивных регистраций и внесения недостоверных сведений в реестр. Новизна работы заключается в комплексном подходе к исследованию двойственной природы государственной регистрации, рассматриваемой одновременно в публично-правовой и гражданско-правовой плоскостях. В рамках статьи описаны этапы процедуры регистрации, изучены нормативные основы и практические проблемы её реализации. Особое внимание уделено последствиям государственной регистрации: возникновению правосубъектности корпораций, легитимации их деятельности и информационной прозрачности. Цель исследования – определить юридическое значение государственной регистрации для создания и функционирования корпораций. Использованы методы нормативного анализа и изучения правоприменительной практики. Исследованы работы Закупень Т.В., Поводыревой Н.Ю., Стельмах Е.Ю. и других авторов. В заключении предлагаются меры по совершенствованию механизма государственной регистрации. Статья будет полезна юристам, правоведам, специалистам в области корпоративного и административного права.

Ключевые слова: государственная регистрация, корпорация, ЕГРЮЛ, юридическое лицо, регистрационная процедура, правосубъектность, юридическое значение, корпоративное право, фирма-однодневка, регистрационные сведения.

Введение

Государственная регистрация юридических лиц является необходимым условием приобретения организацией статуса юридического лица в Российской Федерации. В соответствии с п.2 ст.51 Гражданского кодекса РФ юридическое лицо считается созданным со дня внесения записи о нем в Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ). Таким образом, актуальность темы обусловлена тем, что без государственной регистрации корпорация не возникает как субъект права и не может участвовать в гражданском обороте.

Далее, регистрация выполняет важные контрольные и информационные функции, обеспечивая государственный учет организаций и прозрачность данных о них для третьих лиц. Вместе с тем в современной науке и практике обсуждаются проблемы эффективности регистрационного процесса: выявлены случаи фиктивной регистрации фирм-однодневок, недостоверности сведений (например, адресов) в реестре, что подрывает доверие к данным ЕГРЮЛ. В юридической литературе нет единства взглядов на правовую природу государственной регистрации – одни авторы относят ее к институтам гражданского права, другие акцентируют административно-правовой характер процедуры. Все это свидетельствует о необходимости комплексного исследования механизма государственной регистрации корпораций и его юридического значения.

Цель данного исследования – проанализировать механизм реализации государственной регистрации корпораций в РФ и определить ее юридическое значение для корпораций как субъектов права. Для достижения этой цели решаются следующие задачи:

1) Проанализировать нормативно-правовую базу и процедуру государственной регистрации корпораций в России, выявить ее особенности и этапы.

2) Выявить юридически значимые последствия (значение) факта государственной регистрации для создания и деятельности корпораций.

3) Изучить научные публикации и правоприменительную практику, выявить проблемы реализации процедуры государственной регистрации и предложить направления их решения.

Результаты

Нормативные основы и механизм государственной регистрации корпораций.

Государственная регистрация юридических лиц в Российской Федерации регламентируется нормами Гражданского кодекса РФ и специальным Федеральным законом от 08.08.2001 №129-ФЗ «О гос-

ударственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Согласно ст.1 данного закона, государственная регистрация представляет собой акт уполномоченного государственного органа, осуществляемый путем внесения сведений о создании, реорганизации и ликвидации юридических лиц в государственные реестры. Иными словами, регистрация фиксирует юридический статус организации на определенный момент – будь то возникновение новой корпорации, внесение изменений в сведения о ней или прекращение её деятельности (ликвидация). Именно запись в ЕГРЮЛ служит юридическим фактом, с которым закон связывает появление или прекращение самого субъекта права. Как отмечает Т.В. Закупень, государственная регистрация – это акт регистрирующего органа, в результате которого организация приобретает либо утрачивает статус юридического лица [2].

В современной России регистрирующим органом является ФНС России (налоговые органы), что стало результатом административной реформы начала 2000-х годов, установившей единую централизованную систему регистрации. До введения единого федерального закона отсутствовала унификация порядка регистрации: в различных регионах действовали регистрационные палаты или органы местной власти, имевшие собственные реестры и дополнительные требования. Это приводило к бюрократической раздробленности и препятствиям для бизнеса. Принятие Закона №129-ФЗ и создание ЕГРЮЛ решили проблему разрозненности, заложив основу явочно-нормативного порядка регистрации коммерческих организаций. Явочно-нормативный (заявительный) способ означает, что учредители, подготовив необходимые документы по установленной форме, подают заявление в регистрирующий орган, и при соблюдении требований закона регистрация должна быть произведена без дискреционного усмотрения.

Государственный орган проверяет представленные документы по форме и содержанию и, при их соответствии требованиям закона, обязан внести запись в реестр. Закон устанавливает сжатые сроки регистрации – не более 5 рабочих дней со дня представления документов, что направлено на упрощение открытия нового бизнеса.

Этапы регистрации и ее юридическое значение для корпораций.

Процедура государственной регистрации корпорации включает несколько стадий:

1) принятие учредителями решения о создании юридического лица и формирование учредительных документов;

2) подача в регистрирующий орган установленного комплекта документов (заявление по форме, устав, решение о создании, квитанция об уплате госпошлины и др.);

3) проверка документов уполномоченным органом и внесение записи в ЕГРЮЛ либо отказ в регистрации при наличии законных оснований;

4) выдача свидетельства о государственной регистрации (в настоящее время — листа записи ЕГРЮЛ) и присвоение ОГРН новой корпорации.

После внесения записи о создании корпорации в реестр наступают важные правовые последствия. Во-первых, корпорация приобретает правосубъектность (способность иметь гражданские права и нести обязанности) – согласно п.3 ст.49 ГК РФ правоспособность юридического лица возникает с момента государственной регистрации и прекращается с момента исключения из реестра. До регистрации организация не признается юридическим лицом и не может участвовать в гражданском обороте. Таким образом, конститутивное значение регистрации состоит в юридическом «рождении» субъекта права.

Во-вторых, регистрация придает созданной организации легитимность и законную силу в глазах государства и контрагентов. Как отмечает Н.Ю. Поводырева, регистрация корпорации наделяет ее законной силой как полноправного участника гражданско-правовых отношений [5]. Без прохождения этой процедуры создание, реорганизация или ликвидация корпорации не имеют юридического значения – государство попросту не признает возникновение либо прекращение организации вне рамок регистрационного процесса.

Кроме факта создания юридического лица, государственная регистрация имеет и другие важные юридические значения. Единый государственный реестр выполняет функцию официального источника сведений о корпорации: фиксирует дату ее возникновения, наименование, организационно-правовую форму, сведения об учредителях, размере уставного капитала, органах управления, адресе, а также все изменения этих сведений (смену руководителя, участника, адреса, редакции устава и т.д.). В реестре отражается и факт прекращения деятельности (ликвидации) корпорации.

Таким образом, государственная регистрация обеспечивает гласность и достоверность ключевых данных о корпорации. Эти данные открыты для третьих лиц: любой заинтересованный контрагент или государственный орган может получить выписку из ЕГРЮЛ и тем самым проверить юридический статус потенциального партнера (действует организация или ликвидирована, кто ее руководство и учредители и пр.). Доступность информации из реестра повышает определенность и безопасность гражданского оборота, снижает риски контрагентов.

Государственная регистрация преследует и публичные цели: по мнению исследователей, она необходима для государственного контроля (надзора) за экономической деятельностью организации с момента ее создания до момента ликвидации [6]. Иными словами, через регистрацию государство отслеживает появление новых субъектов в экономике, что позволяет при необходимости применять меры налогового, антимонопольного, статистического и иного регулирования. И.В. Зыкова выделяет три основные цели государственной регистрации юридических лиц [3]:

1. Государственный контроль за ведением хозяйственной (предпринимательской) деятельности субъектов. Регистрация служит точкой отсчета, с которой компания становится объектом надзорных и регулирующих полномочий государства (налогового

контроля, соблюдения требований законодательства и т.д.).

2. Получение статистических сведений для государственных нужд. Единый реестр формирует базу данных о количестве, видах, организационных формах юридических лиц, что необходимо для экономического планирования и разработки регуляторной политики.

3. Информационное обеспечение участников оборота и органов власти. Посредством реестра становится доступна официальная информация о субъектах хозяйственного оборота для всех заинтересованных лиц – это повышает прозрачность и доверие в деловых отношениях.

Так, регистрация корпораций имеет комплексное юридическое значение: она одновременно является условием возникновения самой корпорации как субъекта гражданского права и инструментом государственного влияния на экономические процессы. Регистрация носит правоустанавливающий характер, поскольку именно с ней связано приобретение корпорацией прав и обязанностей, и правоохранительный характер, так как обеспечивает легитимацию законопослушных организаций и отсеивание заведомо незаконных схем.

Проблемы реализации механизма государственной регистрации и правоприменительная практика.

Несмотря на детальную регламентацию процедуры в законодательстве, на практике выявляются определенные проблемы и пробелы в механизме государственной регистрации корпораций. Одна из основных проблем – фиктивные регистрации юридических лиц (создание фирм, не предназначенных для реальной деятельности, часто на подставных лиц, т.н. «фирмы-однодневки»). Законодатель долгое время предусматривал проверку только формальных требований к документам, что позволило недобросовестным лицам использовать регистрацию в незаконных целях. Как отмечается в исследованиях, в Россию проник феномен фиктивных юридических лиц, создаваемых для мошеннических схем, уклонения от налогов и иных противоправных целей [8]. Подобные псевдо-корпорации представляют угрозу экономической безопасности государства, подрывают доверие к институту регистрации.

Государство предприняло меры против такого злоупотребления: введено понятие фиктивной регистрации юридического лица (Федеральный закон от 21.12.2013 № 376-ФЗ) и установлен уголовный запрет на незаконное создание (реорганизацию) юридических лиц. В Уголовный кодекс РФ были добавлены статьи, устанавливающие ответственность за образование юридического лица через подставных лиц (ст.173.1 УК РФ) и за предоставление заведомо ложных сведений для государственной регистрации (ст.173.2 УК РФ). Правоприменительная практика последних лет демонстрирует активное преследование организаторов массовых фиктивных регистраций. Другой существенный пробел – недостаточная проверка достоверности сведений, представляемых на регистрацию. Регистрация в заявительном порядке предполагает доверие к документам заявителя, и регистрирующий орган не уполномочен проводить глубокую проверку данных, выходящую за рамки формальной экспертизы. Н.Ю. Поводырева указывает, что отсутствие всесторонней правовой проверки документов при регистрации заставляет задуматься о корректировке законодательства или пересмотре принципов заявительного порядка [5]. На практике распространены случаи, когда в ЕГРЮЛ вносятся заведомо недостоверные сведения (например, фиктивный адрес местонахождения организации, несуществующее наименование органа управления и т.д.).

Налоговые органы в ряде случаев отказывают в регистрации, если им доподлинно известно о недостоверности сведений (например, адрес признан «массовым» или руководитель числится номинальным в сотнях фирм). Однако нормативных оснований для отказа по мотиву недостоверности данных закон долгое время прямо не предусматривал, что вынуждало налоговые органы прибегать к последующему административному контролю уже после регистрации.

Так, законодатель ввел механизм исключения недействующих (фактически прекративших деятельность) юридических лиц из ЕГРЮЛ без ликвидации – репутационная санация реестра. Тем не менее, количество жалоб на действия налоговых органов, связанные с оценкой достоверности представленных сведений (в частности, отказ в регистрации по причине «неблагонадежного» адреса или учредителя), остается значительным. Это свидетельствует о том, что баланс между облегченным порядком регистрации и необходимостью фильтрации правонарушителей еще не полностью найден.

Также проблемным аспектом является возможность злоупотребления правом при регистрации. Например, недобросовестные учредители могут вносить изменения в учредительные документы (смена директора, участников) с целью вывести активы и затем инициировать ликвидацию, осложняя возможность притязаний кредиторов. Закон №129-ФЗ предусматривает государственную регистрацию изменений, что дает официальное подтверждение новым сведениям. Однако если сами изменения направлены на причинение вреда (фиктивная смена руководства на подставное лицо перед банкротством и т.п.), регистрация формально должна быть проведена, так как регистрирующий орган не вправе оценивать мотивы. Такие ситуации показывают ограниченность контрольных функций регистрации.

Обобщая, можно отметить, что основания для отказа в государственной регистрации по закону ограничены закрытым перечнем (несоответствие формы документов требованиям, непредставление обязательных документов, нарушение исключительного права на фирменное наименование, уплата государственной пошлины и др.). Включение дополнительных фильтров (проверка благонадежности учредителей, адреса) требует законодательных изменений, чтобы не нарушать заявительный принцип. В то же время потребность в таких филь-

трах диктуется самой жизнью, о чем свидетельствует борьба с фирмами-однодневками. Правоприменительная практика постепенно восполняет пробелы: разъяснения высших судов подтверждают право регистрирующего органа откладывать регистрацию до подтверждения реальности адреса или полномочий заявителя, а в случае внесения недостоверных сведений – обращаться в суд для признания регистрации недействительной. Однако эти меры носят реактивный характер.

Так, анализ законодательства и практики выявил следующие основные проблемы механизма государственной регистрации корпораций:

a) риск регистрации фиктивных юридических лиц,

b) недостаточная проверка достоверности представляемых сведений,

c) потенциальные злоупотребления заявительным порядком регистрации.

Эти проблемы частично смягчаются последующим контролем (административным и уголовно-правовым), но требуют совершенствования самой процедуры регистрации.

Обсуждение

Полученные результаты подтвердили ключевую роль государственной регистрации в механизме формирования и функционирования корпоративных юридических лиц. Выявлено, что государственная регистрация обладает двойственной правовой природой: с одной стороны, это административная процедура, регулируемая нормами публичного права, с другой – необходимое условие реализации гражданско-правового статуса корпорации. Подобный вывод согласуется с позицией ряда исследователей. Например, Е.Ю. Стельмах характеризует регистрацию юридических лиц как комплексный административно-правовой режим, посредством которого государство осуществляет влияние на общественные отношения и контроль за экономической деятельностью организации на всех этапах ее существования [6].

Одновременно результатом этой административной процедуры является возникновение субъекта гражданского оборота, что относится к плоскости гражданского права. Иными словами, публично-правовая форма служит достижению частноправового результата – приобретению корпорацией правосубъектности. В научной литературе наблюдается дискуссия относительно приоритета гражданско-правовых или административно-правовых начал в институте регистрации. Так, К.О. Панова, анализируя природу государственной регистрации, указывает, что она проявляется в фиксации факта образования юридического лица, после чего организация может стать участником гражданского оборота; в этом подходе природа регистрации во многом обусловлена ее публично-правовым характером [4]. Автор делает вывод о наличии в институте регистрации также гражданско-правовых норм, поскольку регистрация опосредует допуск организации в гражданский оборот.

В противоположность ей С.В. Алексеев полагает, что система государственной регистрации организаций целиком относится к сфере административного права, рассматривая регистрацию прежде всего как функцию государственного управления [1]. Наше исследование показывает, что полностью отдать приоритет одной из сторон нельзя: права и обязанности корпорации возникают по нормам гражданского права, но сами условия и порядок возникновения (регистрации) диктуются административно-правовыми правилами. Подобная сочетанная природа объясняет и особое место института регистрации на стыке частного и публичного права.

Многие авторы сходятся во мнении, что государственная регистрация корпораций – это пример реализации публичных интересов (законность, прозрачность, учет) в механизме частноправового регулирования. Также результаты исследования подтвердили конститутивный характер государственной регистрации для корпораций. Этот тезис является общепризнанным в науке: без акта регистрации не возникает самого юридического лица, а все сделки, совершенные до регистрации от имени еще не существующей организации, не создают юридических последствий для нее. Вывод о правоустанавливающем значении регистрации согласуется с выводами Н.Ю. Поводыревой и других исследователей.

Нормативная база (ГК РФ и Закон №129-ФЗ) прямо закрепляет такую роль регистрации, и проанализированные научные источники это подтверждают. Расхождений в данном вопросе между нашим исследованием и предыдущими работами нет: все авторы признают, что создание корпорации проходит завершающую стадию именно через госрегистрацию, которая придает юридическую силу факту образования организации.

Интересные параллели и различия проявились при сопоставлении контрольной функции регистрации. С одной стороны, ряд теоретиков (например, И.В. Зыкова, Е.Д. Филипенко) указывают, что одной из основных целей государственной регистрации является недопущение в гражданский оборот организаций с противоправными целями, своего рода предварительная фильтрация субъектов [7]. Это превентивная задача, призванная защитить законность экономических отношений. С другой стороны, практические исследования (Н.Ю. Поводырева и др.) отмечают, что на деле регистрационный орган сегодня не обладает достаточными полномочиями для полноценного фильтра на стадии регистрации. В результате фильтрационная функция реализуется слабо – недобросовестные субъекты могут пройти регистрацию при формальном соблюдении требований, а их пресечение происходит уже постфактум (например, уголовное наказание номинальных директоров, исключение «брошенных» фирм из реестра). Причина этого расхождения – законодательный выбор в пользу облегчения процедуры создания бизнеса (что отвечает интересам экономической свободы) в ущерб глубине предварительного контроля. Наши выводы в части необходимости уси-

ления проверки сведений при регистрации перекликаются с позицией ряда авторов, предлагающих реформировать заявительный порядок. В частности, высказанное нами предложение о внесении изменений в Закон №129-ФЗ в направлении усиления проверки документов согласуется с мнением Н.Ю. Поводыревой о требовании повысить качество правовой экспертизы на этапе регистрации.

Отметим также, что результаты анализа подтвердили эффективность некоторых новелл законодательства последних лет. Введение понятий «фиктивное юридическое лицо» и «фиктивная регистрация» и установление ответственности за такие деяния стало реакцией законодателя на выявленные пробелы. Это подтверждает, что практика непосредственным образом влияет на развитие теории и норм о регистрации. Наше исследование, выявив недостатки механизма реализации регистрации, фактически опирается на те же факты, которые стимулировали законодательные изменения 2013–2015 гг.

Таким образом, выводы нашего исследования совпадают с выводами других авторов о необходимости поддержания баланса между доступностью государственной регистрации и обеспечением законности и достоверности данных реестра. Различия наблюдаются лишь в акцентах: одни исследователи больше фокусируются на упрощении и цифровизации процедур для удобства добросовестных лиц, другие – на усилении контрольных барьеров. Представляется, что оптимальным является комплексный подход: сочетание модернизации (электронная регистрация, межведомственное взаимодействие) с адресным ужесточением контроля (проверка подозрительных случаев, ответственность за ложные сведения).

В целом, обсуждение результатов в контексте существующих научных работ подтверждает обоснованность наших предложений. Наша аргументация опирается на современные тенденции правового развития: усиление электронных сервисов регистрации при одновременном повышении требований к достоверности данных. Другие авторы приходят к сходным рекомендациям, различаясь лишь в степени радикальности мер. Например, одни предлагают полностью перейти к электронному документообороту и исключить человеческий фактор при проверке, другие – наоборот, вернуть элемент разрешительного контроля для определенных видов юридических лиц (например, финансовых организаций). Эти дискуссии выходят за рамки настоящей работы, однако подтверждают ее центральный тезис: институт государственной регистрации корпораций нуждается в дальнейшем развитии, опирающемся на научно обоснованный баланс публичных и частных интересов.

Заключение

Проведенное исследование позволило сформулировать выводы и предложения, имеющие значение для теории и практики государственной регистрации корпораций в России:

– Государственная регистрация носит правоустанавливающий характер и является обязательным завершающим этапом создания, реорганизации и ликвидации корпоративных юридических лиц. Без регистрации корпорация не приобретает статус юридического лица, а следовательно, не становится носителем прав и обязанностей в гражданском обороте. Данное положение подчеркнуто в законодательстве и подтверждается единой позицией ученых.

– Механизм реализации государственной регистрации корпораций в РФ представляет собой административную процедуру, осуществляемую уполномоченным органом (ФНС) в строго установленные сроки и по унифицированным правилам. Он основан на явочно-нормативном (заявительном) принципе, предполагающем минимальное усмотрение регистрирующего органа при условии соблюдения формальных критериев. Это обеспечивает простоту и скорость создания организаций, что положительно сказывается на предпринимательской активности.

– Юридическое значение государственной регистрации многоаспектно. Во-первых, регистрация обеспечивает возникновение правосубъектности корпорации, то есть является фактом, с которым связано начало ее полноценной деятельности. Во-вторых, она придает организации легитимность в правовой системе, служит доказательством законности ее статуса. В-третьих, через механизм ЕГРЮЛ регистрация выполняет информационную функцию – все заинтересованные лица могут получить достоверные сведения о корпорации, что создает основу для доверия в имущественном обороте. В-четвертых, регистрация – это инструмент государственного контроля: фиксируя «жизненный цикл» корпорации от создания до ликвидации, государство получает возможность отслеживать и при необходимости регулировать деятельность юридических лиц (налогообложение, статистика, пресечение незаконных практик).

– Анализ практики показал, что действующий порядок регистрации нуждается в совершенствовании с целью предотвращения злоупотреблений. Предлагается внести уточнения в законодательство, наделив регистрирующий орган правом более активно проверять достоверность ключевых сведений (адрес, данные об учредителях) до внесения записи. Одновременно необходимо развивать механизмы обмена информацией между ведомствами, чтобы еще на этапе регистрации отсеивать заведомо незаконные схемы (например, запретить регистрацию на дисквалифицированных лиц автоматически). Такой подход позволил бы усилить превентивную функцию регистрации без превращения ее в разрешительную систему.

– Теоретическое значение полученных выводов состоит в более четком понимании гибридной правовой природы государственной регистрации. Институт регистрации корпораций объединяет публично-правовые и частноправовые начала, что подтверждает необходимость комплексного правового регулирования. Сочетание административной процедуры и гражданско-правового результата делает

данный институт уникальным, требующим учета интересов как государства, так и бизнеса. Углубленное исследование этой двойственной природы поможет развивать теорию корпоративного права и административного права, устраняя противоречивые трактовки.

– Практическое значение заключается в выработке рекомендаций по улучшению процесса регистрации. Реализация предложений (усиление проверки, использование цифровых технологий, повышение ответственности за ложные сведения) приведет к повышению надежности данных ЕГРЮЛ и укреплению законности в сфере корпоративных отношений. В конечном итоге это создаст более благоприятные условия для добросовестных участников экономического оборота и снизит риски для государства и инвесторов.

Подводя итог, государственная регистрация корпораций в РФ – это фундаментальный правовой институт, от правильного функционирования которого зависит стабильность гражданского оборота и эффективность государственного контроля. Ее механизм эволюционирует от простого формального акта к высокотехнологичной услуге (например, электронная регистрация через интернет) при сохранении жестких юридических гарантий достоверности. Научно обоснованное совершенствование данного института будет способствовать развитию предпринимательства, не умаляя при этом защиту публичных интересов. Полученные выводы и рекомендации могут быть использованы законодателем при дальнейшей модернизации законодательства о регистрации юридических лиц, а также правоприменительными органами для более эффективного исполнения уже имеющихся норм.

Литература

1. Алексеев С. В. Административно-правовое регулирование предпринимательской деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2005. – 312 с. – Текст : непосредственный.
2. Закупень Т. В. Государственная регистрация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : науч.-практ. пособие. – М. : НОРМА, 2001. – Текст : непосредственный.
3. Зыкова И. В. Правовое регулирование государственной регистрации юридических лиц: современное состояние и перспективы развития // Адвокат. – 2004. – № 1 (январь). – Текст : непосредственный.
4. Панова К. О. Проблемные аспекты государственной регистрации юридических лиц // Проблемы экономики и юридической практики. – 2013. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-aspekty-gosudarstvennoy-registratsii-yuridicheskih-lits (дата обращения: 26.03.2025). – Текст : электронный.
5. Поводырева Н. Ю. Юридическое значение государственной регистрации корпораций // Вестник магистратуры. – 2018. – № 9-2 (84). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskoe-znachenie-gosudarstvennoy-registratsii-korporatsiy (дата обращения: 26.03.2025). – Текст : электронный.
6. Стельмах Е. Ю. Правовая природа государственной регистрации юридических лиц // Эпомен. – 2018. – № 14. – С. 101. – Текст : непосредственный.
7. Филиппенко Е. Д. Административная реформа и государственная регистрация юридических лиц // Современное право. – 2008. – № 4. – Текст : непосредственный.
8. Яценко Т. С. Фиктивные юридические лица в России и зарубежных странах: понятие, признаки и правовые способы противодействия им // Юридическая практика. – 2008. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fiktivnye-yuridicheskie-litsa-v-rossii-i-zarubezhnyh-stranah-ponyatie-priznaki-i-pravovye-sposoby-protivodeystviya-im (дата обращения: 26.03.2025). – Текст : электронный.

State registration of corporations: implementation mechanism and legal significance

Laricheva T.V.

Moscow University. S. Yu. Witte

The article is devoted to the study of the mechanism of state registration of corporations in Russia and the analysis of its legal significance. The relevance is due to the need to ensure the legality and transparency of corporate relations, as well as to reduce the risks of fictitious registrations and entering false information into the register. The novelty of the work lies in the integrated approach to the study of the dual nature of state registration, considered simultaneously in the public law and civil law planes. The article describes the stages of the registration procedure, studies the regulatory framework and practical problems of its implementation. Particular attention is paid to the consequences of state registration: the emergence of legal personality of corporations, legitimization of their activities and information transparency. The purpose of the study is to determine the legal significance of state registration for the creation and functioning of corporations. The methods of normative analysis and study of law enforcement practice are used. The works of Zakupen T.V., Povodyreva N.Yu., Stelmakh E.Yu. and other authors are examined. In conclusion, measures are proposed to improve the mechanism of state registration. The article will be useful for lawyers, legal experts, specialists in the field of corporate and administrative law.

Keywords: state registration, corporation, Unified State Register of Legal Entities, legal entity, registration procedure, legal capacity, legal significance, corporate law, one-day firm, registration information.

References

1. Alekseev S. V. Administrative and legal regulation of entrepreneurial activity: diss. ... Doctor of Law. - M., 2005. - 312 p. - Text: direct.
2. Zakupen T. V. State registration of legal entities and individual entrepreneurs: scientific and practical manual. - M.: NORMA, 2001. - Text: direct.
3. Zykova I. V. Legal regulation of state registration of legal entities: current status and development prospects // Advocate. - 2004. - No. 1 (January). - Text: direct.
4. Panova K. O. Problematic aspects of state registration of legal entities // Problems of Economics and Legal Practice. – 2013. – No. 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-aspekty-gosudarstvennoy-registratsii-yuridicheskih-lits (date of access: 26.03.2025). – Text: electronic.

5. Povodyreva N. Yu. Legal significance of state registration of corporations // Bulletin of the Magistracy. – 2018. – No. 9-2 (84). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskoe-znachenie-gosudarstvennoy-registratsii-korporatsiy (date of access: 26.03.2025). – Text: electronic.
6. Stelmakh E. Yu. Legal nature of state registration of legal entities // Epomen. – 2018. – No. 14. – P. 101. – Text : direct.
7. Filippenko E. D. Administrative reform and state registration of legal entities // Modern law. – 2008. – No. 4. – Text : direct.
8. Yatsenko T. S. Fictitious legal entities in Russia and foreign countries: concept, features and legal methods of counteracting them // Legal practice. – 2008. – No. 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fiktivnye-yuridicheskie-litsa-v-rossii-i-zarubezhnyh-stranah-ponyatie-priznaki-i-pravovye-sposoby-protivodeystviya-im (date of access: 03/26/2025). – Text : electronic.

Об актуальных вопросах обеспечения законности в деятельности таможенных органов в условиях формирования новой системы правовых актов, регулирующих таможенные правоотношения

Мовчан Алсу Замировна
аспирант заочной формы обучения кафедры административного и финансового права Российской таможенной академии, movchanaz@yandex.ru

Статья посвящена исследованию актуальных вопросов обеспечения законности в деятельности таможенных органов в условиях формирования новой системы правовых актов, регулирующих таможенные правоотношения. Автором обосновывается актуальность и значимость темы исследования. В условиях динамично меняющейся международной среды и постоянного обновления правовых норм, вопросы обеспечения законности в деятельности таможенных органов становятся особенно актуальными. Совершенствование правовой базы, регулирующей таможенные правоотношения, требует комплексного подхода, направленного на устранение правовых пробелов и упрощение процедур. Цель статьи – проанализировать текущие проблемы и дать рекомендации по их решениям в контексте новой системы правовых актов. Для достижения этой цели используются методы сравнительного анализа, анализа законодательства и практических кейсов. В результате исследования автором выявлены ключевые проблемы и предложены меры, направленные на оптимизацию работы таможенных органов и обеспечение законности в их деятельности.

Ключевые слова: законность, таможенные органы, законодательство, контроль, надзор, автоматизация, цифровизация, информационные технологии, правовое регулирование, прозрачность, экономическое развитие.

Введение.

Как известно, в последнее время всё больше внимания уделяется строгому соблюдению правовых норм, установленных национальным и международным законодательством. Эти нормы направлены на выполнение требований, связанных с защитой национального и экономического потеПоскольку Россия является полноправным членом Евразийского экономического союза, контроль за соблюдением этих требований возложен на таможенные органы, а именно на Федеральную таможенную службу России.

При реализации мер нормативного регулирования необходимо учитывать различные аспекты, такие как интеграция, экономические отношения, таможенно-тарифное регулирование и другие.

Безусловно, правовая система, регулирующая таможенные отношения, является важной частью экономической политики страны. Обеспечение законности в работе таможенных органов не только способствует защите интересов государства, но и создает комфортные условия для ведения бизнеса. Тем не менее, с появлением новых вызовов и изменений в международной торговле актуализируются вопросы, касающиеся эффективности существующих правовых норм и практики их применения. В то время как глобализация требует более гибких и адаптивных подходов, необходимость соблюдения законности и прозрачности становится краеугольным камнем в деятельности таможенных органов [1].

Чтобы провести подробный анализ обеспечения законности в деятельности таможенных органов России в условиях формирования новой системы правовых актов, регулирующих таможенные правоотношения, необходимо учитывать несколько ключевых аспектов. Эти аспекты включают как существующее законодательство, так и новые инициативы, которые могут влиять на таможенные процессы.

Во-первых, необходимо обратить внимание на недостатки текущей правовой базы, которая может содержать нечеткие формулировки и противоречия. Это создает неопределенность как для таможенных органов, так и для предпринимателей. Во-вторых, существующие механизмы контроля и надзора за деятельностью таможни могут требовать усовершенствования. Важно, чтобы системы контроля не только обеспечивали соблюдение закона, но и были

доступны для обжалования действий таможенных органов, что повысит доверие к системе в целом.

Таким образом, одной из главных проблем является недостаточная ясность и однозначность норм, регулирующих таможенные процедуры. Множество понятий в действующем законодательстве остаются неопределенными, что приводит к различным толкованиям со стороны таможенных органов и судебных инстанций. Например, это касается вопросов классификации товаров или определения таможенной стоимости. Отсутствие четких критериев часто становится причиной конфликтов между предпринимателями и таможенными службами, поскольку одна и та же операция может восприниматься по-разному.

Судебная практика свидетельствует о наличии многочисленных дел, где суды сталкиваются с необходимостью разрабатывать собственные подходы к интерпретации этих норм. В некоторых случаях это приводит к противоречивым решениям, что, в свою очередь, создает неустойчивую правовую определенность для участников ВЭД. Например, в делах о перераспределении финансовых санкций за неправильную классификацию товаров судебные инстанции могут принимать решения, противоречащие имеющимся в аналогичных делах прецедентам (Дело № А40-123875/2020 (305-ЭС21-16966)) [2].

Во-вторых, проблема практической реализации норм таможенного законодательства в условиях отсутствия должной правовой базы, касающейся электронного декларирования и других технологий, также остается актуальной. Судебная практика показывает, что применение электронных систем часто нарушается из-за недостатка регулирования и стандартов, что вызывает затруднения как для предприятий, так и для таможенных органов. Например, отсутствие продуманной системы электронных подсчетов и отчетности приводит к ошибкам и недоразумениям, которые в дальнейшем могут обернуться судебными разбирательствами (Дело № А52-2567/2020) [3]. Более того, в настоящее время, процессы автоматизации и цифровизации становятся все более актуальными, и соответственно внедрение современных информационных технологий позволяет не только повысить оперативность работы таможенных органов, но и снизить уровень коррупции, минимизируя возможности для манипуляций. Тем не менее, разработка и внедрение электронных систем требует четкого правового регулирования, включая защиту данных и конфиденциальность информации.

Третий аспект, требующий внимания, - это недостаточная защита прав участников внешнеэкономической деятельности. Несмотря на наличие законодательных актов, направленных на защиту интересов бизнеса, в реальной практике часто встречаются случаи недобросовестных действий со стороны таможенных органов. Проводимые проверки могут быть избыточными или неправомерными, что подчеркивается рядом решений судов, признанных нарушающими права бизнеса. В ряде случаев суды приходят к выводам о том, что действия таможенных органов превышают полномочия и не соответствуют принципам законности и обоснованности, однако такие решения не всегда приводят к эффективным изменениям на уровне таможенной службы.

Кроме того, ещё одним важным моментом является отсутствие комплексного подхода к борьбе с коррупцией и непрозрачностью процедур. Судебная практика показывает, что в ряде случаев коррупционные схемы становятся возможными именно из-за недостатков в правовой базе и ненадлежащей организации работы таможенных органов. Разные дела могут демонстрировать, что незащищенность от произвольных действий таможенников сталкивается с правовой неопределенностью, где оспаривание решений происходит в условиях неблагоприятного равновесия сил.

Таким образом, важно отметить, что недостатки текущей правовой базы, проанализированные с учетом судебной практики, создают серьезные вызовы для участников внешнеэкономической деятельности.

Отметим, что в период с 2020 по 2024 год была проведена масштабная работа по устранению проблемных моментов в правоприменительной практике. Кроме того, были предприняты активные усилия по разработке и совершенствованию нормативных актов в таможенной сфере. В 2020 году был разработан документ, который разрешил ряд ключевых вопросов, касающихся проверки таможенных и иных документов (сведений), порядка уплаты таможенных пошлин, налогов, процентов и пеней, а также частных аспектов декларирования отдельных видов товаров, включая те, которые перемещаются в несобранном или разобранном виде или в некомплектном или незавершенном состоянии.

С целью четкого разграничения задач и функций между электронными таможнями и таможнями фактического контроля, а также для оптимизации управленческого процесса административного аппарата, были внесены изменения в отдельные организационно-управленческие документы.

Значительный объем работы был выполнен по разработке документа, который стал основой для завершения процесса реформирования системы таможенных органов. Этот документ касался изменения предельного срока пребывания сотрудников на службе в сторону увеличения. В 2021 году работа была сосредоточена на уточнении действующих норм (положений, порядков, инструкций, правил, механизмов взаимодействия) и необходимости их переработки. Проводимые мероприятия были связаны с переходом на электронный формат взаимодействия между штатными таможенными подразделениями и участниками внешнеэкономической деятельности, а также с наделением первых дополнительными функциями и полномочиями.

В настоящее время на рассмотрении находится проект федерального закона «О таможенных органах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4]. В случае его принятия будут решены вопросы, касающиеся организационно-управленческих и правовых основ деятельности таможенной

системы России, а также будут конкретизированы особенности прохождения службы. Кроме того, основополагающие положения этого документа позволят оптимизировать правовое регулирование отношений, складывающихся в сфере служебной деятельности. Особо стоит отметить таможенную деятельность, связанную с четким разграничением мероприятий по осуществлению (организации) таможенного и ведомственного контроля. Функциональные полномочия по проведению ведомственного контроля сосредоточены в рамках Региональной таможенной управления (РТУ), что благоприятно сказалось на служебно-профессиональном потенциале государственных служащих [5].

С 1 января 2022 года таможенные органы предоставили возможность использования электронного сервиса подачи жалобы на действия или бездействие должностных лиц таможенных органов через «Личный кабинет». Это стало еще одним шагом к цифровизации правовой деятельности. В 2023 году была разработана новая редакция Таможенного кодекса, которая направлена на упрощение процедур таможенного оформления и снижение административных барьеров для бизнеса. Основное внимание уделено цифровизации процессов, что позволило значительно сократить время на оформление грузов и повысить прозрачность взаимодействия между участниками внешнеэкономической деятельности и таможенными органами. Важным аспектом новой редакции стало внедрение электронного декларирования и возможность подачи заявлений и документов в онлайн-формате, что сделало процесс более удобным и доступным для всех участников. Также был обновлен ряд нормативных актов, касающихся классификации товаров. В 2024 году продолжилась работа по совершенствованию правоприменительной практики. В частности, были разработаны методические рекомендации для таможенных органов и участников внешнеэкономической деятельности, которые касаются правильной классификации товаров и определения их таможенной стоимости. Учитывались изменения в международной практике, а также предложены четкие критерии для разъяснения, какие товары должны относиться к той или иной товарной позиции [6].

Помимо этого, в 2025 году запланированы очередные реформы, среди которых ожидается создание единого портала для взаимодействия всех заинтересованных сторон, включая предпринимателей, таможенные органы и другие госструктуры. Это должно помочь улучшить координацию действий и обеспечить более эффективную работу всех систем, связанных с таможенной деятельностью, а также увеличить уровень доверия со стороны бизнеса к государственным органам. Кроме того, в результате проведенных мероприятий ожидается не только упрощение работы с таможенными органами, но и снижение коррупционных рисков, что в долгосрочной перспективе положительно отразится на бизнес-климате и привлечении иностранных инвестиций в страну.

Таким образом, что необходима работа по улучшению законодательства, направленная на устранение неопределенностей, оптимизацию процедур и обеспечение защиты прав участников ВЭД. Эти меры должны быть дополнены механизмами, способствующими повышению прозрачности и легитимности действий таможенных органов, что, в свою очередь, поможет укрепить доверие к системе и улучшить условия для бизнеса. Также следует обратить внимание на необходимость повышения квалификации кадров. В условиях постоянного изменения законодательства и новых вызовов, связанных с международной политикой и экономикой, таможенные органы должны располагать специалистами, способными быстро адаптироваться и применять современные методы работы. Образовательные программы и тренинги могут стать важным инструментом для повышения профессионального уровня сотрудников.

Заключение.

Вышесказанное позволяет сделать объективное заключение о том, что обеспечение законности в деятельности таможенных органов требует комплексного подхода, который включает как правовые меры, так и организационные изменения. Необходимость реформирования законодательства, упрощения процедур и внедрения инновационных технологий представляется очевидной. Повышение квалификации кадров также является важным аспектом, обеспечивающим эффективность работы таможенных служб. Важно подчеркнуть, что эффективная реализация этих мер требует комплексного подхода, включающего модернизацию образовательных программ для сотрудников таможни, оптимизацию работы с IT-системами и увеличение взаимодействия с бизнесом.

Литература

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) (приложение N 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // СПС Консультант Плюс [Электронный ресурс] Режим доступа: https://consultant.ru (Дата обращения 10.03.2025)

2. Постановление от 23 июня 2021 г. по делу № А40-123875/2020 // СПС Консультант Плюс [Электронный ресурс] Режим доступа: https://consultant.ru (Дата обращения 10.03.2025)

3. Решение от 15 апреля 2021 г. по делу № А52-2567/2020 // СПС Консультант Плюс [Электронный ресурс] Режим доступа: https://consultant.ru (Дата обращения 10.03.2025)

4. Федеральный закон "О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 03.08.2018 N 289-ФЗ (последняя редакция) // "Собрание законодательства РФ", 06.08.2018, N 32 (часть I), ст. 5082.

5. Федоренко, К.П. К вопросу о таможенном регулировании / К.П. Федоренко // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, 2020. — № 3(75).

— С. 36–40.

6. Кудрова, Н.А. Евразийская экономическая перспектива: проблемы и решения. / Н.А. Кудрова, А.Ф. Завгородний // Проблемы современной экономики, 2021. — № 3(79). — С. 40–42.

On topical issues of ensuring legality in the activities of customs authorities in the context of the formation of a new system of legal acts regulating customs relations

Movchan A.Z.
Russian Customs Academy

The article is devoted to the study of topical issues of ensuring legality in the activities of customs authorities in the context of the formation of a new system of legal acts regulating customs relations. The author substantiates the relevance and significance of the research topic. In the context of a dynamically changing international environment and the constant updating of legal norms, the issues of ensuring legality in the activities of customs authorities are becoming particularly relevant. Improving the legal framework governing customs relations requires an integrated approach aimed at eliminating legal gaps and simplifying procedures. The purpose of the article is to analyze current problems and provide recommendations for their solutions in the context of the new system of legal acts. To achieve this goal, methods of comparative analysis, analysis of legislation and practical cases are used. As a result of the research, the author identified key problems and proposed measures aimed at optimizing the work of customs authorities and ensuring the rule of law in their activities.

Keywords: legality, customs authorities, legislation, control, supervision, automation, digitalization, information technology, legal regulation, transparency, economic development.

References

1. The Customs Code of the Eurasian Economic Union (as amended on 05/29/2019) (Appendix No. 1 to the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union) // ATP Consultant Plus [Electronic resource] Access mode: https://consultant.ru (Accessed 03/10/2025)
2. Resolution of June 23, 2021 on case no. A40-123875/2020 // SPS Consultant Plus [Electronic resource] Access mode: https://consultant.ru (Accessed 03/10/2025)
3. Decision of April 15, 2021 in case no. A52-2567/2020 // SPS Consultant Plus [Electronic resource] Access mode: https://consultant.ru (Accessed 03/10/2025)
4. Federal Law "On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 08/03/2018 N 289-FZ (last edition) // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 08/06/2018, N 32 (Part I), art. 5082.
5. Fedorenko, K.P. On the issue of customs regulation / K.P. Fedorenko // Scientific notes of the St. Petersburg named after V.B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy, 2020. — № 3(75). — Pp. 36-40.
6. Kudrova, N.A. The Eurasian economic perspective: problems and solutions. / N.A. Kudrova, A.F. Zavgorodny // Problems of modern economics, 2021. — № 3(79). — Pp. 40-42.

Правовая сущность антикоррупционного комплаенса в организациях

Оганисян Елизавета Гургеновна
студент ДВИУ РАНХиГС, elizaveta.oganisyan@mail.ru

Статья посвящена исследованию правовой сущности антикоррупционного комплаенса в организациях, его становлению, принципам и методам реализации. Автор рассматривает историю возникновения комплаенса, начиная с его зарождения в США в начале XX века, и анализирует его развитие в международной и российской практике. Особое внимание уделено антикоррупционному комплаенсу, который направлен на минимизацию рисков, связанных с коррупцией, и обеспечение соответствия деятельности организаций законодательным требованиям. В статье подробно описаны ключевые принципы комплаенс-контроля. Также рассмотрены методы управления рисками, включая идентификацию, прогнозирование и управление рисками. Автор подчёркивает важность внедрения антикоррупционных мер в организациях любого уровня, включая малый и средний бизнес, и приводит примеры международного законодательства, регулирующего антикоррупционную деятельность. В заключение статьи предлагаются конкретные меры для внедрения антикоррупционного комплаенса, такие как разработка кодекса этики, обучение сотрудников и проведение мониторинга. Статья актуальна для руководителей компаний, юристов и специалистов в области корпоративного управления.

Ключевые слова: комплаенс, антикоррупционный комплаенс, коррупция, управление рисками, кодекс этики, международные стандарты, корпоративное управление, прогнозирование рисков, конфликт интересов, антикоррупционная политика.

Понятие и становление комплаенса

Система комплаенс – относительно новое явление в российской правовой и бизнес-среде. Термин «комплаенс» происходит от английского слова *compliance* (глагол *to comply* – исполнять) и означает соответствие правилам и нормам. В современном понимании комплаенс – это процесс создания и соблюдения правил поведения, направленных на минимизацию рисков и угроз для бизнеса. Основная цель комплаенс-контроля – обеспечение эффективного функционирования бизнеса через анализ и прогнозирование неблагоприятных ситуаций для своевременного реагирования, что помогает избежать серьёзных проблем, включая банкротство.

Зарубежные эксперты определяют комплаенс как стремление топ-менеджмента обеспечить «игру по правилам» в организации. Международная комплаенс-ассоциация рассматривает его как независимую функцию, выявляющую и оценивающую риски, связанные с несоблюдением законодательства, что может привести к юридическим санкциям, финансовым потерям и ущербу репутации.

История комплаенса началась в США в начале XX века с создания FDA (Food and Drug Administration), но активное развитие он получил в 1970-х годах после коррупционных скандалов. Расследование выявило, что более 400 компаний участвовали в незаконных платежах зарубежным чиновникам на сумму свыше 300 млн. долларов. Это привело к принятию в 1977 году Закона о борьбе с коррупцией за рубежом (FCPA), установившего строгие требования к документации и взаимодействию с госслужащими. В 1990-х годах были разработаны «Разъяснения о порядке применения уголовного наказания для организаций» (Federal Sentencing Guidelines), а в 2002 году – Закон Сарбейнса–Оксли, обязавший компании принять кодексы этического поведения. В 2010 году Великобритания приняла Закон «О взятках».

Международная организация по стандартизации (ISO) в 2014 году выпустила стандарт ISO 19600, а в 2021 году – ISO 37301, который заменил предыдущий и установил требования к системам управления соответствием.

В России понятие комплаенса впервые было использовано в 1999 году в Указании Банка России № 603-У. Особенностью его развития в стране является высокая регулируемость банковского сектора, в то время как в других отраслях остаются пробелы. Комплаенс-контроль чаще применяется компаниями с международными активами, но его внедрение в малый и средний бизнес также важно, так как санкции могут затрагивать компании любого уровня.

Система комплаенса активно развивается в Средней Азии, Закавказье и Китае, что подчёркивает стратегические перспективы его развития в России.

Принципы и методы реализации комплаенс-контроля

Принципы - это основополагающие начала в любом процессе. Принципы комплаенса - это то, что является идейным началом системы и без которой невозможно исполнение поставленных пред комплаенсом целей и задач.

Выделяют следующие начала комплаенса:

- Самым важным является обеспечение независимости комплаенс-служащих, которые должны принимать самостоятельно решения, основываясь на своих знаниях норм права. Чтобы это сделать возможным комплаенс-служба должна иметь официальный статус в организации; руководитель комплаенс-службы должен нести ответственность за координацию управления комплаенс-риском в организации; не должно быть конфликтов интересов; персонал комплаенс-службы должен иметь доступ к информации, необходимой для исполнения своих обязанностей;

- Принцип недопустимости игнорирования комплаенс-политики. Руководство организаций должны следовать рекомендациям комплаенс-служащих;

- Принцип законности осуществления хозяйственной деятельности. Означает строгое соблюдение норм права;

- Принцип соответствия процедуры проведения комплаенса общепризнанным международным стандартам;

- Принцип систематического контроля и оценки рисков.

Таким образом, без учитывания данных принципов невозможно реализовать в полной мере политику комплаенса.

Методология комплаенс-контроля представляет систему методов и способов управления бизнес - процессами. На практике выделяют такие методы как идентификация риска, прогнозирование рисков и управление рисками.

Идентификация риска позволяет своевременно выявить проблемные точки в бизнес процессе, тем самым быстро реагировать на них и предпринимать меры по их предотвращению. Данный метод оценивает вероятность наступления тех или иных последствий, оценивает факторы, влияющие на возникновение рисков и разрабатывает эффективные варианты их решения.

Прогнозирование рисков нацелено на расчёт вероятности наступления какого-либо риска. Этот метод оценивает предполагаемые финансовые и иные материальные потери. Реализовывается он во взаимодействии с органами управления компании и с его профильными подразделениями, для того чтобы получить обратную связь и понять в каком направлении должен действовать комплаенс- контроль.

Таким образом, управление рисками включает в себя все вышеперечисленные методы и разрабатывает специальную комплаенс-политику по предотвращению наступления правовых санкций для организации.

Нормативно-правовая база антикоррупционного комплаенса

Какие же бывают направления в комплаенсе? Система комплаенс затрагивает множество сфер функционирования бизнеса, в основном выделяют: антикоррупционный, антимонопольный, санкционный, налоговый, трудовой, банковский комплаенс, этический комплаенс и др. Каждый из этих видов компаленса реализуется в соответствии с потребностями компании. Подробно в этой работе будет рассмотрен антикоррупционный комплаенс.

Антикоррупционный комплаенс.

Как ранее было отмечено комплаенс - это соответствие каким-либо нормам и правилам. Разновидностью комплаеса является антикоррупционный комплаенс. Причина возникновения данного вида кроется, во-первых, в самой сущности коррупции, в том очевидном ущербе, который причиняется как на государственному уровне, так и на частном, поэтому международное сообщество активно борется с ней. Во-вторых, распространение комплаенса связано с личными интересами хозяйствующих субъектов, их обеспокоенность о сохранении своих предприятий, репутации и,конечно, желание не попасть под уголовное преследование. Буквально на днях, в начале марта 2023 года крупная компания в сфере телекоммуникаций Ericsson была признана виновной в масштабной схеме подкупа иностранных чиновников, и поэтому обязалась выплатить более 1 млрд долларов штрафных санкций. Как мы видим, денежная сумма огромная и не все предприятия способны пережить такие потрясения, поэтому и каждое предприятие нуждается в системе, которая смогла бы оценить и предотвратить хоть и не все возможные риски, но хотя бы большую часть из них. Безусловно к таким рискам подвержены больше крупные компании, однако малый и средний бизнес всё-таки должен выстраивать свои процессы на основании международных актов, стандартов и национального законодательства, но при этом, принимая только то, что целесообразно для каждого конкретного предприятия. Для того чтобы понимать каким законам надо соответствовать и в целом какие документы регулируют антикоррупционный комплаенс, следует обратиться к изучению ключевых законодательных актов, как отдельных стран, так и к актам, изданными международными организациями:

- Конвенция ООН 2003 года против коррупции. Страны-участники обязались в национальном праве криминализировать определённый перечень деяний, для которых обязательно предусмотрена уголовная ответственность. Сделан акцент на предупреждении коррупции (Глава 2), также согласовывается международное сотрудничество о взаимной правовой помощи. Особенность конвенции заключается в том, что там нет определение термина «коррупция», таким образом, помимо обговорённых деяний (обязательность которых зафиксировано

конвенцией) страны -участники могут внести в национальное законодательство свой перечень действий, попадающие в сферу национального антикоррупционного законодательства. В этой конвенции также регулируется деятельность бывших должностных лиц, в отношении которых должно быть повышенное внимание, так как они располагают определенным объёмом служебной информации;

- Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок 1997 год. Данный документ даёт обширное понятие должностному лицу, перечисляет перечень деяний, попадающие под уголовную ответственность. Также регулируется юрисдикционный аспект: «статья 4 1. Каждая Сторона принимает все необходимые меры к тому, чтобы установить свою юрисдикцию в отношении подкупа иностранного должностного лица, когда деяние совершается полностью или частично на его территории. 2. Каждая Сторона, в юрисдикцию которой входит уголовное преследование своих граждан за деяния, совершенные за рубежом, принимает все необходимые меры в целях установления своей юрисдикции и в отношении подкупа иностранного должностного лица в соответствии с теми же принципами»[1].

ОЭСР также разработал собственные рекомендации по развитию антикоррупционного комплаенс-контроля и в них входит следующий перечень: стимулировать компании на разработку мер комплаенс-контроля; разрабатывать корпоративную этику; обучать сотрудников; выстроить беспрепятственную систему фиксирования каких-либо нарушений и др.

- Важную роль играет в развитии антикоррупционного комплаенса Международная комиссия по борьбе с отмывание денег - ФАТФ (Financial Acrion Task Force). Хотя это другой вид комплаенса, но всё-таки основные меры по противодействию пересекаются с исследуемым видом комплаенса. Отличительной чертой ПОД/ФТ является её обязательный характер для многих структур, в то время как антикоррупционный комплаенс не является таким. ФАТФ в целом содействует внедрению антикоррупционных мер в законодательства стран-участников. В 2012 году были разработаны рекомендации, в них указывался перечень рисков, которым могут подвергнуться организации;

- Закон Великобритании «О взяточничестве» (Bribery Act) 2010 года. В соответствии с ним все компании, сотрудничающие с организациями из Великобритании, должны следовать данному закону (экстртерриториальное применение). Для иностранных компаний обязанность исполнения норм законодательства Великобритании по борьбе с коррупцией может возникнуть в следующих случаях:

1) компания имеет филиал, представительство в Великобритании, ведёт бизнес или часть бизнеса в Великобритании;

2) компания является агентом или дистрибьютором компании, зарегистрированной в Великобритании, оказывает услуги британской компании.

Важно отметить, что иностранная компания, ведущая часть бизнеса в Великобритании, может нести ответственность по законодательству Великобритании и в том случае, если взятка никак не связана с бизнесом в Великобритании, была дана в интересах этой компании в третьей стране, лицом, не имеющим какой-либо связи с Великобританией.

Министерство юстиции Великобритании сформулировала 6 принципов, которые должны лежать в основе антикоррупционной политики компании:

Принцип 1. Пропорциональность процедур. В Рекомендациях отмечается, что применяемые процедуры должны соответствовать уровню риска, с которым сталкивается компания, её масштабам и характеру бизнеса. При этом термином «процедуры» охватываются как политики компании по предотвращению взяточничества, так и процедуры по имплементации политик. Процедуры должны быть понятными, эффективными и практически исполнимыми.

Принцип 2. Обязанности высшего руководства. Суть второго принципа заключается в том, что высший менеджмент и владельцы компании обязаны принимать меры по предотвращению взяточничества со стороны ассоциированных с компанией лиц и способствовать созданию в компании культуры, при которой взяточничество неприемлемо ни при каких условиях. От отношения к взяточничеству высшего руководства компании во многом зависит, как поведут себя сотрудники, если столкнутся с предложением дачи или получения взятки.

Принцип 3. Оценка риска. Компания должна проводить оценку потенциальных внутренних и внешних рисков взяточничества со стороны ассоциированных с ней лиц. Оценка риска должна осуществляться периодически, а её результаты документально фиксироваться.

Принцип 4. Дью-дилидженс (должная осмотрительность). Компания должна применять процедуры должной осмотрительности в отношении лиц, которые действуют от имени или по поручению компании в целях снижения риска вовлечения во взяточничество. Степень проверки зависит от оценки уровня риска. Например, работа с новым партнёром в юрисдикции с высоким уровнем риска требует его углублённой проверки.

Принцип 5. Коммуникации (включая обучение). Реализация принципа коммуникации предполагает необходимость обеспечить доступность информации об антикоррупционной политике компании, как среди сотрудников, так и для внешних партнёров, а также проведение обучения. Принцип 6. Мониторинг процедур. Компании должны осуществлять регулярный мониторинг антикоррупционных процедур и при

[1] Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок 1997 год.

необходимости вносить изменения. Необходимо предусмотреть регулярную отчётность по применению процедур и оценку эффективности их применения.[2]

- Закон США 1977 года «О борьбе с коррупцией во внешнеэкономической деятельности», также имеет экстртерриториальное применение.

Субъектами, подпадающими по действие Закона США, являются: граждане США; американские компании; эмитенты ценных бумаг, которые котируются в США, должностные лиц эмитентов, распорядители, служащие, представители эмитентов, акционеры, действующих в интересах эмитентов; иностранные граждане и компании, в случае если они осуществляют отдельные действия, связанные с совершением коррупционного преступления, на территории США.

Если обращаться к судебной практики, то многие международные компании несут уголовную ответственность именно по этому закону. Например, есть прецедент, когда российские компании обвинялись в нарушения FCPA. Так МТС был обвинён в даче взяток высокопоставленным лицам в Республике Узбекистан в размере около 420 миллионов долларов. Данная компания была привлечена к уголовной ответственности в соответствии с законодательством США, так как МТС являлся эмитентом на фондовом рынке США. В 2019 году МТС обязался выплатить 850 млн долларов, из них 750 млн долларов Министерству юстиции, и 100 млн долларов Комиссии по ценным бумагам и биржам, также МТС находится под антикоррупционным мониторингом и должен в соответствии с ним доказать свою дальнейшую профессиональную добросовестность.

- Международные стандарты 37301 и 37001 является основой, по которой разрабатывается антикоррупционный комплаенс.

- В России регулируется Федеральным законом «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 N 273-ФЗ, КоАП И УК.

В ФЗ «О противодействии коррупции» в статье 13.3 зафиксирована обязанность организаций принимать меры по предупреждению, однако нет упоминания об ответственности за её не исполнение, то есть фактически внедрение антикоррупционных мер является выбором для каждой компании. Также в КоАП предусматривается ответственность юридических лиц в даче взятки, а для физических лиц грозит уголовная ответственность (статья 291 УК РФ).

Таким образом, мы видим, что ответственность за нарушение коррупционного законодательства большая, и это касается не только компаний международного уровне, также касается бизнеса, работающий только под юрисдикцией РФ, поэтому очень важно, чтобы компании любого уровня разрабатывали свою антикоррупционную политику.

Чтобы утвердить необходимость полномасштабного внедрение антикоррупционного комплаенса, стоит обратиться к различным статистическим данным.

Данные некоммерческой деловой ассоциации TRACE International, которая представляет собой средневзвешенную оценку уровня рисков, с которыми могут столкнуться компании частного сектора при ведении бизнеса в разных странах. В 2022 году исследование проводилось по отношению к 194 государств. Рейтинг TRACE Matrix* представляет собой рассчитанную для каждой страны средневзвешенную оценку уровня коррупционных рисков для коммерческих организаций по четырём направлениям: взаимодействие бизнеса с государством – 40% общей оценки; антикоррупционное законодательство и правоприменение – 15% оценки; прозрачность деятельности правительства и государственной службы – 22,5% оценки; контроль со стороны гражданского общества – 22,5% оценки. Чем меньше баллов получает по итогам оценки страна, тем безопаснее и проще ведение бизнеса под её юрисдикцией.

Россия заняла 142 место в этом рейтинге и были выделены следующие причины такой низкой позиции: низкий уровень взаимодействия бизнес-сообщества с государственными органами; высокий уровень ожидания вымогательства взяток со стороны должностных лиц; низкое качество существующих механизмов борьбы со взяточничеством; низкий уровень прозрачности деятельности государственных органов; недостаточная свобода СМИ; невовлеченность гражданского общества в противодействие коррупции и т.д.[3]

По сведениям Генеральной Прокуратуры РФ в 2022 году был прирост зарегистрированных преступлений по статье 290 УК РФ «Получение взятки» и по подсчётам Генпрокуратуры, первые три месяца 2022 года стоили казне 15,6 млрд рублей – именно столько составил ущерб от преступлений коррупционной направленности.

Делая вывод, можно сказать, что проблема коррупции является насущной, и антикоррупционный комплаенс хоть и не очень понятен для российской корпоративной среды, но он является действующим инструментом по достижению благоприятного бизнес климата, где все организации будут стремиться к соблюдению законодательства.

В чем же именно заключается риски для малого и среднего бизнеса. Антикоррупционный комплаенс нацелен на урегулирование корпоративного управления и построения эффективного способа взаимодействия внутри бизнеса, то есть главная функция - оценка рисков во всех звеньях управления компанией и обнаружение потенциальных коррупционных рисков.

Данная необходимость заключается в том, что бизнес подвержен таким проблемам как безграмотное управление со стороны менеджмента, то есть

[2] Guidance about procedures which relevant commercial organizalons can put into place to prevent persons associated with them from bribing. Ministry of Juslce. March 2011 // Op. cit. 2.

[3] Источник: https://anticor.hse.ru/main/news_page/opublikovan_indeks_korruptsionnyh_riskov_pri_vedenii_biznesa

© Антикоррупционный центр НИУ ВШЭ

принятие своевольных решений, которые могут отрицательно сказаться на компании; налоговые риски также при недостаточном уделении внимания к денежным транзакциям может привести к тому, что компания будет обвиняться в отмывании денег и финансированию терроризма (Федеральный закон "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма" от 07.08.2001 N 115-ФЗ (последняя редакция)) под этот закон могут попасть любые денежные суммы, имеющие подозрительный характер.

Меры для внедрения антикоррупционного комплаенса

В России для эффективного внедрения антикоррупционного комплаенса следует ознакомиться с Методическими рекомендациями по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции Министерства труда и социальной защиты РФ. В данном документе зафиксированы основные меры и этапы по осуществлению антикоррупционной политик в компаниях. Там даются конкретные подходы по реализации данной политики, основные способы реагирования на те или иные спорные ситуации. Также на наш взгляд важным является ознакомление с практикой реализации антикоррупционного комплаенса выработанной Центром международного частного предпринимательства (CIPE). В своей же работе мы хотим наглядно продемонстрировать конкретные меры по внедрению антикоррупционного комплаенса как в крупный бизнес, так в средний и малый.

Первым этапом является разработка кодекса этики и служебного поведения работников. Этот документ отражает ценности и принципы компании, которые в последующем распространяются на деятельности как самой организации, так и сотрудников. Для того чтобы этот кодекс работал, необходимо добросовестно следовать всем его положениям и постоянно проводить проверку среди работников на знание этого документа. Чтобы внедрение данного локального нормативного акта проходило ненесильно, нужно провести объяснительный разговор с сотрудниками о необходимости этого документа, и, конечно же, руководство на своём примере должно демонстрировать приверженность всем правилам, зафиксированные в кодексе. Важно обеспечить беспрепятственный доступ к документу, поэтому следует разместить его во внутреннем корпоративном портале, а также каждый сотрудник должен иметь этот кодекс на своём рабочем столе. Все это делается для того, чтобы избежать ситуации, когда кодекс является лишь фикцией и на самом деле его не используют на практике.

В процессе свой деятельности сотрудник сталкивается со многими задачами и проблемами и кодекс нацелен на снижение рисковых ситуаций и предотвращения попадания работников в опасное для него положения. Кодекс должен быть разработан специально под запросы компании, так как принципы зафиксированные в нем, должны отталкиваться от деятельности компании, её размеров, функционала, поэтому обычно в кодексе делают два раздела. Первый: общие этические положения. Второй: специализированные этические положения. К общим относятся: Соблюдение высоких этических стандартов поведения; Следование принципу добросовестной конкуренции; Соблюдение законности и принятых на себя договорных обязательств; Поддержание высоких этических стандартов поведения и др. К специальным относится регламентация поведения в сфере кадровой политики, взаимодействие с государственными должностными лицами и др. Также с кодексом должно быть опубликовано положение, детально регламентирующие ситуации, связанные с конфликтом интересов. В соответствии с п. 1 ст. 10 ФЗ от 25.12.2008 N 273-ФЗ «О противодействии коррупции», под конфликтом интересов понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий). Ответственность за разработку и внедрение кодекса лежит на начальнике департамента комплаенса и деловой этики (крупная компания), если же ресурсы ограничены, то этим может заниматься руководитель одного из подразделений компании, либо привлечение специалиста со стороны. Таким образом, кодекс этики и служебного поведения является ядром проведения антикоррупционного комплаенса, так как невозможно обеспечение коррупционной политики без установления высоких этических стандартов.

В разработке антикоррупционной политики должны участвовать специалисты, чётко знающие антикоррупционное законодательство, а также лица, умеющие прогнозировать, анализировать и оценивать потенциальные риски для организации. Профессионалы в данной сфере нужны для того, чтобы политика компании была актуальна для самого бизнеса, то есть у каждой компании есть свои особенности и политика должна быть выстроена в соответствии с ними. Например, если организация не является международной и не имеет активов за рубежом, то в антикоррупционной политике не надо указывать требования предъявляемые экстратерриториальными законами (Закон США и Закон Великобритании «О взяточничестве») или если компания не собирается заниматься финансированием политических партий, то ей не стоит указывать данный вид деятельности в антикоррупционной политике. В крупных компаниях этим вопросом занимается штаб специалистов: это департамент комплаенса и юристконсультанты, а в средних предприятиях: это либо аудитор, либо юрист, смотря какими ресурсами обладает компания. Очень важным требованием при разработке антикоррупционной политики является взаимодействие с руководством компании, с сотрудниками, учёт их мнения насчёт вносимых мер в антикоррупционную политику, то есть процесс должен затрагивать всех лиц, которые в

дальнейшем обязуются беспрекословно соблюдать все нормы данного документа.

Следующим этапом является обучение сотрудников, оснащению их самой нужной в практической деятельности информацией. Тренинги должны быть нацелены на то, чтобы работник знал как реагировать на коррупционные действия, какие меры должен предпринять при сталкивании с конфликтом интересов, как нужно вести документооборот. Часто обучение является бренной ношей для сотрудников, чтобы избежать такой ситуации, нужно учебный материал подготавливать на простом и понятном языке, моделировать ситуации на практическую деятельность работника, обеспечить взаимодействие сотрудников с разных подразделений, тем самым обеспечить обмен информацией и опытом.

Без мониторинга и аудита невозможно определить эффективно ли функционирует принятая антикоррупционная политика.

Ниже приведу общепринятые инструменты и приёмы непрерывного мониторинга и аудита

«Утверждение Кодекса поведения, политик, механизмов раскрытия информации - Отслеживание процента утверждённых политик, слежка за исключениями и тенденциями; Данные о проведённых тренингах - Следует отслеживать процент проведённых тренингов и определять негативные тенденции; Опросы и анкетирования - Оценивать уровень знаний, аспекты культурного характера, степень вовлечения сотрудников;

Оценка тенденций получения информации по горячей линии - Тенденции получения информации от анонимных источников по сравнению с установленными источниками, «горячие точки»; Самооценка и самостоятельное предоставление сведений - оценка посредством механизмов внутреннего контроля, инструменты самостоятельного предоставления сведений в режиме онлайн (например,конфликт интересов, подарки и увеселительные мероприятия); Анализ тенденций применительно к отчётности или транзакциям - анализ бюджетных и фактических финансовых показателей, уровень общих и административных расходов; Анализ показателей выявленного риска - Тревожные сигналы относительно потенциальных проявлений коррупции, сравнение возмещения представительских расходов и расходов на деловые поездки в наличной форме по сравнению с кредитными карточками; Коммуникация - Обращения инвесторов, совещания по организации сбыта;

Рационализация хозяйственной деятельности в сравнении с передовой практикой - Элементы программы, статистика горячей линии и т.д; Фокус группы - Области высокого риска или выявленные «горячие точки». Общепринятые инструменты и приёмы аудита: Посещение объектов и собеседования; Тестирование/проверка эффективности механизмов внутреннего контроля; Детальное тестирование транзакции; Приёмы бухгалтерской экспертизы или аудита на предмет мошенничества;

Верификация результатов мониторинга; Внеочередная проверка и последующие меры.

Таким образом, тщательная проверка всех этапов принятия и реализация решений предостерегает от таких проявлений как:

- оплата услуг, характер которых не определён либо вызывает сомнения; - предоставление дорогостоящих подарков, оплата транспортных, развлекательных услуг, выдача на льготных условиях займов, предоставление иных ценностей или благ внешним консультантам, государственным или муниципальным служащим, работникам аффилированных лиц и контрагентов; выплата посреднику или внешнему консультанту вознаграждения, размер которого превышает обычную плату для организации или плату для данного вида услуг; - закупки или продажи по ценам, значительно отличающимся от рыночных; - сомнительные платежи наличными.

Таким образом, без постоянной проверки нельзя рассчитывать на эффективность принятых документов, поэтому скрупулёзная проверка хоть и затратна, но это ключевая составляющая успешной реализации антикоррупционной политики, потому что любые сомнительные действия сотрудников могут попасть под санкции антикоррупционного законодательства, что может причинить огромный вред организации.

Стоит отметить, что в обязательном порядке в каждой компании должна быть введена действующая анонимная горячая линия, куда беспрепятственно могли бы поступать жалобы. При принятии и обработки жалоб, должны быть выстроены быстрые способы реагирования на проблемы, то есть в краткосрочный период вынести решение о проблеме (указать срок, например, в течение n дней будет расследоваться та или иная жалоба).

Заключение

Подводя итог мы пришли к выводу, что внедрение антикоррупционного комплаенса является важной частью успешного функционирования организаций. Множество нюансов в отечественном и зарубежном законодательстве заставляет компаниям подстраиваться под эти требования, а иначе организация может попасть под большие санкции, которые отрицательно скажутся на жизнеспособности бизнеса. Чтобы предотвратить это, нужно внедрять антикоррупционную политику, кодекс служебной этики и поведения, разрабатывать меры предотвращения конфликтов интересов.

Таким образом, в российской бизнес среде должна быть сформирована атмосфера приверженности к выстраиванию корпоративной культуры на основе высоких моральных принципов.

Литература

1. Абрамов В.Ю. Руководство по применению комплаенс-контроля в различных сферах хозяйственной деятельности: практическое пособие / В.Ю. Абрамов. — М.: Юстицинформ, 2020. —172 с.

2. Иванов Э.А. Антикоррупционный комплаенс-контроль в странах БРИКС. М.: Юриспруденция, 2015. 134 с.

3. Гармаев Ю.П., Иванов Э.А. , МаркунцевС.А. Антикоррупционный комплаенс в Российской Федерации: Междисциплинарные аспекты. Монография /2022. — 23-24 с.

4. Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции. Москва/ 2014.

5. Попондопуло В. Ф., Владимир Ф., Дмитрий А. Петров. 2020. «Комплаенс как правовой инструмент минимизации рисков и профилактики правонарушений». Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Право 1: 102–114.

6. Compliance and Compliance Function in Banks, April 2005. Enhaancing Corporate Governance for Banking organization. July.2005. [Электронный ресурс]. URL: https://compliance.su/

7. Источник:
https://compliance.su/info/news/otkuda-poshlo-ponyatiekomplaens/

8. Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок 1997 год.

9. Guidance about procedures which relevant commercial organizalons can put into place to prevent persons associated with them from bribing. Ministry of Juslce. March 2011 // Op. cit. 2.

10. Источник:
https://anticor.hse.ru/main/news_page/opublikovan_indeks_korruptsionnyh_riskov_pri_vedenii_biznesa © Антикоррупционный центр НИУ ВШЭ

Legal essence of anti-corruption compliance in organizations

Oganisyan E.G.
RANEPA

The article is devoted to the study of the legal essence of anti-corruption compliance in organizations, its formation, principles and methods of implementation. The author considers the history of compliance, starting from its origin in the USA in the early XX century, and analyzes its development in international and Russian practice. Special attention is paid to anti-corruption compliance, which is aimed at minimizing the risks associated with corruption and ensuring compliance of organizations' activities with legislative requirements. The article describes in detail the key principles of compliance control. It also discusses risk management methods, including risk identification, forecasting and risk management. The author stresses the importance of implementing anti-corruption measures in organizations at any level, including SMEs, and provides examples of international legislation regulating anti-corruption activities. The article concludes with specific measures for implementing anti-corruption compliance, such as developing a code of ethics, employee training and monitoring. The article is relevant for CEOs, lawyers and corporate governance professionals.

Keywords**:** compliance, anti-corruption compliance, corruption, risk management, code of ethics, international standards, corporate governance, risk forecasting, conflict of interest, anti-corruption policy.

References

1. Abramov V.Y. Guidance on the application of compliance control in various spheres of economic activity: a practical manual / V.Y. Abramov. - Moscow: Justitsinform, 2020. - 172 c.
2. Ivanov E.A. Anticorruption compliance control in the BRICS countries. Moscow: Jurisprudence, 2015. 134 c.
3. Garmayev Y.P., Ivanov E.A. , MarkuntsevS.A. Anticorruption compliance in the Russian Federation: Interdisciplinary aspects. Monograph /2022. - 23-24 c.
4. Methodological recommendations on the development and adoption by organizations of measures to prevent and combat corruption. Moscow/ 2014.
5. Popondopulo V. F., Vladimir F., Dmitry A. Petrov. 2020. “Compliance as a legal tool for risk minimization and prevention of offenses”. Bulletin of St. Petersburg State University. Law 1: 102-114.
6. Compliance and Compliance Function in Banks, April 2005. Enhaancing Corporate Governance for Banking organization. July.2005. [Internet resource]. URL: https://compliance.su/
7. Source: https://compliance.su/info/news/otkuda-poshlo-ponyatiekomplaens/
8. OECD Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions 1997.
9. Guidance about procedures which relevant commercial organizalons can put into place to prevent persons associated with them from bribing. Ministry of Juslce. March 2011 // Op. cit. 2.
10. Source:https://anticor.hse.ru/main/news_page/opublikovan_indeks_korruptsionnyh_riskov_pri_vedenii_biznesa © Anti-Corruption Center of the National Research University Higher School of Economics.

Особенности реализации права несовершеннолетних на занятиях предпринимательской деятельностью

Пермяков Максим Владимирович
кандидат юридических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет, pmv0929@yandex.ru

Матвеев Максим Михайлович
заместитель директора Института государственного и международного права, старший преподаватель кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета, matveevmaks@mail.ru

Балеевских Федор Валентинович
кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, V.F. Yakovlevbf61@mail.ru

В настоящее время предпринимательство играет ключевую роль в экономическом развитии общества, при этом его значение расширяется за пределы совершеннолетних граждан, охватывая также лиц, которым еще не исполнилось восемнадцать лет. Этому способствует стремительное развитие цифровых технологий, социальных сетей и платформ электронной коммерции, предоставляющих молодым людям уникальные возможности для реализации инновационных идей и проектов. В связи с этим, становится критически важным проведение глубокого анализа правовых аспектов предпринимательской деятельности несовершеннолетних, а также исследование соответствующих ограничений и возможностей, предоставляемых законодательством.
Ключевые слова: несовершеннолетние лица, предпринимательство, право на осуществление деятельности предпринимателя, субъект, государственный реестр, идея, проект, публично-правовое образование, способность, имущество, регистрация, государство.

В современном мире тема предпринимательства становится всё более актуальной не только для взрослых, но и для несовершеннолетних. Развитие цифровых технологий, социальных сетей и платформ электронной коммерции открывает перед молодым поколением широкие возможности для реализации собственных идей и проектов. В этом контексте возникает необходимость глубокого анализа и понимания особенностей реализации всех прав лиц, не достигших восемнадцатилетия, на ведение предпринимательской деятельности.

В рамках 34 статьи, действующей на территории нашего государства Конституции РФ [1] даются гарантии о том, что каждый человек в нашем государстве может использовать собственные способности и личное имущества для ведения любого незапрещенного в нашем государстве вида предпринимательской деятельности. В рамках второй статьи действующего на территории нашего государства ГК РФ к числу субъектов гражданского оборота принято относить следующие лица:

- физические;
- юридические;
- иные публично-правовые образования.

В рамках 23 статьи действующего на территории нашего государства ГК РФ каждое физическое лицо имеет возможность проводить предпринимательскую деятельность, если оно прошло обязательную регистрацию в государственных органах и получило статус индивидуального предпринимателя, а также в исключительных случаях, которые касаются определенных типов предпринимательской деятельности, не требующих проведения необходимой регистрации. Таким образом, возможность реализации прав, заложенных в Конституции РФ и связанных с ведением предпринимательской деятельности на территории государства, может появиться только при соблюдении конкретных условий, которые установлены в действующем законодательстве, а именно:

- достижении минимально допустимого возраста физического лица для того, чтобы стать предпринимателем;
- осуществление регистрации своей деятельности в случаях, которые указаны в действующем законодательстве.

В рамках действующего законодательства в гражданской сфере нет конкретных указаний о возрасте, начиная с которого становится возможным подача необходимых заявлений в государственные органы для проведения регистрации и дальнейшего присвоения статуса индивидуального предпринима-

теля. Однако данную цифру можно получить, проведя анализ такого термина, как «гражданская дееспособность».

В результате данного анализа становится понятным, что для физических лиц полная дееспособность, по сравнению с правоспособности, появляется в тот момент (как указано в 21 статье ГК РФ), когда лицо достигает своего восемнадцатилетия (совершеннолетия). Значит после того, как физическому лицу исполнилось 18 лет, оно имеет полное право подать все необходимые документы, которые указаны в статье 22.1 ФЗ «О государственно регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», вступившего в силу с 8 августа 2001 года, и которые необходимы для проведения регистрации и получения статуса индивидуального предпринимателя. Помимо этого, физическое лицо может вести свою деятельность как самозанятый гражданин и выплачивать налог государству за оказание своей профессиональной деятельности, величина которого оговаривается в ФЗ № 422 «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход», вступившем в силу с 27 ноября 2018 года.

Однако все вышеперечисленное не говорит о том, что несовершеннолетние физические лица не могут принимать участие в предпринимательской сфере, пока им не исполнится 18 лет. В частности, их интересы могут представляться узаконенными представителями и, помимо этого, статьи 26 и 28 действующего на территории нашего государства ГК РФ устанавливают частичное участие в рамках гражданского оборота физических лиц в возрасте 14-18 лет (дееспособность несовершеннолетних) и 6-14 лет (малолетняя дееспособность).

В рамках первого пункта 26 статьи ГК РФ для каждого физического лица, относящегося к категории несовершеннолетних, устанавливается возможность самостоятельного распоряжения собственными доходами. Этот пункт достаточно хорошо коррелирует с 34 статьей, действующей на территории нашего государства Конституции РФ, что, в конечном итоге, дает физическому лицу право на прохождение процедуры регистрации индивидуального предпринимательства. В случае возникновения желания у физического лица осуществить данную процедуру, ему, в соответствии с пунктом «з» части первой статьи 22.1 ФЗ № 129, обязательно потребуется предоставить в органы родительское или попечительское согласие на ведение им соответствующей деятельности, которое должно быть заверено у нотариуса.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод, что одним из способов получения прав на ведение предпринимательской деятельности в нашем государстве для лиц в возрасте 14-18 лет является заключение брака. В рамках действующего семейного законодательства на территории Российской Федерации, заключить брак возможно либо находясь в возрасте 18 лет и старше, либо начиная с 16 лет в том случае, если имеет место наличие уважительных причин и разрешение органов местной власти, где прописаны и проживают физические лица. Однако в семейном законодательстве не прописываются те причины, которые могут быть отнесены к категории уважительных. [3]

Важной особенностью в данной ситуации является тот факт, что полученная таким образом дееспособность будет полноценно действовать даже в ситуации, когда брак будет расторгнут ранее 18-летия сторон. Но в ряде ситуаций, когда брак будет считаться недействительным, суд имеет право лишить дееспособности супруга (в соответствии со вторым пунктом 21 статьи действующего на территории нашего государства ГК РФ).

Начиная с момента регистрации деятельности несовершеннолетнего физического лица, он получает хозяйственную компетенцию и может заниматься предпринимательством от своего лица. Принятое государственным органом регистрации решение служит причиной для занесения необходимой записи в определенный государственный реестр. Никаких различий по сравнению с процессом регистрации индивидуального предпринимателя в данном случае не существует. [6]

Получив свой статус, несовершеннолетнее физическое лицо может заниматься тем видом деятельности, который был отмечен им в подаваемом на регистрацию заявлении. Однако для заключение договора на проведение расчетно-кассового обслуживания дополнительно потребуется родительское согласие, в котором будут фигурировать обе стороны и которое обязательно должно быть заверено у нотариуса. В случае ведения физическим лицом своей деятельности без ее официальной регистрации, все полученные доходы будут конфискованы.

Еще одним вариантом получения прав на ведение предпринимательской деятельности в нашем государстве для лиц несовершеннолетнего возраста является эмансипация, однако для этого необходимо выполнение таких условий, как:

- обязательное достижение физическим лицом 16-летнего возраста;

- наличие официально составленного и подписанного обоими сторонами трудовой договора или же родительского согласие на ведение деятельности, обязательно заверенного у нотариуса). [9]

Проведенный выше анализ дает возможность утверждать, что для того, чтобы у несовершеннолетних физических лиц была возможность заниматься легальным предпринимательством, можно выполнить следующие действия:

- пройти процедуру регистрации в государственных органах для получения статуса индивидуального предпринимателя в возрасте 14 лет, для чего ему обязательно потребуется предоставить в органы родительское или попечительское согласие на ведение им соответствующей деятельности, которое должно быть заверено у нотариуса;

- вести разрешенные ФЗ № 422 типы предпринимательской деятельности. [7]

Проведенный анализ материалов по проблемной тематике подчеркивает наличие в данной сфере

определенных проблемных вопросов. Одной из таковых является нечеткость законодательных норм и правил, закрепленных в СК РФ, которые позволяют получать право ведения предпринимательской деятельности при заключении брака или эмансипации. Как отмечается рядом исследователей, уже сейчас зафиксированы случаи, в которых на территории нашего государства статус индивидуального предпринимателя имеют несовершеннолетние граждане в возрасте 14 лет, что достаточно часто приводит к появлению различных проблемных ситуаций. Очевидно, что данный законодательный вопрос требует оперативного решения, например, посредством уточнения уже имеющихся положений СК РФ и ужесточения действующих лазеек. Помимо этого, обязательно необходимо законодательно закрепить список возможных для заключения сделок в данном случае.

Некоторые исследователи, занимающиеся данной проблемной областью, выделяют еще одну проблему, связанную с необходимостью четкого указания в действующем законодательстве нижней возрастной планки получения несовершеннолетним физическим лицом статуса предпринимателя. Данное нововведение является очень важным по причине того, что в настоящее время существенно повышается важность малого бизнеса, и именно это новшество позволит бизнесу эффективнее развиваться, т.к. несовершеннолетним будет дана законная возможность развивать личный потенциал в сфере предпринимательства. Поэтому актуальным является изменение второй части 26 статьи ГК РФ. [8]

Все вышеперечисленные нововведения, несомненно, помогут в будущем наиболее эффективно решать различные проблемные вопросы, которые могут возникнуть в данной сфере, и в полной мере решить проблему с выплатой налогов несовершеннолетних, занимающихся предпринимательской деятельностью. Однако в случае с решением проблемных вопросов, касающихся эмансипации несовершеннолетних, вышестоящие органы обязаны осуществлять полную проверку и выполнение всех положенных условий перед тем, чтобы вынести положительный вердикт.

Несовершеннолетние физические лица в рамках третьего пункта 26 статьи ГК РФ лично несут ответственность за заключенные ими сделки, что отмечается в первом и втором пунктах 28 статьи ГК РФ. В случае нанесения вреда несовершеннолетние физические лица будут нести ответственность в тех рамках, которые установлены в положениях ГК РФ.

Как родители, так и попечители могут привлекаться к субсидиарной ответственности, связанной с наличием различных обязательств несовершеннолетнего физического лица, занимающегося предпринимательством, при отсутствии и последнего какого-либо дохода и личного имущества, однако в данной ситуации суд должен обязательно доказать, что именно родители или попечители непосредственным образом виноваты в нанесенном вреде (1074 статья ГК РФ). Показателем присутствия вины родителей или попечителей выступает их безответственное поведение в вопросах воспитания и неосуществление необходимого надзора за несовершеннолетним физическим лицом.

В ряде случаев несовершеннолетнее физическое лицо, которое хочет пройти государственную регистрацию и получить статус индивидуального предпринимателя, может обратиться к своим родителям или иным ответственным лицам для того, чтобы они дали свое согласие на ведение предпринимательской деятельности, которое обязательно должно быть заверено у нотариуса, однако они отказывают ему в данной возможности и проведение регистрации в государственных органов в данной ситуации не может быть выполнена. В данной ситуации без имеющегося регистрационного разрешения ведение любого типа предпринимательской деятельности несовершеннолетними физическими лицами может быть трактовано как осуществление незаконного предпринимательства (в соответствии со статьей 14.1 КоАП РФ). Однако если возраст несовершеннолетнего физического лица, занимающегося предпринимательством, составляет от 14 до 16 лет, то его невозможно привлечь к ответственности за административные правонарушения, которые описаны в 14 главе КоАП РФ по причине того, что возраст данного лица не достиг значения, которое указано в статье 2.3 КоАП РФ. В данном случае родителям или иным представителям несовершеннолетнего физического лица допускается вменять исключительно статью 5.35 КоАП РФ, а ни одно из положений статьи 14.1 КоАП РФ не может быть применена к ним.

Следовательно, участие несовершеннолетних физических лиц в возрасте от 14-16 лет в предпринимательской деятельности без внесения изменений в действующее законодательство связано с достаточно большими рисками. Для улучшения данного вопроса необходимо разрабатывать эффективные комплексы мероприятий по совершенствованию действующего законодательства, что говорит о высокой актуальности продолжения работ в данном направлении.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

4. Федеральный закон от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СЗ РФ. № 33 (Часть I). Ст. 3431.

5. Багаутдинова, А. Р. Проблемы осуществления несовершеннолетними права на предпринимательскую деятельность / А. Р. Багаутдинова, Е. А. Коннова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 48 (390). — С. 175-178. — URL: https://moluch.ru/archive/390/85988

6. Зайцева, Е. С. Факторы установления пределов правового регулирования / Е. С. Зайцева // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 18–23.

7. Казиханова, С. С. Предпринимательская деятельность несовершеннолетних / С. С. Казиханова, М. Г. Галахтин // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 9 (70). – С. 81–92

8. Ключевская, Н. Молодежное предпринимательство: проблемы и решения / Н. Ключевская. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https:// www.garant.ru/news/1468805

9. Станкевич, Г. В. Предпринимательская правосубъектность несовершеннолетнего индивидуального предпринимателя / Г. В. Станкевич // Гуманитарные и юридические исследования. – 2020. – № 4. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https:/ /cyberleninka.ru/article/n/predprinimatelskayapravosubektnost-nesovershennoletnego-individualnogopredprinimatelya

10.Шапсугова, М. Д. Правовое положение индивидуальных предпринимателей по законодательству Российской Федерации : дис ... канд. юрид. наук / Шапсугова Мариетта Дамировна. – М., 2022. – 205 с.

Peculiarities of realization of the right of minors to engage in entrepreneurial activity

Permyakov M.V., Matveev M.M., Baleevskikh F.V.
Ural state law University

Currently, entrepreneurship plays a key role in the economic development of society, while its importance extends beyond adult citizens, including people who have not yet turned eighteen years old. This is facilitated by the rapid development of digital technologies, social networks and e-commerce platforms, which provide young people with unique opportunities to implement innovative ideas and projects. In this regard, it becomes critically important to conduct an in-depth analysis of the legal aspects of the entrepreneurial activity of minors, as well as to study the relevant limitations and opportunities provided by legislation.

Keywords: minors, entrepreneurship, the right to carry out an entrepreneur's activity, subject, state register, idea, project, public law education, ability, property, registration, state.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet portal of legal information http://www.pravo.gov.ru
2. Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 28.06.2021) // SZ RF. 1994. No. 32. Art. 3301.
3. Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 No. 223-FZ (as amended on 02.07.2021) // SZ RF. 1996. No. 1. Art. 16.
4. Federal Law of 08.08.2001 No. 129-FZ (as amended on 02.07.2021) "On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs" // SZ RF. No. 33 (Part I). Art. 3431.
5. Bagautdinova, A. R. Problems of exercising the right to entrepreneurial activity by minors / A. R. Bagautdinova, E. A. Konnova. - Text: direct // Young scientist. - 2021. - No. 48 (390). - P. 175-178. - URL: https://moluch.ru/archive/390/85988
6. Zaitseva, E. S. Factors in establishing the limits of legal regulation / E. S. Zaitseva // Legal Concept = Legal paradigm. – 2021. – V. 20, No. 3. – P. 18–23.
7. Kazikhanova, S. S. Entrepreneurial activity of minors / S. S. Kazikhanova, M. G. Galakhtin // Actual problems of Russian law. – 2019. – No. 9 (70). – P. 81–92
8. Klyuchevskaya, N. Youth entrepreneurship: problems and solutions / N. Klyuchevskaya. – Electronic text data. – Access mode: https:// www.garant.ru/news/1468805
9. Stankevich, G. V. Entrepreneurial legal capacity of a minor individual entrepreneur / G. V. Stankevich // Humanitarian and legal studies. – 2020. – No. 4. – Electronic text data. – Access mode: https:/ /cyberleninka.ru/article/n/predprinimatelskayapravosubektnost-nesovershennoletnego-individualnogopredprinimatelya
10. Shapsugova, M. D. Legal status of individual entrepreneurs under the legislation of the Russian Federation: diss ... candidate of legal sciences / Shapsugova Marietta Damirovna. - M., 2022. - 205 p.

Генеративный ИИ: авторское право, ключевые проблемы и вопросы

Ренжин Илья Александрович
аспирант, Российская государственная академия интеллектуальной собственности

Внедрение генеративного искусственного интеллекта (ГИИ) в России сталкивается с рядом правовых и социальных вызовов, связанных с нарушением авторских прав, защитой данных, этическими вопросами и влиянием на рынок труда. Настоящая статья исследует основные проблемы использования ГИИ с точки зрения авторского права, анализируя три ключевых типа нарушений: использование защищенных данных для обучения моделей, воспроизведение контента, схожего с оригинальными произведениями, и создание производных произведений без разрешения правообладателя. Научная новизна исследования заключается в систематизации этих проблем, предложении механизмов их решения и акценте на необходимости создания четкой нормативной базы для регулирования деятельности ГИИ. Статья также обсуждает пути защиты интересов авторов через документирование использования их работ, маркировку контента и внедрение механизмов компенсации.
Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект, авторское право, защита данных, нарушение прав, лицензирование, производные произведения, регулирование.

Развитие технологий генеративного искусственного интеллекта (Далее-ГИИ) открывает новые возможности для создания контента, но одновременно порождает множество правовых и этических вопросов. В зависимости от способности создавать новое искусственный интеллект принято делить на сильный (Strong AI) и слабый (Weak AI). Наиболее радикальные сторонники сильного искусственного интеллекта считают, что при соблюдении верного алгоритма и всех составляющих программы возможно создать ИИ, который будет мыслить точно так же, как человек, то есть, они убеждены в том, что, создавая машину они создают человеческий мозг.[1]

Особую актуальность приобретают проблемы нарушения авторских прав, возникающие при обучении моделей, воспроизведении контента и создании производных произведений. Настоящее исследование направлено на анализ этих проблем. Воспроизведение контента, схожего с оригинальными произведениями является одним из ключевых правовых вызовов при использовании генеративного искусственного интеллекта (ГИИ) представляет собой воспроизведение контента, который существенно похож на оригинальные произведения из обучающего набора данных. Анализ данного вопроса требует детального анализа, так как он затрагивает границы между "добросовестным использованием" и нарушением авторских прав.

Концепция добросовестного использования : В рамках законодательства многих стран, включая США, существуют нормы, разрешающие ограниченное использование защищенных авторским правом произведений без согласия правообладателя при соблюдении определенных условий. Ключевыми факторами при оценке добросовестности использования являются: Цель и характер использования (коммерческое или образовательное);Природа оригинального произведения; Объем и значимость используемой части по отношению к целому произведению; Влияние использования на потенциальный рынок или ценность оригинального произведения. Обучающие данные ГИИ : Использование обширных наборов данных для обучения моделей ГИИ может привести к несанкционированному воспроизведению элементов оригинальных произведений. Если модель генерирует контент, который слишком близок к исходным материалам, это может быть расценено как нарушение авторских прав. Однако, если созданный контент является новым и уникальным, даже если он частично основывается на исходных данных, его можно рассматривать как производное произведение, находящееся в рамках допустимого использования. Производные произведения :

Производное произведение — это новое творческое произведение, основанное на существующем защищенном авторском правом произведении. Чтобы избежать нарушения авторских прав, новое произведение должно содержать достаточную степень оригинальности, чтобы отличаться от исходного материала. Это вызывает сложности при применении ГИИ, поскольку модели могут воспроизводить стилистические элементы, фразы или идеи, что может быть воспринято как недостаточно оригинальное.

ГИИ способен создавать контент, демонстрирующий значительное сходство с оригинальными произведениями, включая тексты, изображения, музыку и видео. Такое сходство может быть результатом переобучения модели или намеренной попытки имитации стиля конкретного автора. Например, модели, такие как Stable Diffusion или DALL-E , могут генерировать изображения в стиле известных художников, что поднимает вопросы о нарушении авторских прав.больших объемах данных, среди которых часто встречаются материалы, защищенные авторским правом. Например, тексты, изображения, музыка и другие объекты интеллектуальной собственности могут использоваться для анализа и обработки без согласия правообладателей. Это может быть расценено как прямое нарушение исключительного права на воспроизведение произведений. Примером такого конфликта является дело Andersen et al. v. Stability AI Ltd , где художники обвинили компанию в использовании миллиардов изображений из интернета для обучения своих моделей. А именно В этом иске группа художников обвинила платформу Stability AI и другие компании, использующие ГИИ, в нарушении авторских прав путем обучения своих моделей с помощью миллиардов изображений, взятых из сети без разрешения правообладателей. Этот иск, который в настоящее время рассматривается в калифорнийских судах, представляет собой очередную попытку в рамках законодательства об авторском праве разобраться с тем, как эти технологии обучаются и создают контент. Центральное место в деле занимают вопросы о том, можно ли считать наборы данных, состоящие из защищенных авторским правом изображений, произведениями, нарушающими авторские права, и если да, то каким образом можно возложить ответственность на компании, разрабатывающие и внедряющие эти модели искусственного интеллекта.

Такие действия подчеркивают важность разработки механизмов лицензирования данных и обеспечения прозрачности процесса обучения.

ГИИ способен генерировать контент, который существенно похож на произведения из обучающего набора данных. Это может быть результатом переобучения модели или намеренной попытки имитировать стиль конкретного автора. Хотя общий стиль не охраняется законом, использование конкретных элементов может быть расценено как нарушение авторских прав.

Например, модели вроде Stable Diffusion способны создавать изображения в стиле известных художников, что вызывает вопросы о законности таких действий. По мнению экспертов [2], такие случаи требуют особого внимания к определению границ "добросовестного использования" и разработке механизмов компенсации авторам.

Контент, созданный ГИИ на основе существующих произведений, может быть признан производным произведением. Если такое использование происходит без разрешения правообладателя, это считается нарушением. Например, преобразование текста или изображения с минимальными изменениями не освобождает от ответственности за копирование исходного материала.

Согласно §101 раздела 17 Свода законов США, любое преобразование оригинального произведения в новое требует согласия правообладателя. Аналогичные требования должны быть учтены в российском законодательстве.

Пожалуй, самым важным для выбора стратегии правового регулирования технологии искусственного интеллекта является то, что применяются и развиваются самые разные технологии, которые основаны или связаны с интеллектуальными системами, но не всегда подпадают под понятие классического искусственного интеллекта [3]

В заключении работы хочется подытожить вышесказанное. Внедрение генеративного искусственного интеллекта (ГИИ) в России сталкивается с множеством правовых, технологических и социальных вызовов, требующих комплексного решения. Одной из ключевых проблем остается отсутствие четкого правового статуса ИИ и регулирования его деятельности. Это создает неопределенность при определении ответственности за действия ГИИ, особенно в случаях, когда такие системы влияют на права третьих лиц или производят контент, нарушающий авторские права.

Особую сложность представляет вопрос использования защищенных данных для обучения моделей ГИИ. Многие современные системы обучаются на материалах, таких как тексты, изображения, музыкальные композиции, без согласия правообладателей. Такой подход может быть расценен как нарушение исключительного права на воспроизведение произведений.

Еще один важный аспект — создание контента, схожего с оригинальными произведениями. ГИИ способен воспроизводить элементы стилей известных авторов или демонстрировать значительное сходство с существующими работами [4]. Хотя общий стиль творческой деятельности не охраняется законом, использование конкретных элементов оригинальных произведений может быть расценено как нарушение авторских прав.

Также необходимо обратить внимание на классификацию контента, созданного ГИИ, как производного произведения. Если такой контент основан на существующих объектах авторского права, он должен соответствовать требованиям, предъявляемым к производным произведениям, включая получение согласия правообладателя [5]. Однако отсутствие четких критериев для определения производных произведений создает правовой вакуум.

Обновление нормативной базы, создание механизмов саморегулирования, внедрение экспериментальных правовых режимов и усиление международного сотрудничества являются ключевыми направлениями для решения выявленных проблем. Эти меры позволят обеспечить баланс между развитием технологий и защитой прав всех участников процесса — от правообладателей до конечных пользователей.

Решение этих вопросов является необходимым условием для безопасного и эффективного использования генеративного ИИ в России, что создаст благоприятные условия для дальнейшего развития цифровой экономики и инновационных технологий.

Литература

1. Галлямова А.А Авторское право на произведения созданные с использование технологий искусственного интеллекта // журнал Образование и право. 2023 №4 С 240-248
2. Харитонова Ю.С., Савина В.С. Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 49. С. 524-549.
3. Овчинников И.В. Генеративный искусственный интеллект и авторское право // Журнал суда по интеллектуальным правам. 2025.
4. Сотула Е.П. Авторские права в контексте использования искусственного интеллекта // Международный научный журнал «Вестник науки» № 3 (72) Том 3. Март 2024г.
5. Калятин В.О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 4. С. 24-50.

Generative AI: Copyright, Key Issues, and Questions

Renzhin I.A.

Russian state academy of intellectual property

The streaming of video games, as one of the forms of using objects of copyright in the digital environment, raises a wide range of legal questions. This article examines the main categories of copyright violations that may arise during video game streaming in accordance with current Russian legislation. The scientific novelty of the study lies in the systematization of types of copyright violations during video game streaming and the analysis of their legal consequences under the norms of the Civil Code of the Russian Federation. Special attention is paid to a comparative analysis of various approaches to solving these problems.

Keywords: video game streaming, copyright violations, reproduction of works, public performance, derivative works, legal analysis, rights balance.

References

1. Galliamova A.A. Copyright on works created using artificial intelligence technologies // Education and Law journal. 2023 No. 4 P. 240-248
2. Kharitonova Yu.S., Savina V.S. Artificial intelligence technology and law: modern challenges // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2020. Issue. 49. P. 524-549.
3. Ovchinnikov I.V. Generative artificial intelligence and copyright // Journal of the Court on Intellectual Property Rights. 2025.
4. Sotula E.P. Copyright in the context of the use of artificial intelligence // International scientific journal "Bulletin of Science" No. 3 (72) Volume 3. March 2024
5. Kalyatin V.O. Definition of the subject of rights to the results of intellectual activity created using artificial intelligence // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. Vol. 15. No. 4. P. 24-50.

Искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве

Сабуров Игорь Янович
аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2509905@bk.ru

В современных условиях цифровой трансформации искусственный интеллект (далее – ИИ) становится важным инструментом в различных сферах общественной жизни, включая гражданское судопроизводство. В статье рассматривается правовой статус и потенциал использования технологий ИИ в судебных процессах, анализируются возможности и ограничения их внедрения, а также обсуждаются перспективы нормативного правового регулирования данного направления.
Одним из ключевых аспектов исследования является анализ преимуществ применения ИИ в гражданском судопроизводстве, среди которых ускорение рассмотрения дел, повышение точности обработки информации, автоматизация рутинных задач, снижение судебной нагрузки и минимизация человеческого фактора при вынесении решений. Особое внимание уделяется функционированию интеллектуальных систем при прогнозировании судебных решений, анализе судебной практики и формировании рекомендаций для судей.
Автор подчеркивает необходимость создания четкого нормативного регулирования, способного обеспечить баланс между эффективностью работы судов и защитой прав участников судебного процесса. Развитие ИИ в гражданском судопроизводстве требует комплексного подхода, включающего технические, правовые и этические аспекты, а также международный опыт регулирования.
Ключевые слова: гражданское судопроизводство, нейросеть, искусственный интеллект, применение искусственного интеллекта, ответственность за применение искусственного интеллекта.

Введение

Среди приоритетных векторов модернизации судебной отрасли особое место занимает интеграция систем искусственного интеллекта (ИИ) в процессы рассмотрения гражданских дел. Цифровая трансформация правосудия во многом опирается именно на применение ИИ при разрешении гражданско-правовых споров. Современные технологии позволяют автоматизировать рутинные процессы, ускорять рассмотрение дел и повышать доступность правосудия. Однако использование ИИ в судебной сфере также порождает ряд сложных вопросов, связанных с юридической ответственностью, соблюдением процессуальных принципов и защитой прав участников судопроизводства.

Развитие искусственного интеллекта в правосудии основано на глобальных тенденциях цифровой трансформации. Ведущие государства мира разрабатывают нормативные акты и этические принципы, регулирующие применение ИИ в судебной практике. Примерами таких документов являются Европейская этическая хартия о применении ИИ в правосудии (2018), План развития технологий искусственного интеллекта в Китае (2017) и инициативы по цифровизации судопроизводства в США, Великобритании, России и других странах.

Использование ИИ в гражданском судопроизводстве может включать автоматизированный анализ судебной практики, электронный документооборот, предиктивное правосудие, интеллектуальную обработку доказательств и даже вынесение решений в упрощенных судебных процедурах. Однако для полноценного внедрения таких технологий необходимо учитывать основные принципы правосудия: законность, равенство сторон, независимость суда, состязательность и прозрачность.

Данная работа посвящена анализу возможностей и ограничений применения искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве. Рассматриваются его вспомогательная роль, проблемы законодательного регулирования, перспективы использования алгоритмов в правосудии, а также возможные риски, связанные с предвзятостью ИИ, защитой персональных данных и сохранением судебного контроля.

Основная часть

Технологии ИИ стремительно набирают популярность в России. По данным последних исследований, свыше 400 российских компаний уже внедрили

ИИ-решения в свои бизнес-процессы и активно применяют их в работе[4]. Среди таких технологий можно выделить системы обучения автопилотов, обработку естественного языка (виртуальные ассистенты, чат-боты), алгоритмы распознавания лиц, применяемые в сфере безопасности, а также «компьютерное зрение», которое широко используется в производственных процессах и других отраслях.

История развития искусственного разума уходит корнями в античную эпоху, когда древнегреческие мыслители впервые задумались о возможности создания мыслящих механизмов. Последующие столетия ознаменовались стремлением изобретателей автоматизировать человеческий труд. Знаковыми вехами на этом пути стали изобретение Блезом Паскалем первого механического калькулятора в XVII столетии и революционный станок Жаккара с перфокартным управлением в XIX веке[5].

Поворотным моментом стала разработка Аланом Тьюрингом концепции универсального вычислительного устройства в 1937 году. Двумя годами позже публику впечатлил механический андроид Electro, представленный вместе с роботизированным псом Sparco в Нью-Йорке. Однако настоящий прорыв в создании интеллектуальных программных систем произошел только после завершения Второй мировой войны[6].

Фундаментальное видение будущего искусственного интеллекта было изложено Тьюрингом в его революционной публикации 1950 года «Вычислительные машины и разум». Центральной темой работы стал вопрос о способности машин к мышлению. Именно здесь был представлен знаменитый критерий оценки машинного интеллекта, впоследствии получивший название «тест Тьюринга».

Сам термин «artificial intelligence» вошел в научный оборот благодаря Джону Маккарти, создателю языка Lisp, который впервые употребил это словосочетание на научной конференции в Дартмутском университете в 1956 году. Впоследствии термин прочно закрепился как в научных кругах, так и в повседневном употреблении[7].

В современном дискурсе высших эшелонов власти и представителей бизнес-сообщества все отчетливее звучит мысль о первостепенной значимости искусственного интеллекта в формировании грядущего миропорядка[8]. Особенно показательна позиция президента В.В. Путина, подчеркивающего, что доминирование в сфере ИИ-технологий станет определяющим фактором экономического превосходства на международной арене. При этом глава государства с оптимизмом оценивает потенциал страны, отмечая наличие необходимой интеллектуальной базы и образовательной инфраструктуры[9].

Воздействие технологий искусственного интеллекта на повседневную реальность демонстрирует устойчивую тенденцию к усилению. Современные достижения в этой области уже воплотились в целом ряде впечатляющих разработок: от автономных транспортных средств и интеллектуальных систем поддержки образовательного процесса до передовых бионических конечностей для людей с ампутациями и роботизированных помощников в сфере медицинского ухода[10].

Современное развитие технологий оказывает значительное влияние на все сферы жизни, включая правосудие. ИИ уже активно применяется в различных отраслях права, включая гражданское судопроизводство.

Регламентация сферы искусственного интеллекта на законодательном уровне пока не имеет унифицированного международного подхода. Пионером в этой области выступила Южная Корея, где в 2008 году вступил в силу первый в мировой практике нормативный акт, затрагивающий вопросы ИИ и робототехники - Закон о развитии и распространении умных роботов (Intelligent Robots Development and Distribution Promotion).

Значимой вехой в развитии правового регулирования искусственного интеллекта стало принятие в 2018 году Европейской этической хартии о применении ИИ в правосудии - первого межгосударственного документа, определяющего принципы использования технологий искусственного интеллекта в судебной практике. В этом документе выделены основные принципы использования ИИ в судебной системе:

1. Принцип уважения фундаментальных прав – требует, чтобы разработка и внедрение ИИ-решений в судебных системах обеспечивали справедливое правосудие и защищали основные права граждан.

2. Принцип недискриминации – исключает любую форму дискриминации между участниками судебного процесса при использовании ИИ.

3. Принцип качества и безопасности – устанавливает, что обработка судебных данных должна осуществляться исключительно с использованием сертифицированных источников и надежных технологий, обеспечивающих их защиту.

4. Принцип прозрачности, беспристрастности и достоверности – обязывает применять понятные и

---

[4] Зараменских Е. Гонка решений на базе искусственного интеллекта: игроки ускоряются // URL: https://www.finam.ru/publications/item/gonka-resheniy-na-baze-iskusstvenno-intellekta-igroki-uskoryayutsya-20230209-1557 (дата обращения: 06.02.2025).

[5] Искусственный интеллект [Электронный ресурс]. URL: https://iot.ru/wiki/iskusstvennyy-intellekt (дата обращения: 06.02.2025).

[6] Что такое искусственный интеллект? [Электронный ресурс] // ForkLog. URL: https://forklog.com/cryptorium/ai/chto-takoe-iskusstvennyj-intellekt (дата обращения: 06.02.2025).

[7] Искусственный интеллект: что это такое и где он используется? [Электронный ресурс] // Цифровой Океан.РФ. URL: https://digitalocean.ru/n/iskusstvennyj-intellekt (дата обращения: 06.02.2025).

[8] Борисова Л.В. О понятии искусственного интеллекта и правовом режиме произведений, созданных им без творческого участия человека // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 8. С. 21-23.

[9] Владимир Путин поставил задачу добиться лидерства России в сфере технологий будущего // URL: https://www.1tv.ru/news/2019-07-10/368378 (дата обращения: 06.10.2025).

[10] Будущее искусственного интеллекта // URL: https://invlab.ru/texnologii/budushhee-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 06.020.2025).

доступные методы обработки данных, соответствующие требованиям нейтральности, объективности и достоверности.

5. Принцип контроля со стороны человека – гарантирует, что специалисты судебной системы могут пересматривать и корректировать решения, принятые искусственным интеллектом. Судья имеет право не соглашаться с предложенным алгоритмом решением и принимать собственное.

6. Право на традиционное судебное разбирательство – участник спора должен иметь возможность обратиться в суд без использования ИИ, а также право оспорить решение, вынесенное алгоритмом[11].

Мировая практика демонстрирует разнообразие подходов к стратегическому планированию развития ИИ-технологий. Соединенные Штаты в 2011 году запустили два ключевых проекта: National Robotics Initiative и Roadmap for US Robotics. Японские власти представили в 2015 году комплексный документ «Новая стратегия роботов», включающий обзор отрасли, стратегические ориентиры и план конкретных мероприятий. В 2017 году Китай обозначил свои амбиции в данной сфере, утвердив масштабный План развития технологий искусственного интеллекта. Подобные стратегические инициативы реализуются и другими государствами.

В российском правовом поле официальная дефиниция искусственного интеллекта закреплена в Федеральном законе № 123-ФЗ от 24.04.2020, регламентирующем экспериментальное правовое регулирование в сфере ИИ на территории Москвы[12]. Согласно статье 2 данного закона, искусственный интеллект определяется как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека».

Легальное определение искусственного интеллекта, закрепленное в Национальной стратегии развития ИИ до 2030 года[13], полностью совпадает с формулировкой, представленной в ФЗ № 123. При этом трактовка, предложенная в ГОСТ Р 43.0.5-2009, где ИИ характеризуется как «моделируемая интеллектуальная деятельность мышления человека», отличается меньшей точностью и практической применимостью. По справедливому замечанию С.Ю. Чучи, современные технологии позволяют лишь имитировать когнитивные функции, но не воспроизводить их полностью[14].

В международном правовом пространстве единого подхода к определению ИИ не выработано. Англо-американская правовая традиция тяготеет к практическому пониманию искусственного интеллекта через призму конкретных технологий и интеллектуальных систем[15].

Отечественная правовая доктрина проводит четкую демаркационную линию между понятиями «искусственный интеллект» и «робот». Ключевыми критериями разграничения выступают автономность существования ИИ вне физических устройств[16] и специфика мыслительных процессов[17]. В научном дискурсе принято выделять две основные категории искусственного интеллекта: «сильный», стремящийся воспроизвести работу человеческого мозга, и «слабый», ориентированный на решение специализированных задач[18].

В большинстве научных исследований искусственный интеллект рассматривается как программная или программно-аппаратная система, основанная на алгоритмах. В.Б. Наумов и Е.В. Тытюк определяют ИИ как алгоритм, обладающий рядом ключевых характеристик: он предназначен для обработки данных, способен анализировать информацию о внешней среде, функционирует автономно, а также имеет способность к самообучению без непосредственного вмешательства человека в процесс его работы[19].

Согласно И.В. Понкину и А.И. Редькиной, искусственный интеллект представляет собой сложную кибернетическую систему, включающую программные и аппаратные компоненты. Он обладает такими характеристиками, как самостоятельность, способность к моделированию, обучению и адаптации своих действий в зависимости от изменений окружающей среды.»[20].

В интерпретации И.В. Воробьевой и В.Д. Салахутдинова ключевой характеристикой искусственного интеллекта выступает его способность реализовывать функции, ранее доступные исключительно

---

[11] Совет Европы принял хартию о судебном применении искусственного интеллекта. URL: http://www.rapsinews.ru/international_news/20181204/292074043. (дата обращения: 07.02.2025).

[12] Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // СЗ РФ. 27.04.2020. № 17, ст. 2701.

[13] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

[14] Чуча С.Ю. Проблемы и перспективы внедрения элементов искусственного интеллекта в регулирование трудовых отношений // Проблемы трудового и социального права в условиях цифровой трансформации общества: сборник науч. трудов / редкол.: К.Л. Томашевский (отв. ред.) [и др.]. Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2023. С. 50; Он же. Предпосылки внедрения искусственного интеллекта в трудовые правоотношения // Трудовое и социальное право. 2022. № 4. С. 25.

[15] McCarthy J. Artificial Intelligence, Logic and Formalizing Common Sense. 1990. URL: http://jmc.stanford.edu/articles/ailogic.html (дата обращения: 06.02.2025).

[16] Габов А.В., Хаванова И.А. Эволюция роботов и право XXI в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 215.

[17] Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 84.

[18] Наумов В.Б., Тытюк Е.В. К вопросу о правовом статусе «творчества» искусственного интеллекта // Правоведение. 2018. Т. 62. № 3. С. 532.

[19] Там же. С. 534.

[20] Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2018. Т. 22. № 1. С. 91.

представителям живой природы, в первую очередь человеку. Такой подход акцентирует внимание на практической составляющей технологий ИИ и их роли в замещении биологического интеллекта[21].

По мнению автора настоящей статьи, главный недостаток представленных доктринальных определений ИИ заключается в том, что они акцентируют внимание на способах его реализации, тогда как эти механизмы могут значительно отличаться в зависимости от уровня научно-технического прогресса в конкретный исторический момент. При сравнении с человеком можно отметить, что при оценке его интеллектуальных способностей или дееспособности учитываются не анатомические особенности мозга, а функциональные проявления мышления и поведения. Точно так же в случае с искусственным интеллектом ключевым аспектом является не его техническая структура, а его искусственное происхождение, способность анализировать данные, обрабатывать информацию и принимать решения. При исследовании искусственного интеллекта целесообразно применять функциональный подход, основанный на принципе «черного ящика», где ключевое значение имеет не внутренняя архитектура системы, а ее способность обрабатывать информацию и решать поставленные задачи. Такой подход обеспечивает универсальность определения ИИ, не зависящую от текущего уровня технологического прогресса. При этом критерии эффективности ИИ варьируются в зависимости от сферы применения - будь то промышленность, здравоохранение, культура или оборонный комплекс.

Формулировка, закрепленная в ФЗ № 123 и Национальной стратегии, наиболее полно отражает данный подход. Существующая критика этого определения, основанная на сопоставлении с человеческими познавательными способностями[22], представляется недостаточно аргументированной, поскольку само понятие интеллекта неразрывно связано с человеческой природой. Данная дефиниция демонстрирует универсальность, охватывая как существующие, так и перспективные технологии ИИ.

В контексте гражданского судопроизводства научное сообщество выделяет два типа систем искусственного интеллекта: вспомогательные, поддерживающие работу судей, и автономные, способные самостоятельно выносить решения[23]. В российской судебной практике преобладает концепция «слабого» ИИ в роли «электронного помощника судьи», который дополняет, но не заменяет человека в процессе правосудия.

Современное правосудие, как справедливо подчеркивает К.В. Шундиков, неотделимо от цифровых технологий и электронного документооборота[24]. При этом, учитывая социальную значимость судебной системы и фундаментальные принципы гражданского судопроизводства, в частности, закрепленный в ст. 8 ГПК РФ[25] принцип независимости судей, контроль над отправлением правосудия должен оставаться прерогативой человека. Тем не менее, внедрение ИИ в качестве вспомогательного инструментария способно существенно оптимизировать судебную работу, автоматизировав процессы подготовки документации, включая проекты судебных решений.

Интеграция технологий искусственного интеллекта открывает новые горизонты для повышения качества и результативности судопроизводства[26]. Особую ценность представляет способность ИИ оперативно обрабатывать масштабные информационные массивы, что высвобождает время судей для углубленного анализа сложных аспектов рассматриваемых дел.

На этапе подготовки дела к судебному разбирательству потенциал ИИ может быть реализован в нескольких направлениях. Система способна автоматизировать формирование процессуальных документов, генерировать запросы и анализировать большие объемы данных. Цифровизация процессов регистрации и обработки поступающих материалов существенно ускоряет документооборот и повышает эффективность судопроизводства.

Д.О. Дрозд выделяет дополнительные перспективные области применения ИИ: разъяснение процессуального статуса участникам процесса через специализированные чат-боты, выявление неправомерных аргументов сторон с привлечением актуальной судебной практики, а также автоматизация выбора экспертов и принятия обеспечительных мер. Последнее может осуществляться в автоматическом режиме при условии защиты интересов ответчика через механизм встречного обеспечения посредством депозита суда[27].

На стадии непосредственного рассмотрения дела возможности применения искусственного интеллекта существенно ограничены, что обусловлено фундаментальными принципами правосудия. Согласно ст. 195 ГПК РФ, вынесение законного и обоснованного решения базируется на тщательном исследовании доказательств в процессе судебного

---

[21] Воробьева И.В., Салахутдинов В.Д. Проблемы правового регулирования искусственного интеллекта // Малышевские чтения - 2020. Наука и образование: будущее и цели устойчивого развития: материалы XVI Международной научной конференции: в 4 ч. / под ред. А.В. Семенова. М.: Московский университет имени С.Ю. Витте, 2020. Ч. 4. С. 62 - 72.

[22] Минбалеев А.В. Понятие «искусственный интеллект» в праве // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2022. № 6. С. 1097.

[23] Дрозд Д.О. «Процессуальные формы использования элементов искусственного интеллекта в современном арбитражном и гражданском судопроизводстве»: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2024. 249 с.

[24] Шундиков К.В. Искусственный интеллект в Российском правосудии: состояние и перспективы // Образование и право. 2023. № 8. С. 316.

[25] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 18.11.2002. № 46, ст. 4532

[26] Алехина А.О. Использование технологий искусственного интеллекта при отправлении правосудия // Заметки ученого. 2023. № 8. С. 250.

[27] Дрозд Д.О. «Процессуальные формы использования элементов искусственного интеллекта в современном арбитражном и гражданском судопроизводстве»: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2024. С. 178-182.

разбирательства, где определяющим фактором выступает внутреннее убеждение судьи, формируемое в рамках правового поля[28].

Идея полной замены судьи-человека искусственным интеллектом затрагивает глубокие биоэтические аспекты. Е.П. Русакова отмечает контраст между китайским обществом, где такая перспектива находит поддержку, и российским менталитетом, демонстрирующим преимущественно негативное отношение к подобной возможности. Исследователь аргументирует это принципиальными различиями в механизмах обработки информации: если человеческий мозг характеризуется двунаправленными нейронными связями, позволяющими гибко анализировать и корректировать поступающие данные, то искусственный интеллект функционирует линейно, без механизмов обратной связи и понимания нюансов правового регулирования, что ставит под сомнение его способность обеспечить справедливость и верховенство закона[29].

Алгоритмическая природа искусственного интеллекта, базирующаяся на заранее установленных человеком параметрах, создает потенциальную уязвимость при оценке фактических обстоятельств дела. Подобная предопределенность критериев анализа несет в себе риск формирования необъективных или даже несправедливых судебных решений.

Более того, существует целый комплекс технологических вызовов, препятствующих полной передаче судебных полномочий системам ИИ. К ним относятся возможные технические неполадки, погрешности в алгоритмах, потенциальные угрозы кибербезопасности, а также проблематика обеспечения надежной защиты процессуальных данных. Совокупность этих факторов делает преждевременным рассмотрение вопроса о замещении судьи-человека искусственным интеллектом.

По мнению автора статьи, несмотря на очевидные преимущества, ИИ **не может** полностью заменить судью, так как:

не обладает юридическим мышлением – не учитывает все нюансы и специфику конкретного дела;

не способен оценивать моральные и этические аспекты – суд должен учитывать не только нормы права, но и принципы справедливости;

возможны ошибки алгоритма – предвзятость, вызванная обучением на устаревших или некорректных данных;

ограничен рамками законодательства – не может применять судебное усмотрение или творческий подход к правоприменению.

В определенных формах судопроизводства, в частности приказном, где не требуется разрешение правового спора, допустимо привлечение технологий искусственного интеллекта для формирования финальных постановлений. Например, в соответствии со статьей 126 ГПК РФ, вынесение судебного приказа происходит без вызова участников процесса и судебного разбирательства. При этом функции ИИ носят преимущественно вспомогательный характер: автоматизация создания документов, их рассылки, а также оптимизация работы судебного аппарата через равномерное распределение нагрузки между судьями, мониторинг сроков и формирование графика заседаний[30].

При рассмотрении судебных дел искусственный интеллект способен автоматически фиксировать ход заседаний в протоколах, что особенно актуально при дистанционном формате слушаний, а также генерировать процессуальные документы и уведомления. Особую ценность представляет способность ИИ обрабатывать масштабные информационные массивы для ведения судебной статистики. Анализ Big Data позволяет оперативно обнаруживать несоответствия в правоприменительной практике, обеспечивать ее последовательность и содействовать в подготовке проектов постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Стоит подчеркнуть, что интеграция автоматизированных систем коммуникации (чат-ботов) могла бы значительно упростить процесс информирования участников процесса о деталях судебных заседаний, текущем статусе дела и предоставления процессуальных документов, включая итоговые решения и протоколы.

В области судебных доказательств технологии искусственного интеллекта приобретают особую значимость при определении их допустимости. В современных реалиях, когда технологии дипфейков становятся все более совершенными, ИИ может служить эффективным инструментом для обнаружения подделок и верификации подлинности предоставленных документов, включая их цифровые версии.

При апелляционном рассмотрении дел и реализации судебных постановлений искусственный интеллект, основываясь на комплексном анализе правоприменительной практики и нормативной базы, способен прогнозировать возможные осложнения. В частности, система может заблаговременно указать на потенциальные трудности в розыске имущества должников или местонахождения ответчиков.

Проведенный анализ позволяет заключить, что интеграция ИИ в гражданское судопроизводство должна осуществляться исключительно в качестве вспомогательного механизма. Несмотря на то, что искусственный интеллект не может подменить судью в принятии решений, его роль незаменима в обработке масштабных информационных массивов, автоматизации документооборота и оценке достоверности доказательственной базы. Это обуславливает необходимость создания правовой базы для

[28] Жеребкина Е.В., Жукова А.И. Цифровая трансформация в гражданском судопроизводстве // Современный ученый. 2024. № 6. С. 366-373.

[29] Русакова Е.П. Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубежом: опыт Китая, Индии, Сингапура, Европейского Союза, США, ЮАР и некоторых других стран: автореф. дис. … докт. юр. наук / Рос. ун-т дружбы народов. Москва, 2022. С. 15 – 16.

[30] Жеребкина Е.В., Жукова А.И. Искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве: проблемы законодательной регламентации // Образование и право. 2024. № 5. С. 330.

регулирования применения ИИ в качестве электронного ассистента судьи в гражданском процессе. Целесообразно внести соответствующие поправки в ГПК РФ, включив новую статью, регламентирующую понятийный аппарат, требования и пределы использования подобных технологий. В частности, следует законодательно закрепить термин «электронный помощник судьи» и дополнить п.3 ст. 47.1 ГПК РФ положением о запрете выполнения им функций по отправлению правосудия[31].

Некоторые страны уже предпринимают шаги в сторону законодательного закрепления ИИ в судопроизводстве. Эстония разрабатывает систему «электронного судьи» для рассмотрения малых исков (до 7 000 евро). Китай внедрил виртуальные суды, где дела рассматриваются с использованием ИИ и блокчейна. Франция ввела запрет на использование предиктивного правосудия для прогнозирования решений конкретных судей, чтобы избежать давления на них.

Проблематика распределения ответственности при использовании искусственного интеллекта в судебной системе требует особого внимания. Возникает закономерный вопрос о субъекте ответственности в случае технических сбоев или ошибок ИИ - будь то некорректный анализ доказательственной базы или погрешности при подготовке судебных документов.

В данном контексте необходимо определить, кто должен нести юридическую ответственность: компания-разработчик программного обеспечения, представители судебной власти или государственные органы в целом? Этот вопрос приобретает особую актуальность, учитывая, что последствия таких ошибок могут существенно повлиять на судьбы участников процесса и законность принимаемых решений.

Установление четкого механизма ответственности становится критически важным элементом правового регулирования применения систем искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве. Это требует тщательной проработки соответствующих нормативных положений с учетом специфики взаимодействия человека и машины в судебной системе.

Может ли гражданин обжаловать решение, принятое с участием ИИ, и на каких основаниях?

Как исключить возможность манипуляции алгоритмами и предвзятости при вынесении судебных решений?

Возможные пути решения обозначенных проблем видятся нам в следующем:

– закрепление в ГПК процедуры пересмотра решений, принятых с участием ИИ;

– определение ответственности за ошибки ИИ на уровне судебной системы и разработчиков программного обеспечения.

Заключение

На основании изложенного, можно сделать следующие выводы:

Внедрение ИИ позволяет автоматизировать рутинные юридические задачи, такие как анализ документов, подготовка процессуальных бумаг, систематизация доказательств и правоприменительной практики. Это снижает нагрузку на судей и секретариаты, сокращая сроки рассмотрения дел.

Искусственный интеллект может анализировать судебную практику, находить релевантные правовые нормы и предлагать варианты решений на основе накопленного опыта. Это особенно важно при рассмотрении сложных гражданских дел, требующих учета прецедентов и детального анализа законодательства.

Использование алгоритмов ИИ способствует повышению объективности судебных решений, минимизируя влияние субъективных факторов, таких как эмоциональное восприятие дела судьей или сторонним экспертом.

Цифровизация судебных процессов и внедрение ИИ позволяют ускорить процедуры рассмотрения дел и облегчить доступ граждан к правосудию. Автоматизированные юридические помощники могут помочь гражданам подготовить исковые заявления и ориентироваться в процессуальных вопросах.

Искусственный интеллект способен прогнозировать возможные исходы судебных процессов, что полезно как для судей, так и для сторон процесса. Это позволяет участникам оценивать перспективы спора и выбирать оптимальные стратегии защиты своих прав.

Несмотря на очевидные преимущества, использование ИИ в гражданском судопроизводстве связано с рядом проблем.

На данный момент законодательство большинства стран, включая Россию, не содержит четкого регулирования использования ИИ в судебной системе. Это затрудняет определение его полномочий, степени ответственности, а также границ допустимого применения в процессе рассмотрения гражданских дел.

При вынесении судебного решения важен вопрос ответственности за возможные ошибки ИИ. Если алгоритм допустит неточность или некорректно интерпретирует данные, остается неясным, кто будет нести ответственность – разработчики, суд, государство или сам искусственный интеллект.

Судебное разбирательство должно основываться на принципах законности, независимости судей, состязательности и равенства сторон. Использование ИИ может повлиять на восприятие данных принципов, если алгоритмы будут иметь приоритет перед субъективной оценкой судьи.

ИИ способен анализировать законы и судебную практику, но не может учитывать человеческие ценности, нравственные нормы и социальный контекст, которые часто играют ключевую роль в гражданском

[31] Жеребкина Е.В., Жукова А.И. Искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве: проблемы законодательной регламентации // Образование и право. 2024. № 5. С. 330.

судопроизводстве. Решения, основанные исключительно на алгоритмах, могут оказаться несправедливыми или неприменимыми в конкретных ситуациях.

Общество пока не готово полностью доверять искусственному интеллекту принятие решений, особенно в таких значимых сферах, как правосудие. Многие граждане и юристы скептически относятся к возможности ИИ заменить или даже помочь судье в вынесении справедливого решения.

Алгоритмы ИИ обучаются на больших объемах данных, но если эти данные содержат предвзятые решения, система может наследовать и усугублять существующие проблемы. Это может привести к несправедливому распределению решений в зависимости от социальных, этнических или иных факторов.

Многие современные системы искусственного интеллекта работают по принципу «черного ящика», когда даже разработчики не могут полностью объяснить процесс принятия решений системой. Это противоречит принципу прозрачности судебного разбирательства.

ИИ анализирует огромные массивы информации, но если данные содержат ошибки, устаревшие или противоречивые сведения, алгоритм может привести к неправильным выводам. В гражданском судопроизводстве ошибки при рассмотрении дел могут нанести серьезный ущерб сторонам спора.

Использование ИИ в судебной системе требует обработки конфиденциальной информации. Это увеличивает риски кибератак, взлома систем и утечки персональных данных участников судебных разбирательств.

Итак, ИИ может служить полезным инструментом для оптимизации работы судов, но пока он не способен заменить человека при принятии судебных решений. Для безопасного внедрения технологий ИИ в правосудие необходимо разработать четкие регламентирующие нормы, обеспечивающие прозрачность, справедливость и защиту прав граждан.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 18.11.2002. № 46, ст. 4532

2. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // СЗ РФ. 27.04.2020. № 17, ст. 2701.

3. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

4. Алехина А.О. Использование технологий искусственного интеллекта при отправлении правосудия // Заметки ученого. 2023. № 8. С. 250.

5. Борисова Л.В. О понятии искусственного интеллекта и правовом режиме произведений, созданных им без творческого участия человека // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 8. С. 21-23.

6. Будущее искусственного интеллекта // URL: https://invlab.ru/texnologii/budushhee-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 06.020.2025).

7. Владимир Путин поставил задачу добиться лидерства России в сфере технологий будущего // URL: https://www.1tv.ru/news/2019-07-10/368378 (дата обращения: 06.10.2025).

8. Воробьева И.В., Салахутдинов В.Д. Проблемы правового регулирования искусственного интеллекта // Малышевские чтения - 2020. Наука и образование: будущее и цели устойчивого развития: материалы XVI Международной научной конференции: в 4 ч. / под ред. А.В. Семенова. М.: Московский университет имени С.Ю. Витте, 2020. Ч. 4. С. 62 - 72.

9. Габов А.В., Хаванова И.А. Эволюция роботов и право XXI в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 215.

10.Дрозд Д.О. Процессуальные формы использования элементов искусственного интеллекта в современном арбитражном и гражданском судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2024. 249 с.

11.Жеребкина Е.В., Жукова А.И. Искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве: проблемы законодательной регламентации // Образование и право. 2024. № 5. С. 330.

12.Жеребкина Е.В., Жукова А.И. Цифровая трансформация в гражданском судопроизводстве // Современный ученый. 2024. № 6. С. 366-373.

13.Зараменских Е. Гонка решений на базе искусственного интеллекта: игроки ускоряются // URL: https://www.finam.ru/publications/item/gonka-resheniy-na-baze-iskusstvenno-intellekta-igroki-uskoryayutsya-20230209-1557 (дата обращения: 06.02.2025).

14.Искусственный интеллект [Электронный ресурс]. URL: https://iot.ru/wiki/iskusstvennyy-intellekt (дата обращения: 06.02.2025).

15.Искусственный интеллект: что это такое и где он используется? [Электронный ресурс] // Цифровой Океан.РФ. URL: https://digitalocean.ru/n/iskusstvennyj-intellekt (дата обращения: 06.02.2025).

16.Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 84.

17.Минбалеев А.В. Понятие «искусственный интеллект» в праве // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2022. № 6. С. 1097.

18.Наумов В.Б., Тытюк Е.В. К вопросу о правовом статусе «творчества» искусственного интеллекта // Правоведение. 2018. Т. 62. № 3. С. 532.

19.Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2018. Т. 22. № 1. С. 91.

20.Совет Европы принял хартию о судебном применении искусственного интеллекта. URL: http://www.rapsinews.ru/international_news/20181204/292074043. (дата обращения: 07.02.2025).

21.Русакова Е.П. Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубежом: опыт Китая, Индии, Сингапура, Европейского Союза, США, ЮАР и некоторых других стран: автореф. дис. … докт. юр. наук / Рос. ун-т дружбы народов. Москва, 2022. С. 15 – 16.

22.Что такое искусственный интеллект? [Электронный ресурс] // ForkLog. URL: https://forklog.com/cryptorium/ai/chto-takoe-iskusstvennyj-intellekt (дата обращения: 06.02.2025).

23.Чуча С.Ю. Предпосылки внедрения искусственного интеллекта в трудовые правоотношения // Трудовое и социальное право. 2022. № 4. С. 25.

24.Чуча С.Ю. Проблемы и перспективы внедрения элементов искусственного интеллекта в регулирование трудовых отношений // Проблемы трудового и социального права в условиях цифровой трансформации общества: сборник науч. трудов / редкол.: К.Л. Томашевский (отв. ред.) [и др.]. Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2023. С. 50.

25.Шундиков К.В. Искусственный интеллект в Российском правосудии: состояние и перспективы // Образование и право. 2023. № 8. С. 316.

26.McCarthy J. Artificial Intelligence, Logic and Formalizing Common Sense. 1990. URL: http://jmc.stanford.edu/articles/ailogic.html (дата обращения: 06.02.2025).

Artificial Intelligence in Civil Litigation

Saburov I.Ya.

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

In modern conditions of digital transformation artificial intelligence (hereinafter - AI) becomes an important tool in various spheres of public life, including civil proceedings. The article considers the legal status and potential of using AI technologies in court proceedings, analyses the opportunities and limitations of their implementation, and discusses the prospects of normative legal regulation of this direction.

One of the key aspects of the study is the analysis of the advantages of AI application in civil proceedings, among which are acceleration of case processing, improvement of accuracy of information processing, automation of routine tasks, reduction of court workload and minimisation of the human factor in decision-making. Special attention is paid to the functioning of intelligent systems in predicting court decisions, analysing court practice and forming recommendations for judges.

At the same time, attention is emphasised on the legal risks and ethical problems of using AI in the judicial sphere. The article discusses the issues of possible errors of algorithms, ensuring transparency of decisions, compliance with the principles of independence and impartiality of the court.

The author emphasises the need to create a clear regulatory framework capable of ensuring a balance between the efficiency of the courts and the protection of the rights of the participants in the judicial process. The development of AI in civil proceedings requires a comprehensive approach that includes technical, legal and ethical aspects, as well as international regulatory experience.

Keywords: Civil proceedings neural network, artificial intelligence, application of artificial intelligence, responsibility for the use of artificial intelligence.

References

1. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 18.11.2002. No. 46, Art. 4532
2. Federal Law of 24.04.2020 No. 123-FZ "On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in the constituent entity of the Russian Federation - the federal city of Moscow and amending Articles 6 and 10 of the Federal Law "On Personal Data" // Collected Legislation of the Russian Federation. 27.04.2020. No. 17, Art. 2701.
3. Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (together with the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030) // SZ RF. 2019. No. 41. Art. 5700.
4. Alekhina A.O. Use of Artificial Intelligence Technologies in the Administration of Justice // Notes of a Scientist. 2023. No. 8. P. 250.
5. Borisova L.V. On the Concept of Artificial Intelligence and the Legal Regime of Works Created by It without Human Creative Participation // Actual Problems of Russian Law. 2024. No. 8. P. 21-23.
6. The Future of Artificial Intelligence // URL: https://invlab.ru/texnologii/budushhee-iskusstvennogo-intellekta (accessed: 06.020.2025).
7. Vladimir Putin set the task of achieving Russia's leadership in the field of future technologies // URL: https://www.1tv.ru/news/2019-07-10/368378 (accessed: 06.10.2025).
8. Vorobyova I.V., Salakhutdinov V.D. Problems of legal regulation of artificial intelligence // Malyshev readings - 2020. Science and education: the future and goals of sustainable development: materials of the XVI International scientific conference: in 4 parts / edited by A.V. Semenov. Moscow: Moscow University named after S.Yu. Witte, 2020. Part 4. Pp. 62 - 72.
9. Gabov AV, Khavanova IA Evolution of robots and the law of the 21st century // Bulletin of Tomsk State University. 2018. No. 435. P. 215.
10. Drozd DO Procedural forms of using elements of artificial intelligence in modern arbitration and civil proceedings: dis. ... Cand. of Law. Moscow, 2024. 249 p.
11. Zherebkina EV, Zhukova AI Artificial intelligence in civil proceedings: problems of legislative regulation // Education and Law. 2024. No. 5. P. 330.
12. Zherebkina EV, Zhukova AI Digital transformation in civil proceedings // Modern scientist. 2024. No. 6. P. 366-373.
13. Zaramenskikh E. The race for solutions based on artificial intelligence: players are accelerating // URL: https://www.finam.ru/publications/item/gonka-resheniy-na-baze-iskusstvenno-intellekta-igroki-uskoryayutsya-20230209-1557 (accessed: 06.02.2025).
14. Artificial intelligence [Electronic resource]. URL: https://iot.ru/wiki/iskusstvennyy-intellekt (accessed: 06.02.2025).
15. Artificial intelligence: what is it and where is it used? [Electronic resource] // Digital Ocean.RF. URL: https://digitalocean.ru/n/iskusstvennyj-intellekt (date accessed: 06.02.2025).
16. Laptev V.A. The concept of artificial intelligence and legal liability for its work // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2019. No. 2. P. 84.

17. Minbaleev A.V. The concept of "artificial intelligence" in law // Bulletin of Udmurt University. Series "Economics and Law". 2022. No. 6. P. 1097.
18. Naumov V.B., Tytyuk E.V. On the issue of the legal status of the "creativity" of artificial intelligence // Jurisprudence. 2018. Vol. 62. No. 3. P. 532.
19. Ponkin I.V., Redkina A.I. Artificial Intelligence from the Point of View of Law // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series "Legal Sciences". 2018. Vol. 22. No. 1. P. 91.
20. The Council of Europe adopted a charter on the judicial application of artificial intelligence. URL: http://www.rapsinews.ru/international_news/20181204/292074043. (date of access: 07.02.2025).
21. Rusakova E.P. The Impact of Digitalization on Civil Procedure in Russia and Abroad: The Experience of China, India, Singapore, the European Union, the USA, South Africa and Some Other Countries: author's abstract. dis. ... doctor of legal sciences / Ros. Peoples' Friendship University. Moscow, 2022. Pp. 15 - 16.
22. What is Artificial Intelligence? [Electronic resource] // ForkLog. URL: https://forklog.com/cryptorium/ai/chto-takoe-iskusstvennyj-intellekt (date of access: 06.02.2025).
23. Chucha S. Yu. Prerequisites for the introduction of artificial intelligence in labor relations // Labor and social law. 2022. No. 4. P. 25.
24. Chucha S. Yu. Problems and prospects for the introduction of elements of artificial intelligence in the regulation of labor relations // Problems of labor and social law in the context of the digital transformation of society: collection of scientific. works / editorial board: K.L. Tomashevsky (editor) [and others]. Minsk: Intern. MITSO University, 2023. Page 50.
25. Shundikov K.V. Artificial Intelligence in Russian Justice: Status and Prospects // Education and Law. 2023. No. 8. Page 316.
26. McCarthy J. Artificial Intelligence, Logic and Formalizing Common Sense. 1990. URL: http://jmc.stanford.edu/articles/ailogic.html (accessed: 06.02.2025).

Исковая давность в гражданском праве, материально-правовые и профессионально-правовые аспекты

Солдатова Мария Михайловна
аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Maria749621@gmail.com

В современном обществе возникают проблемы с применением сроков исковой давности, что требует научного исследования для понимания дальнейших перспектив развития законодательства в данной сфере. Законодательство, регулирующее сроки исковой давности, проходит обзорный анализ в статье. Определение сроков исковой давности, хотя закреплено в нормах гражданского права, вызывает много вопросов у сторон споров и правоприменителей. Изучение научного познания включает использование разнообразных общенаучных методов, таких как формально-юридический, сравнительно-правовой, формально-логический и другие. В статье рассматривается важность установления сроков исковой давности как средства обеспечения стабильности гражданского оборота и предотвращения злоупотреблений субъектами своими правами. Важное значение в реализации защиты гражданских прав и имущественной ответственности субъектов имеет исковая давность. Этот срок для защиты права по иску лица, права которого нарушены, способствует соблюдению порядка и стабильности в отношениях между субъектами. Стороны в правоотношениях под воздействием этого института гражданского права проявляют заботу об осуществлении и защите своих прав заблаговременно.

Ключевые слова: исковая давность, срок, требование, исчисление исковой давности, приостановление срока исковой давности, возобновление срока исковой давности, сроки в гражданском праве, защита гражданских прав, право на защиту, толкование права.

Исковая давность является одним из основных институтов гражданского права, так как практически все гражданско-правовые отношения связаны с временной протяженностью и институтом сроков, включая исковую давность [8, с.43].

Понятие исковой давности, определенное в статье 195 Гражданского кодекса РФ, означает временной лимит для защиты права через суд у лица, чье право нарушено. Недостаточная ясность законодательного определения создает ряд проблем, связанных с исковой давностью. Установленные законом сроки исковой давности обусловливают условия защиты нарушенного субъективного права в суде, что делает это правило актуальным всегда и везде: в каждый период времени и в каждой системе права [3].

Юридический срок, не имеющий четкого определения в законодательстве, описывается в толковом русском словаре как промежуток времени или момент наступления последствий из-за истечения определенного времени. Согласно классификации юридических фактов, срок относится к волевым событиям, но не является сам по себе событием, так как стороны имеют возможность влиять на его течение. Например, можно ускорить или замедлить наступление обязательств, а также прервать давность исковыми требованиями. Следовательно, связь между сроком и временем является относительной и зависит от действий участников гражданско-правовых отношений.

Следовательно, истечение срока исковой давности является законом установленной мерой для защиты права по иску человека, право которого нарушено. Важно выделять два понятия иска: иск в материальном смысле и иск в процессуальном контексте. Право на иск в материальном плане представляет собой возможность принудительного восстановления, нарушенного субъективного гражданского права. Это право связано с определенными сроками исковой давности, превышение которых приводит к утрате возможности принудительного восстановления субъективного права по требованию ответчика [10, с. 67].

В процессуальном плане право на обращение в суд для защиты нарушенного субъективного права или охраняемого законом интереса называется правом на иск. Исковая давность не применима к данному праву, и возможность подачи искового заявления не ограничена временными рамками.

Отсутствие материального права на иск может послужить причиной для отказа в удовлетворении

требований, выдвигаемых в иске, однако не является препятствием для принятия искового заявления. Суд, арбитраж или третейский суд рассматривают требование о защите нарушенного права без учета исковой давности.

Общий срок исковой давности устанавливается в три года.

Для отдельных видов требований законом могут устанавливаться специальные сроки исковой давности, сокращенные или более длительные по сравнению с общим сроком. Сроки исковой давности и порядок их исчисления не могут быть изменены соглашением сторон.

Требование о защите нарушенного права принимается к рассмотрению судом независимо от истечения срока исковой давности. Исковая давность применяется судом только по заявлению стороны в споре, сделанному до вынесения судом решения. Истечение срока исковой давности, о применении которой заявлено стороной в споре, является основанием к вынесению судом решения об отказе в иске.

Течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права. По обязательствам с определенным сроком исполнения течение исковой давности начинается по окончании срока исполнения [9, с. 53].

По обязательствам, срок исполнения которых не определен либо определен моментом востребования, течение исковой давности начинается с момента, когда у кредитора возникает право предъявить требование об исполнении обязательства, а если должнику предоставляется льготный срок для исполнения такого требования, исчисление исковой давности начинается по окончании указанного срока. По регрессным обязательствам течение исковой давности начинается с момента исполнения основного обязательства.

Перемена лиц в обязательстве не влечет изменения срока исковой давности и порядка его исчисления.

Течение срока исковой давности приостанавливается:

-если предъявлению иска препятствовало чрезвычайное и непредотвратимое при данных условиях обстоятельство (непреодолимая сила);

-если истец или ответчик находится в составе Вооруженных Сил, переведенных на военное положение;

-в силу установленной на основании закона Правительством Российской Федерации отсрочки исполнения обязательств (мораторий);

-в силу приостановления действия закона или иного правового акта, регулирующего соответствующее отношение (ст. 202 ГК РФ) [3].

Течение срока исковой давности приостанавливается при условии, если указанные обстоятельства возникли или продолжали существовать в последние шесть месяцев срока давности, а если этот срок равен шести месяцам или менее шести месяцев — в течение срока давности.

Со дня прекращения обстоятельства, послужившего основанием приостановления давности, течение ее срока продолжается. Остающаяся часть срока удлиняется до шести месяцев, а если срок исковой давности равен шести месяцам или менее шести месяцев — до срока давности [5, с. 81].

Течение срока исковой давности прерывается предъявлением иска в установленном порядке, а также совершением обязанным лицом действий, свидетельствующих о признании долга. После перерыва течение срока исковой давности начинается заново; время, истекшее до перерыва, не засчитывается в новый срок (ст. 203 ГК РФ) [3].

Если иск оставлен судом без рассмотрения, то начавшееся до предъявления иска течение срока исковой давности продолжается в общем порядке.

Если судом оставлен без рассмотрения иск, предъявленный в уголовном деле, то начавшееся до предъявления иска течение срока исковой давности приостанавливается до вступления в законную силу приговора, которым иск оставлен без рассмотрения; время, в течение которого давность была приостановлена, не засчитывается в срок исковой давности. При этом если остающаяся часть срока менее шести месяцев, она удлиняется до шести месяцев (ст. 204 ГК РФ) [3].

В исключительных случаях, когда суд признает уважительной причину пропуска срока исковой давности по обстоятельствам, связанным с личностью истца (тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т.п.), нарушенное право гражданина подлежит защите. Причины пропуска срока исковой давности могут признаваться уважительными, если они имели место в последние шесть месяцев срока давности, а если этот срок равен шести месяцам или менее шести месяцев — в течение срока давности (ст. 205 ГК РФ) [3].

Должник или иное обязанное лицо, исполнившее обязанность по истечении срока исковой давности, не вправе требовать исполненное обратно, хотя бы в момент исполнения указанное лицо и не знало об истечении давности.

С истечением срока исковой давности по главному требованию истекает срок исковой давности и по дополнительным требованиям (неустойка, залог, поручительство и т.п.).

Исковая давность не распространяется на [8, с.224]:

-требования о защите личных неимущественных прав и других нематериальных благ, кроме случаев, предусмотренных законом;

-требования вкладчиков к банку о выдаче вкладов;

-требования о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина. Однако требования, предъявленные по истечении трех лет с момента возникновения права на возмещение такого вреда, удовлетворяются за прошлое время не более чем за три года, предшествовавшие предъявлению иска;

-требования собственника или иного владельца об устранении всяких нарушений его права, хотя бы

эти нарушения не были соединены с лишением владения;

Если определять в отраслях российского права принадлежность исковой давности к институтам этих отраслей, то очевидна смешанная природа данного явления, ведь нормы о рассматриваемых сроках имеют как материальную, так процессуальную природу [10, 94].

Суть дискуссии отражается и в том, что в гражданском праве используются формулировки в форме долженствования (пример: «должен знать» или «обязан»), что дает неоднозначную картину в определении субъективного или объективного критерия исковой давности.

Неоднозначным является и то положение, что физическое лицо вправе защищать свои права основываясь на своей дееспособности и правоспособности, жизненном опыте и сложившимися конкретными обстоятельствами. Отметим, что это касается дееспособных граждан, которые вольны самостоятельно отстаивать свою защиту, но будет ли это касаться недееспособных или лиц с ограниченной дееспособностью в их ситуациях в полной мере осуществляя свои гражданские права, как «обычные» граждане, что является неким камнем преткновения в гражданском законодательстве.

Также стоит отметить, что сроки исковой давности следует различать от иных сроков в существующем в гражданском праве, поскольку последние могут иметь совершенно другие, укороченные сроки, как например в защите исключительных прав, или же иметь бессрочный характер, как противодействие терроризму [9, с. 67].

Фиксируем тот факт, что можно сделать неоднозначный, но все же вывод о том, концепция исковой давности, как способа защиты прав бывает невозможна из-за присутствия объективных факторов невозможности юридической защиты, что и вызывает противоречия.

Иванов А.А. указывает нам на то, что в гражданских правоотношениях изменения срока действия исковой давности, а именно его десятилетний объективный срок играет важную роль для принципа определенности в праве. Особый акцент, при этом делается на императивность сроков, и связано это с правовым регулированием касаемо правоотношений. Но, как показывает практика, после начала или окончания этого срока сильно страдает правовая определённость для участников гражданского оборота, поскольку существует множество факторов и условий изменения срока, что, как следствие, вызывает у них непонимания какими нормативно- правовыми актами пользоваться для защиты свои прав [5, с. 65].

Учтем то обстоятельство, что продолжительность срока в некоторых случаях не имеет значения, если само дело и его объективные факты лежат на поверхности, но существует и обратная сторона, когда для подготовки и нахождении нужных доказательств требуется намного больше времени, чем вышеупомянутые условия. Это доказывает, что данная тема является дискуссионной и требует тщательного изучения, чтобы учесть все факторы и привести в баланс всевозможные обстоятельства.

Из этого можно сделать соответствующий вывод о том, что законодательная база подстроилась под определенные течение социально-экономической жизни общества, и, как следствие, возникают противоречия, что не дает однозначного характера в отношении применения норм права в судебных разбирательствах, тем самым создавая с одной стороны сложность ведения процессов, а с другой отсутствие унификации правовой базы и возникновение отсутствие четкого понимания у граждан своих возможностей при защите нарушенных прав после судебного процесса.

Подводя итог, стоит сказать о том, что проблематика и специфика искового права остаются по сей день актуальной для российского законодательства. Главной целью Российской Федерации должно являться то, что каждый ее гражданин сможет без всяких затруднений защитить нарушенные права, основываясь на понятных и четких законных основаниях. Отсюда следует то, что законодательная база несовершенна и требует модернизации и унификации.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок от 04.10.2022) // Российская газета. — 2022.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации" от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Российская газета, № 220, 20.11.2002.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, Ст. 3301,

4. О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности : Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43. — Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочная правовая система. — Москва. — URL : http://www.coNsultaNt.ru/docume№t/co№s_doc_LAW_37800/ — Загл. с титул. экрана. (дата обращения 31.03.2025).

5. Иванов А.А. Проблемы изменения начала течения десятилетней объективной исковой давности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – №8. – С. 64-74.

6. Макарова Е.А. Правовая природа срока исковой давности / Современное право России: проблемы и перспективы: Материалы IV Международной научно-практической конференции. - М.: Издательство Института мировых цивилизаций, 2020. - 580 с.

7. Саенко Л. В., Щербакова Л. Г. Актуальные проблемы гражданского права и процесса. М.: Юрайт, 2024. 287 с.

8. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. М.: Юрайт, 2024. 1017 с.

9. Чашкова С. Ю. Актуальные проблемы защиты гражданских прав. М.: Юрайт, 2023. 137 с.

10.Шаблова Е. Г. Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права. М.: Юрайт, 2022. 94 с.

Limitation period in civil law, substantive and professional legal aspects

Soldatova M.M.
Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

In modern society, there are problems with the use of limitation periods, which requires scientific research to understand further prospects for the development of legislation in this area. The article examines the legislation governing the limitation period. The definition of the limitation period, although fixed in the norms of civil law, raises many questions among the parties to disputes and law enforcement agencies. The study of scientific knowledge involves the use of a variety of general scientific methods, such as formal legal, comparative legal, formal logical, and others. The article discusses the importance of setting limitation periods as a means of ensuring the stability of civil turnover and preventing the abuse of their rights by subjects.

The statute of limitations is important in the implementation of the protection of civil rights and property liability of subjects. This period, in order to protect the right of a person whose rights have been violated, contributes to maintaining order and stability in relations between subjects. The parties in legal relations, under the influence of this institution of civil law, take care of the exercise and protection of their rights in advance.

Keywords: statute of limitations, term, statement of claim, calculation of the statute of limitations, suspension of the statute of limitations, renewal of the statute of limitations, limitation periods in civil law, protection of civil rights, right to defense, interpretation of the law.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account amendments of 04.10.2022) // Rossiyskaya Gazeta. -2022.
2. The Civil Procedure Code of the Russian Federation" of 14.11.2002 No. 138-FZ // Rossiyskaya Gazeta, No. 220, 20.11.2002.
3. The Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, 05.12.1994, No. 32, Art. 3301,
4. On some issues related to the application of the norms of the Civil Code of the Russian Federation on the limitation period: Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 29, 2015 No. 43. - Text: electronic // ConsultantPlus: reference legal system. - Moscow. - URL: http://www.coNsultaNt.ru/docume№t/coNs_doc_LAW_37800/ - Title with the title. screen. (date of access 03/31/2025).
5. Ivanov A.A. Problems of changing the beginning of the ten-year objective limitation period // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. - 2017. - No. 8. - P. 64-74.
6. Makarova E.A. Legal nature of the limitation period / Modern law of Russia: problems and prospects: Materials IV International Scientific and Practical Conference. - M.: Publishing House of the Institute of World Civilizations, 2020. -580 p.
7. Saenko L. V., Shcherbakova L. G. Actual problems of civil law and procedure. M.: Yurait, 2024. 287 p.
8. Sklovsky K. I. Property in civil law. M.: Yurait, 2024. 1017 p.
9. Chashkova S. Yu. Actual problems of protection of civil rights. M.: Yurait, 2023. 137 p.
10. Shablova E. G. Actual problems of civil and entrepreneurial law. M.: Yurait, 2022. 94 p.

Правовое регулирование доходов супругов от предпринимательской деятельности и проблемы их раздела при расторжении брака

Терехов Евгений Александрович
аспирант, ФГБОУ ВО «НГУЭУ», eaterehov@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования доходов супругов от предпринимательской деятельности в России. Анализируются особенности включения таких доходов в состав общего имущества супругов, проблемы определения их состава и порядка раздела при расторжении брака. Отмечается отсутствие в российском законодательстве понятия «семейное предпринимательство» и связанные с этим правовые коллизии. Также рассматриваются актуальные правовые проблемы, возникающие при разделе имущества супругов, вовлеченного в коммерческий оборот. Анализируются пробелы в законодательстве, а именно отсутствие четких критериев раздела бизнеса и проблемы оценки стоимости активов.
Ключевые слова: доходы супругов, раздел имущества, коммерческий оборот, предпринимательская деятельность, судебная практика, оценка бизнеса, правовые пробелы.

Введение

Раздел имущества супругов – сложная правовая категория, особенно если имущество используется в предпринимательской деятельности. Актуальность исследования обусловлена отсутствием в российском законодательстве четкого правового регулирования доходов супругов от предпринимательской деятельности. Вопрос о правовом режиме таких доходов имеет большое значение, как для супругов, так и для третьих лиц – контрагентов, кредиторов, налоговых органов. Также в российском законодательстве отсутствуют четкие критерии разграничения личного и совместного имущества. В особенности это касается случаев, когда один супруг вложил совместные средства в бизнес, а другой не участвовал в его ведении. Проблема усугубляется отсутствием унифицированных правил оценки стоимости бизнеса, что влияет на справедливость раздела имущества. Отсутствие регулирования данных категорий приводит к множеству правовых проблем и судебных споров. Действующая законодательная база не учитывает особенностей ведения бизнеса в семейных отношениях, что приводит к правовой неопределенности.

Литературный обзор. Правовая основа исследования включает нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы раздела имущества супругов, вовлеченного в коммерческий оборот. В основе исследования лежат положения Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса РФ, Гражданского процессуального кодекса РФ, Налогового кодекса РФ, Семейного кодекса РФ. Эмпирическую основу исследования составляют акты судебной практики, включая определения Конституционного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ, а также определения и обзоры Верховного Суда РФ и арбитражных судов. Также проанализированы работы множества авторов в данной сфере. Большое количество исследований посвящены брачному договору, но реже брачному договору супругов-предпринимателей (Г.А. Трофимова, С.Г. Побережный). Попытку комплексного анализа правового режима доходов супругов от предпринимательской деятельности предпринимает О.В. Яшин. Традиционно большое внимание уделяется разделу имущества при расторжении брака супругов, в том числе и супругов-предпринимателей (А.Н. Левушкин, Н.В. Летова, Т.В. Краснова, Ю.А. Метелева). Особо стоит отметить вклад в развитие доктринальных исследований предпринимательской деятельности супругов

доктора юридических наук, профессора А.Н. Левушкина, работы которого затрагивают вопросы семейного предпринимательства как феномена с позиций правовых исследований в цивилистической парадигме, проблемы применения прав супругов при осуществлении предпринимательской деятельности. Левушкин говорит о семейном бизнесе как о сложной категории на стыке экономики и права, социально-экономической связи членов семьи, которая представляет собой совокупность имущественных и неимущественных отношений, в рамках которых реализуются права и обязанности супругов в сфере предпринимательской деятельности и непосредственное её ведение.

Материалы и методы. Методология исследования включает использование общих научных и специальных правовых методов. Общие методы, такие как анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнительный и исторический методы, а также системный подход, позволяют детально изучить предмет исследования, выявить его внутренние связи и зависимости. Правовые методы включают формально-юридический метод для анализа законодательства и судебных актов, метод толкования права для глубокого понимания содержания правовых норм и их применения.

Результаты исследования и их обсуждение. В соответствии со статьей 34 Семейного кодекса РФ доходы от предпринимательской деятельности относятся к общему имуществу супругов [1]. Однако отсутствует четкое определение момента включения таких доходов в общее имущество, что создает правовую неопределенность. Судебная практика исходит из того, что моментом включения доходов в общее имущество является дата возникновения права на них, а не фактическое получение денежных средств. Кроме того, отсутствует дифференциация доходов с учетом понесенных расходов, что может приводить к нарушению интересов одного из супругов. Обойден вниманием законодателя и момент включения таких доходов в общее имущество.

Определение понятия «доход» сегодня содержится только в статье 41 НК РФ, где доходом признается экономическая выгода в денежной или натуральной форме, учитываемая в случае возможности ее оценки и в той мере, в которой такую выгоду можно оценить [2]. Такая выгода определяется в соответствии с выбранной субъектом предпринимательства системой налогообложения, регламентирующей порядок включения поступлений в денежной и в натуральной формах в состав доходов. Установленные в НК РФ правила продиктованы фискальными интересами государства и задачами облегчения процедур налогового администрирования.

Для целей налогообложения доходы и расходы фиксируются документально, они могут быть исчислимы на основе первичных документов по понятному правилу, и оценены исходя из их смысла и содержания. Этот вывод подтверждается, например, практикой определения величины алиментных обязательств предпринимателей, исчисляемых именно с доходов от предпринимательской деятельности за вычетом сумм понесенных расходов, связанных с осуществлением такой деятельности [3]. При этом вычет расходов производится в случае их подтверждения вне зависимости от выбранного предпринимателем режима налогообложения, но только на основании документов, которые в соответствии с требованиями налогового законодательства обосновывают понесенные расходы [4].

Что касается момента признания доходов в составе общего имущества, то Верховным судом РФ сформулирована позиция, в соответствии с которой определяющим будет тот момент времени, когда возникло право на доход от предпринимательской деятельности у супруга. Если это право возникло в браке, то не имеет значения момент фактического получения денежных средств, даже если такое поступление имело место после расторжения брака – доходы подлежат разделу [5]. Судом также подтвержден «налоговый» подход к определению размера дохода с учетом понесенных расходов, и определено бремя доказывания их обоснованности супругу-предпринимателю.

Неоднозначность таких расходов, которая заключается в том, что некоторые траты носят двойственный характер, может быть предметом злоупотреблений и нарушать права второго супруга. Например, приобретение мебели возможно как для целей бизнеса, как и для личных нужд предпринимателя и даже уже его новой семьи, при этом расходование средств может вестись непосредственно с его расчетных счетов.

Говоря о распоряжении частью дохода путем несения предпринимательских расходов, необходимо отметить, что в России законодатель не обособляет то имущество гражданина, которое он использует в предпринимательской деятельности [6, с. 2].

В ситуации исключительно рамочной законодательной регламентации, решение проблем, связанных с доходами супругов от предпринимательской деятельности, видится в развитии института брачного договора. Учитывая судебный подход, включения в брачный договор требуют вопросы признания за вторым супругом той части дохода, которая остается в распоряжении предпринимателя. Они могут быть разрешены либо путем указания в договоре права второго супруга на долю дохода или условия о содержании (путем периодического перечисления второму супругу определенной денежной суммы). Однако основным вопросом, является вопрос принадлежности имущества, приобретенного за счет доходов от предпринимательской деятельности. Так как в ситуациях семейных конфликтов требуется именно справедливый раздел совместно нажитого в браке имущества.

Брачный договор позволяет установить режим совместной, долевой или раздельной собственности на все имущество супругов, на его отдельные виды или на имущество каждого из супругов [7, с. 92]. Вариант, при котором все бизнес-активы по договору будут принадлежать только супругу-предпри-

нимателю заведомо рискован (хотя и широко распространен), так как ставит второго супруга в неравное положение и может быть оспорен как вторым супругом, так и, например, в процедурах банкротства. Установление равной долевой собственности не решит проблем при наступлении конфликтных ситуаций и необходимости раздела такого имущества, а также осложняет вопросы ведения предпринимательской деятельности. Тенденции судебной практики последних лет по вопросам раздела супружеской собственности позволяют говорить о том, что складывается деление «по объектам», в том числе вытекающее из заинтересованности супругов в конкретном объекте как, например, указывается в п. 3 судебной практики Верховного Суда РФ №4 (2018) [8]. В этой связи установление в брачном договоре справедливого раздельного владения именно самостоятельными объектами видится наиболее перспективным. В ситуации, когда речь идет об одном объекте или неделимом комплексе, целесообразно заранее предусмотреть размер или порядок определения компенсации, которая в таком случае должна причитаться второму супругу.

Также в отличие от недвижимости или банковских вкладов, оценка стоимости бизнеса является сложной и субъективной процедурой. Отсутствуют единые правила, что приводит к значительным расхождениям в судебной практике. Разные методики могут приводить к существенным расхождениям в итоговых оценках, что затрудняет справедливое разделение имущества. В силу субъективного подхода к оценке бизнеса судебная практика в этом вопросе разнится. Суд может принять во внимание рыночную стоимость, балансовую оценку или доходный метод, что влияет на конечные результаты раздела имущества. Вклад одного из супругов может выражаться не только в денежных средствах, но и в управленческих решениях, репутации, деловых связях [9, с. 12]. Это усложняет определение справедливой доли второго супруга. Если бизнес создавался во время брака, но средства на его запуск были получены из личных накоплений одного из супругов, может возникнуть спор о принадлежности активов. Отсутствие четких норм в Семейном кодексе РФ приводит к сложностям при разделе. Необходимо разработать и закрепить нормативные критерии, по которым имущество, используемое в предпринимательской деятельности, должно признаваться совместным либо личным. В частности, Семейный кодекс РФ должен включать положения о том, как учитывать нематериальный вклад одного из супругов в бизнес (например, управленческие решения, деловые связи, репутацию). Также следует уточнить нормы, касающиеся источников финансирования бизнеса при определении его принадлежности к совместно нажитому имуществу. Для обеспечения справедливости раздела активов важно разработать единые методические рекомендации по оценке стоимости бизнеса при разделе имущества супругов. Это позволит избежать субъективности при судебных разбирательствах. Обобщение судебной практики и создание разъяснений высших судебных инстанций позволит снизить количество спорных ситуаций и упростить процедуру раздела имущества.

Заключение. Правовой режим доходов супругов от предпринимательской деятельности в России требует уточнения и совершенствования. Введение понятия «семейного предпринимательства», установление четких критериев учета доходов и расходов, а также развитие института брачного договора позволят снизить правовую неопределенность и повысить защиту имущественных прав супругов. Разработка новых правовых механизмов, регулирующих раздел предпринимательских доходов, позволит устранить существующие пробелы в законодательстве и повысить уровень правовой защиты супругов. Отсутствие четких норм в законодательстве относительно раздела имущества супругов, вовлеченного в коммерческий оборот, создает значительные правовые проблемы. Необходимы изменения в законодательстве, направленные на регулирование данных вопросов, а также единая методика оценки бизнеса. Совершенствование судебной практики также станет важным шагом к справедливому разрешению споров.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации: Федер. Закон от 29.12.1995 № 223- ФЗ : принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г. : [ред. от 31 июл. 2023 г.] // Собрание законодательства РФ. — 01.01.1996. — № 1. — ст. 16.

2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 31 июл. 1998 г. № 146-ФЗ : принят Гос. Думой 16. июл. 1998 г. : одобрен Советом Федерации 17.07.1998 г. : [ред. от 29 мая 2023 г.] // Российская газета. — № 148-149. — 06.08.1998.

3. Перечень видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей: постановление Правительства РФ от 02.11.2021 №1908// Собрание законодательства Российской Федерации.-2021.-№ 46.- ст. 7706

4. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ, Минфина России и Министерства образования и науки РФ от 29.11.2013 № 703н/112н/1294 // Российская газета - 24.01.2014. - № 15.

5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020) // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/documents/practice/28993/ (дата обращения 28.02.2025)

6. Нарбекова, А. В., Предпринимательская деятельность супруга / А. В. Нарбекова, Т. И. Нестерова // Огарёв-Online. - 2020. - №14 (151). – С. 1-9.

7. Дергунова, В. А. Брачный договор как инструмент предотвращения корпоративных конфликтов в случае развода или смерти одного из супругов / В. А. Дергунова // Имущественные отношения в РФ. - 2024. - №9 (276). – С. 91-97.

8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018 г.) (ред. от 01.06.2022) // Официальный сайт Верховного суда РФ . URL: https://www.vsrf.ru/documents/practice/27317/ (дата обращения 18.10.2024).

9. Локтионова, Е. Ю. Актуальные вопросы правового регулирования раздела супружеского имущества / Е. Ю. Локтионова // Скиф. - 2020. - №12(52). – С. 7-13.

Legal regulation of spouses' income from entrepreneurial activity and issues of its division upon divorce

Terekhov E.A.

Novosibirsk State University of Economics and Management «NSUEU»

This article examines the legal regulation of spouses' income from entrepreneurial activities in Russia. It analyzes the inclusion of such income in the common property of spouses, the challenges in determining its composition, and the procedure for its division in the event of divorce. The absence of the concept of "family entrepreneurship" in Russian legislation and the resulting legal conflicts are highlighted. The article also explores pressing legal issues related to the division of spouses' property involved in commercial transactions. Legislative gaps are analyzed, particularly the lack of clear criteria for business division and the challenges of asset valuation.

Keywords: spouses income, property division, commercial transactions, entrepreneurial activity, judicial practice, business valuation, legal gaps.

References

1. Family Code of the Russian Federation: Federal Law of 29.12.1995 No. 223-FZ: adopted by the State Duma on 8 December 1995: [as amended on 31 July 2023] // Collected Legislation of the Russian Federation. — 01.01.1996. — No. 1. — Art. 16.
2. Tax Code of the Russian Federation (part one): Federal Law of 31 July 1998 No. 146-FZ: adopted by the State Duma on 16 July 1998: approved by the Federation Council on 17.07.1998: [as amended on 29 May 2023] // Rossiyskaya Gazeta. — No. 148-149. — 06.08.1998.
3. List of types of wages and other income from which alimony for minor children is withheld: RF Government Resolution of 02.11.2021 No. 1908 // Collected Legislation of the Russian Federation.-2021.-No. 46.- Art. 7706
4. Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation, the Ministry of Finance of Russia and the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of 29.11.2013 No. 703n / 112n / 1294 // Rossiyskaya Gazeta - 24.01.2014. - No. 15.
5. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2020) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 10.06.2020) // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://vsrf.ru/documents/practice/28993/ (date of access 02/28/2025)
6. Narbekova, A. V., Entrepreneurial activity of the spouse / A. V. Narbekova, T. I. Nesterova // Ogarev-Online. - 2020. - No. 14 (151). - P. 1-9.
7. Dergunova, V. A. Marriage contract as a tool for preventing corporate conflicts in the event of divorce or death of one of the spouses / V. A. Dergunova // Property relations in the Russian Federation. - 2024. - No. 9 (276). - P. 91-97.
8. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4 (2018) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 26.12.2018) (as amended on 01.06.2022) // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://www.vsrf.ru/documents/practice/27317/ (date of access 18.10.2024). 9. Loktionova, E. Yu. Current issues of legal regulation of the division of marital property / E. Yu. Loktionova // Skif. - 2020. - No. 12 (52). - P. 7-13.

Правовое регулирование использования цифровых валют в международных расчетах (международный опыт)

Ерпелев Егор Дмитриевич
аспирант, Дипломатическая Академия МИД России,
e.erpelev@yandex.ru

Кабирова Лейсан Ильдаровна
аспирант, МГИМО МИД России, leisan.kabirova.98@mail.ru

Статья посвящена изучению существующего регулирования использования цифровых валют в трансграничных расчетах с акцентом на перспективы использования стейблкоинов и цифровых валют центральных банков в качестве средств международного платежа. Исследуется опыт стран-членов БРИКС в регулировании цифровых валют, а также существующие источники «мягкого» права в виде рекомендаций международных структур по данному вопросу. Исследуется вопрос о возможных вызовах и угрозах, связанных с использованием цифровых валют в международных расчетах, а также дается прогноз по возможному развитию такого регулирования.
Ключевые слова: международные расчеты, трансграничные платежи, цифровые валюты центральных банков, стейблкоины, ФАТФ, МВФ, БРИКС.

Введение

Цифровые валюты становятся важным элементом современной финансовой системы, трансформируя способы проведения расчетов и взаимодействия между участниками международной торговли. Их использование в трансграничных платежах значительно повышает скорость расчетов и снижает затраты на переводы, что делает их использование крайне востребованным.

Актуальность данного исследования связана с необходимостью анализа правового регулирования цифровых валют, которое является важным аспектом для обеспечения их безопасного и эффективного применения. С учетом увеличивающейся популярности цифровых валют важно разобраться в том, как разные государства адаптируют свои правовые системы к новым вызовам, возникающим в процессе их внедрения.

Целью данного исследования является всесторонний анализ правового регулирования цифровых валют в контексте международных расчетов. Кроме того, в ходе исследования будет уделено внимание определению основных проблем, связанных с использованием цифровых валют, таких как вопросы безопасности, защиты прав потребителей, налогового регулирования и борьбы с отмыванием денег. Все эти аспекты являются ключевыми для формирования эффективной и безопасной правовой среды, способствующей развитию цифровых валют в международных расчетах.

Правовое регулирование цифровых валют в рамках БРИКС

Для начала определимся, какие же виды цифровых финансовых инструментов представляют для нас наибольший интерес. С точки зрения наращивания прозрачного, стабильного и в должной степени упорядоченного порядка международных расчетов перспективнее всего выглядят т.н. стейблкоины и цифровые валюты центральных банков.

Использование стейблкоинов и центральных банковских цифровых валют (ЦВЦБ) в трансграничных платежах открывает перед государствами широкий спектр преимуществ, которые могут значительно изменить существующий финансовый ландшафт. К числу этих преимуществ можно отнести, прежде всего, снижение транзакционных издержек, что делает международные переводы более доступными и выгодными для пользователей. Кроме того, такие технологии способны ускорить процессы расчетов, что особенно важно в условиях глобализированного мира, где время имеет решающее зна-

чение и наибольшую ценность. Также стоит отметить, что внедрение стейблкоинов и ЦВЦБ может повысить финансовую доступность международных расчетов, позволяя большему числу экономоператоров, в том числе из развивающихся стран, получить доступ на внешние рынки. Но, при всех вышеперечисленных преимуществах, данные виды цифровых валют нуждаются в определенном регулировании – как на международном, так и на национальном уровне. Кратко рассмотрим основные тенденции в национальных режимах стейблкоинов и цифровых валют центральных банков на примере отдельных государств-членов БРИКС.

В Бразилии стейблкоины становятся предметом активного обсуждения в рамках финансового регулирования. Центральный банк Бразилии рассматривает возможность внедрения цифрового реала, что может повлиять на существующие стейблкоины. В 2021 году была принята новая законодательная инициатива, направленная на создание четкой правовой базы для криптовалют, включая стейблкоины, с акцентом на защиту потребителей и предотвращение отмывания денег. Параллельно в Бразилии активно обсуждаются различные меры по регулированию стейблкоинов, с целью обеспечения их безопасности и защиты прав потребителей. Регулирование может включать в себя установление стандартов для эмитентов стейблкоинов, а также создание механизмов для мониторинга их использования, что поможет предотвратить возможные финансовые риски и мошенничество. Примечательно также то, что вопрос о создании национальной криптовалютной платформы бразильские власти решили тоже весьма креативно – в 2020 г. Центральный банк Бразилии анонсировал проект цифрового реала и объявил о проведении Lift Challenge – конкурса по разработке мультивалютной платформы для цифровых финансов, на основе результатов которого были отобраны проекты наиболее подходящие для реализации такой платформы [5].

В России регулирование стейблкоинов находится на стадии проработки. Ранее Центральный банк России высказывался против использования стейблкоинов, которые не имеют обеспечения в виде фиатных валют, однако в 2023 году началась проработка возможности легализации стейблкоинов, обеспеченных рублем. Важным аспектом является необходимость соблюдения требований к идентификации пользователей и борьбе с финансовыми преступлениями.

В Индии стейблкоины также вызывают интерес у регуляторов. В 2022 году правительство представило законопроект о криптовалютах, который включает положения о стейблкоинах. Регуляторы подчеркивают необходимость создания четкой правовой структуры для обеспечения прозрачности и защиты инвесторов. В то же время, Резервный банк Индии отказался от запуска цифровой рупии, посчитав такую инициативу преждевременной и неперспективной, что может повлиять на популярность использования стейблкоинов в стране.

Китай является одним из лидеров в разработке ЦВЦБ и активно тестирует цифровой юань. В то же время, использование стейблкоинов в Китае ограничено, и регуляторы проявляют осторожность в отношении их интеграции в финансовую систему. В 2021 году власти ужесточили контроль над криптовалютами, что также затронуло стейблкоины, и акцентировали внимание на необходимости соблюдения строгих правил.

В ЮАР регулирование стейблкоинов находится в зачаточном состоянии. В 2022 году был опубликован обзорный акт местного центрального банка, который рассматривает возможность создания регулируемой среды для криптовалют, включая стейблкоины. Регулятор ограничился общими формулировками, подчеркнул важность защиты потребителей и предотвращения финансовых преступлений, а также необходимость создания четкой правовой базы для операций с цифровыми активами.

Таким образом, страны БРИКС активно работают над созданием национальных регуляторных рамок для стейблкоинов, учитывая как их потенциал для улучшения финансовых услуг, так и риски, связанные с их использованием. Эти усилия направлены на обеспечение безопасности финансовой системы и защиту прав потребителей, что является важным шагом в развитии цифровой экономики в регионе.

Вместе с тем цифровые валюты центральных банков становятся все более значимыми в рамках стратегий стран БРИКС, направленных на модернизацию и оптимизацию своих финансовых систем.

Так, в России был принят закон о цифровом рубле, который четко регулирует его использование в качестве платежного средства, открывая новые горизонты для финансовых технологий и упрощая процесс расчетов как для граждан, так и для бизнеса. Южная Африка, в свою очередь, проводит эксперименты с цифровым рандом, исследуя возможности использования ЦВЦБ для повышения финансовой прозрачности и улучшения платежной инфраструктуры. Бразилия также рассматривает возможность внедрения цифрового реала, что подчеркивает общий тренд среди стран БРИКС к исследованию и внедрению цифровых валют.

Эти инициативы свидетельствуют о стремлении стран БРИКС использовать цифровые валюты для повышения эффективности, безопасности и прозрачности финансовых операций, а также для укрепления своих позиций на мировой экономической арене. Регулирование ЦВЦБ и стейблкоинов в этих странах направлено на создание стабильной и безопасной финансовой среды, что может способствовать развитию международной торговли и инвестиционной привлекательности.

На сегодняшний день более 90 стран, включая Россию, активно участвуют в разработке и внедрении национальных проектов, связанных с ЦВЦБ, которые предназначены как для розничных, так и для оптовых платежей. Это свидетельствует о глобальном тренде, направленном на внедрение цифровых валют, что может существенно изменить ландшафт финансовых систем в будущем [7].

Подходы стран БРИКС к регулированию цифровых валют, включая стейблкоины, имеют как общие

черты, так и значительные различия. Общим является стремление к созданию правовой базы, обеспечивающей безопасность и устойчивость финансовой системы. Однако различия возникают из-за специфики экономических и политических условий каждой страны. Тем не менее, страны БРИКС объединяет стремление к интеграции цифровых валют в свои финансовые системы, что способствует их адаптации к новым вызовам глобальной экономики.

Регулирование стран БРИКС, несмотря на различия в подходах, объединено общими целями в регулировании цифровых валют. К числу этих целей относятся обеспечение финансовой стабильности, предотвращение отмывания денег и финансирования терроризма, а также защита потребителей.

Важным аспектом является то, что государственная теория денег, подвергшаяся резкой критике в экономической науке в начале XX в., получила не только теоретическое развитие, но и эмпирическое подтверждение на протяжении XX века [3]. Это подчеркивает, что развитие цифровых валют является не просто современным трендом, но и частью более широких изменений в финансовой системе, требующих комплексного подхода к регулированию и международному сотрудничеству.

Цифровые валюты, с одной стороны, оказывают значительное влияние на трансграничные платежи, упрощая и ускоряя финансовые операции. С другой стороны, их потенциал может быть использован для укрепления регионального сотрудничества и снижения зависимости от традиционных финансовых посредников. Кроме того, использование криптовалют экономоператорами в международных расчетах может рассматриваться как новая форма взаимодействия в стремительно меняющемся мире.

Международные подходы к правовому регулированию цифровых валют

Общие тенденции в регулировании цифровых валют

Регулирование цифровых валют прошло значительную эволюцию с момента их появления. Изначально первые криптовалюты, такие как биткоин, воспринимались как инновационные инструменты, не требующие строгого надзора. Тем не менее, с ростом их популярности и использованием в различных финансовых операциях, включая трансграничные платежи, регуляторы начали осознавать необходимость правового регулирования. Это свидетельствует о том, что изменения в финансовых системах требуют комплексного подхода к регулированию и внедрению цифровых валют, учитывающего различные аспекты, такие как международные стандарты и местные особенности. При этом, как отмечает ряд ученых, трансграничные расчеты и платежи традиционно осуществлялись на основе международного корреспондентского банкинга, однако в последние годы в связи с активным развитием цифровых технологий появились возможности по формированию новых моделей построения систем трансграничных расчетов и платежей [4]. Это подчеркивает важность адаптации существующих финансовых систем к новым реалиям, что требует комплексного подхода к регулированию и внедрению цифровых валют. Каким же образом можно достичь такого подхода? Разумеется, посредством регулирования на международном уровне.

Одной из ключевых проблем в регулировании цифровых валют является недостаточная гармонизация подходов между странами. В этом контексте компании и пользователи имеют возможность выбирать юрисдикции с менее строгими правилами. Сложности в согласовании стандартов для трансграничных операций подчеркивают необходимость более тесного международного сотрудничества. Как отмечают отдельные представители международно-правовой доктрины, проблемы с трансграничными платежами и их совместимость делают мультивалютные международные платежи более сложными, чем их внутренние аналоги [1].

Международные организации играют ключевую роль в стандартизации регулирования цифровых валют, предоставляя рекомендации и руководства для обеспечения согласованности подходов различных стран. Их деятельность направлена на минимизацию рисков, связанных с использованием цифровых валют, таких как отмывание денег, финансирование терроризма и обеспечение финансовой стабильности. В условиях глобализации финансовых потоков и растущего использования цифровых активов координация между странами становится все более важной для предотвращения регуляторных разрывов и обеспечения прозрачности.

И такую функцию берут на себя международные органы и институты, такие как Международный валютный фонд, Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) и Совет по финансовой стабильности (СФС). Эти организации выполняют функции разработки стандартов и рекомендаций, направленных на снижение рисков, связанных с цифровыми валютами, формируя таким образом «мягкое» правовое регулирование для сферы криптоактивов. Эти усилия способствуют формированию глобальных стандартов, которые могут быть адаптированы на национальном уровне.

Рекомендации международных организаций оказывают значительное влияние на региональное и национальное регулирование цифровых валют. Например, директива AMLD № 5 Европейского Союза, основанная на рекомендациях ФАТФ, ввела требования по регулированию криптовалютных бирж и поставщиков криптоуслуг (равно как и более известный регламент MICAR). Аналогично, отчет СФС о регулировании стейблкоинов стал основой для разработки национальных подходов в ряде стран. Это демонстрирует, как международные стандарты могут быть интегрированы в национальные нормативно-правовые акты, способствуя гармонизации регулирования.

Процесс гармонизации стандартов, несмотря на усилия международных организаций, сталкивается с рядом вызовов. Одной из ключевых проблем является различие в уровне экономического развития стран, что приводит к разнообразным подходам к регулированию цифровых валют. Национальные

интересы и особенности правовых систем также могут препятствовать внедрению единых стандартов. Это подчеркивает необходимость усиления международного сотрудничества и разработки более универсальных рекомендаций, учитывающих различия между странами.

Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) играет ключевую роль в формировании рекомендаций для регулирования цифровых валют. Организация разрабатывает стандарты, направленные на предотвращение использования виртуальных активов в незаконной деятельности. В 2019 году ФАТФ выпустила руководство по регулированию виртуальных активов и их поставщиков, которое обновляется на ежегодной основе. Эти рекомендации включают требования по идентификации пользователей и мониторингу транзакций, что способствует повышению прозрачности операций с цифровыми валютами [9].

Рекомендации ФАТФ направлены на создание эффективной системы предотвращения финансовых преступлений с использованием цифровых валют. Организация требует от стран-членов внедрения правил «знай своего клиента» («know-your-client» principle) для всех поставщиков услуг в сфере виртуальных активов, что обеспечивает идентификацию участников транзакций и минимизирует риски незаконного использования цифровых валют. Важным шагом в этом направлении стало обновление стандартов ФАТФ в 2022 г., включающее положения о децентрализованных финансовых платформах (DeFi), что расширяет охват регулирования на новые формы цифровых активов. Как отмечается в доктрине, фундамент международных стандартов в отношении виртуальных валют был заложен в Руководстве ФАТФ по применению риск-ориентированного подхода для провайдеров услуг по обмену конвертируемой виртуальной валюты [2].

Совет по финансовой стабильности (СФС) активно участвует в разработке рекомендаций для обеспечения стабильности финансовой системы на фоне роста популярности цифровых валют. В 2021 году СФС совместно с Международным валютным фондом опубликовали отчет о принципах и подходах к регулированию стейблкоинов, в котором выделили ключевые риски для финансовой стабильности, такие как возможные нарушения денежно-кредитной политики и угрозы ликвидности. При этом совет акцентирует внимание на необходимости создания согласованных международных стандартов для минимизации этих рисков и обеспечения устойчивости глобальной финансовой системы [10].

Совет рекомендует внедрять меры, направленные на предотвращение системных рисков, связанных с использованием цифровых валют. Орган акцентирует внимание на важности международной координации для устранения арбитража регулирования между государствами, что может привести к неравномерному распределению рисков и уязвимостей. Кроме того, СФС подчеркивает необходимость регулирования и жесткого контроля за использованием глобальных стейблкоинов, которые могут оказать значительное влияние на мировую экономику, если их использование не будет должным образом контролироваться.

ФАТФ, МВФ и СФС активно взаимодействуют в процессе формирования международных стандартов регулирования цифровых валют. Такое сотрудничество позволяет учитывать широчайший спектр вопросов - как аспекты предотвращения финансовых преступлений, так и вопросы финансовой стабильности. Например, рекомендации ФАТФ по внедрению правил для поставщиков цифровых финансовых услуг дополняют усилия СФС по минимизации системных рисков, создавая комплексный подход к регулированию цифровых активов. Это взаимодействие способствует гармонизации стандартов и их эффективному применению на международном уровне.

Несмотря на усилия ФАТФ и СФС, реализация их рекомендаций сталкивается с рядом вызовов – как в практико-технической, так и в правовой сферах. Одной из основных проблем является различие в подходах к регулированию цифровых валют между странами, что затрудняет гармонизацию стандартов. Кроме того, быстрое развитие технологий, таких как децентрализованные платформы, требует постоянного обновления рекомендаций, что создает дополнительную нагрузку на регуляторов. Для преодоления этих вызовов необходимо усиление международного сотрудничества и адаптация стандартов к новым реалиям цифровой экономики.

Проблемы и вызовы использования цифровых валют в международных расчетах

Безусловно, использование цифровых валют в международных расчетах порождает новые вызовы. Самые основные их них можно разделить на три основных направления.

Во-первых, существует риск фрагментации финансовой системы, когда различные страны могут внедрять свои собственные цифровые валюты с различными стандартами и протоколами. Это может затруднить транзакции между странами и привести к увеличению затрат на конвертацию валют.

Во-вторых, особенно актуальными становятся вопросы кибербезопасности. Уязвимости в системах, использующих цифровые валюты, могут привести к утечкам данных, мошенничеству и другим преступлениям. Это требует от стран разработки надежных механизмов защиты и совместной работы для обеспечения безопасности международных расчетов.

Третьим вызовом является необходимость создания новых регуляторных рамок, которые смогут эффективно управлять рисками, связанными с использованием цифровых валют. Это включает в себя необходимость координации между странами, чтобы избежать регуляторной арбитражи, когда компании могут выбирать более мягкие юрисдикции для своих операций.

Также одной из ключевых проблем, связанных с использованием цифровых валют, является обеспечение безопасности и конфиденциальности данных пользователей. Несмотря на то, что технологии блокчейна предоставляют высокий уровень защиты

данных, они не являются полностью защищенными от кибератак. Кроме того, конфиденциальность транзакций также вызывает вопросы, так как данные о транзакциях могут быть использованы для отслеживания действий пользователей, что ставит под угрозу их приватность.

Еще одной значительной угрозой для пользователей цифровых валют являются риски мошенничества и потери средств. Мошенничество может принимать различные формы, такие как фишинг, схемы Понци, взломы криптокошельков и т.д. Пользователи, не обладающие достаточными знаниями о безопасности криптовалют, находятся в зоне повышенного риска. Эти угрозы подчеркивают необходимость разработки и внедрения эффективных мер защиты пользователей цифровых валют.

Операционные вызовы также играют важную роль в процессе интеграции цифровых валют в международные расчеты. Одной из главных проблем является необходимость адаптации существующих операционных систем финансовых учреждений к использованию цифровых валют. Это требует значительных инвестиций в технологии, модернизации оборудования и обучения персонала. По данным исследований МВФ, такие изменения накладывают дополнительное финансовое и временное бремя на организации, что может замедлить процесс внедрения цифровых валют. Кроме того, координация между различными участниками финансового рынка становится более сложной, что создает дополнительные риски для международных расчетов.

Перспективы развития правового режима стейблкоинов и цифровых валют центральных банков

Введение цифровых валют центральных банков и стейблкоинов может существенно изменить международные расчеты, повысив их эффективность и прозрачность. Однако для достижения этих целей необходимо учитывать множество факторов, включая те проблемы и вызовы, которые ранее были нами перечислены. В перспективе ключевыми направлениями в этой сфере станут разработка унифицированных международных регуляторных подходов и создание координационных механизмов для согласования действий между странами.

Авторы поддерживают мнение Г.В. Семеко о том, что совершенствование транснациональных платежных сетей в цифровых валютах может быть достигнуто через несколько ключевых направлений, а именно [6]:

1. Обеспечение совместимости между национальными платежными системами. Это можно реализовать путем гармонизации нормативной правовой базы, что позволит различным странам согласовать свои правила и стандарты в области платежей. Гармонизация включает в себя создание единых требований к безопасности, идентификации пользователей и защиты данных, что значительно упростит процесс трансакций между различными системами. Это также поможет устранить правовые барьеры, которые могут возникать при международных расчетах, и повысит уровень популярности расчетов в цифровой форме и с использованием цифровых платформ.

2. Интеграция платежных систем с общим техническим интерфейсом. Данная интеграция может быть осуществлена на основе межгосударственных соглашений, которые обеспечат совместимость технологий и протоколов, используемых в разных странах. Важно, чтобы эти соглашения содержали четкие регуляторные рамки, определяющие права и обязанности сторон, а также механизмы разрешения споров. Создание общего технического интерфейса позволит платежным системам взаимодействовать друг с другом более эффективно, что сократит время обработки транзакций и снизит вероятность ошибок. Это также может включать унификацию стандартов API, которые упростят интеграцию и взаимодействие между различными цифровыми платформами. Регулирование в соглашениях поможет обеспечить безопасность и защиту данных пользователей, что является критически важным в условиях глобальной цифровой экономики.

3. Создание мультивалютных платформ для центральных банковских цифровых валют на основе технологии DLT. Это позволит создать единую экосистему для транзакций между различными валютами и обеспечит более высокую скорость и безопасность расчетов, а также снизит транзакционные издержки. Использование DLT позволит автоматизировать процессы, такие как клиринг и расчет, а также повысит уровень прозрачности и отслеживаемости транзакций, что в свою очередь укрепит доверие между участниками финансовых рынков. Вместе с тем, стоит отметить, что это наиболее сложный вариант регулирования трансграничных платежей в цифровых валютах, требующий большой проработки правовой «обвязки» в виде соответствующих соглашений и актов «мягкого» международного права.

Безусловно, без соответствующей регламентации правового режима платформ или способов интеграции и принципов гармонизации правовых подходов развитие цифровых платежных сетей по этим направлениям представляется затруднительным. В этом контексте наиболее перспективным представляется закрепление соответствующих положений на транснациональном уровне в рамках различных межгосударственных объединений, таких как БРИКС, в рамках которых использование цифровых валют в международных расчетах имеет значительный потенциал для развития трансграничной торговли.

Одновременно с этим для улучшения существующих подходов к регулированию цифровых валют необходимо учитывать рекомендации международных организаций и адаптировать их к национальным условиям. На практике это может включать разработку глобальных стандартов для обращения цифровых валют, создание платформ для обмена информацией между регуляторами и внедрение механизмов мониторинга и контроля за соблюдением правил. Кроме того, следует уделить внимание вопросам защиты прав пользователей и обеспечения

стабильности финансовых систем. Таким образом, координированные усилия на международном уровне позволят создать более устойчивую и безопасную правовую среду для цифровых валют и транснациональных платежей.

Заключение

В ходе проведенного исследования были изучены подходы к правовому регулированию использования стейблкоинов и цифровых валют в международных расчетах с акцентом на опыт стран БРИКС. Анализ показал, что использование цифровых валют становится важным элементом современных финансовых систем. Выявлены как общие тенденции, так и уникальные подходы к регулированию в этих странах. Кроме того, исследование раскрыло значимость международных стандартов и рекомендаций, разработанных такими организациями, как ФАТФ и СФС. Эти стандарты играют ключевую роль в обеспечении согласованности регулирования цифровых валют между странами и минимизации рисков, связанных с их использованием в трансграничных платежах.

Первым ключевым выводом является то, что гармонизация регулирования цифровых валют на национальном и международном уровнях остается важнейшей задачей. Различия в подходах к регулированию создают препятствия для их эффективного использования в международных расчетах. Вторым выводом стало понимание необходимости учета специфики цифровых валют, таких как стейблкоины, которые требуют отдельного подхода к регулированию из-за их потенциала для обеспечения стабильности финансовых систем.

Авторы считают перспективным развитие международных расчетных систем с использованием цифровых финансов, что возможно осуществить либо путем синхронизации национальных платежных систем, либо через интеграцию платежных систем с использованием единого платежного интерфейса, либо посредством создания международной мультивалютной платформы для обращения цифровых валют центральных банков, что стало бы уникальным опытом не имеющим прецедентов, а также было бы крайне полезным в качестве инструмента развития международной торговли в рамках межгосударственных объединений, таких как БРИКС.

Литература

1. Горбачева Т.А. Будущее трансграничных платежей с участием цифровых валют нескольких ЦБ // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление. — 2021. — № 3 (38). — С. 13–14.

2. Кинсбурская В.А. Требования ФАТФ по регулированию криптовалют: проблемы имплементации в национальное законодательство // Национальная безопасность / nota bene. — 2020. — № 4. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33856.

3. Кочергин Д. А. Современные модели систем цифровых валют центральных банков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. — 2021. — Т. 37. — Вып. 2. — С. 205–240.

4. Кузнецова В. В., Ларина О. И., Глазкова Н. Г. Развитие трансграничных платежей с использованием цифровых валют центральных банков // Региональная экономика. Юг России. — 2023. — Т. 11, № 2. — С. 35–47.

5. Перцева С. Ю. Потенциал цифрового рубля для трансграничного взаимодействия стран БРИКС // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2024. — № 4. — С. 132–133.

6. Семеко Г. В. Суверенная цифровая валюта: новые возможности для трансграничных платежей // Финансовый журнал. — 2022. — Т. 14. — № 4. — С. 108–121.

7. Шелепов А.В. Обзор политики по регулированию глобальных стейблкоинов и цифровых валют центральных банков в некоторых странах – членах «Группы двадцати» // Вестник международных организаций. — 2021. — Т. 16. — № 4. — С. 196–220.

8. Ярутин Я. К., Гуляева Е. Е. Международное и российское правовое регулирование оборота криптоактивов: понятийно-терминологическая корреляция // Journal of Digital Technologies and Law. — 2023. — Т. 1, № 3. — С. 725–751.

9. Руководство по риск-ориентированному подходу к виртуальным валютам. ФАТФ/ОЭСР. – 2021. Париж. URL: https://www.fatf-gafi.org/en/publications/fatfgeneral/documents/guidance-rba-virtual-currencies.html (дата обращения: 12.03.2025).

10. Сводный доклад Международного валютного фонда и Совета по финансовой стабильности: Политика в отношении криптоактивов. Подготовлен сотрудниками Международного валютного фонда и секретариата Совета по финансовой стабильности. Т. Адриан и Пленарное заседание ФСБ – 2023. URL: https://www.fsb.org/uploads/R070923-1.pdf (дата обращения: 12.03.2025).

Legal regulation of the digital currencies' implementation in international payments (global experience)

Erpelev E.D., Kabirova L.I.

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, MGIMO University

The article is devoted to the study of the existing regulation of the use of digital currencies in cross-border settlements with an emphasis on the prospects of using stablecoins and digital currencies of central banks as means of international payment. The article examines the experience of the BRICS member countries in regulating digital currencies, as well as existing sources of "soft" law in the form of recommendations from international structures on this issue. The article examines the possible challenges and threats associated with the use of digital currencies in international settlements, as well as provides a forecast for the possible development of such regulation.

Keywords: international settlements, cross-border payments, central bank digital currencies, stablecoins, FATF, IMF, BRICS.

References

1. Gorbacheva T.A. The Future of Cross-Border Payments Involving Digital Currencies of Several Central Banks // Bulletin of the Moscow University named after S.Yu. Witte.

Series 1. Economics and Management. — 2021. — No. 3 (38). — P. 13–14.
2. Kinsburskaya V.A. FATF Requirements for Regulating Cryptocurrencies: Implementation Issues in National Legislation // National Security / nota bene. — 2020. — No. 4. —URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33856 (дата обращения: 12.03.2025)
3. Kocherhin D.A. Modern Models of Central Bank Digital Currency Systems // Bulletin of St. Petersburg University. Economics. — 2021. — Vol. 37. — Iss. 2. — P. 205–240.
4. Kuznetsova V.V., Larina O.I., Glazkova N.G. Development of Cross-Border Payments Using Central Bank Digital Currencies // Regional Economy. South of Russia. — 2023. — Vol. 11, No. 2. — P. 35–47.
5. Pertseva S.Yu. The Potential of the Digital Ruble for Cross-Border Interaction of BRICS Countries // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. — 2024. — No. 4. — P. 132–133.
6. Semeko G.V. Sovereign Digital Currency: New Opportunities for Cross-Border Payments // Financial Journal. — 2022. — Vol. 14. — No. 4. — P. 108–121.
7. Shelepov A.V. Overview of Policies for Regulating Global Stablecoins and Central Bank Digital Currencies in Some G20 Member Countries // Bulletin of International Organizations. — 2021. — Vol. 16. — No. 4. — P. 196–220.
8. Yarutin Y.K., Gulyaeva E.E. International and Russian Legal Regulation of Crypto Asset Circulation: Conceptual and Terminological Correlation // Journal of Digital Technologies and Law. — 2023. — Vol. 1, No. 3. — P. 725–751.
9. Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Currencies. FATF/OECD. – 2021. Paris. URL: https://www.fatf-gafi.org/en/publications/fatfgeneral/documents/guidance-rba-virtual-currencies.html (дата обращения: 12.03.2025).
10. IMF-FSB Synthesis Paper: Policies for Crypto-Assets. Prepared by Staff of the IMF and FSB Secretariat. T. Adrian and the FSB Plenary – 2023. URL: https://www.fsb.org/uploads/R070923-1.pdf (дата обращения: 12.03.2025).

Специфика правового регулирования международной электронной торговли в рамках Евразийского Экономического Союза

Тюхтенкова Екатерина Игоревна
преподаватель кафедры английского языка в сфере таможенной деятельности, Российская таможенная академия,
e.tyuhtenkova@customs-academy.ru

Целью данной статьи является анализ особенностей развития правового регулирования международной электронной торговли в ЕАЭС. На сегодняшний день, стоит констатировать, что темпы электронной торговли в Евразийском экономическом союзе (далее по тексту – ЕАЭС) стремительно растут в рамках данного интегративного образования. Это актуализирует вопрос об эффективности системы правового регулирования данных процессов. В статье рассматривается наднациональная система регулирования, существующая в ЕАЭС, которая требует дальнейшего совершенствования правового регулирования электронной торговли не только в силу наличия разрозненных актов, но и отсутствия единого нормативного акта в области электронной торговли. Данная проблема на современном этапе развития активно обсуждается не только в рамках органов ЕАЭС, но и странами участницами интегративного образования.
Ключевые слова: международная электронная торговля, цифровая торговля, интегративное образование, нормативно-правовое регулирование, нормативно-правовые акты, соглашение.

Введение

На современном этапе развития ЕАЭС олицетворяет собой реализацию, так называемой торговой политики регионализма. Регионализм относится к формальному экономическому сотрудничеству и экономическим соглашениям группы стран, направленным на содействие или усиление региональной интеграции. «Современные интеграционные процессы это переплетение многих интеграционных структур» [1; с. 128].

ЕАЭС создавалось в рамках трех государств, а на сегодняшний день, стран-участниц пять, что актуализирует вопросы дальнейшего развития данного интегративного образования. За время существования ЕАЭС были сформированы не только нормативно-правовые, но и организационные основы развития. Однако система правового регулирования постоянно развивается, что отражает необходимость решения насущных вопросов в рамках существования союза. Евразийская доминанта имеет огромное значение в системе современных международных отношений [2; с. 3].

На современном этапе развития сложно отрицать, что бесперебойное функционирование общих рынков интегративных образований зависит от эффективного нормативно-правового регулирования. Это актуально для всех сфер развития ЕАЭС на сегодняшний день. И одним из направлений развития выступает быстро развивающаяся электронная торговля. Данный вид торговли связан с применением информационно-коммуникативных технологий (далее – ИКТ), которые стремительно развиваются. Поскольку значение имеют процессы цифровизации и цифровой трансформации, появилось также использование термина цифровой торговли.

«По мере распространения цифровизации и ее воздействия на устойчивое социально-экономическое развитие цифровые технологии выступают важнейшей детерминантой развития» [3; с. 7].

Обсуждение

Анализ статистических данных показывает, что с каждым годом динамика электронной торговли в ЕАЭС имеет рост. Анализ показателей данной торговли с 2021 по 2023 гг. показывает, что в 2023 г. торговля увеличилась по объему (90 млрд. долл.) более чем в два раза по сравнению с 2021 г. (42,7 млрд. долл.) на 47,3 млрд. долл. [4], [5], [6].

Электронная торговля в ЕАЭС нуждается не только в информационной инфраструктуре, но и в

комплексе секторов, которые облегчают поток торговли по сетям. Темпы роста электронной торговли ЕАЭС требуют эффективной системы правового регулирования.

В ЕАЭС все законы, которые были приняты, отражают систему наднационального регулирования, они оказывают значительное влияние на электронную торговлю.

Ключевое значение как в построении ЕАЭС, так и различного рода направлений деятельности имеет Договор ЕАЭС. Посредством данного нормативно-правового акта устанавливаются базовые основы функционирования экономического союза, а также регулирование отношений, связанных с единым рынком» (ст. 4 Договора ЕАЭС) [7]. Однако стоит отметить, что в рамках регулирования отношений связанных с электронной торговлей данный документ не имеет отдельных норм, что является определенным недостатком нормативно-правового регулирования.

Стоит отметить, что на правовое регулирование оказывает влияние не только темпы роста электронной торговли, но и поддерживаемые ИКТ предпринимательские сети и кооперативные соглашения. Электронная торговля затрагивает разные аспекты торговой деятельности, что с каждым годом расширяет возможности. В частности, это касается не только электронной торговли товаров, но и услуг.

Разграничение различных форм электронных рынков становится еще более сложным, поскольку:

– организационные границы становятся размытыми, изменяются или исчезают и, по мере формирования рыночной координации требуют дальнейшего совершенствования норм об электронной торговле;

– существует необходимость новых преференций в рамках постоянного видоизменения международной торговли и трансформации политических отношений, которые влияют на процессы торговли;

– предпринимателями становятся совершенно новые игроки;

– цифровая трансформация оказывает влияние на видоизменение электронной торговли и требует совершенствования правового регулирования.

Меры по развитию торговли в условиях цифровой экономики опираются на документы стратегического планирования, что определяется так называемой Цифровой повесткой ЕАЭС и Стратегическими направлениями формирования и развития цифрового пространства ЕАЭС в перспективе до 2025 года.

ЕАЭС в Решении Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 г. № 12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» [8] определяет основные ориентиры развития на основе процессов цифровизации и цифровой трансформации. В этой связи в последнее время в нормативных актах все больше употребляется понятие не электронной, а цифровой торговли.

Для цифровой торговли требуется большое количество сервисов. Стратегические документы в свою очередь, создают возможность для принятия документов в области электронной торговли в рамках деятельности отдельных органов ЕАЭС, кроме уже упомянутых решений Высшего Евразийского экономического совета, например, ЕЭК, Евразийского межправительственного совета.

На основе Цифровой повестки, было подписано решение Межправительственного совета, в соответствии с которым проводится сборка конкретных мероприятий в формате «дорожной карты» [9] по направлениям: «цифровых трансграничных услуг, цифровых активов ЕАЭС;

развития каналов цифровой торговли между государствами-членами, развития сервисов, обеспечивающих цифровую торговлю в рамках ЕАЭС, на основе цифровых платформ; стимулирование экспорта товаров и услуг из государств-членов в третьи страны; развитие инфраструктуры цифровой торговли в рамках ЕАЭС и стимулирование применения технологий, разработанных в ЕАЭС» [10].

«Скорость развития электронной торговли во всех государствах-членах ЕАЭС и динамическое увеличение уровня присутствия на рынке всех страновых игроков, таких как маркетплейсы, продавцы товаров, поставщики сопутствующих услуг, а также их покупателей на всей территории Союза формируют устойчивые требования для выработки соответствующих союзных правил» [11]. Особую роль в системе правового регулирования имеют акты Евразийской экономической комиссии (далее ЕЭК). ЕЭК обеспечивает бесперебойное функционирование и оперативное управление союзом.

Среди документов стоит назвать Проект Соглашения «Об электронной торговле в Евразийском экономическом союзе» [12] (далее по тексту Проект), которое было принято в 2023 г. Данное соглашение является на данный момент еще обсуждаемым государствами-участницами. Экспертные консультации по обсуждению проекта в странах членах ЕАЭС направлены на согласование и устранение возможных проблем правового регулирования.

Анализ данного документа показывает, что в нем закреплены нормы, касающиеся электронной торговли в рамках защиты прав потребителя. Так, в частности, устанавливается право отказа от товара в течении четырнадцати дней, в случае если тот или иной товар не отвечает критериям качества. При этом, стоит указать, что данное положение имеет и противоречия. В частности Проект определяет, что государство-участник ЕАЭС может установить и иной срок.

Данное положение апеллирует к возможности учета национального регулирования отношений по защите прав потребителей, однако оно противоречит единой политики ЕАЭС и единству установленных требований.

На сегодняшний день законодательство также устанавливает и особенности взаимодействия субъектов торговли при возврате товара надлежащего качества. Согласно законодательству при возврате товара в рамках электронного способа торговли, ему возвращаются уплаченные денежные средства, однако из этих средств вычитается сумм доставки

товара, тем самым защищаются не только права потребителя, но и права продавца. То есть если при возврате финансовых средств потребителю, продавец удерживает стоимость доставки, это является правомерным и соответствует установленным требованиям законодательства.

Электронная торговля предполагает, как и любя иная торговля систему расчетов. Особенностью данной торговли является то, что оплата осуществляется безналичным способом. Исходя из п.7 и 8 ст. 5 Проекта устанавливаются особенности безналичной оплаты товаров. Проект затрагивает систему регулирования национальных платежных систем. Целью Проекта Соглашения является создание оптимальных условий для осуществления электронной торговли, а также защиты прав субъектов данной торговли. В условиях санкционной политики, особенно в рамках международных расчетов, регулирование данных аспектов имеет важное значение для экономического развития государств-членов ЕАЭС.

В системе правового регулирования электронной торговли стоит сказать и о роли Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). Комиссия на постоянной основе проводит анализ экономических отношений как между странами ЕАЭС, так с позиции внешнеэкономического сотрудничества. Так, например, в сентябре 2024 г. было принято Решение Совета ЕЭК от 24.09.2024 № 75 «О порядке идентификации товаров электронной торговли, в отношении которых предусмотрена возможность их возврата после приобретения».

Также отдельно стоит указать и акты, касающиеся вопросов таможенного регулирования электронной торговли, что затрагивает различные виды правоотношений, как по перемещению товаров, так и осуществления таможенного контроля.

В рамках актов ЕЭК стоит также указать и на Решение Коллегии ЕЭК от 16.10.2018 г. № 158 «О таможенном декларировании товаров для личного пользования, доставляемых перевозчиком в качестве экспресс-груза, с использованием пассажирской таможенной декларации». Принятие данного нормативного акта позволило урегулировать особенности перемещения товаров через таможенную границу в рамках электронной торговли для физических лиц. Данный документ устанавливает тип декларации, используемый для данных товаров, порядок перемещения товаров, включая и почтовый способ.

Среди иных документов, особо стоит отметить Таможенный кодекс ЕАЭС (далее по тексту –ТК ЕАЭС). Обращение к Таможенному кодексу ЕАЭС [13] (далее ТК ЕАЭС) показывает, что в нем закреплены нормы о деятельности таможенных органов, особенности перемещения товаров через таможенную границу и осуществление контроля в отношении них. Несмотря на то, что ТК ЕАЭС регулирует большое количество правоотношений, в рамках постоянного видоизменения таможенной деятельности в кодекс вносятся изменения и дополнения.

Например, в 2023 г. внесены изменения, касающиеся электронной торговли. ТК ЕАЭС отграничил товары электронной торговли от иных видов товаров, определен статус отдельных субъектов права (операторов данного вида торговли). Кроме этого, установлены особенности перемещения данных товаров и порядок таможенного контроля.

Кроме актов ЕАЭС нельзя не учитывать и национальное законодательство стран-участниц ЕАЭС.

Результаты

Информационное взаимодействие между странами участницами, на сегодняшний день, позволяет выработать определенные подходы к развитию института электронной торговли. При этом, стоит учитывать, что при взаимодействии, государства опираются на принцип консенсуса (согласованности) – что определено в ст.13, 17, 18 Договора о ЕАЭС. Несмотря на законодательное регулирование, стоит учитывать, что в государствах ЕАЭС существует разный уровень и потенциал развития электронной торговли.

Особое значение на сегодняшний день придается цифровой экономике, цифровым платформам и цифровым ресурсам [14]. Сотрудничество государств-членов по развитию индустрии данных позволит не только нормализовать использование данных (от промышленных данных до данных об индивиде), но и создать условия для формирования новых сегментов цифровой экономики, новых практик оборота полезных данных с учетом требований законодательства государств-членов в соответствующих сферах.

Цифровая трансформация ставит новые цели и задачи правового регулирования, касающиеся применения в рамках цифровой торговли таких технологий как: блокчейн, искусственный интеллект (далее ИИ), нейросети и другое. В этом смысле актуализируется вопрос правого регулирования отдельных видов цифровых технологий в ЕАЭС. Так, например, одним из актуальных вопросов является разработка законодательства по применению ИИ. На современном этапе развития, на уровне ЕАЭС, да и на национальном уровне, вопрос применения ИИ подробно не разработан. В Российской Федерации в законодательстве закреплено только понятие ИИ. Однако процесс использования, защиты прав, правового статуса ИИ до сих пор не определен.

Существует и необходимость в рамках разработки законодательного регулирования использования блокчейн. ЕАЭС ставит задачи, в рамках разработки и применения норм на принципах единства союза. Это означает, что государствам-членам ЕАЭС стоит приводить и разрабатывать законодательство в рамках единой правовой основы.

Заключение

Электронная торговля — это не только непосредственно торговля, но и обслуживающие сервисы, и как выше упоминалось экосистема данной торговли. Экосистема электронной торговли является одной из наиболее уязвимых. Наличие разных подходов государств на основе национального правого регулирования не способствует выработке единой политике по некоторым вопросам. В этой связи, в бли-

жайшей перспективе необходим мониторинг существующих норм и разночтений с законодательством ЕАЭС и их устранение.

Электронная торговля имеет свою специфику, основанную на том, что человек покупающий товар в большей степени его визуализирует, в этой связи, важное значение имеет достоверность сертификатов качества на товар, а также их безопасность. В этой связи, в ЕАЭС ведется работа по совершенствованию деятельности различных органов, которые координируют и контролируют процессы насыщения рынков электронной торговли [15].

Еще одним способом развития правового регулирования является взаимодействие ЕАЭС и иных международных организаций по вопросам развития правового регулирования электронной торговли. «Всемирная торговая организация (ВТО) является важнейшим институциональным партнером ЕАЭС и главной референтной организацией в области либерализации международной торговли. ЕЭК взаимодействует с ВТО по всем вопросам, включенным в нормативную базу ВТО» [16; с. 15].

Перспективы развития электронной торговли и дальнейшего правового регулирования должны отвечать требованиям устойчивого развития, что является предметом обсуждений в рамках работы ЕЭК в Организации объединенных наций на основе Целей Устойчивого Развития.

Развитие внутреннего правового регулирования отличается, так как государства по-разному подходят к решению различных вопросов связанных с электронной торговлей.

В современных условиях развития дальнейшие точки роста электронной торговли и эффективности правового регулирования будут зависеть от устранения угроз и существующих проблем, к которым относятся:

– возрастание различного рода угроз, связанных с отсутствием норм о ведении электронных кошельков (фишинговые атаки);

– отсутствие законодательного регулирования ИИ;

– несовпадение норм национального законодательства и актов ЕАЭС в области особенностей электронной торговли;

– разный уровень цифрового развития стран-участниц ЕАЭС;

– наличие недоверия покупателей в рамках защиты персональных данных.

Ключевое значение в системе совершенствования правового регулирования имеет соблюдение принципа единства политики и законодательного регулирования ЕАЭС. В этой связи необходимо единообразие национального законодательства, касающегося электронной торговли. В перспективе развития требуется принятие законодательства в области ИИ и его применения в электронной торговле.

Литература

1. Косов Ю.В. Фактор торговли в глобальных и региональных международных отношениях (режимный и институциональный подходы). - Санкт-Петербург: СЗИУ РАНХиГС, 2019. – 286 с. С. 128.

2. Государство и рынок: евразийская доминанта развития в условиях формирования многополярного мира: коллективная монография / [Диденко Н. И., Дятлов С. А., Камышова А. Б. и др.] ; под редакцией доктора экономических наук, профессора С. А. Дятлова [и др.]. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского гос. экономического ун-та, 2023. – 633 с. С. 3.

3. Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли: 2023 : международный доклад НИУ ВШЭ : к XXIV Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, 2023 г. / С. С. Аветисян, Д. А. Алешин, С. Г. Арнетт [и др.] ; Высшая школа экономики национальный исследовательский университет. - Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2023. – 303 с. С. 7.

4. Электронная торговля завтрашнего дня: подходы к развитию в ЕАЭС // [Электронный ресурс]: https://roscongress.org/sessions/eurasianef-2023-elektronnaya-torgovlya-zavtrashnego-dnya-podkhody-k-razvitiyu-v-eaes/about/;

5. ЕАБР оценил рост взаимной торговли ЕАЭС за 2022 год на уровне 10,3% // [Электронный ресурс]: https://www.alta.ru/ts_news/98124/

6. Минэкономразвития сообщило о более 5% росте ВВП стран ЕАЭС в I квартале 2024 года// [Электронный ресурс]: https://www.ranepa.ru/news/tema-dnya-minekonomrazvitiya-soobshchilo-o-bolee-5-roste-vvp-stran-eaes-v-i-kvartale-2024-goda/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com

7. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) // СПС Консультант плюс 2024

8. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 г. № 12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года // [Электронный ресурс]: https://www.alta.ru/tamdoc/17vr0012/

9. Евразийский межправительственный совет утвердил дорожную карту по созданию благоприятных условий для развития электронной торговли в рамках Евразийского экономического союза // [Электронный ресурс]: https://eec.eaeunion.org/news/premer-ministry-stran-eaes-odobrili-dorozhnuyu-kartu-po-razvitiyu-elektronnoy-torgovli/

10.Решение Евразийского межправительственного совета от 19.11.2021 № 10 «О плане мероприятий («дорожной карте») по созданию благоприятных условий для развития электронной торговли в рамках Евразийского экономического союза» // [Электронный ресурс]: https://www.alta.ru/tamdoc/21ms0010/

11.Высокие темпы развития электронной торговли в ЕАЭС ставят вопрос о необходимости общих правил игры// [Электронный ресурс]: https://eec.eaeunion.org/news/vysokie-tempy-razvitiya-elektronnoy-torgovli-v-eaes-stavyat-vopros-o-neobkhodimosti-obshchikh-pravil/

12.Распоряжение Коллегии ЕЭК от 20.06.2023 № 88 «О проекте Соглашения об электронной торговле в Евразийском экономическом союзе» // [Электронный ресурс]: https://www.alta.ru/tamdoc/23r00088/

13.Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019, с изм. от 18.03.2023) // СПС Консультант плюс 2024

14.Что такое Цифровая повестка ЕАЭС // [Электронный ресурс]: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/368/Kratkoe-izlozhenie-ONTSP.pdf

15.Решение Высшего Евразийского экономического совета от 14 мая 2018 года № 5 «О Совете руководителей органов по аккредитации государств - членов Евразийского экономического союза» // [Электронный ресурс]: https://docs.cntd.ru/document/557449053

16.Мешкова Т.А., Изотов В.С., Демидкина О.В., Кофнер Ю.К. ЕАЭС в меняющемся геополитическом контексте: приоритеты международного сотрудничества // Вестник российского университета дружбы народов. серия: политология 2019. Т. 21. № 1. С. 7-33.

Specifics of legal regulation development of international electronic commerce within the framework of the Eurasian Economic Union

Tyukhtenkova E.I.
Russian Customs Academy

The main aim of this article is to analyze specific features of the development and legal regulation of international electronic commerce in the EAEU.

Today, it is worth noting that the pace of electronic commerce in the Eurasian Economic Union (hereinafter referred to as the EAEU) is rapidly growing within the framework of this integrated entity. This actualizes the issue of the effectiveness of the system of legal regulation of these processes. The supranational regulatory system existing in the EAEU requires further improvement of the legal regulation of electronic commerce not only due to the presence of disparate acts, but also the absence of a single regulatory act in the field of electronic commerce. This problem at the current stage of development is actively discussed not only within the EAEU bodies, but also by the participating countries of the integrated entity.

Keywords**:** international electronic commerce, digital commerce, integrative education, legal regulation, legal acts, agreement.

Refer**e**nces

1. Kosov Yu.V. The Trade Factor in Global and Regional International Relations (Regime and Institutional Approaches). - St. Petersburg: SZIU RANEPA, 2019. - 286 p. P. 128.
2. The State and the Market: the Eurasian Dominance of Development in the Context of the Formation of a Multipolar World: a collective monograph / [Didenko N.I., Dyatlov S.A., Kamyshova A.B. et al.]; edited by Doctor of Economics, Professor S.A. Dyatlov [et al.]. - St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg State University of Economics, 2023. - 633 p. P. 3.
3. Assessment of the integration processes of the EAEU in the field of trade: 2023: international report of the National Research University Higher School of Economics: for the XXIV Yasin (April) international scientific conference on the problems of economic and social development, 2023 / S. S. Avetisyan, D. A. Aleshin, S. G. Arnett [et al.]; Higher School of Economics National Research University. - Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2023. - 303 p. P. 7.
4. E-commerce of tomorrow: approaches to development in the EAEU // [Electronic resource]: https://roscongress.org/sessions/eurasianef-2023-elektronnaya-torgovlya-zavtrashnego-dnya-podkhody-k-razvitiyu-v-eaes/about/; 5. The EDB estimated the growth of mutual trade between the EAEU in 2022 at 10.3% // [Electronic resource]: https://www.alta.ru/ts_news/98124/
6. The Ministry of Economic Development reported more than 5% growth in GDP of the EAEU countries in the first quarter of 2024 // [Electronic resource]: https://www.ranepa.ru/news/tema-dnya-minekonomrazvitiya-soobshchilo-o-bolee-5-roste-vvp-stran-eaes-v-i-kvartale-2024-goda/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com
7. Treaty on the Eurasian Economic Union (Signed in Astana on 29.05.2014) (as amended on 25.05.2023) // SPS Consultant Plus 2024
8. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council of 11.10.2017 No. 12 "On the main directions of implementation of the digital agenda of the Eurasian Economic Union until 2025 // [Electronic resource]: https://www.alta.ru/tamdoc/17vr0012/
9. The Eurasian Intergovernmental Council approved a roadmap for creating favorable conditions for the development of e-commerce within the Eurasian Economic Union // [Electronic resource]: https://eec.eaeunion.org/news/premer-ministry-stran-eaes-odobrili-dorozhnuyu-kartu-po-razvitiyu-elektronnoy-torgovli/
10. Decision of the Eurasian Intergovernmental Council of 19.11.2021 No. 10 "On action plan (“road map”) to create favorable conditions for the development of electronic commerce within the Eurasian Economic Union” // [Electronic resource]: https://www.alta.ru/tamdoc/21ms0010/
11. High rates of development of electronic commerce in the EAEU raise the question of the need for common rules of the game // [Electronic resource]: https://eec.eaeunion.org/news/vysokie-tempy-razvitiya-elektronnoy-torgovli-v-eaes-stavyat-vopros-o-neobkhodimosti-obshchikh-pravil/
12. Order of the EEC Board dated 20.06.2023 No. 88 “On the draft Agreement on Electronic Commerce in the Eurasian Economic Union” // [Electronic resource]: https://www.alta.ru/tamdoc/23r00088/
13. Customs Code of the Eurasian Economic Union (as amended on 29.05.2019, as amended on 18.03.2023) // SPS Consultant Plus 2024
14. What is the Digital Agenda of the EAEU // [Electronic resource]: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/368/Kratkoe-izlozhenie-ONTSP.pdf
15. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council of May 14, 2018 No. 5 "On the Council of Heads of Accreditation Bodies of the Member States of the Eurasian Economic Union" // [Electronic resource]: https://docs.cntd.ru/document/557449053
16. Meshkova T.A., Izotov V.S., Demidkina O.V., Kofner Yu.K. The EAEU in a Changing Geopolitical Context: Priorities of International Cooperation // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science 2019. Vol. 21. No. 1. P. 7-33.

Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте: проблемные вопросы уяснения содержания непосредственного объекта преступного деяния

Агафонов Александр Владимирович
кандидат юридических наук, Сибирский юридический институт МВД, aleksandravagafonjv20@yandex.ru

В подготовленной статье, автором подвергаются анализу некоторые из числа выявленных последним, проблем возникающих при определения содержания непосредственного объекта преступления при склонении спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте. С этой целью исследователь пытается проанализировать некоторые современные научные концепции, которые, в свою очередь, предусматривают различные аспекты содержания и варианты трансформации общего объекта преступления. Автор, перечисляя последние, приходит к выводу, что в качестве объекта преступления в целом выступают именно уголовные правоотношения. На базе настоящей теоретической конструкции, исследователь и осуществляет анализ содержания immediata elementa criminis установленный в ст. 230.1 УК РФ. Где последний приходит к выводу, что в современной российской уголовно правовой доктрине явно отсутствует общепринятое его понимание, а. следовательно, и ее общепризнанное определение. Автор, соглашаясь в отдельных случаях с выводами и доводами некоторых правоведов, прерогативу в оптимизации конструирования настоящей уголовно правовой нормы отдает все-таки российскому законодателю.

Ключевые слова: преступление, состав преступления, объект преступления, общий объект преступления, родовой объект преступления, видовой объект преступления, обязательные признаки объекта преступления, дополнительный объект преступления, факультативный объект преступления, потерпевший, предмет преступления.

Введение. Склонение спортсменов к использованию допинга выступает ныне в масштабах Российской Федерации в качестве довольно значимой проблемы. Это обусловлено уже тем, что факты нарушения антидопинговых правил со стороны российских атлетов остаются стабильно неизменными и достаточно высокими. Впрочем на сегодняшний дел судебная практика по преступлениям, указанным в ст. 230.1 УК РФ полностью отсутствует.

Последнее, по мнению многих российских ученых, связано уже с тем, что определить содержание непосредственного объекта в составе анализируемого нами преступления представляет ныне довольно существенную диллему.

Цель исследования – анализ и доступных автору современных научно обусловленных точек зрения касаемых таких категориальных уголовно правовых понятий как «объект преступления» и «непосредственный объект преступления при склонении спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте». Предложение и обоснование собственного варианта разрешения настоящей проблемы.

Задачи – не только выявить, но и попытаться осуществить научно прикладное исследование различных точек зрения относительно содержания, причем как общего объекта преступления в целом, так и immediata elementa criminis изложенного в ст. 230.1 УК РФ в частности.

Гипотеза – в качестве единственного обоснования идентификации содержания непосредственного объекта уголовно наказуемого деликта при склонении спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, исследователем активно используется общепризнанная научно обусловленная концепция уголовных правоотношений.

Материалы и методы исследования

В ходе проведения настоящего прикладного исследования автор использовал такие широко используемые в современной науки метолы как: сравнительный анализ, синтез, аналогия, индукция, дедукция и моделирование.

Результаты обсуждения

Приступая с анализу содержания непосредственного объекта преступления при склонении

спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте необходимо в начале согласиться с тем, что «…признание в качестве единственного основания уголовной ответственности наличия в совершенном физическим лицом всех признаков состава преступления (ст. 8 УК РФ) неизбежно обуславливает крайнюю необходимость вполне самостоятельного анализа каждого из его элементов.

Традиционно подобный анализ осуществляется с именно характеристики объекта преступления, поскольку его установление в содеянном виновным лицом уголовно наказуемом деянии и позволяет правоприменителю зафиксировать характер и степень общественной опасности совершенного криминального деликта, отличить последний как от иных правонарушений, так и аморальных проступков.

От фактически верного установления объекта преступления полностью зависит и правильная квалификация преступления» [22. С. 3].

Однако даже крайне поверхностный анализ современной отечественной юридической литературы позволяет нам осуществить умозаключение о том, что единое понимание, причем как самой сути, так и содержания этого основополагающего понятия российского уголовного права в доктрине последней находится всего лишь на стадии своего формирования.

По нашему мнению анализ сложившейся ситуации предоставляет нам возможность вынести свой вердикт о том, что ныне наличествует, по крайней мере, три основополагающих дилеммы по данному поводу.

Так, например, по мнению одного из известнейших российского и советского ученого правоведа Н.С. Таганцева (1843-1923 г.г.) в качестве obiecto criminis в силах выступать только некая «…заповедь, или норма права, нашедшее свое выражение во входящем в сферу субъективных прав, охраненном этой нормой интересе жизни» [27. С. 17].

Эту точку зрения в последующем весьма активно подвергал конструктивной критики С.В. Познышев (1870-1942 г.г.), не менее известный представитель научной правовой общественности тех же лет. При этом он прямо указывал: «…объектами преступлений являются те конкретные общественные отношения, вещи и состояние лиц или вещей, которые охраняются законом под страхом наказания.

Их можно назвать для краткости правовыми благами» [21. С. 132].

Уяснение содержания obiecto criminis исключительно через форму материализации общественных отношений, впрочем, не всех, а только тех которые охраняются и регулируются в дальнейшем нормами уголовного права, т.е. *уголовных правоотношений*, стало возникать в доктрине уголовно права России именно с момента начала формирования советского уголовного законодательства, т.е. с 1918 года.

В тот период развития российской государственности, профессор Б.С. Никифоров настаивал на том, что: «…во всех случаях, когда закон предусматривает привлечение к уголовной ответственности, он исходит из того, что произошло нарушение охраняемого уголовным законом объекта – общественного отношения» [18. С. 30].

Впрочем, в последнее время в доктрине уголовного права России стали возникать и ряд концептуальных положений рассматривающие содержание объекта преступления с несколько иного социально обусловленного ракурса.

Так, фактически поддерживая и более того явно стремясь усовершенствовать ранее существовавшие идеи Н.С. Таганцева авторы учебника «Курс уголовного права», пытаются, в свою очередь, определить содержание obiecto criminis через «…охраняемые уголовным законом социально значимые ценности, интересы и блага, на которые посягает лицо, совершившее преступление, и которым причинён или может быть причинен существенный вред» [14. С. 131] [10. С. 88].

В начале XXI в. появилась и принципиально новая трактовка содержания объекта преступления. Так, Г.П. Новоселов выдвинул концепцию о том, что в качестве последнего выступает именно сам носитель общественных отношений, т.е. человек, причем независимо от его социальной обусловленности и правового статуса [19. С. 312].

Несколько позднее идеи последнего постарался развить И.Т. Ачилов [5. С. 58]. Так последний предложил своим оппонентам понимать под объектом преступления уже не самого человека, как физически обусловленную сущность, а именно личность последнего, т.е. его социальное наполнение и содержание.

Не вдаваясь в подробнейший анализ, всех изложенных нами концепций, следует указать лишь на то, что большинством современных российских авторов весьма активно пропагандируется точка зрения о том, что фиксировать суть и содержание общего объекта уголовно наказуемого правонарушения следует именно через «…общественные отношения, охраняемые уголовным законом, на которые в свою очередь посягает виновное лицо, желая причинить, либо причиняя им вред, ущерб» [22. С. 8].

«Общественные отношения, в том числе и как объект уголовно правовой охраны представляют собой определенные связи между людьми (субъектами отношений), складывающиеся в процессе их совместной материальной и духовной деятельности на основе определенного способа производства и его специфики, проявляющейся на каждой ступени естественно-исторического развития общества» [16. С. 5].

В свою очередь «правоотношения — это урегулированные нормами права и охраняемые государством общественные отношения, участники которых связаны взаимными субъективными правами и юридическими обязанностями.

Права и обязанности в юридическом смысле (*правовой статус*) могут возникать только в результате требований закона» [32].

Таким образом, именно государство, в лице своих компетентных на то органов, не только обуславливает, но и требует от субъектов правоотно-

шений (т.е. юридических и физических лиц) реального исполнения их закрепленных на уровне закона обязанностей, применяя в случае их неисполнения вполне, конкретные санкции, которые, кстати, также отражены на законодательном уровне. В качестве содержания санкции всегда выступают, какие либо принудительные меры явно фискального характера.

«Правоотношения могут возникать в различных сферах жизни и деятельности, и они могут иметь гражданскую, административную, уголовную или иную юридическую природу, в зависимости от того, какие нормы права касаются данного отношения» [33].

«В зависимости от характера правоотношений и их видов объектами последних могут выступать:

- материальные блага, к которым относятся вещи, предметы и ценности;

- нематериальные блага, такие как жизнь, здоровье, честь и достоинство, свобода, безопасность и неприкосновенность;

- поведение субъектов, их действия, оказание разного рода услуг и их результаты;

- продукты духовного творчества людей: произведения литературы, искусства, живописи, музыки, научные открытия, изобретения и рационализаторские предложения;

- ценные бумаги и официальные документы: облигации, акции, векселя, лотерейные билеты, дипломы, аттестаты и паспорта» [33].

Obiecta relationum legalium не могут выступать в виде объектов правонарушений, так как являются всего лишь частью целого.

Следовательно, если «непосредственным объектом преступления выступают конкретные общественные отношения, в его качестве … могут выступать, либо отдельные общественные отношения целиком, либо их составные части (возможность определенного поведения, само поведение, носитель отношений - личность), либо единый комплекс взаимно переплетенных общественных отношений.

Представляется, что носитель отношений как отдельное выступает лишь формой проявления существующих общественных отношений» [7. С. 5].

Практически каждое уголовно наказуемое деяние в силах причинить реальный ущерб причем, не одному, а сразу же нескольким уголовным правоотношениям. Где последние, безусловно, обладают явной многогранностью своего характера. Они довольно сложны, причем как по своей внутренней, так и внешней структуре. Вследствие чего неизбежно возникает явная потребность в последующей классификации obiecto criminis.

В последнее время подобная структуризация происходит по двум основным направлениям, т.е. по вертикале и горизонтали.

Классификация объектов преступлений, согласно первому направлению, происходит через группирование всех уголовных право отношений, используя при этом такой критерий как от «общего к частному».

Именно в ходе этой систематизации и вычленяют общий, родовой, видовой и непосредственный объекты преступных деяний.

Совокупность социально значимых право отношений прямо закрепленных в ч. 1 ст. 2 УК РФ традиционно рассматривается в качестве первого из них.

Таким образом, общий объект характерен для всех без исключения преступных деяний.

В качестве родового объекта выступает уже объект, содержание которого выступают только однородные publicae rationes. Единство их содержания указывается в наименовании конкретного раздела Особенной части УК РФ. Таким образом, все находящие свое место в нем статьи предусматривают ответственность за преступления, обладающие единым genus objectum.

В нашем случае ст. 230.1 УК РФ находит свое место в разделе IX УК РФ, следовательно, в качестве родового объекта анализируемого нами преступления выступают общественная безопасность и общественный порядок. Анализу настоящих категориальных уголовно правовых понятий были посвящены наши предыдущие исследования [1. С. 139] [2]. Излагать предметно их результаты не позволяют нам объем нашего научно прикладного исследования.

Speciei criminis object предусмотренного ст. 230.1 УК РФ отражен в названии главы 25 российского уголовного законодательства, входящей в указанный выше раздел последнего.

Следовательно, в роли видового объекта склонения спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, будет выступать здоровье населения и общественная нравственность. Содержание последних мы также подвергали доктринально правовому анализу несколько ранее [3. С. 17].

В свою очередь необходимо согласиться и с тем, что: «…непосредственный (индивидуальный) объект преступления (охраны) – это предусмотренное уголовным законом социально значимое конкретное общественное отношение (отношения), которое охраняется уголовным законом от отдельных видов преступных посягательств, выраженных в уголовно-правовых нормах посредством конкретных составов преступлений» [17. С. 19].

В настоящее время отечественные исследователи разделяют концепцию о том, что имеет место быть следующие группировки imediatum crimen: основной, дополнительный и факультативный.

Охраняемое конкретной уголовно правовой нормой общественные отношения выступают в качестве основного объекта преступления.

В свою очередь в качестве дополнительного объекта следует признавать то уголовное правоотношение, которому так же либо причиняется, либо может причиняться весьма существенный социально опасный вред со стороны виновного лица наравне с основным объектом.

Факультативным непосредственным объектом признается то общественное отношение, которое в качестве обязательного признака объекта не входит в конструкцию индивидуально определенного состава преступления, однако посягательство на него может вполне существовать в реальной действительности.

В этом случае налицо совокупность преступлений (ст. 17 УК РФ) и квалификация содеянного осуществляется именно по правилам последней.

Потерпевший и предмет преступления выступают в качестве факультативных признаков непосредственного объекта преступного деяния.

«Предмет преступления – это материальный субстрат, предмет материального мира, одушевленный или неодушевленный, в связи с которым ли по поводу которого совершается преступление, на который непосредственно воздействует преступник, совершая преступление.

Когда предметом является человек, то он именуется потерпевшим в уголовно-правовом смысле» [8. С. 8] этого слова.

В современной уголовно правовой литературе нами отмечается множество довольно различных подходов к определению содержания imediatum crimen предусмотренного ст. 230.1 УК РФ [29].

При этом большинство из авторов последних при определении непосредственного объекта этого преступного деяния вполне традиционно используют концепцию уголовных правоотношений.

Также необходимо отметить, что современные отечественные исследователи, как правило, не стремятся конкретизировать содержание самого непосредственного объекта анализируемого ими преступления, а предлагают научной общественности всего лишь свою индивидуальную интерпретацию этого содержания, фактически используя при этом и фиксацию в нем наличия и дополнительного объекта. В свою очередь следует указать на то, что сам российский законодатель отнюдь не предполагает наличие в содержании imediatum crimen предусмотренного ст. 230.1 УК РФ такого обязательного признака последнего как дополнительный объект.

Группа исследователей, видимо руководствуясь в первую очередь, наименованием видового объекта, в качестве непосредственного объекта анализируемого нами состава преступления признают одновременно и здоровье населения, и общественную нравственность.

На это прямо указывают в своих работах такие авторы как А.Н. Пескова и О.А. Брусникина. Так, последние считают, что «запрещенные субстанции и (или) методы способствуют улучшению спортивных результатов, приносят «нечистые» победы, а также создают реальную угрозу для здоровья спортсменов и даже могут повлечь летальный исход» [20. С. 23-24].

Фактически аналогичную позицию высказывают и А.Н. Берестова [6. С. 75], Т.А. Киреева [11. С. 106], Р.Е. Коптурова, Е.С. Крылова [29], А.В. Федоров [32. С. 40], И К.И. Хиневич [31. С. 152], П.В. Цветков [5. С. 75] и О.Е. Чередник [12].

Иные отечественные авторы в качестве непосредственного объекта рассматриваемого нами преступного деяния рассматривает исключительно само здоровье населения [13. С. 99].

Так, например, Т.О. Кошаева и Е.В. Ямашева прямо указывают на то, что к объекту уголовно наказуемого посягательства в этом случае необходимо относить сами общественные отношения, обеспечивающие безопасность здоровья населения, а если быть более предметным и научно обособленным, то здоровье спортсменов [13. С. 100].

Эту точку зрения также полностью и однозначно разделяют И.И. Балаев, А.Х Сафин [25. С. 163], Д.В. Сомов [26], С.Т. Сулейманова [26], Л.М. Прозументов [24. С. 127] и А.А. Фазлиев [28. С. 466].

Впрочем, признавать в этом случае спортсменов, если они выступают в роли потерпевших при склонении последних к приему допинга, в качестве даже части населения Российской Федерации, довольно проблематично, так как они вступают в указанные уголовные правоотношения, явно обладая при этом своей вполне четко выраженной индивидуальностью, отсюда вытекает и вполне неизбежный вывод об обоснованности места нахождения ст. 230.1 УК РФ именно в разделе IX УК РФ.

По нашему мнению, эта статья должна найти свое вполне логически обусловленное место в разделе VIII УК РФ «Преступления против личности». Впрочем, здесь видимо необходимо согласиться, и с тем, что прием допинга спортсменом происходит вполне добровольно, т.е. спортсмен заранее обладает всей информацией касаемо вполне возможной опасности его использования для своего здоровья. Однако в этом случае действует общепринятое положение о том, что за вред, наносимый исключительно собственной жизни и здоровью лицо его осуществившее уголовной ответственности не несет!

В связи с чем, признавать в качестве непосредственного объекта преступления в случае склонения атлета к использованию им допинга, здоровье населения явно алогично и научно не обусловлено.

Другая группа отечественных исследователей, проводя анализ содержания непосредственного объекта преступления ст. 230.1 УК РФ, в качестве последнего предлагает определять совокупность общественных отношений, которые в свою очередь не направлены непосредственно на охрану здоровья населения.

Их концепции, по нашему мнению, следует довольно условно разграничить на две основополагающие позиции. Где первая напрямую связана с общественной нравственностью [9. С. 122], вторая - с экономическими интересами государства [15. С. 66].

Так, А.Р. Кутуев попытался определить imediatum crimen отраженного в ст. 230.1 УК РФ через publicae rationes, позволяющие, по его мнению, обеспечить честную конкуренцию в спорте [15. С. 66].

Позицию настоящего исследователя в данном случае явно не поддержал сам российский законодатель. Так как наличие в анализируемой нами норме признаков, каких либо экономических правоотношений нами не обнаружено даже на уровне дополнительного объекта.

В свою очередь А.А. Фазлиев, по нашему мнению, несколько пытается конкретизировать позицию Л.Р. Кутуева и в свою очередь считает, что «общественные отношения, связанные с прямым или опосредованным получением прибыли спортсменом

при победе в спортивных соревнованиях с использованием допинга, получающего преимущества, являются дополнительным объектом преступления» [28. С. 466].

А.В. Федоров анализируя состав преступления предусмотренного ст. 230.1УК РФ также выделает в нем дополнительный объект. В качестве, которого, по его мнению, выступают общественные отношения по обеспечению законности в сфере спорта [30. С. 40].

В данном случае, по нашему мнению, следует указать этим авторам, что их позиция не нашла своего подтверждения уже со стороны самого российского законодателя. Никаких дополнительных объектов в диспозиции ст. 230.1 УК РФ нами не зафиксировано.

И.М. Амиров и В.Б. Поезжалов, в свою очередь, подвергая анализу содержание непосредственного объект преступления при склонении атлета к использованию им в дальнейшем допинга предлагают своим оппонентам рассматривать в качестве последнего именно правоотношения обусловленные в дальнейшем использованием запрещенных на уровне закона медицинских препаратов, при этом причиняющих вред здоровью спортсменов не во всех случаях [4. С. 9].

Более предметно, последнее, к сожалению, не сподобились отразить свою позицию. В связи, с чем не совсем становится ясным, что именно они относят к самому содержанию непосредственного объекта анализируемого им преступления.

Некоторые исследователи предпочли занять, как мы считаем, не совсем четкую и однозначно последовательную позицию.

Так в одном случае, они указывают, что в качестве основы содержания непосредственного объекта при совершении преступления указанного в ст. 230.1 УК РФ предусмотрены именно общественные отношения, а в другом: «общественные интересы в области спорта, связанные с использованием препаратов, запрещенных к применению и не обязательно причиняющие вред здоровью» [4. С. 9].

По поводу изложенного в последнем случае необходимо вновь признать, что интересы таки являются частью общественных отношений, в связи с чем, посягая на первые явно невозможно избежать посягательств и на второе.

Кроме того Т.Г. Понятовская [23. С. 95], А.И. Рарог [24. С. 95] и Т.В. Шахова [24. С. 95] анализируя состав преступления предусмотренного ст. 230.1 УК РФ делают свой вывод о том, что настоящее преступление явно не обладают повышенной общественной опасностью, т.е. имеют всего лишь нормативную форму своего социально значимого запрета, а, следовательно, здесь неизбежно приобретает существенное значение следующая двойная дилемма.

1. Так уже ли обусловлена сама необходимость криминализации уголовно правовой нормы предусмотренной ст. 230.1 УК РФ.

2. Налицо ли потребность дальнейшего оптимизации ее законодательной конструкции, с последующим решением о нахождении места расположения этой норме в структуре Особенной части действующего ныне уголовного законодательства России.

В свою очередь, гипнотическое предположение последних мы полностью поддерживает.

Литература

1. Агафонов А.В. Общественная безопасность как родовой объект преступлений, предусмотренных разделом IX УК РФ // Сибирские юридические записки. 2003. № 3.

2. Агафонов А.В. О некоторых проблемных вопросах определения такого уголовно правового понятия как «Общественный порядок» // syperleninka.ru

3. Агафонов А.В. Уголовная ответственность за преступления против здоровья населения и общественной нравственности. Красноярск. 2006.

4. Амиров И.М., Поезжалов В.Б. Совершенствование уголовного законодательства в сфере борьбы с допингом в спорте // Спорт: экономика, право, управление. 2016. № 4.

5. Ачилов И.Т. Личность как объект преступления. Концепции и проблемы // Журнал правовых исследований. Ташкент. Т. 5. № 7. 2020.

6. Берестова А.Н., Цветков П.В. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Санкт-петербургского университета МВД России. 2022. № 3 (95).

7. Винокуров В.Н. Непосредственный объект преступления и его место в классификации объектов преступлений // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 3.

8. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М. 2001.

9. Жеребченко А.В., Милин А.Е., Бадалова П.И. Допинг как предмет преступлений против здоровья населения и общественной нравственности // Вестник экономической безопасности. Юридические науки. 2018. № 2.

10.Жук М.С. Объект преступления как критерий построения системы институтов Особенной части уголовного права // Общество и право. 2010. № 5 (32).

11.Киреева Т.А. Особенности квалификации и толкования склонения спортсмена к использованию субстанций и (или) методов запрещенных для использования в спорте (ст. 230.1 УК РФ // Молодой ученый. 2020. № 41. (331).

12.Коптурова Р.Е., Чередник О.Е. Проблемы, связанные с использованием допинга в спорте и склонением к его употреблению // Молодой ученый. 2019. № 40. (328)

13.Кошаева Т.О. К вопросу об установлении уголовной ответственности за нарушение законодательства о допинге // Журнал российского права. 2017. № 6.

14.Курс уголовного права / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой, Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 1999. Т. 1. : Общая часть. Учение о преступлении.

15.Кутуев Л.Р. Уголовная ответственность за

склонение, распространение и применение субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2018.

16.Мазур С. Объект и виды преступлений в сфере экономической деятельности // Уголовное право. 2002. № 3.

17.Мальцев В. Понятие непосредственного индивидуального объекта преступления // Уголовное право. 2011. № 5.

18.Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960.

19.Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические проблемы. М. Норма, 2001.

20.Песков Л.Н., Брусникина О.Л. Проблемы борьбы с допингом в спорте: монография. М.: Проспект, 2016.

21.Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. 2-е изд., испр. и доп. М., 1912.

22.Попов А.Н., Аистова Л.С. Объект преступления. Учебное пособие. СПб, 2014.

23.Понятовская Т.Г., Рарог А.И., Шахова Т.В. основания уголовно-правового запрета допинга в России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и Право. 2018. Т. 8. № 4 (29).

24.Прозументов Л.М. Общая характеристика преступлений, посягающих на отношения, обеспечивающие здоровье населения в сфере спорта (ст.ст. 230.1, 230.2 УК РФ) // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 33.

25.Сафин А.Х., Балаев И.И. Уголовная ответственность за склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте: проблемы и перспективы // Вопросы студенческой науки. № 9 (61). Сентябрь 2021.

26.Сулейманов С.Т., Сомов Д.В. Уголовная ответственность за склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 207. Т. 5. № 3 (19). http // esj.pnzgu.ru

27.Таганцев Н.С. Русское уголовное право : лекции. М., 1991. Т. 1 : Часть Общая.

28.Фазлиев А.А. Проблемы определения основного непосредственного объекта в составах преступлений, предусмотренных статьями 230.1-230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. № 3(38). 2019.

29.Фазлиев А.А., Крылова Е.С. Признаки объекта преступления в статьях 230.1-230.2 УК РФ // Вестник Казанского юридического института МВД России. № 3(38). 2020.

30.Федоров Л.В. Уголовная ответственность за склонение к использованию допинга // Российский следователь. 2017. № 11.

31.Хиневич К.И. Проблемы предупреждения склонения спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте (допинг) // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 6.

32.Федоров Л.В. Уголовная ответственность за склонение к использованию допинга // Российский следователь. 2017. № 11.

Inducing an athlete to use substances and (or) methods prohibited for use in sports: problematic issues of clarifying the content of the direct object of the criminal act.

Agafonov A.V.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

In the prepared article, the author analyzes some of the problems identified by the latter that arise when determining the content of the direct object of a crime when inducing an athlete to use substances and (or) methods prohibited for use in sports. To this end, the researcher is trying to analyze some modern scientific concepts, which, in turn, provide for various aspects of the content and options for the transformation of the general object of the crime. The author, listing the latter, comes to the conclusion that it is criminal legal relations that act as the object of crime in general. Based on this theoretical construction, the researcher analyzes the content of the immediata elementa criminis established in art. 230.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Where the latter comes to the conclusion that the modern Russian criminal law doctrine clearly lacks a generally accepted understanding of it, and therefore its generally accepted definition. The author, agreeing in some cases with the conclusions and arguments of some legal scholars, nevertheless gives the prerogative in optimizing the construction of this criminal law norm to the Russian legislator.

Keywords: crime, corpus delicti, object of crime, general object of crime, generic object of crime, specific object of crime, mandatory features of the object of crime, additional object of crime, optional object of crime, victim, subject of crime.

References

1. Agafonov A.V. Public safety as a generic object of crimes provided for in Section IX of the Criminal Code of the Russian Federation // Siberian Legal Notes. 2003. № 3.
2. Agafonov A.V. On some problematic issues of defining such a criminal legal concept as "Public order" // syperleninka.ru
3. Agafonov A.V. Criminal liability for crimes against public health and public morality. Krasnoyarsk. 2006.
4. Amirov I.M., Poezhalov V.B. Improvement of criminal legislation in the field of combating doping in sports // Sport: economics, law, management. 2016. № 4.
5. Achilov I.T. Personality as an object of crime. Concepts and problems // Journal of Legal Research. Tashkent. Vol. No. 7. 2020.
6. Berestova A.N., Tsvetkov P.V. Problems of qualifying crimes under Articles 230.1 and 230.2 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 3 (95).
7. Vinokurov V.N. The immediate object of crime and its place in the classification of crime objects // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 3.
8. Gaukhman L.D. Qualification of crimes: law, theory, practice. Moscow, 2001. 9. Zherebchenko A.V., Milin A.E., Badalova P.I. Doping as a subject of crimes against public health and public morality // Bulletin of Economic Security. Legal sciences. 2018. No. 2.

10. Zhuk M.S. The object of crime as a criterion for building a system of institutions of a special part of criminal law // Society and Law. 2010. № 5 (32). 11. Kireeva T.A. Peculiarities of qualification and interpretation of an athlete's inclination to use substances and (or) methods prohibited for use in sports (art. 230.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Young Scientist. 2020. № 41. (331).
12. Kopturova R.E., Cherednik O.E. Problems related to the use of doping in sports and the tendency to its use // Young Scientist. 2019. № 40. (328)
13. Koshaeva T.O. On the issue of establishing criminal liability for violation of legislation on doping // Journal of Russian Law. 2017. № 6.
14. Course of criminal law / edited by N.F. Kuznetsova, I.M. Tyazhkova, G.N. Borzenkov, V.S. Komissarov. Moscow, 1999. Vol. 1. : General part. The doctrine of crime.
15. Kutuev L.R. Criminal liability for the inciting, distribution and use of substances and (or) methods prohibited for use in sports: dis. ... kand. jurid. sciences': 12.00.08. Moscow, 2018.
16. Mazur S. Object and types of crimes in the sphere of economic activity // Criminal law. 2002. № 3.
17. Maltsev V. The concept of a direct individual object of crime // Criminal law. 2011. № 5.
18. Nikiforov B.S. The object of crime under Soviet criminal law. Moscow, 1960.
19. Novoselov G.P. The doctrine of the object of crime. Methodological problems. M. Norma, 2001.
20. Peskov L.N., Brusnikina O.L. Problems of combating doping in sports: a monograph. Moscow: Prospekt, 2016.
21. Poznyshev S.V. Basic principles of the science of criminal law. The general part of criminal law. 2nd ed., ispr. and add. M., 1912.
22. Popov A.N., Aistova L.S. The object of the crime. The training manual. Saint Petersburg, 2014.
23. Poniatovskaya T.G., Rarog A.I., Shakhova T.V. Grounds for the criminal law prohibition of doping in Russia // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Series: History and Law. 2018. Vol. 8. No. 4 (29).
24. Prosumentov L.M. General characteristics of crimes encroaching on relations ensuring public health in the field of sports (Articles 230.1, 230.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2019. No. 33.
25. Safin A.Kh., Balaev I.I. Criminal liability for inducing an athlete to use substances and (or) methods prohibited for use in sports: problems and prospects // Questions of student science. No. 9 (61). September 2021.
26. Suleymanov S.T., Somov D.V. Criminal liability for inducing an athlete to use substances and (or) methods prohibited for use in sports // Electronic scientific journal "Science. Society. The State". 207. Vol. 5. No. 3 (19). http // esj.pnzgu.ru.
27. Tagantsev N.S. Russian criminal law : lectures. Moscow, 1991. Vol. 1 : Part General.
28. Fazliev A.A. Problems of determining the main direct object in the composition of crimes provided for in Articles 230.1-230.2 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. № 3(38). 2019.
29. Fazliev A.A., Krylova E.S. The signs of the crime object in Articles 230.1-230.2 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. № 3(38). 2020.
30. Fedorov L.V. Criminal liability for inducing the use of doping // Russian investigator. 2017. № 11.
31. Khinevich K.I. Problems of preventing an athlete from being induced to use substances and (or) methods prohibited for use in sports (doping) // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 6.
32. Fedorov L.V. Criminal liability for inducing the use of doping // Russian investigator. 2017. № 11.

Криптопреступления в условиях международных конфликтов: новые вызовы

Бабенко Владислав Александрович
магистр, НИУ «Высшая Школа Экономики»,
Babenko.berezovo@yandex.ru

В статье исследуется трансформация киберпреступности в условиях роста популярности криптовалют, которые стали ключевым инструментом для финансирования незаконной деятельности. Акцент делается на таких формах преступлений, как отмывание средств , торговля запрещёнными товарами в даркнете и уклонение от санкций в периоды международных конфликтов. Особое внимание уделяется тому, как геополитическая нестабильность и межгосударственные противоречия создают благоприятную среду для злоупотребления криптоактивами — от финансирования терроризма до манипуляций на финансовых рынках.

Авторы анализируют международный опыт противодействия этим угрозам, включая внедрение регуляторных норм (например, директив FATF, правил KYC/AML), развитие блокчейн-аналитики для отслеживания транзакций и усиление межгосударственного сотрудничества. Подчёркиваются ключевые проблемы: анонимность блокчейн-сетей, фрагментация законодательств и недостаточная квалификация правоохранительных органов. В статье предлагаются комплексные решения, такие как создание глобальных стандартов регулирования, интеграция искусственного интеллекта в мониторинг транзакций и формирование специализированных киберподразделений.

Исследование демонстрирует необходимость баланса между ужесточением контроля и сохранением децентрализованных преимуществ криптовалют. Результаты работы могут быть использованы для разработки стратегий снижения киберрисков в условиях цифровизации экономики и эскалации международных конфликтов.

Ключевые слова: Криптопреступления, преступления, оборот криптовалют, криптовалюты в условиях конфликтов, криптомошенничество, регулирование криптовалют.

В современном цифровом мире виртуальные активы занимают особое место как часть экономической системы и как объект правового регулирования. Успешное развитие технологий, таких как блокчейн и криптовалюты, привело к значительным переменам в финансовых потоках и методах проведения сделок. В то же время, стремительное внедрение виртуальных активов также создает новые вызовы для правоохранительных органов и регулирующих инстанций. В данной статье рассматриваются возможные формы преступных действий в сфере виртуальных активов и анализируются существующие уголовно-правовые механизмы, направленные на защиту цифровой экономики от злоупотреблений.

С каждым годом расширяется интерес как со стороны исследователей, так и со стороны практиков в вопросах использования и регулирования виртуальных активов. Виртуальные активы включают в себя не только криптовалюты, такие как Биткойн и Эфириум, но и различные токены, цифровые коллекционные предметы и другие формы цифрового имущества. Появление новых форм ценностей требует разработки адекватных правовых стратегий, которые помогут минимизировать риски, связанные с преступными действиями в этой области.

Не менее важным аспектом является необходимость исследования правовых основ и концептуальных подходов к уголовной ответственности за преступления, связанные с использованием виртуальных активов. Проблема киберпреступности имеет широкий спектр проявлений: от хищения средств в результате взломов онлайн-кошельков и брокерских платформ до отмывания доходов, полученных посредством незаконных операций с виртуальными активами. В этой связи следует отметить, что традиционные уголовно-правовые инструменты часто неэффективны для борьбы с такими новыми формами преступлений, что подчеркивает необходимость создания новых, специализированных норм, которые учитывали бы специфику виртуальных активов.

Сложившаяся ситуация требует интеграции усилий государственных структур, научного сообщества и бизнеса для разработки комплексных решений, позволяющих улучшить безопасное использование виртуальных активов, а также способствующих развитию правовой базы в данной сфере. Являясь важной частью глобальной экономики, виртуальные активы должны быть защищены от преступных посягательств, что, в свою очередь, требует более глубокого анализа текущего состояния правового регулирования и механизмов уголовной ответственности.

Сложная политическая ситуация влияет на все процессы, происходящие в государстве, еще сложнее переносятся затяжные конфликты, например, в Сомали и Афганистане с 1990-х годов проходят нескончаемые военные столкновения, децентрализованные и одноранговые системы становятся особенно актуальными, поскольку не зависят от инфраструктуры центральных банков (Smith, 2020). Примером такой системы является «hawala» - подпольный банкинг, основанный на доверии (Brown, 2019). Эта платежная система, зародившаяся в Средние века, работает без каких-либо документальных подтверждений финансовых операций (Jones, 2021). Все транзакции, будь то финансовые или физические, осуществляются на основе доверия участников. Криптовалюты, с другой стороны, используют сопоставимую сеть доверия, подкрепленную прозрачными транзакциями, облегченными современными компьютерными технологиями. Эта эволюция сделала криптовалюты полезными не только для законных целей, но и для незаконной деятельности.

Децентрализованные и одноранговые сети, которые привлекли к себе большое внимание в последние годы, отличаются способностью функционировать независимо от традиционных финансовых инфраструктур, включая центральные банки. Эти системы оказались особенно эффективными в условиях нестабильности и конфликтов, о чем свидетельствует появление неформальных каналов денежных переводов в таких регионах, как Сомали и Афганистан в 1990-е годы.

Система «hawala» - подпольный банковский метод, основанный на доверии и существовавший еще до появления современных финансовых систем. Действуя без официального документирования сделок, «хавала» полагается на взаимное доверие между участниками для беспрепятственного перевода средств, драгоценных металлов и других активов через границы (Bhatia, 2019).

Криптовалюты и механизмы их функционирования обладают рядом уникальных особенностей, которые не зависят от времени и границ. Эти особенности определяют новую форму транснациональной преступности - криптопреступность.

Криптопреступления могут совершаться в любом месте любым человеком, не требуя традиционного руководства и не привязываясь к конкретному месту. Они оказывают значительное влияние на финансовую систему государства и денежное обращение.

На конец 2024 года в мире насчитывалось более 617 миллионов пользователей криптовалюты. Это рост на 100 миллионов пользователей криптовалют по сравнению с предыдущим годом. В 2023 году было зарегистрировано 516 миллионов пользователей. А сначала 2021 года число пользователей криптовалют в мире выросло более чем на 377%.

В настоящее время существует 10 025 криптовалют. На сегодняшний день было выпущено более 20 000 криптовалют, но только около 50% из них активны. Остальные криптовалюты либо неактивны, либо прекратили своё существование.

С ростом популярности и распространённости блокчейна и криптовалют количество киберпреступлений стремительно увеличилось.Фишинг с использованием ИИ, уязвимости BRC-20 и новые уязвимости смарт-контрактов — только некоторые из самых серьёзных угроз, с которыми могут столкнуться криптопроекты и инвесторы.Пользователи криптовалюты потеряли 1,8 миллиарда долларов Из-за взломов И мошенничества. Однако 13,5% похищенных средств, или около 231,7 миллиона долларов, были возвращены в 19 случаях.[7]

После начала специальной военной операции России на Украине британскими исследовательскими компаниями была проанализирована активность криптовалютных организаций на территории Украины, которая показала, что украинское правительство при участии неправительственных организаций собрало за одну неделю более 63 млн долл. США в виде анонимных пожертвований в криптовалютеразместив специальные криптовалютные счета в Twitter-аккаунте правительства. [10]

Кроме того, было обнаружено колоссальное количество мошенников, которые обращались за пожертвованиями в криптовалюте в социальных сетях. Эксперты по безопасности Avast, которая осуществляет деятельность по разработке антивирусных программ, выявила сразу несколько десятков тысяч составов преступлений.[6].

В свете событий, которые происходят на Украине, рекордными темпами развивается криминальный рынок криптовалют. Это также связано с существующим недоверием к привычным финансовым институтам.

Следует отметить, что одно из авторитетных изданий такое как The New York Times в своих публикациях отмечает, введение санкций западом способствует увеличению криптоактивность не только на территории Украины, но и в России[11], так, например, Российская Федерация, опираясь на опыт Ирана и Северной Кореи, сможет использовать данную цифровую валюту для обхода санкций и ограничений.

Однако, не представляется возможным, даже представить ситуацию, при которой правительство Российской Федерации будет использовать криптовалюту для лавирования среди санкций Запада. В первую очередь это связано с неоднозначным отношением к криптовалюте на государственном уровне. При этом нельзя не отметить тот факт, что санкции западных стран отобразили интересную картину географии использования криптовалют на ведущих международных криптобиржах. Так, с платформы Binance, базирующейся в США, после объявления об ограничении транзакций российских пользователей и блокировки их криптовалютных счетов (ранее более 25 тыс. криптовалютных счетов россиян заблокировала криптобиржа Coinbase) были одномоментно двумя транзакциями выведены более 250 млн долл. США (20 млрд руб.) на неизвестный криптокошелек.

Ограничения, наложенные на вывоз российской валюты, вызвали рост интереса к легализации доходов, полученных незаконным путем, при этом все

чаще используются криптовалюты. Об этом свидетельствует рост активности транзакций на российских криптовалютных платформах с марта 2022 года. По данным международной компании Triple A, специализирующейся на криптовалютных платежах, в октябре 2021 года 12,7 % украинцев (5 565 881 человек) владели криптовалютами, что вывело Украину на первое место в мире по использованию криптовалют. Россия заняла второе место с 11,91 % (17 379 175 человек). Эти данные свидетельствуют о значительном распространении криптовалют в обеих странах, возможно, в ответ на ограничения на вывоз наличных в России[8].Россия и в 2024 году входит как минимум в топ 10 стран, по объему операций с криптовалютой и по количеству пользователей. В силу того, что многие биржи официально ушли из России и не позволяют регистрировать новые кошельки, подсчитать реальное число пользователей и объем рынка криптовалют в России весьма сложно. По оценкам разных экспертов, количество криптокошельков, зарегистрированных российскими лицами варьируется от 17 до 40 миллионов. В силу того, что многие биржи официально ушли из России и не позволяют регистрировать новые кошельки, подсчитать реальное число пользователей и объем рынка криптовалют в России весьма сложно. По оценкам разных экспертов, количество криптокошельков, зарегистрированных российскими лицами варьируется от 17 до 40 миллионов.

Резкие изменения курса криптовалют в первую очередь основаны на неконтролируемой преступности. Это связано с отсутствием механизмов регулирования данной ситуации, а также скудное международное сотрудничество. Первоначальный резкий рост, затем неожиданное снижение, именно таким будет положение на крипто биржев режиме санкций введенных Западом против Российской Федерации [1]. Правоохранительные органы попросту не в состоянии в данных условиях слаженно отрабатывать механизмы по борьбе с данным видом преступности.

В целом следует отметить, что одной из причин обращения все большего количества людей к криптовалюте -это проявление модной тенденции. Однако не только тренды способствуют продвижению цифровой валюты. Сохранить свои сбережения, а также укрыть от взора государственных надзорных инстанций обещают потребителям криптокошельки. Немаловажным фактором является доступность денежных средств в этом своеобразном хранилище из любой страны мира в существующих нестабильных политических ситуациях.

Изменения, которые происходят вследствие внедрения криптокошельков в зонах политических конфликтах исследуются многими научными центрами. Так, начиная с 2015 года работники Бостонского университета выявили закономерность, которая заключается в зависимости от уровня развития государства и внедрения криптовалют на различных стадиях с увеличением количества криптопреступлений[10].

Существование децентрализованных P2P-бирж позволяет без прохождения идентификации данных торговать наличными, что в свою очередь способствует обходить ограничения, которые присутствуют на крупных биржевых площадках, например, геоблокировка. Такие децентрализованные биржи позволяют также не самостоятельно, а через брокеров торговать на платформе. Поиск брокеров – это отдельная тема для рассуждения, однако при ближайшем рассмотрении данный вопрос легко разрешим при помощи социальных сетей. Социальные площадки всё чаще используются для подбора местных покупателей и продавцов. Все это помогает бороться с географическими ограничениями. Еще одним выходом из ситуации может послужить торговля с привлечением в качестве брокера близких друзей и родственников, проживающих за границей. Именно данные действия способствуют увеличению преступлений в криптоотрасли, так как данные способы обмена криптовалюты зачастую несут в себе легализацию преступных доходов и составы иных преступлений. На основании вышеизложенного, многие исследователи могут согласиться с мнением о том, что криптовалюты в этом контексте несут угрозу публичному правопорядку[3].

Существующая проблематика внедрения нормативно-правовой базы регулирующей криптоотрасль практически уничтожает надежду на широкое внедрение криптовалют в России. Все это связано с неразвитостью инфраструктуры, отсутствием доверия, а также высокой заинтересованностью преступных организаций. Одной из первоочередных задач к разрешению для окончательного принятия одной из предлагаемых в России форм регулирования криптоотрасли, является необходимость понимания более широкого контекста, анализа политических событий и событий в области безопасности для прогнозирования пиков спроса и взаимодействия с ними.

При этом следует учитывать, что любое нововведение будет сопровождаться особым вниманием со стороны групп лиц, занимающихся незаконной деятельностью. Вместе с прогрессом возрастает и уровень преступности, именно поэтому государству следует идти на шаг вперед, предотвращая развитие определенных событий, предлагая лучшую альтернативу в борьбе с легализацией преступных доходов, а также упрочнение положения национальной валюты. Реформирование системы уголовных наказаний, путем включения и дальнейшего распространения ответственности за незаконный оборот криптовалюты. Все вышеизложенное является задачами, поставленными для государства, посредством решения которых будет достигнута цель – обеспечение финансовой безопасности и борьба с оттоком капитала из страны.

Не представляется возможным и возврат виртуальных активов из-за рубежа в порядке уголовного судопроизводства, поскольку такой возврат «возможен лишь при наличии формальной юридической регламентации соответствующих процедур, включая вопросы разработки системы оценки, хранения,

управления и изъятия виртуальных активов в доход государства»[2].

Однако позиция Центрального банка остается неизменной. Она обусловлена в первую очередь существующими «стабильными» цифровыми активами. Примером может послужить стейблкоин, который подкреплен валютой, нефтью, золотом. Правительство также выступает против ускорения процесса реализации криптовалют. Данное свидетельствует о том, что неготовность системы в внедрению инноваций представляет раздолье для незаконных операций. В данном случае рекомендацией будет являться ускорение процессов по заполняемости ниш любого рода для предотвращения самого представления о возможности проведения нелегализованных операций.

Геополитическая обстановка, складывающаяся, вокруг Российской Федерации способствует росту легальной криптоактивности и нелегальной криптопреступности. Следует учитывать, что особенно повлияла проводимая в последние годы специальная военная операция.Именно поэтому основным направлением по урегулированию данной сферы должна выступать модернизация мер уголовно-правового характера.

Правоохранительным органам всех государств необходимо объединиться, наладить каналы связи для разрешения данной ситуации. Данное носит международный характер, а не локальный, соответственно над решением возникающих в процессе развития криптоотрасли сложностей необходима совместная работа.

Следует также проанализировать опыт зарубежных стран, например, в США любая подозрительная денежная деятельность служит основанием для замораживания средств, в том числе виртуальных. Это достигается благодаря использованию криптовалютных технологий без необходимости принятия специального законодательства.

В Российской Федерации процесс конфискации и удержания нелегальной криптовалюты должен быть организован по аналогии с тем, как это делается в США. Для этого необходимо разработать и утвердить такой нормативно-правовой акт, который позволит правоохранительным органам действовать с использованием криптовалютных кошельков (холодного хранения [5]). Такая мера обеспечит единообразное применение процедуры на всей территории России и усилит финансовый контроль за оборотом криптовалют до законодательного определения их статуса, ведь дополнительный уровень защиты холодных криптокошельков будет способствовать не только противостоянию перед криптомошенниками, но и обеспечит дополнительный уровень защиты средств пользователя, а также дополнительный контроль.

Немаловажным остается обеспечение единообразияв подходах всех заинтересованных органов при рассмотрении дел, связанных с криптовалютами. Единая процедура поможет избежать разночтений в применении правовых норм, а также будет способствовать более эффективному расследованию.

Для совершенствования законодательного регулирования криптоотрасли необходимо напрямую взаимодействовать спрофильными специалистами в области криптографии и технологии блокчейн. Только знания и опыт профессионалов могут помочь правоохранительным органам получить более глубокое представление об этой сфере и принять более обоснованные решения.

В заключение следует отметить, что в борьбе с преступлениями, связанными с криптовалютами, крайне важно наладить тесное сотрудничество между российским правительством и международными организациями. Обмен практикой и опытом может значительно повысить эффективность совместных усилий по борьбе с трансграничной киберпреступностью.

Литература

1. Евдокимов К. Н. Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. — М., 2022. — 73 с.

2. Кунев Д. А. Противодействие перемещению преступных активов за рубеж и их возврат в Российскую Федерацию: уголовно-процессуальные аспекты : дис. канд. юрид. наук: 12.00.09. — М., 2019. — 289 с.

3. Ситник А. А. Правовое регулирование финансового контроля и надзора в сфере денежного обращения в Российской Федерации: дис. д-ра юрид. наук: 12.00.04. — М., 2020. — 506 с.

4. Аналитический обзор рынка криптовалют от 15.03.2022. - URL: https://bits.media/pr/analiticheskiy-obzorrynka-kriptovalyut-ot-15-marta-2022-goda (дата обращения: 16.01.2025).

5. Как спецоперация влияет на криптовалюты в России в 2022 году: запреты и изменения с начала спецоперации. - URL: https://crypt-mining.net/news/kak-specoperacija-vlijaet-na-kriptovaljuty-v-rossii-v-2022 (дата обращения: 15.01.2025).

6. Avast warns users of crypto scams taking advantage of Ukraine conflict. - URL: https://blog.avast.com/cryptoscams-taking-advantage-of-ukraine-conflict-avast (дата обращения: 15.01.2025).

7. Blockchain Statistics 2025 — Adoption Rate, & Users. - URL: https://www.demandsage.com/blockchain-statistics/ (дата обращения: 15.01.2025).

8. Cryptocurrency information about the USA. URL: https://triple-a.io/crypto-ownership/?utm_source=ixbtcom (дата обращения: 16.01.2025).

9. Cryptocurrency in Conflict Zones: Risks and Opportunities. URL: https://fintrail.com/news/2021/9/2/cryptocurrency-in-conflict-zones-risks-and-opportunities (дата обращения: 16.01.2025).

10.Live Updates: Ukraine Government Turns to Crypto to Crowdfund Millions of Dollars. - URL: https://www. elliptic.co/blog/live-updates-millions-in-

crypto-crowdfunded-for-the-ukrainian-military (дата обращения: 15.01.2025).

11.Russia Could Use Cryptocurrency to Blunt the Force of U. S. Sanctions. - URL: https://www.nytimes.com/2022/02/23/business/russia-sanctions-cryptocurrency.html (дата обращения: 15.01.2025).

Cryptocrimes in the Context of international conflicts: new Challenges

Babenko Vladislav Alexandrovich

Higher School of Economics

This article examines the transformation of cybercrime in the context of the growing popularity of cryptocurrencies, which have become a key tool for financing illegal activities. The focus is on such forms of crime as money laundering, darknet trading of prohibited goods, and sanctions evasion during international conflicts. Particular attention is paid to how geopolitical instability and interstate contradictions create a favorable environment for the abuse of crypto assets - from terrorist financing to financial market manipulation. The authors analyze international experience in countering these threats, including the introduction of regulatory standards (e.g. FATF directives, KYC/AML rules), the development of blockchain analytics for transaction tracking, and increased interstate cooperation. Key problems are highlighted: the anonymity of blockchain networks, the fragmentation of legislation, and the insufficient qualification of law enforcement agencies. The article proposes comprehensive solutions, such as the creation of global regulatory standards, the integration of artificial intelligence into transaction monitoring, and the formation of specialized cyber units. The study demonstrates the need for a balance between tightening controls and preserving the decentralized benefits of cryptocurrencies. The results of the work can be used to develop strategies for reducing cyber risks in the context of digitalization of the economy and escalation of international conflicts.

Keywords: Cryptocrimes, crimes, cryptocurrency turnover, cryptocurrencies in conflicts, crypto fraud, cryptocurrency regulation.

References

1. Evdokimov K. N. Combating computer crime: theory, legislation, practice: author's abstract. dis. ... Doctor of Law: 12.00.08. - M., 2022. - 73 p.
2. Kunev D. A. Combating the movement of criminal assets abroad and their return to the Russian Federation: criminal procedural aspects: dis. candidate of law: 12.00.09. - M., 2019. - 289 p.
3. Sitnik A. A. Legal regulation of financial control and supervision in the sphere of money circulation in the Russian Federation: dis. Doctor of Law: 12.00.04. - M., 2020. - 506 p.
4. Analytical review of the cryptocurrency market dated 03/15/2022. - URL: https://bits.media/pr/analiticheskiy-obzorrynka-kriptovalyut-ot-15-marta-2022-goda (date of access: 16.01.2025).
5. How the special operation affects cryptocurrencies in Russia in 2022: bans and changes since the beginning of the special operation. - URL: https://crypt-mining.net/news/kak-specoperacija-vlijaet-na-kriptovaljuty-v-rossii-v-2022 (date of access: 15.01.2025).
6. Avast warns users of crypto scams taking advantage of Ukraine conflict. - URL: https://blog.avast.com/cryptoscams-taking-advantage-of-ukraine-conflict-avast (date of access: 15.01.2025).
7. Blockchain Statistics 2025 — Adoption Rate, & Users. - URL: https://www.demandsage.com/blockchain-statistics/ (accessed: 15.01.2025).
8. Cryptocurrency information about the USA. URL: https://triple-a.io/crypto-ownership/?utm_source=ixbtcom (accessed: 16.01.2025).
9. Cryptocurrency in Conflict Zones: Risks and Opportunities. URL: https://fintrail.com/news/2021/9/2/cryptocurrency-in-conflict-zones-risks-and-opportunities (accessed: 16.01.2025).
10. Live Updates: Ukraine Government Turns to Crypto to Crowdfund Millions of Dollars. - URL: https://www.elliptic.co/blog/live-updates-millions-in-crypto-crowdfunded-for-the-ukrainian-military (accessed on 15.01.2025).
11. Russia Could Use Cryptocurrency to Blunt the Force of U. S. Sanctions. - URL: https://www.nytimes.com/2022/02/23/business/russia-sanctions-cryptocurrency.html (accessed on 15.01.2025).

Проблемы расследования и предупреждения преступлений, совершаемых с использованием цифровых активов

Бабенко Владислав Александрович
магистр, НИУ «Высшая Школа Экономики», Babenko.berezovo@yandex.ru

Работа посвящена рассмотрению вопросов, связанных с влиянием цифровизации на современную преступность. Авторами выявляются тенденции в использовании виртуальной валюты в преступной деятельности. Обращается внимание на отсутствие четкого законодательного регулирования в отношении криптовалюты и предметов хищения в данной области, а также анализируется существующая судебная практика. Отмечается, что отсутствие чёткого законодательного регулирования негативно отражается на процессе доказывания противоправных деяний, сопряженных с использованием криптовалюты и иной виртуальной валюты. Правоприменители сталкиваются с проблемами определения стоимости этих финансовых активов, отсутствием отработанных и надёжных механизмов доказывания, чётких схем и алгоритмов применения и использования различных программных продуктов, которые направлены на фиксацию факта совершения транзакций, определения времени и места совершенных сделок (переводов) как преступниками, так и потерпевшими.
Ключевые слова: цифровые активы, криптовалюты, криптопреступления, расследование цифровых преступлений.

Большие изменения за последнее десятилетие наблюдаются среди преступности. В наши дни большинство преступлений совершаются в сети Интернете, например, такие как отмывание денег и использование криптовалюты в преступных целях. Криптовалюта– это набор цифровых кодов и символов, которые хранятся в компьютерной системе, защищенной шифрованием[1].Преступления, которые наиболее часто совершаются с участием цифровых активов, также включают финансирование терроризма, мошенничество, атаки программ-вымогателей, незаконный оборот наркотиков и другие нелегальные действия.

Криминальные элементы используют криптовалюты для отмывания денег, чтобы скрыть источник незаконно полученных средств, что затрудняет отслеживание их происхождения. Также цифровые активы применяются для финансирования террористических группировок, поскольку позволяют анонимно переводить деньги через границы. Мошенничество с использованием криптовалют включает в себя предложения фальшивых инвестиционных возможностей и другие обманные действия, направленные на то, чтобы заманить жертв и украсть их деньги.

Кроме того, криптовалюта используются для покупки и продажи нелегальных товаров и услуг, таких как наркотики, благодаря анонимности, которую они предоставляют. Цифровые активы также подвержены кражам через хакерские атаки, фишинг и другие киберпреступления, когда злоумышленники получают несанкционированный доступ к кошелькам или обменным платформам для похищения средств. Наконец, отдельные лица и организации могут использовать криптовалюты для уклонения от налогов, скрывая доходы или активы в цифровой форме.

Развитие финансовых технологий оказали большое влияние на преступность. Уверенно шагающие вперед информационные технологии также оставили свой след, путем цифровизации практически всех сфер жизни общества[2].Одним из наиболее часто встречающихся видов «современного» преступления выступает хищение криптовалюты. Однако следует отметить, что складывающаяся в настоящее время судебная практика, касающегося признания криптовалюты объектом хищения, продолжает вызывать вопросы [4].

Данный вопрос возникает в связи с природой криптовалюты, а именно заключается в том, можно ли считать ее предметом хищения, учитывая, что любая криптовалюта является компьютерной ин-

формацией. В современных условиях использование криптовалюты в России остается нерегулируемым, поскольку в законодательной базе страны отсутствуют специальные положения, касающиеся этого цифрового актива. Гражданский и Налоговый кодексы Российской Федерации не дают определения термину «криптовалюта», а в уголовно-процессуальном и уголовном законодательстве он прямо не рассматривается. Поэтому многие исследователи опираются на Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», который устанавливает понятие электронных денег и электронных платежных инструментов. Кроме того, ученые ссылаются на Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 установлено, что хищение криптовалюты должно рассматриваться как уголовное преступление. Судебная практика показала, что данная норма закона эффективно применяется при вынесении приговоров[6].

Создание юридической фикции представляет собой осознанное применение вымышленной юридической предпосылки для решения определённой задачи или правового вопроса. При этом разрабатывается условная ситуация, которая признаётся действительной в рамках законодательства, даже если она не соответствует реальным фактам. Такой метод часто применяют для разрешения сложных юридических ситуаций или адаптации правовых норм к меняющимся условиям. Именно такой выход из сложившейся ситуации предлагают ряд исследователей. Это связано с мнением о том, что законодатель не должен торопиться признавать цифровую валюту видом имущества, а идти по «пути конструирования юридической фикции» и не более того [7].

Кроме того, важно учитывать, что крайне сложно определить стоимость украденной криптовалюты. Из-за децентрализации криптовалюты не существует единого способа сделать это. Это затрудняет проведение ее анализа, а если бы он и проводился, то пришлось бы использовать онлайн-конвертеры, что также затруднительно. Чтобы зарегистрировать стоимость имущества, необходимо установить его реальную сумму на момент кражи. Для этого необходимо знать время совершения преступления и учитывать различные криптовалютные биржевые стоимости криптовалюты, это в свою очередь будет влиять на квалификацию деяния.

Несмотря на отсутствие в настоящее время законодательного регулирования криптовалюты и операций с ней, многие страны активно используют их в транзакционных целях и занимаются созданием базы для их использования. Опрос крупнейших банков 65 стран показал, что около 86% из них проводили исследования в области цифровых валют. Доля центральных банков, разрабатывающих собственные прототипы, увеличилась с 42% в 2020 году до 60% в 2021 году. Согласно общедоступной информации, центральные банки США, Великобритании, Франции, Канады, Швеции, Японии, Кореи и Сингапура, а также Европейский центральный банк в последние годы реализуют различные планы, связанные с цифровыми валютами.

Управление оборотом криптовалюты основано на распределенных сетях, где каждый участник имеет доступ к реестру транзакций, известному как блокчейн. Безопасность транзакций обеспечивается сложными криптографическими алгоритмами, которые также защищают персональные данные пользователей. Каждая транзакция подписывается цифровой подписью (ключом), которая гарантирует подлинность и предотвращает подделку. Различные криптовалюты и алгоритмы учета данных предлагают разные уровни анонимности, позволяя пользователям скрывать свою личность и детали транзакций. Такая анонимность привлекает людей к участию в преступной деятельности. Возможность проводить быстрые транзакции в глобальном масштабе без посредников помогает избежать внимания, которого стремится избежать преступное сообщество. Кроме того, следует отметить, что комиссии за транзакции обычно невелики, особенно при международных переводах, что помогает избежать таможенных пошлин.

Правоохранительные органы должны усовершенствовать методы предотвращения, расследования и раскрытия преступлений, связанных с криптовалютами. Для этого необходимы специальные стратегии расследования. Крайне важно в такой ситуации прибегать к помощи экспертов, хорошо разбирающихся в этой сфере. Они необходимы для поиска и документирования электронных доказательств, что является важной частью любого расследования.[9].

Двойственная природа криптовалюты, являющейся одновременно предметом кражи и инструментом преступной деятельности, ставит перед следователями серьезные задачи, особенно учитывая ее функционирование в цифровой сфере. Всеобъемлющий и прозрачный учет операций в информационно-коммуникационной среде затрудняет сбор доказательств, тем самым ограничивая следственные возможности правоохранительных органов. Однако в ходе следственной проверки сотрудники правоохранительных органов часто могут обнаружить использование криптовалюты в преступлении[10].

Процесс расследования, в том числе и преступлений с криптовалютой, включает в себя выявление, документирование и сбор доказательств. Это имеет решающее значение в делах, когда необходимо исследовать место преступления на предмет наличия следов незаконной деятельности. Требуется специальное криптовалютное программное обеспечение. Так как, например, крипто кошельки могут быть установлены и работать даже на современных мобильных устройствах, для них не требуется специальное оборудование.

Использование криптовалюты в совершении преступлений может быть доказано только при помощи специального программного обеспечения. Следователи должны обладать опытом в данной области для расследования такого рода преступлений. Уголовные процедуры требуют привлечения экспертов, поскольку следователям необходимы специальные знания, чтобы найти, зафиксировать и использовать доказательства для успешного расследования.

Мобильные устройства содержат важные для уголовного расследования данные. При конфискации таких устройств учтите, что большинство из них имеют возможность удаленного доступа. Чтобы предотвратить удаленное удаление данных, отключите доступ к сети на изъятом устройстве. Транспортируйте и храните устройство в клетке Фарадея. Клетка Фарадея представляет собой устройство, которое экранирует объект, находящийся внутри от окружающих электромагнитных полей. Облачные хранилища становятся все более распространенными. Они используют удаленные серверы для хранения больших объемов данных. Также очень распространены карты флэш-памяти, которые используются в большинстве современных электронных устройств [11].

Цифровой след состоит из двух элементов: во-первых, физического носителя - электромагнитного поля и, во-вторых, технического устройства, хранящего информацию. Последнее может иметь определенные пространственные границы или не иметь определенной формы при беспроводной передаче информации. Информация - это данные, хранящиеся в устройствах (телефонах, диктофонах, камерах)Кроме того, следует отличать активные и пассивные цифровые следы. Данное крайне важно при определении субъекта преступления [12].

Эксперты криминалисты, получая в руки очередное вещественное доказательство изучают содержащуюся на устройстве информацию. Существуют случаи, когда необходимая информация не зашифрована, а вовсе удалена с устройства, в таком случае перед экспертами встает новая задача в восстановлении. С помощью программных продуктов можно получить для следствия записи с диктофонов, чатов, звонков и тому подобного.

Новейшие научно-исследовательские возможности, открывают для криминалистической и судебно-экспертной деятельности новые горизонты [13]. Однако в виду сложной политической ситуации, многие продукты непригодны к использованию на территории Российской Федерации. Несмотря на это, российские разработчики также создали программу отечественного производства«Мобильный эксперт» (разработчик - компания Oxygen Software, Россия). Данная программа была создана в первую очередь для восстановления необходимых данных с мобильных устройств.

Belkasoft Evidence Center - это криминалистический программный комплекс, позволяющий извлекать, искать, анализировать и сохранять цифровые доказательства. С его помощью можно исследовать компьютерные накопители и их изображения в различных форматах, данные облачных приложений и содержимое оперативной памяти, а также заблокированные или зашифрованные смартфоны[14]. Еще одной аналогичной программой является ElcomSoft Mobile Forensic Bundle (разработчик ООО «Элкомсофт», Россия) – ПО для извлечения данных из мобильных устройств методами физического, логического и облачного анализа.

В исследованиях подчеркивается критическая роль правоохранительных органов в оперативном осмыслении и адаптации к изменениям в сфере цифровых технологий и преступности. В наши дни для борьбы с киберпреступлениями необходимо обладать в первую очередь ресурсами для эффективного, быстрого сбора и анализа цифровых доказательств[15]. Это связано с тем, что программные средства для обработки, а также изъятия требуемой информации с вещественных доказательств являются ценными активами, которые необходимы в работе правоохранительных органов при раскрытии киберпреступлений.

Литература

1. Багмет А.М. Цифровые следы преступлений: монография / А.М. Багмет. – М.: Проспект, 2023. - 168 с.

2. Горбунова Е.Ю. Мобильные телефоны Honor: от изъятия к исследованию / Е.Ю. Горбунова // Эксперт-криминалист. - 2023. - № 2. - С. 15–18.

3. Долгиева М.М. Квалификация вымогательства криптовалюты / М.М. Долгиева // Вестник Воронежского института МВД России. - 2022. - № 3. - С. 219–224.

4. Долгиева М.М. Цифровой ущерб от преступления: практические вопросы / М.М. Долгиева // Вестник Томского государственного университета. - 2023. - № 487. - С. 206–211.

5. Захарова В.О. О некоторых ошибках, допускаемых при назначении судебных компьютерных экспертиз и оценке заключения эксперта / В.О. Захарова, Р.И. Заболотский // Эксперт-криминалист. - 2022. - № 1. - С. 17–20.

6. Земцова С.И. Криптовалюта как объект криминалистического исследования при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: учебное пособие / С. И. Земцова, П. В. Галушин, А. Л. Карлов; Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования "Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации". — Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021. — 104 с. : ISBN 978-5-7889-0320-0.

7. Зинин А.М. Мышление человека и искусственный интеллект в аспекте сравнительного исследования внешнего облика человека по его изображениям / А.М. Зинин, О.Г. Дьяконова // Эксперт-криминалист. - 2023. - № 3. - С. 2–5.

8. Криминалистика: учебник для вузов. В 5 томах. Т. 3. Криминалистическая техника / И.В. Алексан-

дров [и др.]; под общей редакцией И.В. Александрова; ответственный редактор Н. Н. Егоров. – М.: Юрайт. - 2023. - 216 с.

9. Махтаев М.Ш. Электронные носители информации как объекты криминалистического исследования / М.Ш. Махтаев // Электронные носители информации в криминалистике: материалы круглого стола (г. Москва, 13 мая 2016 г.): сборник докладов. – М.: МГУ - 2016. С.

10. Пикуров Н.И. Проблемы определения юридической природы криптовалюты для квалификации преступлений против собственности / Н.И. Пикуров // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. - 2021. - № 4 (84). - С. 59–69.

11. Простосердов М.А. Криптовалюта как предмет хищения / М.А. Простосердов // Российское правосудие. - 2016. - № 6 (122). - С. 107–111.

12. Сидоренко Э.Л. Defi-преступность: состояние, тенденции и криминологические модели / Э.Л. Сидоренко // Russian Journal of Economics and Law. - 2023. - Т. 17. № 2. - С. 327–341.

Problems of investigation and prevention of crimes committed using digital assets

Babenko V.A.

Higher School of Economics

The work is devoted to the consideration of issues related to the impact of digitalization on modern crime. The authors identify trends in the use of virtual currency in criminal activities. Attention is drawn to the lack of clear legislative regulation regarding cryptocurrency and stolen items in this area, and the existing judicial practice is analyzed. It is noted that the lack of clear legislative regulation negatively affects the process of proving illegal acts associated with the use of cryptocurrency and other virtual currencies. Law enforcement officers face problems in determining the value of these financial assets, the lack of proven and reliable mechanisms for proving, clear schemes and algorithms for the application and use of various software products that are aimed at recording the fact of transactions, determining the time and place of transactions (transfers) made by both criminals and victims.

Keywords: digital assets, cryptocurrencies, cryptocrimes, investigation of digital crimes.

References

1. Bagmet A.M. Digital traces of crimes: monograph / A.M. Bagmet. - M .: Prospect, 2023. - 168 p.
2. Gorbunova E.Yu. Honor mobile phones: from seizure to examination / E.Yu. Gorbunova // Forensic expert. - 2023. - No. 2. - P. 15-18.
3. Dolgieva M.M. Qualification of cryptocurrency extortion / M.M. Dolgieva // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2022. - No. 3. - P. 219-224.
4. Dolgieva M.M. Digital damage from crime: practical issues / M.M. Dolgieva // Bulletin of Tomsk State University. - 2023. - No. 487. - P. 206-211.
5. Zakharova V.O. On Some Mistakes Made When Appointing Forensic Computer Examinations and Assessing Expert Opinions / V.O. Zakharova, R.I. Zabolotsky // Forensic Expert. - 2022. - No. 1. - P. 17–20.
6. Zemtsova S.I. Cryptocurrency as an Object of Forensic Research in Investigating Crimes in the Sphere of Illegal Trafficking of Narcotic Drugs and Psychotropic Substances: A Textbook / S.I. Zemtsova, P.V. Galushin, A.L. Karlov; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation". - Krasnoyarsk: SibLu MIA of Russia, 2021. - 104 p.: ISBN 978-5-7889-0320-0.
7. Zinin A.M. Human Thinking and Artificial Intelligence in the Aspect of a Comparative Study of Human Appearance Based on Images / A. M. Zinin, O. G. Dyakonova // Forensic Expert. - 2023. - No. 3. - P. 2–5.
8. Forensic Science: A Textbook for Universities. In 5 Volumes. Vol. 3. Forensic Science Technology / I. V. Aleksandrov [et al.]; General Editor I. V. Aleksandrov; Editor-in-Chief N. N. Egorov. – Moscow: Yurait. - 2023. - 216 p.
9. M. Sh. Makhtayev. Electronic Storage Media as Objects of Forensic Research / M. Sh. Makhtayev // Electronic Storage Media in Forensic Science: Round Table Materials (Moscow, May 13, 2016): Collection of Papers. – M.: Moscow State University - 2016. P.
10. Pikurov N.I. Problems of determining the legal nature of cryptocurrency for the qualification of crimes against property / N.I. Pikurov // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. - 2021. - No. 4 (84). - P. 59–69.
11. Prostoserdov M.A. Cryptocurrency as an object of theft / M.A. Prostoserdov // Russian justice. - 2016. - No. 6 (122). - P. 107–111.
12. Sidorenko E.L. Defi-crime: state, trends and criminological models / E.L. Sidorenko // Russian Journal of Economics and Law. - 2023. - Vol. 17. No. 2. - P. 327–341.

Уголовно-исполнительные, правовые, криминологические и оперативно-розыскные проблемы преступности в сфере экономики, влияющие на уголовную ответственность за легализацию активов организованной преступности

Лозовицкая Галина Петровна
доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

Логинов Александр Владимирович
преподаватель кафедры трудового права ФГБОУ ВО «СГЮА», заместитель начальника отдела морально-психологического обеспечения управления по работе с личным составом Главного управления внутренних дел Российской Федерации по Саратовской области

Минеев Виктор Анатольевич
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Королёвского филиала Международного юридического института

Соколинский Юрий Валерьевич
студент Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

Проблемы противодействия легализации преступных доходов входят в число приоритетных задач как российского, так и международного права. Они затрагивают основы глобальной экономической безопасности. Доходы, полученные преступным путем, могут быть зарегистрированы как физическими лицами, так и компаниями, которые используют преступные схемы для извлечения незаконной прибыли. Однако, наиболее опасны преступления в сфере экономики со стороны организованных преступных формирований. Актуальность статьи состоит в разноотраслевом подходе исследования к обозначенной проблематике, что обусловило необходимость выделения определенной классификации мер, направленных на уголовно-исполнительное предотвращение, оперативно-розыскное выявление и криминалистическое пресечение схем легализации преступных доходов. Проведен обширный уголовно-исполнительный, криминологический и уголовно-правовой анализ преступности в сфере экономики.
Ключевые слова: уголовно-исполнительные проблемы, правовые вопросы, криминологические тенденции, анализ преступности, оперативно-розыскные проблемы преступности, преступность в сфере экономики, уголовная ответственность, легализация активов организованной преступности, криминалистические меры, уголовно-правовые средства, уголовно-процессуальные доказательства, криминологические меры, выявление легализации преступных доходов; расследованию преступлений связанных с легализацией денежных средств, полученных в результате преступной деятельности, преступность в сфере экономики, коррупция, тенденции применения статей 174 и 174.1 УК РФ, осужденные за экономические преступления.

Проведенный нами анализ преступности в сфере экономики позволил выделить целый ряд основных проблем, которые, по мнению авторов, можно сгруппировать (классифицировать) по некоторым отраслям права. Более того, полученная в обозначенном ключе классификация, позволила вычленить их из рассматриваемого массива преступности: уголовно-исполнительные, правовые, криминологические и оперативно-розыскные проблемы преступности в сфере экономики, влияющие на уголовную ответственность за легализацию активов организованной преступности и, соответственно, – определить особенности организации деятельности правоохранительных и иных органов по документированию преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ в целях их как оперативного раскрытия, так и привлечения виновных к справедливой уголовной ответственности.

Сразу следует оговориться, что ранее авторы отчасти затрагивали рассматриваемую проблематику в тех или иных научных трудах[32]. Однако, в исследуемых в данной статье направлениях авторским коллективом проблематика рассматривается впервые.

Итак, для начала продемонстрируем авторский анализ, позволивший создать упомянутую выше классификацию.

Во-первых, в рамках изучения проблематики, нами был произведен частотный анализ, позволивший выделить уголовно-исполнительные и правоприменительные проблемы преступности в сфере экономики, влияющие на уголовную ответственность за легализацию активов организованной преступности, выводы по которому представлены в разделе 1 и в последующих разделах.

Частотный анализ тенденции применения статьи 174 УК РФ

[32] См., например: Лозовицкая, Г. П. Использование искусственного интеллекта в расследовании киберпреступлений: возможности и риски / Г. П. Лозовицкая, М. М. Малькута, К. М. Родионова // Актуальные вопросы расследования преступлений в сфере компьютерной информации или с применением компьютерных технологий в условиях цифровизации экономики и государственного управления : Материалы Межвузовского круглого стола, Москва, 23 ноября 2023 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2024. – С. 51-59. – EDN BTCRNQ ; Лозовицкая, Г. П. Неочевидные ограничения режима совместного использования объекта интеллектуальных прав при исполнении законодательства о закупках для государственных и муниципальных нужд / Г. П. Лозовицкая, В. А. Минеев // Актуальные вопросы публично-правового регулирования экономических отношений : Материалы межвузовской научно-практической конференции, Москва, 21 декабря 2023 года. – Москва: ООО «РУСАЙНС», 2024. – С. 6-12. – EDN CKGWWV; Лозовицкая, Г. П. Прогнозирование уровня преступности в городах на основе демографических данных / Г. П. Лозовицкая, Ю. В. Соколинский, В. А. Шалько // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. – 2024. – № 53(53). – EDN GQEKPZ; Лозовицкая, Г. П. Оценка современного мирового рынка криптовалют в контексте государственно-правового регулирования и легализации доходов, полученных преступным путём / Г. П. Лозовицкая, А. В. Логинов, А. М. Гунин // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. – 2024. – № 53(53). – EDN UNCFZI; Соколинский, Ю. В. Прогнозирование тенденций киберпреступности с учетом демографических и экономических данных / Ю. В. Соколинский, М. О. Соколинская, Г. П. Лозовицкая // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. – 2024. – № 54(54). – EDN FZPGIX; Григорьев, В. В. образование будущего, игры и метавселенные / В. В. Григорьев, Г. П. Лозовицкая // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. – 2024. – № 55(55). – EDN JSQUZC; Лозовицкая, Г. П. Правовое регулирование использования дипфейков в России: анализ текущего законодательства / Г. П. Лозовицкая, Ю. В. Соколинский // Учёные труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева. – 2024. – № 3(74). – С. 111-114. – EDN ZTUIBH.

С помощью частотного анализа мы проанализировали тенденции применения статьи 174 УК РФ (далее – «статьи 174») в сравнении с общим числом экономических преступлений за последние годы, а именно за период с 2009 по 2024 гг. Стоит подчеркнуть, что статья 174 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем» предусматривает уголовную ответственность за:

- совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными другими лицами преступным путем, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом (часть 1) и наказывается штрафом в размере до ста двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года;

- то же деяние, совершенное в крупном размере (часть 2), и наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до двух лет со штрафом в размере до пятидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев либо без такового;

- деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, совершенные:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) лицом с использованием своего служебного положения (часть 3), и наказываются принудительными работами на срок до трех лет с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового либо лишением свободы на срок до пяти лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет или без такового, с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового;

- деяния, предусмотренные частью первой или третьей настоящей статьи, совершенные:

а) организованной группой;

б) в особо крупном размере (часть 4), и наказываются принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового либо лишением свободы на срок до семи лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет или без такового, с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового.

В Примечании к данной статье определено: Финансовыми операциями и другими сделками с денежными средствами или иным имуществом, совершенными в крупном размере, в настоящей статье и статье 174.1 настоящего Кодекса признаются финансовые операции и другие сделки с денежными средствами или иным имуществом, совершенные на сумму, превышающую один миллион пятьсот тысяч рублей, а в особо крупном размере - шесть миллионов рублей»[33].

Следует отметить так же, что упомянутая в примечании УК РФ статья 174.1. «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления» (далее – «статья 174.1») предусмотрела уголовную ответственность за:

- совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными лицом в результате совершения им преступления, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом (часть 1), за что наказывается штрафом в размере до ста двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года;

- то же деяние, совершенное в крупном размере (часть 2), за которое наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до двух лет со штрафом в размере до пятидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев либо без такового;

- деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, совершенные:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) лицом с использованием своего служебного положения (часть 3), за которые они наказываются принудительными работами на срок до трех лет с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового либо лишением свободы на срок до пяти лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет или без такового, с ограничением свободы на срок до двух лет или без

[33] Консультант Плюс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/4dfcfc8807c829f92212ce92efe818c4a707a3ca/

такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового;

- деяния, предусмотренные частью первой или третьей настоящей статьи, совершенные:

а) организованной группой;

б) в особо крупном размере (часть 4), - за что данные субъекты преступления наказываются принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового либо лишением свободы на срок до семи лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет или без такового, с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового[34].

Общая тенденция применения статьи 174 УК РФ (частотный анализ)

Анализ частоты применения статьи 174 в сравнении с общим числом экономических преступлений за последние годы показывает:

1.1. Снижение доли осужденных по статье 174 среди всех экономических преступлений.

Так, в 2009 году их доля составляла около 0.06%, а к 2013 году снизилась до 0.018%. Данная тенденция указывает на редкое использование данной статьи относительно других экономических преступлений.

1.2. Стабильность общей динамики. После резкого снижения в 2010 году (с 0.061% до 0.026%), доля остаётся примерно на одном уровне (около 0.018–0.02%) в последующие годы.

Причины снижения доли осуждённых по статье 174 УК РФ

Анализ причин снижения доли осуждённых по статье 174 УК РФ позволил сделать следующие выводы по создавшимся проблемам:

Сложности доказывания:

Статья 174 применяется для привлечения к уголовной ответственности за легализацию доходов, полученных преступным путём, что требует доказательства источника средств. Это сложнее, чем доказывание факта предикатного преступления, такого как кража или мошенничество. Часто легализация является "продолжением" основного преступления и в правоприменительной практике не выделяется в отдельный состав.

Фокус на предикатных преступлениях:

Органы следствия и суда все чаще сосредотачиваются на первичных преступлениях (например, мошенничество, коррупционные преступления) и используют их как основной состав.

Недостаточная подготовка специалистов:

Доказывание состава легализации требует глубокого понимания финансовых и экономических процессов, что может быть слабо развито в правоохранительных органах в силу недостаточной подготовки специалистов.

В этой связи в научной литературе верно отмечается, что для того, чтобы сотрудник полиции был профессионально успешен, ему необходимо овладеть цифровыми компетенциями в таких областях как: информационная грамотность, коммуникация и сотрудничество, создание цифрового контента, цифровая безопасность и тому подобным. Владение цифровыми навыками, основанными на знаниях и умениях в области применения цифровых устройств, коммуникационных приложений, позволяют эффективно взаимодействовать, создавать и обмениваться цифровым контентом[35].

Возможная роль экономических факторов

В результате проведенного анализа проявилась и тенденция возможной роли экономических факторов. Так, увеличение общего числа экономических преступлений в 2010 году (до 276 тысяч) сопровождается снижением доли по статье 174. Это может свидетельствовать о:

1.4. Росте преступлений, которые не связаны с легализацией (например, мелкое мошенничество, растрата).

1.5. Возможном перераспределении ресурсов правоохранительных органов на более "массовые" или актуальные дела.

Негативные последствия для правоприменительной практики

1.6. Упущенные возможности в борьбе с организованной преступностью:

Легализация доходов — ключевой элемент деятельности преступных групп. Редкое применение статьи 174 может означать, что важные звенья преступных схем остаются незатронутыми.

1.7. Недостаточный контроль финансовых потоков:

[34] Консультант Плюс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/c10431f048782e9c62eecc5a90fc102ac7d0e812/#:~:text=%%D0%BE%20%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0.

[35] Морщакина, М. С. Научно-исследовательская группа образовательной организации - дискуссионная платформа, способствующая развитию цифровых, профессиональных и личностных компетенций обучающихся / М. С. Морщакина, Г. П. Лозовицкая // Инновации в науке и практике : Сборник трудов по материалам VI Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ, Уфа, 30 марта 2021 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью Издательство "Аспект Пресс", 2021. – С. 128-136. – EDN GHZYWY.



Уклонение от применения статьи может означать, что преступные доходы легче интегрируются в легальную экономику.

Ограниченное применение статьи 174 УК РФ

Анализ показал, что применение статьи 174 остаётся узко специализированным, несмотря на её важность в борьбе с организованной преступностью и коррупцией.

Редкость использования может быть связана с недостаточной унификацией как законодательства, так и судебной практики, то есть, когда в ряде регионов России статья применяется реже.

Регрессионный анализ преступлений по статьям 174 и 174.1 УК РФ

Цель исследования: создать модель, которая стремится спрогнозировать число преступлений по статьям 174 и 174.1 (легализация/отмывание денежных средств, добытых преступным путём) за период 2009–2024 годы. С практической точки зрения (на наш взгляд) это нужно, чтобы лучше понимать, какие макроэкономические или социальные показатели влияют на динамику таких преступлений.

Почему выбрана линейная регрессия? Линейная регрессия – это метод, позволяющий оценить, как несколько факторов (например, индекс восприятия коррупции, объёмы переводов денег и др.) связаны со значением переменной «количество преступлений по ст. 174, 174.1». Перед тем как использовать модель, мы проверили исходные данные:

Тест Шапиро-Уилка подтвердил, что в выборке нарушения нормальности распределения незначительны.

Проверка на линейность показала, что взаимосвязь между объясняющими показателями и числом преступлений действительно приблизительно линейная.

Основные результаты анализа:

Коэффициент детерминации (R-squared) ≈ 0.77 означает, что модель «объясняет» около 77% колебаний (изменений) в количестве преступлений. Для социальных и экономических задач это довольно высокий показатель, говорящий о том, что выбранные переменные существенны для прогноза.

Индекс восприятия коррупции (часто трактуется как критерий прозрачности деловой среды): коэффициент значимый и **отрицательный**. Проще говоря, если общество начинает «видеть» коррупцию более остро (то есть индекс восприятия коррупции снижается), то модель прогнозирует рост количества упомянутых финансовых преступлений. И наоборот, если индекс высок (коррупция воспринимается как низкая), то ожидается меньшая активность по ст.ст. 174, 174.1.

Объём рублёвых переводов (трлн руб.): судя по p-значению, фактор является **значимым** предиктором, что говорит о прямой взаимосвязи между объемом переводов и количеством преступлений.

Высокая значимость коррупционных факторов. То, как общество оценивает уровень коррупции, прямо соотносится с динамикой преступлений по легализации доходов. Если доверие к прозрачности государственной системы растёт, модель указывает на снижение «теневой» или подпольной финансовой деятельности.

Объём денежных потоков сам по себе не решает: насколько бы ни увеличивались или уменьшались официальные рублёвые переводы, это не гарантирует изменения в количестве таких преступлений. Для появления «отмывания» важно скорее наличие лазеек в контроле, чем сама масса переводимых средств.

Об ограничениях анализа:

1. В модели использовались данные за 2009–2024 гг. с относительной «идеальной» проверкой на нормальность (объективность). В реальности, если вдруг появятся аномальные события или законодательные изменения, модель может давать искажения.

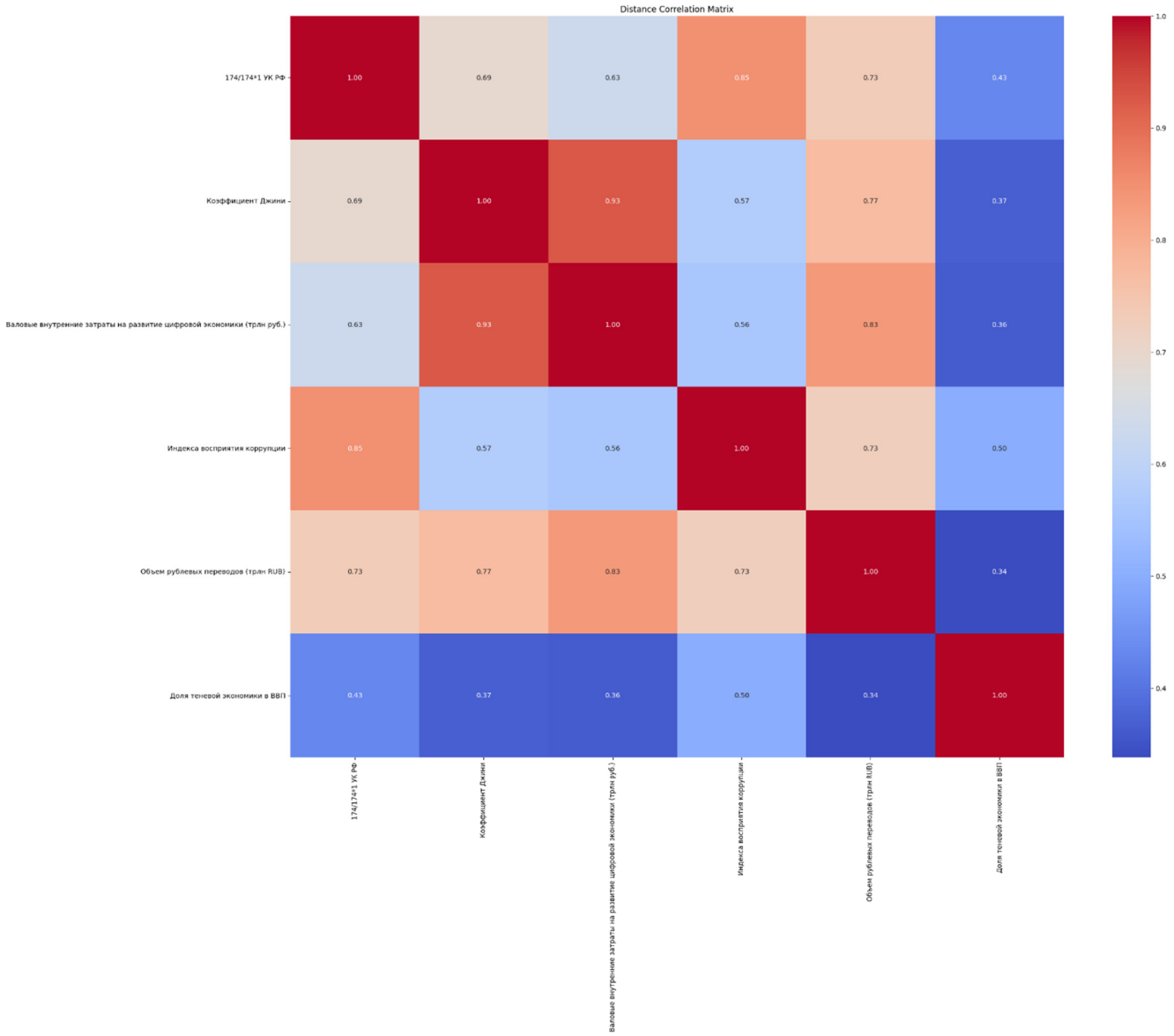
2. В целом, статистика и эконометрика показывают, что в основе прогнозирования рассматриваемых преступлений лежит не столько денежный оборот, сколько восприятие коррупции и соответствующие правовые и организационные меры по её снижению. Это даёт правоохранительным органам и законодателю дополнительный ориентир о необходимости сосредоточиться на антикоррупционной политике и повышении прозрачности финансовых потоков.

OLS Regression Results

Dep. Variable:	174/174*1 УК Рф	R-squared:	0.773
Model:	OLS	Adj. R-squared:	0.738
Method:	Least Squares	F-statistic:	22.18
Date:	Sat, 18 Jan 2025	Prob (F-statistic):	6.46e-05
Time:	23:13:15	Log-Likelihood:	-63.081
No. Observations:	16	AIC:	132.2
Df Residuals:	13	BIC:	134.5
Df Model:	2		
Covariance Type:	nonrobust		

	coef	std err	t	P>|t|	[0.025	0.975]
const	261.2058	40.141	6.507	0.000	174.486	347.926
Индекса восприятия коррупции	-7.4761	1.897	-3.942	0.002	-11.574	-3.379
Объем рублевых переводов (трлн RUB)	-26.2122	22.581	-1.161	0.007	-74.996	22.572

Omnibus:	1.184	Durbin-Watson:	1.704
Prob(Omnibus):	0.553	Jarque-Bera (JB):	0.183
Skew:	0.212	Prob(JB):	0.912
Kurtosis:	3.309	Cond. No.	26.



Общие выводы анализа:

1. Анализ, в частности – частотный, показал снижение доли осужденных по статье 174 относительно всех экономических преступлений. Величина остается стабильной с 2019 года по настоящее время.

2. Был выявлен ряд возможных факторов, влияющих на снижение доли осужденных по статье 174. Наиболее вероятными из них являются: использование первичных преступлений, как основного состава преступлений; сложности в доказательстве источника средств; узконаправленное применение 174 статьи; рост числа преступлений, не связанных с легализацией.

3. Последствия низкого применения 174 статьи, в том числе – латентности, говорят о возможных проблемах в борьбе с коррупционной деятельностью и неконтролируемым потоком финансов.

4. По результатам регрессионного анализа наиболее значимыми предикторами являются индекс восприятия коррупции и объём рублёвых переводов, которые наиболее сильно влияют на количество преступлений.

5. Для профилактики и сдерживания легализации преступных доходов следует обращать особое внимание на антикоррупционные меры и укрепление доверия к финансовым институтам.

6. При интерпретации данных о применении статьи 174 УК РФ критически важно учитывать латентную (то есть, скрытую) преступность. Легализация преступных доходов, в отличие от «прямых» экономических преступлений (например, краж или мошенничества), часто не имеет явных потерпевших, что снижает вероятность обращения в правоохранительные органы. Кроме того, такие преступления требуют сложного финансового расследования, которое может быть недоступно в условиях ограниченных ресурсов или недостаточной экспертизы. Например, транзакции, маскирующиеся под легальный бизнес (обналичивание через фиктивные компании, схемы с криптовалютой), часто остаются вне поля зрения из-за отсутствия автоматизированных систем их детекции. По оценкам экспертов, латентность по ст. 174 достигает 70–80%, что ставит под сомнение репрезентативность официальной статистики. Это означает, что снижение доли осужденных по статье 174 может отражать не реальное уменьшение числа преступлений, а рост их скрытности или неэффективность механизмов выявления.

*7. **Практические рекомендации для снижения латентной преступности:***

a. Внедрение технологий анализа больших данных:

i. Создание межведомственной платформы для мониторинга подозрительных финансовых операций (например, интеграция данных ФНС, Росфинмониторинга и банков).

ii. Использование AI-алгоритмов для выявления аномалий в денежных потоках (например, резкий рост оборотов у компаний без реальной деятельности).

b. Поэтапное сокращение наличного денежного оборота и переход к обязательной цифровой маркировке крупных сделок (например, с использованием блокчейна)

c. Закрепление в законодательстве обязанности банков, платежных систем и криптобирж автоматически блокировать операции, попадающие под критерии «подозрительных» (например, частые транзакции на суммы, близкие к порогу «крупного размера» из ст. 174).

d. Введение юридической ответственности для compliance-офицеров компаний за несообщение о схемах, имеющих признаки легализации, даже если они формально не нарушают внутренние регламенты.

Такие меры снизят латентность не через «догоняющие» действия, а через создание среды, где скрывать преступления станет экономически и технически невыгодно.

Особенности организации деятельности по документированию преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ

Особенности организации деятельности по документированию преступлений, предусмотренных ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ, их раскрытию и привлечению виновных к ответственности весьма специфичны. Для эффективной работы по этим преступлениям нужно обладать разно-отраслевыми знаниями.

Так, деятельность служб и подразделений органов внутренних дел по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, связанных легализацией доходов (активов), полученных в результате преступной деятельности, представляет собой совокупность взаимосвязанных форм и методов деятельности, сопряженной с проведением сложных экспертиз, работой с большой свидетельской базой, качественным оперативным сопровождением уголовных дел. Поэтому, эффективность раскрытия и расследования преступлений данной категории, особенно совершенных организованными группами, в числе прочих факторов зависит прежде всего от уровня организации этого направления деятельности, включая элементы взаимодействия между подразделениями, например: следователя и органа дознания, в соответствии с предписаниями правовых норм.

Общность задач, стоящих перед следователями и сотрудниками оперативных подразделений в процессе предварительного расследования, с учетом современных тенденций развития рассматриваемой преступности, обусловливают необходимость согласованного использования различных сил, средств и методов, имеющихся в распоряжении как следственных, так и оперативно-розыскных аппаратов.

Необходимо оперативно выявлять данные преступления, грамотно квалифицировать действия лиц, подозреваемых в совершении преступлений указанной категории. Работа должна быть качественной, и материалы, собранные в ходе проверки, должны содержать максимум информации об обстоятельствах совершенного преступления. Нужно использовать возможности и других ФОИВ.

Степень сложности расследования рассматриваемых преступлений высока. Поэтому следователю необходимо использовать весь объем знаний в области уголовного права, применять тактические приемы в ходе производства следственных и иных процессуальных действий, привлекать к расследованию специалистов, которые кроме участия в производстве различных следственных действий, помогут грамотно сформулировать вопросы для назначения судебных экспертиз, собрать необходимые данные.

Для решения поставленных задач первостепенное значение имеет непрерывное повышение профессионализма следователей и оперативных сотрудников, совершенствование методического обеспечения расследования данных преступлений.

Специфика финансовой составляющей «бесконтактной» легализации активов организованной преступности

Федеральный закон от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма" в статье 3 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе» закрепил следующие основные понятия:

доходы, полученные преступным путем, - денежные средства или иное имущество, полученные в результате совершения преступления;

легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, - придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления[36] и иные понятия.

Действия по легализации денежных средств (активов) направлены не только на искусственное преобразование источника их происхождения, но и на

[36] Федеральный закон от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма"// Консультант Плюс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/7f756f0b351492331efccfd82ac5f928dcf7bbea/

сокрытие лиц, заинтересованных в получении этих средств (бенефициаров).

Обналичивание денежных средств в целях легализации предполагает проведение цепочки внешне законных операций по движению денежных средств от участников незаконного оборота активов к лицу, получающему эти средства в качестве преступного дохода в заранее разработанной последовательности, в том числе территориальной, с целью придания им видимости законности.

Важно знать, что без определения начала преступной деятельности уголовное дело по легализации преступных доходов не имеет судебной перспективы, так как необходимость установления времени совершения, как предикатного преступления, так и самой легализации, установлена ст. 73 УПК РФ (Обстоятельства, подлежащие доказыванию). Установление временного промежутка в дальнейшем позволит определить сумму легализованных денежных средств.

С точки зрения доказывания рассматриваемых преступлений наиболее благоприятна ситуация, когда оплата за «услуги» и активы происходила в безналичной форме, так как все факты финансовых операций с денежными средствами отражаются в бухгалтерской отчётности кредитных организаций, электронных платёжных системах или в программном обеспечении для мобильных устройств, осуществляющих денежные переводы.

Кроме этого, для установления периода преступной деятельности необходимо сотрудникам оперативных подразделений для документирования преступной деятельности устанавливать счета, банковские карты, виртуальные кошельки различных финансовых организаций (Киви Кошелёк, Яндекс Кошелёк, ВэбМани и т.д.), а так же получать сведения о движении денежных средств по указанным счетам, с целью установления периода занятия преступной деятельности, лиц – возможно причастных к преступной деятельности связанной с незаконным оборотом средств, а так же об установлении «легализованного» имущества и имущества приобретённого от занятия противоправной деятельности, путём направления запросов в финансово кредитные организации, ФНС и др. Актуальны: проведение оперативно-розыскных мероприятий в целях фиксации фактов сбыта (например, проверочной закупки или эксперимента), осуществление запросов в компании сотовой связи для получения детализации телефонных переговоров с привязкой к базовым станциям абонентских номеров проверяемых лиц.

Следует проводить и анализ информации, полученной из кредитных организаций, электронных платёжных систем на предмет периода и масштабов преступной деятельности подозреваемых лиц (к примеру: количество сделок, общий объем денежных средств и т.п.), устанавливать схему вывода денежных средств и механизм легализации и др.

Для установления более точного периода преступной деятельности необходимо произвести следующий комплекс следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий:

1. Проводить опрос и осмотр мобильного телефона задержанного лица с постановкой, и выяснения ряда примерных вопросов:

- о временном периоде работы задержанного лица, для чего: уточнить название интернет-магазина, в котором работает злоумышленник, в каких районах города последний осуществлял противоправную деятельность;

- установлен ли на мобильном телефоне «Биткоин кошелёк» - программное обеспечение для получения заработной платы подозреваемым (Blockchain, Bitcoin Wallet);

- какие программы по конвертации (перевода) криптовалюты в рубли или иную иностранную валюту установлены на его мобильный телефон;

- установлены ли пароли от таких приложений.

Кроме этого, следует проводить в ходе осмотра мобильного телефона фото фиксацию в целях дальнейшего формирования и предоставления фото-таблицы.

2. В рамках проведения обысков, выемок, осмотра места происшествия следует производить изъятие средств компьютерной техники, сотовых телефонов, КПК, планшетных компьютеров, SIM-карт, банковских карт, записных книжек для последующего осмотра (изучения) и установления вида электронной платежной системы, логина и паролей использующихся для входа в нее. При установлении – направлять запросы о движении денежных средств с расшифровкой операций по всем счетам. При использовании криптовалюты, как способа оплаты, необходимо произвести осмотр технических средств, на которых установлено программное обращения для работы с криптовалютой (Blockchain Bitcoin Wallet). Первое перечисление денежных средств будет указывать на начало преступной деятельности.

3. Установление лиц (с последующим допросом по возбужденным уголовным делам), на которых были оформлены счета в кредитных организациях и направление в них запросов для получения информации о движении средств по счёту с расшифровкой финансовых операций, с целью установления фактов и периода расчёта. При выявлении счетов, использующихся при легализации доходов, целесообразно учитывать признаки подобных операций: многократное зачисление на счёт сумм, кратных стоимости сделки (актива). Признаки данных операций могут использоваться кредитными организациями в соответствии с Законом 115-ФЗ в ходе контроля сделок, сведения о которых предоставляются в Росфинмониторинг.

4. Далее, в рамках уголовного дела – допрос участвовавших в переводе денежных средств лиц, по вопросам о причинах открытия счетов, а также о лицах, по просьбе которых открывались данные счета, о суммах вознаграждений за их открытие и т.п. При наличии веских оснований, целесообразно предъявление им для опознания фигурантов по уголовному делу о легализации активов.

5. Назначение и производство судебных экономических (бухгалтерских) экспертиз. Таким обра-

зом, причастность к легализации будет доказываться, с одной стороны, как фактами приобретения, так и сбыта активов, а с другой –установлением общей суммы денежных средств, полученных от незаконного их оборота.

Так, расследование преступлений, связанных с легализацией преступных доходов (ст.ст. 174 и 174.1), требует установления в рамках проведения судебных экономических экспертиз следующих фактов:

- источников получения денежных средств и иных финансовых ресурсов;

- совершения финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными другими лицами (ст.174), лицом (ст. 174.1) преступным путем;

- дальнейшего использования денежных средств, полученных от совершения таких финансовых операций и иных сделок, в какой-либо предпринимательской или иной хозяйственной и (или) экономической деятельности;

- признаков фиктивных сделок;

- признаков манипулирования ценами при заключении сделок и осуществлении операций и др.

Доказательственная ценность выводов судебного эксперта-экономиста во многом зависит от эффективности организации работы следственно-оперативной группы по обнаружению, изъятию и анализу учетно-экономической информации.

В целях дачи возможных рекомендаций по тактике назначения судебно-экономической экспертизы при расследовании легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, полученного в результате совершения преступления, целесообразно учитывать следующие обстоятельства.

Во-первых, установление фактов получения денежных средств или иного имущества, для чего в рамках проведения судебной экономической экспертизы необходимо будет установить сумму законно полученных доходов физического лица, его реальных расходов, и сумму разницы между фактически произведенными расходами и полученными доходами. Это позволит сделать выводы о фактах заключения сделок и осуществления операций с денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате незаконного оборота средств. Объектом судебно-экономической экспертизы в данном случае будут выступать ответы на запросы официальных организаций о сумме легальных доходов, документы подтверждающие расходы подозреваемых, обвиняемых, черновые записи (тетради, записные книжки и т.п.) только в тех случаях если актуальность этих записей подтверждена показаниями причастных лиц, показаниями, материалами оперативно-разыскной деятельности об объемах легализации доходов (активов).

При расследовании уголовных дел (в рамках статей 174 и 174.1), учитывая наличие оперативной информации о возможной легализации доходов, приобретенных незаконным путем от реализации каких-либо средств, в отношении физических лиц, можно выделить следующий пакет документов, который содержит информацию о размерах полученного официального дохода и произведенных расходах в течение определенного периода времени подозреваемыми и членами их семьи. Ими являются:

1. Сведения о полученных доходах:

- сведения о наличии вкладов (рублевых, в иностранной валюте) на лицевых, расчетных счетах в кредитных организациях;

- сведения о получении, погашении кредитов в банках и иных кредитных организациях;

- сведения о получении (погашении) займов;

- сведения о получении наследства, предметов дарения;

- сведения о трудовой деятельности и размере заработной платы (справки о доходах со всех мест по основному месту работы и по совместительству);

- сведения о полученных доходах при осуществлении индивидуальной предпринимательской деятельности;

- сведения о размере полученных дивидендов;

- сведения о реализации квартир, жилых домов, автотранспортных средств и другого имущества и прочих доходах.

2. Сведения о произведенных расходах:

- о стоимости приобретённого имущества (квартиры, дачи, автотранспорт, гаражи, частные дома, административные здания, помещения, земельные участки; другое имущество: ценные бумаги; услуги, например, строительные и ремонтные работы);

- о стоимости коммунальных и других услуг (квартплата, электроэнергия, газ, установка, подключение и абонентская плата за телефон, сигнализацию домовладения и т.д.);

- о стоимости приобретенных товарно-материальных ценностей;

- о размере произведенных расходов, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности;

Рассмотрим характерные вопросы, решаемые экономической экспертизой по уголовным делам, возбужденным по ст. 174, ст. 174.1. Экспертным экономическим исследованием устанавливаются факты:

- совершения финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными другими лицами (лицом) преступным путем;

- недостоверности документальных данных реально совершенным операциям, в том числе фиктивность сделок;

- дальнейшего использования указанных денежных средств в любой предпринимательской или иной экономической деятельности.

На разрешение СЭЭ могут быть поставлены следующие вопросы:

1) какую сумму совокупного дохода получил гражданин А. за определенный период от официальных источников;

2) на какую сумму гражданин А. совершил финансовых операций (сделок) в определенном периоде;

3) соответствует ли доход, полученный гражданином А. от трудовой деятельности и иных официальных источников, произведенным расходам в определенном периоде.

Как свидетельствует следственная практика, зачастую в материалах уголовного дела содержатся сведения о стоимости легализованного (участвующего в сделке) имущества, не соответствующей реальной рыночной стоимости. В этой ситуации целесообразно назначение судебной экономико-стоимостной экспертизы, или обращение к специалистам по оценочной деятельности.

В результате проведения указанных следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий будет установлен период легализации. Важно подчеркнуть, что в него входит момент получения денежных средств, их накопление и совершение финансовых операций, сделок – с целью придания правомерного вида владению.

В настоящее время происходят кардинальные изменения в механизмах движения финансовых потоков между участниками незаконного оборота и активное внедрение в систему расчетов различных криптовалют (преимущественно «Bitcoin»), а также использование ими «микшеров» и сайтов-обменников, позволяющих осуществлять обмен и перевод криптовалют и денежных средств.

Данные возможности управления денежными средствами содействуют криминалитету не только в вопросах конспирации преступной деятельности, но и способствуют преобразованию, сохранению доходов от нее, разрывая связь с источником их незаконного получения во избежание уголовного наказания.

При использовании «микшеров» и сайтов-обменников пользователем (например, участником Интернет-магазина) указывается только счет отправки и счет получения, после чего при помощи вышеуказанных сайтов, перевод осуществляется путем множественных операций, переводимая сумма разделяется на части, сами операции проводятся с использованием никак не связанных между собой денежных счетов. Для создания счёта в системе, обеспечивающей функционирование криптовалюты (кошелька) не требуется указания каких-либо идентифицирующих данных. Владелец кошелька определяется только по знанию пароля, что, в свою очередь, обеспечивает высокую степень анонимности. Кроме того, для криптовалюты просто не существует оператора, которому правоохранительные органы могли бы направить запрос для получения необходимых сведений. На территории Российской Федерации с «Bitcoin», как денежным или платежным средством, возникают существенные сложности юридической оценки операций, совершаемых с ее использованием.

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что расследование преступлений, связанных с легализацией денежных средств, полученных в результате преступной деятельности, является сложным и трудоемким процессом, направленным на охрану общественного порядка и общественной и экономической безопасности.

Кроме этого: перенаправление конфискованных активов, в том числе полученных в результате совершения коррупционных преступлений, на нужды общества используется правительствами разных стран как одна из форм распоряжения такими средствами, а соответствующие инициативы, реализуемые за счет изъятых средств, чаще всего направлены на предупреждение преступности и поддержку общественной безопасности. Такой механизм при этом, как отмечают в своей публикации эксперты Инициативы по возврату похищенных активов (Stolen Asset Recovery Initiative), необходим для демонстрации того, что ценности, которые преступники «отнимают» у общества, благодаря верховенству закона будут изъяты у них и возвращены обществу[37]. Подобные меры будут способствовать социальной безопасности граждан и в Российской Федерации[38].

Итоговый вывод. Реализация изложенных положений в данной публикации позволит субъектам раскрытия и расследования преступлений эффективнее применять в полном объеме весь арсенал уголовно-исполнительных, криминалистических, уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, криминологических и иных мер по выявлению и расследованию преступлений связанных с легализацией денежных средств, полученных в результате преступной деятельности в рассматриваемой сфере и в конечном итоге, способствовать повышению эффективности деятельности правоохранительных органов в расследовании преступлений в целом.

Литература

1. Лозовицкая, Г. П. Использование искусственного интеллекта в расследовании киберпреступлений: возможности и риски / Г. П. Лозовицкая, М. М. Малькута, К. М. Родионова // Актуальные вопросы расследования преступлений в сфере компьютерной информации или с применением компьютерных технологий в условиях цифровизации экономики и государственного управления : Материалы Межвузовского круглого стола, Москва, 23 ноября 2023 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2024. – С. 51-59. – EDN BTCRNQ ;

2. Лозовицкая, Г. П. Неочевидные ограничения режима совместного использования объекта интеллектуальных прав при исполнении законодательства о закупках для государственных и муниципальных нужд / Г. П. Лозовицкая, В. А. Минеев // Актуальные вопросы публично-правового регулирования экономических отношений : Материалы межвузовской научно-практической конференции, Москва, 21 декабря 2023 года. – Москва: ООО «РУСАЙНС», 2024. – С. 6-12. – EDN CKGWWV;

3. Лозовицкая, Г. П. Прогнозирование уровня преступности в городах на основе демографических данных / Г. П. Лозовицкая, Ю. В. Соколинский, В. А.

[37] Конфискация активов: повторное использование на нужды общества, 17 января 2024 г. // https://anticor.world/main/news_page/konfiskatsiya_aktivov_povtornoe_ispolzovanie_na_nuzhdy_obschestva

[38] См. подробнее: Совершенствование правового регулирования в области обеспечения социальной безопасности граждан / Г. П. Лозовицкая, В. Ф. Антонов, А. А. Антопольский [и др.] // Плехановский научный бюллетень. – 2024. – Т. 2, № 2(26). – С. 109-121.

Шалько // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. – 2024. – № 53(53). – EDN GQEKPZ;

4. Лозовицкая, Г. П. Оценка современного мирового рынка криптовалют в контексте государственно-правового регулирования и легализации доходов, полученных преступным путём / Г. П. Лозовицкая, А. В. Логинов, А. М. Гунин // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. – 2024. – № 53(53). – EDN UNCFZI;

5. Соколинский, Ю. В. Прогнозирование тенденций киберпреступности с учетом демографических и экономических данных / Ю. В. Соколинский, М. О. Соколинская, Г. П. Лозовицкая // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. – 2024. – № 54(54). – EDN FZPGIX;

6. Григорьев, В. В. образование будущего, игры и метавселенные / В. В. Григорьев, Г. П. Лозовицкая // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. – 2024. – № 55(55). – EDN JSQUZC;

7. Лозовицкая, Г. П. Правовое регулирование использования дипфейков в России: анализ текущего законодательства / Г. П. Лозовицкая, Ю. В. Соколинский // Учёные труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева. – 2024. – № 3(74). – С. 111-114. – EDN ZTUIBH;

8. Морщакина, М. С. Научно-исследовательская группа образовательной организации - дискуссионная платформа, способствующая развитию цифровых, профессиональных и личностных компетенций обучающихся / М. С. Морщакина, Г. П. Лозовицкая // Инновации в науке и практике : Сборник трудов по материалам VI Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ, Уфа, 30 марта 2021 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью Издательство "Аспект Пресс", 2021. – С. 128-136. – EDN GHZYWY.

9. Конфискация активов: повторное использование на нужды общества, 17 января 2024 г. // https://anticor.world/main/news_page/konfiskatsiya_aktivov_povtornoe_ispolzovanie_na_nuzhdy_obschestva

10.Совершенствование правового регулирования в области обеспечения социальной безопасности граждан / Г. П. Лозовицкая, В. Ф. Антонов, А. А. Антопольский [и др.] // Плехановский научный бюллетень. – 2024. – Т. 2, № 2(26). – С. 109-121.

Criminal-executive, legal, criminological and operational-search problems of crime in the economic sphere, affecting criminal liability for legalization of assets of organized crime

Lozovitskaya G.P., Loginov A.V., Mineev V.A., Sokolinsky Yu.V.

Plekhanov Russian University of Economics, SGUA

Problems of combating legalization of criminal proceeds are among the priority tasks of both Russian and international law. They affect the foundations of global economic security and law and order. Income obtained by criminal means can be registered by individuals, companies that use criminal schemes to extract illegal profits, etc. However, the most dangerous crimes in the economic sphere are committed by organized criminal groups. The relevance of the article lies in the multi-sectoral approach of the study, which necessitated the allocation of a certain classification of measures aimed at criminal-executive prevention, operational-search detection and forensic suppression of schemes for legalization of criminal proceeds. An extensive criminological and criminal-legal analysis was carried out.

Keywords**:** penal issues, legal issues, criminological trends, crime analysis, operational-search problems of crime, economic crime, criminal liability, legalization of assets of organized crime, forensic measures, criminal-legal means, criminal-procedural evidence, criminological measures, detection of legalization of criminal proceeds; investigation of crimes related to the legalization of funds obtained as a result of criminal activity, economic crime, corruption, trends in the application of Articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, convicted of economic crimes.

References

1. Lozovitskaya, G. P. Using artificial intelligence in investigating cybercrimes: opportunities and risks / G. P. Lozovitskaya, M. M. Malkuta, K. M. Rodionova // Current issues of investigating crimes in the field of computer information or using computer technologies in the context of digitalization of the economy and public administration: Proceedings of the Interuniversity Round Table, Moscow, November 23, 2023. - Moscow: Limited Liability Company "Rusains", 2024. - P. 51-59. - EDN BTCRNQ ; 2. Lozovitskaya, G. P. Non-obvious restrictions on the joint use of an intellectual property object in the implementation of legislation on procurement for state and municipal needs / G. P. Lozovitskaya, V. A. Mineev // Current issues of public-legal regulation of economic relations: Proceedings of the interuniversity scientific and practical conference, Moscow, December 21, 2023. - Moscow: OOO "RUSAINS", 2024. - P. 6-12. - EDN CKGWWV;

3. Lozovitskaya, G. P. Forecasting the crime rate in cities based on demographic data / G. P. Lozovitskaya, Yu. V. Sokolinsky, V. A. Shalko // Bulletin of the East Siberian Open Academy. - 2024. - No. 53 (53). - EDN GQEKPZ;

4. Lozovitskaya, G. P. Assessment of the modern global cryptocurrency market in the context of state and legal regulation and legalization of proceeds from crime / G. P. Lozovitskaya, A. V. Loginov, A. M. Gunin // Bulletin of the East Siberian Open Academy. - 2024. - No. 53 (53).

5. Sokolinsky, Yu. V. Forecasting cybercrime trends based on demographic and economic data / Yu. V. Sokolinsky, M. O. Sokolinskaya, G. P. Lozovitskaya // Bulletin of the East Siberian Open Academy. - 2024. - No. 54 (54).

6. Grigoriev, V. V. Education of the future, games and metaverses / V. V. Grigoriev, G. P. Lozovitskaya // Bulletin of the East Siberian Open Academy. – 2024. – No. 55(55).

7. Lozovitskaya, G. P. Legal regulation of the use of deepfakes in Russia: analysis of current legislation / G. P. Lozovitskaya, Yu. V. Sokolinsky // Scientific works of the Russian University of Advocacy and Notary named after G. B. Mirzoev. – 2024. – No. 3(74). – P. 111-114.

8. Morshakina, M. S. Research group of an educational organization - a discussion platform that promotes the development of digital, professional and personal competencies of students / M. S. Morshakina, G. P. Lozovitskaya // Innovations in science and practice: Collection of papers based on the materials of the VI All-Russian competition of research papers, Ufa, March 30, 2021. - Ufa: Limited Liability Company Publishing House "Aspect Press", 2021. - Pp. 128-136. - EDN GHZYWY.

9. Confiscation of assets: reuse for the needs of society, January 17, 2024 // https://anticor.world/main/news_page/konfiskatsiya_aktivov_povtornoe_ispolzovanie_na_nuzhdy_obschestva;

10. Improving legal regulation in the field of ensuring social security of citizens / G. P. Lozovitskaya, V. F. Antonov, A. A. Antopolsky [et al.] // Plekhanov Scientific Bulletin. - 2024. - Vol. 2, No. 2(26). - P. 109-121.

Основные категории преступлений в мусульманском праве

Мамутов Зияудин Магомедтагирович,
аспирант, Забайкальский государственный университет,
ziyaudin.mamutov@mail.ru

Рудый Наталья Кирилловна
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса международного факультета права и бизнеса Забайкальского государственного университета,
nkrudyy@mail.ru

В статье представлен анализ системы уголовного права в исламе, рассматривающий три основные категории преступлений: худуд, кисас и тазир. Подробно описываются составы преступлений, входящих в категорию худуд, включая кражу (сарака), незаконные сексуальные отношения (зина), разбой на дорогах (хараба), употребление опьяняющих напитков (хамр), вероотступничество (ридда) и мятеж (баги). Рассматриваются принципы кисас и дийя как механизмы возмездия за преступления против личности, а также различные виды убийств и соответствующие им наказания. Анализируется категория тазир, охватывающая преступления, наказания за которые не установлены в Коране и Сунне, и определяемые судьей на основе его усмотрения.
Ключевые слова: мусульманское право, шариат, худуд, кисас, дийа, тазир, исламская юриспруденция, уголовное право в исламе.

Введение

Исследование категорий преступлений в мусульманском праве (шариате) представляет собой актуальную задачу, обусловленную рядом факторов, имеющих значение в современном глобальном контексте. Прежде всего, шариат выступает основополагающим элементом правовых систем в значительном числе мусульманских государств, что делает понимание его принципов необходимым условием для эффективного международного сотрудничества и конструктивного взаимодействия между различными правовыми культурами. В условиях интенсификации глобализационных процессов и роста миграционных потоков, знание основ шариатского уголовного права приобретает особую значимость, позволяя формировать более объективное и всестороннее представление о правовых системах, отличающихся от западных моделей. Кроме того, аналитическое рассмотрение классификации преступлений в мусульманском праве способствует расширению теоретического и практического понимания различных подходов к определению преступности и системы наказаний, что, в свою очередь, может внести вклад в развитие уголовного права в целом и способствовать поиску новых, эффективных решений в сфере борьбы с преступностью.

Категории преступлений в мусульманском праве

Преступления категории «худуд» (ḥudūd): данная категория включает в себя преступления против религиозных предписаний, рассматриваемые как нарушение прав Всевышнего. Наказания за эти преступления строго определены в Коране и Сунне, и государство выступает в качестве истца, обеспечивая исполнение установленных санкций.

Преступления категории «кисас» (qiṣāṣ): к этой категории относятся преступления против личности, такие как убийство и нанесение телесных повреждений. Право на возмездие принадлежит потерпевшему или его семье. Однако, они имеют право отказаться от принципа «око за око» и потребовать выплату «дийа» (diya) – денежной компенсации, либо простить преступника («афв» – ʿafw).

Преступления категории «тазир» (taʿzīr): категория преступлений, наказания за которые не установлены в Коране и Сунне. Мера наказания определяется судьей (кади) на основе его усмотрения, исходя из тяжести преступления и обстоятельств дела.

В мусульманском праве выделяют семь категорий преступлений, подпадающих под определение «худуд». Пять из них имеют общепринятые наказания среди различных исламских правовых школ, в то время как санкции за оставшиеся два остаются предметом дискуссий [1].

1. Сарака (Кража):

Сарака определяется как тайное изъятие чужого имущества, стоимость которого достигает установленного нисаба (порога) [2]. Для признания деяния сарака необходимы следующие условия:

– Тайный характер изъятия имущества.

– Изъятие имущества из-под опеки владельца.

– Установление полного владения имуществом со стороны похитителя.

Кража, рассматривается как серьезное преступление, поскольку нарушает право собственности, порождает страх и подрывает общественную безопасность. Наказания за сарака включают:

– Первая и вторая кражи: отсечение рук.

– Третья и четвертая кражи: отсечение ног (хотя некоторые юристы предлагают лишение свободы до раскаяния) [3].

Важно отметить, что кража определенных предметов не подпадает под категорию худуд и наказывается по усмотрению судьи. К таким предметам относятся:

– Недвижимое имущество (земля и связанные с ней объекты).

– Предметы, имеющиеся в изобилии (древесина).

– Объекты, обычно не являющиеся предметом собственности (рыба, птицы).

– Скоропортящиеся продукты (мясо, яйца).

– Религиозные иконы и тексты (например, Коран).

– Предметы, не имеющие ценности в исламском праве (алкоголь, свинина).

– Музыкальные инструменты, используемые для развлечения.

– Вещи, не считающиеся имуществом (дети).

– Кража, совершенная мужем, женой, близким родственником или гостем.

Другие имущественные преступления, такие как растрата, присвоение государственных или частных средств, а также мошенничество, квалифицируются как преступления тазир [1].

2. Зина (Незаконные сексуальные отношения):

Зина охватывает как прелюбодеяние (сексуальные отношения между состоящими в браке лицами), так и блуд (сексуальные отношения между не состоящими в браке лицами). Для вынесения обвинительного приговора требуется либо наличие четырех свидетелей-мужчин, либо четырехкратное признание обвиняемого в совершении деяния в ходе открытого судебного заседания [4].

Наказания за зина зависят от семейного статуса преступника:

– Состоящие в браке: побивание камнями до смерти (хотя данное наказание не упоминается напрямую в Коране и имело место лишь дважды во времена Пророка).

– Не состоящие в браке: сто ударов плетью и, по мнению некоторых юристов, изгнание

– Обвинение в зина без достаточных доказательств влечет за собой наказание за казф (клевету) [1].

3. Хараба (Разбой на дорогах):

Хараба – это вооруженное нападение на дорогах, которое рассматривается как серьезное преступление, нарушающее общественный порядок и экономическую стабильность [5]. Наказания за хараба варьируются в зависимости от тяжести преступления:

– Вооруженный разбой, сопровождающийся захватом имущества: отсечение рук и ног.

– Убийство: смертная казнь.

– Убийство и ограбление: отсечение конечностей с последующим выставлением тела в качестве предупреждения.

– В случае добровольной сдачи преступника и его раскаяния, наказание может быть смягчено до тазир [1].

4. Употребление Хамра (Опьяняющих напитков):

Употребление хамра (вина или других опьяняющих веществ) наказывается применением тазир. Конкретное количество ударов плетью является предметом дискуссий среди исламских ученых [6]. Аналогичным образом, употребление наркотических веществ, оказывающих воздействие на разум, также подпадает под запрет хамра.

В исламском правоведении рассматриваются преступления, посягающие на основы исламской веры и политической стабильности. К ним относятся ридда (вероотступничество) и баги (мятеж), вызывающие дискуссии среди ученых.

5. Ридда (Вероотступничество): традиционно, ридда определяется как добровольный отказ от ислама членом мусульманской общины. Исторически, некоторые ученые придерживались мнения, что за ридду полагается смертная казнь. Однако современные исследователи ставят под сомнение подобную интерпретацию, аргументируя её противоречием с принципом свободы вероисповедания, закрепленным в исламских текстах [6]. Они ссылаются на кораническое положение «Нет принуждения в религии» (2:256) и утверждение «Для вас ваша религия, а для меня моя религия» (109:6), подчеркивая индивидуальную ответственность за религиозный выбор [8].

6. Баги (Мятеж): баги определяется как преднамеренная и насильственная попытка свержения законного имама (лидера). Эта концепция имеет параллели с государственным переворотом в современном праве. В обязанности лидера входит рассмотрение требований протестующих, однако при нерациональности требований он должен призвать к прекращению восстания. Согласно классическому мусульманскому праву, мятежники, погибшие в ходе восстания, подлежат наказанию по худуду. Протестующие, сдавшиеся или арестованные, подвергаются тазиру (дисциплинарному наказанию). Однако, те протестующие, которые были захвачены в бою, подвергаются казни, что вызывает споры относительно справедливости и соответствия современным правовым нормам.

Понимание ридды и баги в мусульманском праве является сложным и многогранным, требующим учета исторических, теологических и современных

правовых контекстов. Современные ученые призывают к переосмыслению этих концепций в соответствии с принципами свободы вероисповедания и справедливости [9].

Виды наказаний

Кисас (эквивалентность/равноценность) относится к преступному деянию, наказуемому таким же или значительно аналогичным деянием в качестве возмездия (отмщения) за причиненный вред (ущерб), поскольку ислам считает убийство тягчайшим преступлением против людей [5]. Оно классифицируется на преступления против личности (убийство) и преступления против тела (тяжкие телесные повреждения) [9]. В мусульманском праве, регулирующем вопросы уголовного преследования за лишение жизни, высшая мера наказания (казнь) за убийство может быть заменена альтернативными мерами, такими как выплата компенсации семье жертвы («дийа») или помилование преступника со стороны родственников убитого. Система классифицирует различные виды убийств, в частности, «аль-катль аль-'амд» (al-qatl al-'amd) – квалифицированное умышленное убийство, определяемое как преднамеренное лишение жизни человека с использованием орудия или средства, способного причинить смерть. В случае признания виновным в «аль-катль аль-'амд», правонарушитель может быть подвергнут возмездию (кисас) или, при отсутствии возмездия, обязан выплатить компенсацию. Кроме того, лицо, признанное виновным в «аль-катль аль-'амд», теряет право на наследование имущества жертвы [1].

В мусульманском праве выделяются различные виды непредумышленного убийства. «Аль-Катль Шибх аль-'Амд» (добровольное непредумышленное убийство) определяется как лишение жизни с использованием орудия, не считающегося смертоносным. Наказание за такое деяние носит религиозный характер и включает в себя пост, милостыню и выплату «дийя» (компенсации). «Аль-Катль аль-Хата'« (убийство по ошибке) подразумевает непреднамеренное причинение смерти в результате ошибочных действий, например, случайный выстрел в прохожего. Наказанием является выплата компенсации и двухмесячный пост. «Аль-Катль би-с-сабаб» (убийство по промежуточной причине) возникает, когда смерть наступает в результате косвенной причины, например, обрушение здания. В этом случае строитель несет ответственность и обязан выплатить штраф. Нанесение телесных повреждений также подлежит компенсации, особенно если они приводят к серьезным и необратимым последствиям. Разработана шкала оценки ущерба, учитывающая стоимость жизни и различных частей тела, окончательное решение принимается с учетом согласия потерпевшего и его семьи [10].

Дийя (араб. دية) – компенсация, выплачиваемая преступником или его семьей семье жертвы в случае убийства или нанесения телесных повреждений. Выплата дии может быть альтернативой возмездию (кисас) при согласии семьи жертвы.

Тазир (араб. تعزير) – вид наказания, применяемый за преступления, для которых в Коране и Сунне не предусмотрено конкретное наказание (хадд). Право назначать наказание тазир принадлежит судье (кади) и основывается на его обязанности защищать общественное благосостояние [11].

Наказание тазир применяется в следующих случаях:

Действия, не отвечающие техническим требованиям кисаса и худуда (например, попытка ограбления или нападения).

Деяния, обычно наказуемые по худуду, но в силу смягчающих обстоятельств (сомнение, родственные связи, отсутствие доказательств) не позволяющие применить наказание хадд.

Деяния, осуждаемые в Коране и Сунне или противоречащие общественному благосостоянию (ростовщичество, лжесвидетельство, взяточничество и др.).

Наказание тазир назначается кади на основании оценки тяжести преступления, биографии преступника, субъективной и объективной вины, а также соображений общественного блага. В качестве наказания тазир могут применяться различные меры, включая телесные наказания (смертная казнь, порка), лишение свободы (тюремное заключение), а также превентивные меры (изгнание, перемещение). При вынесении приговоров учитывается иджма' (консенсус общины), 'урф (обычай) и кияс (аналогия) [12].

Таким образом, система наказаний в исламском праве представляет собой сложный комплекс мер, направленных на обеспечение справедливости, возмещение ущерба и защиту общественного порядка.

Проведенный анализ демонстрирует, что уголовное право в исламской правовой системе представляет собой сложную и многогранную структуру, базирующуюся на религиозных предписаниях, традициях и правовых толкованиях. Ключевым аспектом является разделение преступлений на три основные категории: худуд (преступления против религиозных предписаний), кисас (преступления против личности) и тазир (преступления, наказания за которые не установлены в Коране и Сунне).

Преступления категории «худуд» выделяются строгой регламентацией наказаний, закрепленных в религиозных текстах. К ним относятся такие деяния, как кража (сарака), незаконные сексуальные отношения (зина), разбой на дорогах (хараба) и употребление опьяняющих напитков (хамр). Однако, даже в рамках этой категории, наблюдаются дискуссии среди исламских ученых относительно конкретных составов преступлений и применяемых санкций, особенно в отношении вероотступничества (ридда) и мятежа (баги).

Преступления категории «кисас» основаны на принципе возмездия, предоставляя потерпевшему или его семье право на эквивалентное наказание преступника. В случае убийства, семья жертвы может потребовать смертной казни (кисас), принять денежную компенсацию (дийя) или простить пре-

ступника. Данный принцип, хотя и отражает стремление к справедливости и защите прав личности, может вызывать вопросы с точки зрения современных гуманистических принципов уголовного права.

Преступления категории «та'зир» отличаются гибкостью и предоставляют судье широкие полномочия в определении наказания, исходя из обстоятельств дела и тяжести преступления. Это позволяет учитывать индивидуальные особенности каждого случая и применять наказания, направленные на исправление преступника и предотвращение совершения новых преступлений.

Важно отметить, что мусульманское уголовное право не является статичной системой. Оно подвержено интерпретациям и адаптациям в соответствии с изменяющимися социальными, экономическими и политическими условиями. Современные мусульманские ученые и юристы активно обсуждают вопросы соответствия традиционных норм и принципов уголовного права современным правовым стандартам, включая принципы прав человека, справедливости и гуманизма.

Таким образом, уголовное право в мусульманской правовой системе представляет собой комплексную и динамичную систему, сочетающую религиозные предписания, традиционные правовые институты и современные правовые концепции. Понимание особенностей этой системы является необходимым для анализа и оценки правовых процессов в странах, где ислам является одним из источников права.

Литература

1. Arafa MA. Islamic Criminal Law: The Divine Criminal Justice System between Lacuna and Possible Routes // Journal of Forensic and Crime Studies. 2018. № 2 (1) Режим доступа: https://www.academia.edu/38197387/Islamic_Criminal_Law_The_Divine_Criminal_Justice_System_between_Lacuna_and_Possible_Routes_pdf (дата обращения: 20.03.2025)

2. Манна А. Понятие преступления и классификация уголовно-наказуемых деяний по мусульманскому уголовному праву // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2004. №1. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-prestupleniya-i-klassifikatsiya-ugolovno-nakazuemyh-deyaniy-po-musulmanskomu-ugolovnomu-pravu (дата обращения: 20.03.2025)

3. Кононкова Н. В. Преступления категории «худуд» («хадд») в мусульманском уголовном праве / Н.В. Кононкова, С.А. Говенко// Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. №72. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-kategorii-hudud-hadd-v-musulmanskom-ugolovnom-prave (дата обращения: 20.03.2025)

4. Махарамов Я.А. Классификация наказаний по мусульманскому уголовному праву // Актуальные проблемы российского права, № 1, 2007, С. 534-541.

5. Khan L. Jurodynamics of Islamic // Law Rutgers Law Review. 2009. № 61 (2) Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/41054317_Jurodynamics_of_Islamic_Law (дата обращения: 20.03.2025)

6. Мусаев М. Запрет на употребление алкоголя в исламе: религиозные императивы и практика на примере Дагестана XVII - первой половины xix в // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. №4 (34). URL: Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/zapret-na-upotreblenie-alkogolya-v-islame-religioznye-imperativy-i-praktika-na-primere-dagestana-xvii-pervoy-poloviny-xix-v (дата обращения: 30.03.2025).

7. Хапчаев С. Т. К вопросу о наказании за вероотступничество в мусульманском праве // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. №2 (66). Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-nakazanii-za-verootstupnichestvo-v-musulmanskom-prave (дата обращения: 30.03.2025)

8. Коран / Пер. [с араб.] И. Ю. Крачковского; [Предисл. В. Беляева, П. Грязневич]. – Москва : МНПП «Буква», 1991. – 527 с.

9. Mir Ḥ. Islam, Custom and Ḥuman Rights in_Islam_Challenges and_Prospects Режим доступа https://www.researchgate.net/publication/332464033_Social_Justice (дата обращения: 21.03.2025)

10.Al-Teu barī M. Tafsīr al-Teu barī (Jāmiʿ al-Bayān fī Taʾwīl al-Qurʾān) //Muʾassasa al-Risāla. – 2000 – T. 17

11.Раджабова Э. Ш. Классификация наказаний по мусульманскому уголовному праву // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2015. №1. Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-nakazaniy-po-musulmanskomu-ugolovnomu-pravu-1 (дата обращения: 30.03.2025)

12.Попова И. А. Источники мусульманского права // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. №4. Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-musulmanskogo-prava (дата обращения: 30.03.2025)

13.Шахбазов Р. Ф. О некоторых исторических аспектах становления мусульманского уголовного права //Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования, №. 1 (11), 2016, С. 309-313.

14.Сюкияйнен Л.Р. Фикх – источник современного права в арабских странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019 № 4 С. 222-245.

Main categories of offences in muslim law

Mamutov Z.M., Rudy N.K.

Transbaikal State University

The article presents an analysis of the criminal law system in Islam, looking at the three main categories of offences: hudud, qisas and tazir. The offences within the hudud category are described in detail, including theft (saraka), illicit sexual relations (zina), highway robbery (haraba), intoxicating drinks (hamr), apostasy (ridda) and rebellion (baghi). The principles of qisas and diya as mechanisms of retribution for offences against the person are examined, as well as the various types of murder and their corresponding punishments. The category of tazir is analysed, which covers crimes for which the punishments

are not prescribed in the Qur'an and Sunnah and are determined by the judge on the basis of his discretion.

Keywords**:** Muslim law, sharia, hudud, qisas, diya, tazir, Islamic jurisprudence, criminal law in Islam.

References

1. Arafa MA. Islamic Criminal Law: The Divine Criminal Justice System between Lacuna and Possible Routes // Journal of Forensic and Crime Studies. 2018. № 2 (1) Mode of access:: https://www.academia.edu/38197387/Islamic_Criminal_Law_The_Divine_Criminal_Justice_System_between_Lacuna_and_Possible_Routes_pdf ((date of reference: 20.03.2025)
2. Manna A. The concept of crime and classification of punishable acts under the Muslim criminal law // Vestnik RUDN. Series: Legal Sciences. 2004. №1. Mode of access: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-prestupleniya-i-klassifikatsiya-ugolovno-nakazuemyh-deyaniy-po-musulmanskomu-ugolovnomu-pravu (date of reference: 20.03.2025)
3. Kononkova N. V. Crimes of the category 'hudud' ('hadd') in the Muslim criminal law / N.V. Kononkova, S.A. Govenko // Vestnik of Amur State University. Series: Humanities. 2016. №72. Mode of access: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-kategorii-hudud-hadd-v-musulmanskom-ugolovnom-prave (date of reference: 20.03.2025)
4. Maharamov Y.A. Classification of punishments under the Muslim criminal law // Actual problems of the Russian law, № 1, 2007, P. 534-541.
5. Khan L. Jurodynamics of Islamic // Law Rutgers Law Review. 2009. № 61 (2) Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/41054317_Jurodynamics_of_Islamic_Law (date of reference: 20.03.2025)
6. Musaev M. Prohibition of alcohol consumption in Islam: religious imperatives and practice on the example of Dagestan XVII - the first half of the xix century // State, Religion, Church in Russia and abroad. 2016. №4 (34). URL: Mode of access: https://cyberleninka.ru/article/n/zapret-na-upotreblenie-alkogolya-v-islame-religioznye-imperativy-i-praktika-na-primere-dagestana-xvii-pervoy-poloviny-xix-v (date of reference:: 30.03.2025).
7. Khapchaev S.T. To the question of punishment for apostasy in Muslim law // Izvestiya Vuzov. Volga region. Social Sciences. 2023. №2 (66). Mode of access: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-nakazanii-za-verootstupnichestvo-v-musulmanskom-prave (date of reference:: 30.03.2025)
8. Koran / Per. [I. Yu. Krachkovsky; [Preface by V. Belyaev, P. Gryaznevich]. - Moscow : MNPP 'Bukva', 1991. - 527 p.
9. Mir Ḥ. Islam, Custom and Human Rights in_Islam_Challenges and_Prospects Mode of access https://www.researchgate.net/publication/332464033_Social_Justice (date of reference: 21.03.2025).
10. Al-Ṭeu barī M. Tafsīr al-Teu barī (Jāmiʿ al-Bayān fī Taʾwīl al-Qurʾān) //Muʾassasa al-Risāla. – 2000 – T. 17
11. Rajabova E. Sh. Classification of punishments under Muslim criminal law // Legal Bulletin of Dagestan State University. 2015. №1. Mode of access: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-nakazaniy-po-musulmanskomu-ugolovnomu-pravu-1 (date of reference: 30.03.2025)
12. Popova I. A. Sources of Muslim law // Problems of economics and legal practice. 2009. №4. Mode of access: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-musulmanskogo-prava (date of reference 30.03.2025)
13. Shahbazov R. F. On some historical aspects of the formation of Muslim criminal law //Innovation Economics: prospects of development and improvement, no. 1 (11), 2016, P. 309-313.
14. Syukiyainen L.R. Fiqh - the source of modern law in the Arab countries // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2019 № 4 P. 222-245.

Личность преступника, причины и условия преступности коренных малочисленных народов Дальневосточного федерального округа

Намцараев Александр Намдакович
аспирант Байкальского государственного университета, sasha1975sasha@mail.ru

В исследовании дается оценка причин формирования противоправного поведения со стороны представителей коренных малочисленных народов в современных условиях. Автор затрагивает вопрос сущности указанной категории, а также состояния действующего законодательства, регулирующего вопросы её самовыражения. Подчеркивается важность переоценки социального положения затронутых субъектов с учетом их особой идентичности, а также факторов, которые оказывают влияние на их поведение, выражающееся в преступном деянии. Дается оценка общего положения дел с преступностью в указанной среде, а также оцениваются предложения, вносимые различными исследователями по части её искоренения.
Ключевые слова: коренное население, преступление, возраст, промысел, традиционность, законодательство.

Исследование личности преступника - задача первостепенной важности в криминологии, поскольку преступление это не абстрактное явление, а конкретный противоправный поступок, продиктованный волей и «внутренним миром», убеждением человека. Понимание сущности преступного волеизъявления конкретного лица, осуществляющего либо осуществившего преступление, является ключом к эффективному предотвращению преступлений.

Преступник и его преступление, это, образно говоря, элементарные части сложного организма, именуемого преступностью.

Именно при изучении этих частей, можно получить необходимый материал для разработки и реализации мер профилактики и предупреждения преступлений.

Личность преступника – понятие, находящееся на стыке социологии и юриспруденции, а соответственно личность преступника не может быть исследована изолированно, вне контекста общества, вне системы общественных отношений, в которые он вовлечен.

Именно под их воздействием формируются его нравственно-психологические характеристики: взгляды, убеждения, ценностные ориентации, ожидания от жизни, уровень интеллекта и сила воли. Это происходит независимо от того, воспринимает или осознает индивид данный процесс. При этом данный процесс может проистекать, как осознанно, так и неосознанно самим индивидом. Таким образом, личность это неотъемлемый, хотя и негативный продукт при обозначении преступника, имеющий определенную им социальную природу.

Игнорирование этой социальной природы ведет к неэффективности мер борьбы с преступностью.

Однако картина личности преступника, как правило, сопряжена с анализом специфических групп населения. Особого внимания заслуживают в контексте настоящей работы именно представители коренного малочисленного народа ДФО, криминальное поведение, которых имеет ряд специфических особенностей, требующих отдельного анализа.

Эти особенности обусловлены множеством причин и факторов, начиная от исторических и культурных традиций, заканчивая социально-экономическими условиями жизни.

Личность преступника представляет собой криминологическое понятие, которое используется для

изучения причин и условий совершения преступления[1]. Поэтому в данное понятие должны включаться криминологически значимые свойства, т.е. такие особенности личности, которые в совокупности с внешними условиями (ситуацией) обусловили совершение преступления[2].

Для исследования личности изучаемых нами преступников автором методом случайного отбора[3] была проведена выборка по 75 уголовным делам из них: 30 ед. по насильственной преступности, 30 ед. по преступности в сфере экологии и 15 ед. по преступности экономической направленности.

Насильственная преступность представителей коренных малочисленных народов ДФО. Результаты исследования показывают, что в данной категории преступников преобладают лица мужского пола (78%). И хотя женщины представляют меньшую группу (22%), они стали чаще прибегать к преступному насилию. Как правило, женской половиной представителей коренных малочисленных народов ДФО, в 32% от общего количества насильственных преступлений, совершали их самостоятельно, а соучастии - 68%. При этом доля женской насильственной преступности медленно, но неуклонно растет.

Классификация по возрастным группам позволяет определить, что наиболее криминогенный возраст, особенно при совершении умышленных убийства и нанесении тяжких телесные повреждения, превышает 35 лет. Именно в данном возрасте совершается 64,7% умышленных убийств, а 67% причиняют тяжкий вред здоровью. Возрастной порог лиц, совершивших изнасилование, является более низким, а именно в возрасте 20 (54%) - 35 лет (51%) совершаются данные преступления.

Таким образом, насильственная преступность, совершаемую представителями коренных малочисленных народов ДФО, указывает на сложную социальную и психологическую природу данного явления.

В первую очередь, обращает на себя внимание «старение» преступного контингента. Наиболее криминогенной группой в совершении насильственных преступлений становится возрастная категория старше 30 лет. Это говорит о том, что проблема не ограничивается подростковым бунтом или юношеской импульсивностью, а затрагивает более зрелую и, казалось бы, социально адаптированную часть населения. Эта тенденция требует глубокого изучения, возможно, указывающего на системные проблемы социализации и интеграции в общество людей в этом возрасте.

Заслуживает внимание и низкий уровень образования среди лиц, совершивших насильственные преступления. Поразительно высокий процент (около 70%) насильственных преступников имеет лишь незаконченное среднее образование. Только около 1,3% обладает высшим образованием, а те, кто имеет среднее или средне-специальное образование, составляет 9%.

Даже сравнение с общим контингентом преступников демонстрирует более низкий образовательный уровень лиц, совершивших именно насильственные преступления.

Эти данные наглядно иллюстрируют тесную связь между низким уровнем образования, ограниченными возможностями социальной адаптации и склонность к насилию.

Помимо образовательного уровня, криминогенное поведение тесно связано с социальным положением и родом занятий насильственных преступников. Значительная часть из них – это неквалифицированные рабочие (27 %), что свидетельствует о проблемах для коренных малочисленных народов ДФО, связанных с рынком труда, социальной незащищенности и отсутствием перспектив.

К причинам и условиям насильственной преступности коренных малочисленных народов ДФО, помимо образовательного уровня, социального положения и рода занятий, следует отнести следующее.

Обозначенные данные указывают на необходимость анализа образовательной среды, выявление факторов риска, способствующих формированию агрессивного поведения среди данных народов, способствующих формированию агрессивного поведения и склонности к насилию. Нельзя исключать и влияние социальных сетей и масс-медиа, которые могут стимулировать насильственные действия у молодежи.

Характерные черты личности насильственных преступников включает отсутствие стремления к самосовершенствованию, снижение и искажение интересов. Они демонстрируют нежелание повышать свой культурно-образовательный уровень, что усугубляет проблему и затрудняет ресоциализацию.

Эти лица часто обладают ограниченным кругом интересов и не стремятся к духовному развитию. Вместо этого, они склонны к деструктивному поведению и не видят других способов разрешения конфликтов.

Насильственная преступность у коренных малочисленных народов ДФО, связана с бытовыми конфликтами, местью, ревностью, вспышками гнева и случайными ссорами.

Кроме того, насильственным преступникам присущи разрушительные привычки: использование одурманивающих средств, злоупотребление алкоголем, нарушение общественного порядка и склонность к физическому насилию.

Удручающая статистика подтверждает этот факт: около 86% лиц, совершивших умышленные убийства или причинение тяжкого вреда здоровью, находились в состоянии алкогольного опьянения или под действием одурманивающих средств. Алкоголь и одурманивающие средства являются не

[1] См.: Курганов С.И. Основы криминологии: Учеб. пособие. М.: Изд. дом «NOTA BENE», 1998. С. 55.
[2] См.: Алексеев А.И. Криминология: Курс лекций. М.: ЩИТ-М, 1998. С. 84.
[3] См.: Криминология / Под ред. В.Д. Малкова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2006. С. 89.

только фактором, снижающим контроль над поведением, но и часто являются инструментом эскалации конфликтов.

Наконец, важно учесть нравственно-психологические особенности личности насильственных преступников среди представителей коренного малочисленного народа ДФО.

Им присущи эгоцентризм, убежденность в допустимости насилия как способа удовлетворения своих желаний и разрешения конфликтов, а также высокий уровень агрессии.

Следующее, что необходимо рассмотреть в рамках настоящей работы исходя из логики исследования это личность преступника, представителя коренных малочисленных народов ДФО, совершившего преступление в экологической сфере.

Анализ преступлений в экологической сфере, таких как браконьерство и незаконная вырубка леса, выявляет гендерную динамику. Число женщин в этих сферах крайне низкое. Это объясняется целым комплексом факторов, в первую очередь психологическими и социально-историческими особенностями. Традиционные гендерные роли и ожидания в своем большинстве не предполагают активное участие женщин такого рода деятельности, требующей значительные физические силы, выносливости, определенных навыков. Даже для коренных малочисленных народов ДФО, где женщины часто демонстрируют исключительную физическую подготовку, их участие в браконьерстве и незаконной вырубке леса остается минимальной. Это не означает, что женщины полностью исключены из подобных преступных деяний, но их роль в данных преступлениях стремится к нулю.

Более детальное исследование возрастных характеристик преступников, совершающих экологические преступления данных видов, указывает на преобладание лиц среднего возраста: от 25 до 45 лет (80%). Это обусловлено накопленным опытом, знаниями и возможностями, которые обладают люди в данном возрастном диапазоне.

Молодежь в возрасте от 18 до 24 лет, как правило, не обладает достаточными навыками и ресурсами для осуществления подобных преступлений, по степени криминальной активности они составляют 8 %.

В свою очередь люди старшей возрастной группы от 46 лет и выше, в силу физических ограничений составляют 12 %.

Анализ уровня образования выявил следующую закономерность:

- ✓ среднее общее образование имеется у 24 % преступников данной группы преступлений;
- ✓ среднетехническое либо неполное среднее имеется у 44 %;
- ✓ безработные — 32 %.

Примечательно, что наивысший процент составляют безработные, что может свидетельствовать о мотивации, связанной с экономическими трудностями.

Представители этой категории преступников демонстрируют безразличие к окружающей среде, потребительское отношение к природе, игнорируют природоохранительное законодательство, движимы корыстью, обладают весьма примитивной культурой экологической направленности и при этом уровень социальной активности у них чрезвычайно низок. Ключевая сложность у данных преступников кроется в потребительском мировоззрении и приоритете личной выгоды над общественными экологическими интересами.

Эти преступники отличаются профессионализмом в криминальной сфере, то есть превращают преступную деятельность в источник дохода:

1.) незаконная деятельность обеспечивает их средствами существования;

2.) они имеют специфические знания и умения для достижения своей цели;

3.) имеют и поддерживают связи с криминальной средой, в связи с необходимостью сбыта добытых неправомерным образом природных ресурсов;

4.) формируют устойчивый шаблон преступного поведения.

Распространению этих преступлений способствуют неблагоприятные социальные условия, негативно влияющие на формирование личности и подталкивающие к антисоциальному поведению.

Большинство данных преступлений совершается из личной корысти, обусловленной сильными собственническими инстинктами.

Усугубляет ситуацию пассивность и безразличие населения. При этом на экономические причины влияет безработица, которая приводит к снижению уровня жизни.

Личность преступника, представителя коренных малочисленных народов ДФО по преступлениям экономической направленности.

Личность преступников, совершающих кражи, иная, чем у преступников совершавших преступления в сфере незаконного предпринимательства и финансового мошенничества.

Вначале рассмотрим личность преступников, совершающие кражи. Так если, преобладание лиц мужского пола по данным преступлениям, соответствует выше данной характеристики, то по возрастному признаку имеются различия.

Так кражи совершаются ими у 7% преступников — в возрасте 13–18 лет, 29% — в возрасте 18–30 лет, 36% — в возрасте 31–45 лет, 28% — в возрасте 45 лет и старше. При этом уровень образования у данных лиц следующий: общее среднее - 47,9%; среднее профессиональное – 23,9%; начальное профессиональное -19,1%; начальное - 10,1%.

Среди изучаемых категорий преобладают лица мужского пола (81%), женщин значительно меньше (19%). При этом следует отметить, что в случае участия женщин в рассматриваемых преступлениях в 17% от общего количества изученных преступлений они совершали их самостоятельно, в 87% случаев - в соучастии.

Для данных лиц, характерен рецидив.

Социальная дезадаптация, как правило, усугубляется отсутствием семьи, постоянной работы, а также различными психическими аномалиями.

Что касается личность преступников, совершающих незаконное предпринимательство и финансовое мошенничество, то среди изучаемых категорий также преобладают лица мужского пола (79%), а женщины составили -21%. При этом следует отметить, что в представители коренных малочисленных народов только в 11% от общего количества изученных преступлений совершали их самостоятельно, в 89% случаев - в соучастии.

По результатам анализа 93% лиц совершивших данное деяние, не находятся в тяжелом материальном положении. Кроме того, результаты исследования показывают, что образовательный уровень лиц, совершивших данные преступления, как правило, высок. На фоне довольно низкого уровня образования, в случае совершения данных преступлений:

высшее образование имеют 78,3%, неоконченное высшее - 2,7%; среднее специальное - 19%.

Уровень образования преступников данной категории обусловлен тем, что характер преступления требует определенного уровня развития, образования и серьезного осмысления.

Большинство преступлений совершается в соучастии - 74%.

Однако следует отметить, что лица мужского пола совершают преступления в рассматриваемой сфере чаще, чем женщины, причиненный ими ущерб намного превосходит ущерб от действий женщин, что необходимо учитывать при предупреждения указанных преступлений.

Классификация мошенников по возрастным группам позволяет выявить наиболее активные категории лиц, которыми являются лица в возрасте от 36 до 40 лет (26%). Далее следуют лица в следующих возрастных группах:

- от 26 до 30 лет (28%);
- от 31 до 35 лет (31%).
- от 41 до 45 лет (41%);

Наряду с этим указанные преступления совершают и лица других возрастных групп, также встречаются преступники в возрасте более 55 лет.

Вместе с тем преступная активность по рассматриваемым преступлениям практически отсутствует у лиц моложе 21 года. Это связано с низкой общей экономической активностью указанной категории лиц, для осуществления которой необходим достаточный уровень образования, жизненного опыта.

Вместе с тем многие авторы в целом по данной преступности отмечают значительную долю лиц моложе 21 года в структуре общеуголовной преступности (10% от общего количества)[1], к подобным выводам приходят авторы и других работ по криминологическим исследованиям экономических преступлений[2].

Стоит отметить, что данные утверждения в настоящее время имеют свою актуальность в отношении экономической преступности представителей коренных малочисленных народов на настоящий момент.

В то же время анализ приговоров по указанным преступлениям, совершенным лицами, имеющими высшее образование, показывает, что для таких преступлений характерны: многоэпизодность; наличие соучастников.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что лица с высшим образованием, совершают преступления на более профессиональном уровне, с основательной подготовкой, причиняя тем самым особо крупный ущерб государству.

При этом представители малочисленных народов ДФО, в данных преступлениях выступают в большинстве своем как соучастники.

В целом данные, полученные в результате исследования, позволяют выделить такие признаки личности преступника, как мужской пол и наиболее активный возраст (35 - 45 лет), а также высокий образовательный уровень, обладание значительным жизненным опытом, наличие семьи, склонность к авантюризму и корыстная мотивация преступления.

Нравственные качества и психологические особенности личности преступников, прежде всего, раскрываются в мотивах совершения преступлений. Во всех случаях рассматриваемые преступления совершались с корыстной целью.

Изученные приговоры показали, что основная масса осужденных признают вину и раскаиваются - 85%, вину не признают и не раскаиваются - 15%.

В целом следует отметить, что значительное влияние на развитие экономической преступности у коренных малочисленных народов ДФО оказало развитие ДФО. При этом слияние «теневого» и легального бизнеса привело в криминализации некоторых аспектов деятельности в регионе, поскольку любая уязвимость в системе социального управления служила возможностью для проникновения деструктивных явлений.

Ключевой причиной роста преступности в экономической сфере стало стремление преступников у максимальной прибыли, которую в условиях высоких рисков они получали незаконными методами.

Обострение социального неравенства, поляризация общества на состоятельных и малоимущих, ослабили социально-духовные ценности. В результате в обществе стало широко распространяться стремление к наживе любыми способами, в том числе противоправными, а также ориентация на материальное благополучие любой ценой.

Важную роль в развитие экономической преступности играет и вовлечение в незаконную предпринимательскую деятельность и финансовое мошенничество людей с корыстными и антиобщественными мотивами.

Вывод.

[1] Суханов С.В. Криминологическая характеристика личности незаконного предпринимателя // Российский следователь. 2009. N 12. С. 1; Криминология: Учебник для вузов / Под ред. В.Д. Малкова. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юстицинформ, 2006. С. 35.

[2] Калугина З.И. Большие проблемы малого бизнеса Сибири // ЭКО РЕГИОН. 2007. N 6. С. 125 - 126; Боташева А.Х. К вопросу о личности преступника, совершающего мошенничество в банковской сфере // Общество и право. 2009. N 2. С. 2.

Криминальная активность по исследуемым преступлениям приходится на средний возраст 30 - 45 лет.

При этом результаты исследования показали, что рассмотренным видам преступности преобладают лица мужского пола.

В части насильственных преступлений отмечается растущая доля женской насильственной преступности, которая медленно, но неуклонно растет.

Наблюдается низкий уровень образования среди лиц, совершивших насильственные преступления.

Насильственная преступность, совершаемую представителями коренных малочисленных народов ДФО, указывает на сложную социальную и психологическую природу данного явления. Наблюдается «старение» преступного контингента, что указывает на системные проблемы социализации и интеграции в общество людей в этом возрасте.

Характерные черты личности насильственных преступников включает отсутствие стремления к самосовершенствованию, снижение и искажение интересов. Они демонстрируют нежелание повышать свой культурно-образовательный уровень, что усугубляет проблему и затрудняет ресоциализацию.

Анализ личности преступника, представителя коренных малочисленных народов ДФО, совершившего преступление в экологической сфере показал, выявил гендерную динамику. Даже для коренных малочисленных народов ДФО, где женщины часто демонстрируют исключительную физическую подготовку, их участие в браконьерстве и незаконной вырубке леса остается минимальной. Наивысший процент по данным преступлениям относится к безработным, что может свидетельствовать о мотивации, связанной с экономическими трудностями. Представители этой категории преступников демонстрируют безразличие к окружающей среде, потребительское отношение к природе, игнорируют природоохранительное законодательство, движимы корыстью, обладают весьма примитивной культурой экологической направленности и при этом уровень социальной активности у них чрезвычайно низок. Ключевая сложность у данных преступников кроется в потребительском мировоззрении и приоритете личной выгоды над общественными экологическими интересами.

Анализ личности преступника, представителя коренных малочисленных народов ДФО по преступлениям экономической направленности указывает на, что образовательный уровень лиц, совершивших данные преступления, как правило, высок. И это на фоне довольно низкого уровня образования этих народов. При этом известно, что преступность экономической направленности, как правило, требует от преступников хорошей подготовки и определенных знаний, а также способность быстро адаптироваться к новым формам и методам предпринимательской деятельности, банковским и налоговым документам и т.д.

Литература

1. Шаповалов А.В. Очерки истории и культуры потребления табака в Сибири. XVII - первая половина XX вв. Новосибирск: Издательский центр «Прогресс-Сервис», 2002. - 257 с.
2. "Лесной кодекс Российской Федерации" от 04.12.2006 №200-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // "Собрание законодательства РФ", 11.12.2006, № 50, ст. 5278.
3. Киселева Т.В. Роль органов внутренних дел в обеспечении криминологической безопасности в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Приамурья // Российский следователь. 2012. №14. С. 26 - 29.
4. Калугина З.И. Большие проблемы малого бизнеса Сибири // ЭКО РЕГИОН. 2007. №6. С. 125 - 126; Боташева А.Х. К вопросу о личности преступника, совершающего мошенничество в банковской сфере // Общество и право. 2009. № 2. С. 2.
5. Суханов С.В. Криминологическая характеристика личности незаконного предпринимателя // Российский следователь. 2009. № 12. С. 1; Криминология: Учебник для вузов / Под ред. В.Д. Малкова. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юстицинформ, 2006. С. 35.
6. Криминология / Под ред. В.Д. Малкова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2006. С. 89.
7. Алексеев А.И. Криминология: Курс лекций. М.: ЩИТ-М, 1998. С. 84.
8. Курганов С.И. Основы криминологии: Учеб. пособие. М.: Изд. дом «NOTA BENE», 1998. С. 55.

The identity of the criminal, the causes and conditions of criminality of the indigenous peoples of the far eastern federal district

Namtsaraev A.N.

Baikal University State University

The study assesses the reasons for the formation of illegal behavior on the part of representatives of indigenous peoples in modern conditions. The author touches upon the issue of the essence of this category, as well as the state of the current legislation regulating the issues of its self-expression. The importance of reassessing the social position of the affected subjects, taking into account their special identity, as well as the factors that influence their behavior, expressed in a criminal act, is emphasized. An assessment of the general state of affairs with crime in this environment is given, and the proposals made by various researchers regarding its eradication are also evaluated.

Keywords: indigenous population, crime, age, fishing, tradition, legislation.

References

1. Shapovalov A.V. Essays on the history and culture of tobacco consumption in Siberia. XVII - first half of the XX centuries. Novosibirsk: Publishing center "Progress-Service", 2002. - 257 p.
2. "Forest Code of the Russian Federation" of 04.12.2006 No. 200-FZ (as amended on 08.08.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2024) // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 11.12.2006, No. 50, art. 5278.
3. Kiseleva T.V. The role of internal affairs agencies in ensuring criminological security in places of traditional residence and traditional economic activity of indigenous peoples of the Amur region // Russian investigator. 2012. No. 14. P. 26 - 29.

4. Kalugina Z.I. Big problems of small business in Siberia // ECO REGION. 2007. No. 6. P. 125 - 126; Botasheva A.Kh. On the issue of the personality of the criminal committing fraud in the banking sector // Society and Law. 2009. No. 2. P. 2.
5. Sukhanov S.V. Criminological characteristics of the personality of an illegal entrepreneur // Russian investigator. 2009. No. 12. P. 1; Criminology: Textbook for universities / Ed. V.D. Malkov. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Yustitsinform, 2006. P. 35.
6. Criminology / Ed. V.D. Malkov. 2nd edition, revised and enlarged. M.: Yustitsinform, 2006. Page 89.
7. Alekseev A.I. Criminology: Lecture Course. M.: SHCHIT-M, 1998. Page 84.
8. Kurganov S.I. Fundamentals of Criminology: Textbook. M.: Publishing House "NOTA BENE", 1998. Page 55.

Мотивы совершения преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности

Недоступ Екатерина Сергеевна
аспирант, МГЮА им. О.Е. Кутафина,
catherine.nedostup@yandex.ru

Цель: выявить и классифицировать основные мотивы преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности, а также определить их влияние на механизм преступного поведения. Работа направлена на формирование научно обоснованных подходов к изучению мотивации данных преступлений, что способствует совершенствованию правоприменительной практики и разработке мер профилактики.
Методология: исследование основано на совокупности частнонаучных и общенаучных методов, включая анализ, синтез, криминологическое изучение уголовных дел, а также обобщение статистических данных. В работе использованы труды ведущих криминологов и правоведов, что позволяет всесторонне рассмотреть проблему.
Результаты исследования: выявлено, что мотив преступлений данной категории носит многогранный характер и не ограничивается сексуальным влечением. Выделены следующие основные мотивы: агрессивный мотив, мотив доминирования и самоутверждения, мотив мести, сексуальный мотив, а также полимотивация.
Выводы: анализ показал, что криминологическое изучение мотивации преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности позволяет более глубоко понять поведенческие и психологические аспекты преступников. Учет мотивов важен для разработки эффективных мер по предупреждению данных преступлений, их расследованию и исправлению осужденных. В связи с этим представляется необходимым совершенствование судебно-психологической экспертизы, развитие методологии криминологического анализа и внедрение целевых программ ресоциализации преступников.
Ключевые слова: мотивация, мотив, сексуальные преступления, половые преступления, агрессия, месть, доминирование, полимотивация.

Введение

Субъективная сторона преступлений представляет собой один из наиболее сложных для доказывания элементов состава преступления. На практике установление мотивации преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности зачастую осуществляется поверхностно. В особенности это касается квалификации такого признака, как мотив преступления. В большинстве случаев в материалах уголовных дел в качестве мотива совершения полового преступления указывается удовлетворение сексуальной потребности. Однако следует отметить, что подобные формулировки нередко не соответствуют действительным обстоятельствам совершенного преступления.

Обзор литературы

В научной литературе мотивам совершения преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности посвящены работы В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова, Ю.М. Антоняна, В.П. Голубева, Ю.Н. Кудрякова, Г.Б. Дерягина, А.И. Долговой и др.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляет совокупность частнонаучных и общенаучных методов познания, таких как анализ, синтез, криминологическое изучение уголовных дел, обобщение статистических данных.

Результаты исследования

Мотив является одним из ключевых элементов механизма преступного поведения. Установление мотива как основной детерминирующей силы преступного деяния играет важную роль в понимании и объяснении его совершения.

Законодатель в Главе 18 УК РФ «Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности» не включает мотив в состав преступления. Также в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» указано, что «мотив совершения указанных преступлений (удовлетворение половой потребности, месть, национальная или религиозная ненависть, желание унизить потерпевшее лицо и т.п.) для квалификации содеянного значения не имеет» [1].

Установление мотива совершения преступлений против половой свободы и половой неприкосновен-

ности, несмотря на его отсутствие в качестве квалифицирующего признака, представляет собой значимый элемент субъективной стороны преступления.

Именно установление мотива совершения сексуального преступления позволяет разработать комплекс мер, направленных на «исправление и перевоспитание осужденных» [2, с. 53].

Понимание сущности мотива должно основываться «на представлении личности, как системного образования, отражающего волевые, эмоциональные, интеллектуальные потребностные и иные субъективные факторы, которые детерминируют поведение» [3, с. 153]

.

Мотив является основным в структуре мотивации преступного поведения, процесс мотивации состоит из трех стадий:

- процесс осознания потребности (актуализация целевого мотива);

- процесс выбора типа поведения (актуализация ориентирующего мотива);

- процесс выбора конкретного объекта и (или) же конкретного типа поведения для удовлетворения потребности (возникновение технического мотива) [4, с. 94].

Несмотря на наличие мотива на всех этапах процесса мотивации, в научной и правоприменительной практике отсутствует единое его определение.

«Мотив поведения — это внутреннее побуждение к действию, желание, определяемое потребностями, интересами, чувствами, возникшими и обострившимися под влиянием внешней среды и конкретной ситуации. Вслед за мотивом формируется цель как предвидимый и желаемый результат определенного деяния» [5, с. 45-46].

Мотив является психологическим явлением, формирование которого возможно лишь в процессе вступления личности в общественные отношения в ходе первичной и вторичной социализации. В этом контексте мотив представляет собой одну из психологических форм отражения объективной реальности, обусловленную влиянием внешних условий, складывающихся на различных этапах жизненного пути индивида.

Представленное определение также раскрывает социальную природу мотива, поскольку формирование преступного мотива происходит под воздействием внешних факторов, включая потребности и стремления окружающих. Таким образом, мотив возникает в результате противопоставления интересов преступника интересам общества, государства или конкретного индивида.

В криминологии существует два мнения о мотивах совершения преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности.

Некоторые авторы придерживаются мнения, что «исходя из самой сущности данных преступлений, можно сделать вывод, что имманентно присущи только сексуальные мотивы (половое влечение, либидо) и цель (стремление удовлетворить половую страсть)» [6, с. 113-114].

Нам же представляется, что описанный подход единого сексуального мотива не учитывает многообразия явлений окружающей действительности и поступков третьих лиц, которые могут оказывать влияние на формирование мотива у сексуальных преступников, «насильственные половые преступления могут совершаться с иными, кроме удовлетворения сексуальных потребностей, мотивами, такими как корысть (по найму), желание унизить, подчинить потерпевшего или установить доминирующий статус виновного (чаще всего в местах лишения свободы)» [7, с. 56].

По результатам проведенного исследования, мы выделили основные мотивы совершения преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности:

1) Агрессивный (деструктивный, садистский) мотив – для преступника ключевым побуждением становится не получение сексуального удовольствия, а причинение жертве боли, унижения и страданий. Это мотив власти и разрушения, реализующийся через сексуальное насилие как форму агрессии.

Кон утверждал, что «несексуальное использование секса, выражающее агрессивность и злобу, порожденное объективной невозможностью проявить себя мужчиной социально-одобренным способом» [8, с. 35].

Если при сексуальной мотивации ключевым является сексуальное удовлетворение, то при агрессивной — акцент делается на причинении боли и демонстрации силы. В таких случаях половой акт может быть даже «средством», а не целью.

Чаще всего с агрессивным мотивом совершаются изнасилования, сопряженные с насильственными действиями сексуального характера, а преступления совершаются в состоянии алкогольного опьянения.

Демидова Л. Ю., Дворянчиков Н. В. выводят два типа сексуальных преступников с агрессивным мотивом. «Преступники приглушенно садистического типа проявляют некоторые элементы сексуальной агрессии, за счет чего их жертвам наносится физический вред, который, однако, может быть относительно небольшим.

Преступники открыто садистического типа изначально мотивированы на проявление эротизированной агрессии, поскольку без нее не могут получить сексуальное удовлетворение; в таком случае жертвам, как правило, наносятся серьезные физические травмы» [9, с. 84].

М. 37 лет, ранее судимый за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, находясь в состоянии алкогольного опьянения, совершил насильственные действия сексуального характера в отношении незнакомой женщины, которую случайно встретил ночью на улице.

Следствие установило, что изначально у преступника не было сексуального интереса — нападение началось как акт агрессии. Преступник схватил женщину, повалил её на землю и начал избивать (нанеся множественные ушибы и сломав нос). В процессе избиения он испытывал всплеск

агрессивных эмоций, после чего перешёл к сексуальному насилию. Во время насилия продолжал унижать жертву словесно и наносить удары.

Согласно заключению экспертизы, а также показаниям преступника, доминирующим мотивом совершения преступления являлась именно агрессия, сексуальный мотив возник вторично, исключительно как продолжение акта насилия. Преступник проявляет признаки эмоциональной холодности и садистских наклонностей, которые выражаются в удовольствии от боли жертвы.

Данный случай классифицируется как сексуальное преступление с агрессивным мотивом, поскольку основной целью преступника было не удовлетворение сексуального влечения, а насилие и подавление жертвы, где половой акт использовался как инструмент унижения.

2) Мотив доминирования и самоутверждения – является одним из факторов, побуждающим совершать сексуальные преступления. Преступники, движимые этим мотивом, стремятся подчеркнуть свою власть и заставить жертву подчиняться.

Часто сексуальные преступления, совершённые с целью доминирования, связаны с личностными деформациями и неуверенностью в себе. Преступник стремится доказать себе и окружающим свою силу и доминирующее положение.

Преступники, совершающие преступления с мотивом доминирования и самоутверждения, часто имеют низкий социальный статус и испытывают проблемы в социальной и сексуальной жизни.

Криминологами, социологами и психологами неоднократно отмечалось, что «формирование личности преступника, совершающего преступления против половой неприкосновенности и половой свободы, обусловлено совокупностью факторов, среди которых выявлены различные формы насилия (угроза, оскорбление, избиение), пережитого в юном возрасте» [10, с. 24].

Согласно криминологическим и судебно-психологическим исследованиям, одним из ключевых факторов формирования насильственного сексуального поведения является феномен потери контроля в раннем возрасте. Пережитые в детстве ситуации бессилия и беспомощности — особенно в контексте насилия, в том числе сексуального, — оказывают деструктивное влияние на развитие личности и поведенческие стратегии индивида.

Психологическая травма, вызванная отсутствием контроля над собственной жизнью и телом, формирует у некоторых людей стойкое стремление компенсировать пережитое чувство уязвимости насильственными формами поведения во взрослом возрасте. При этом сексуальное насилие становится инструментом регрессии и восстановления субъективного чувства власти.

Во взрослом возрасте такие люди склонны совершать сексуальные преступления как способ воссоздать ситуацию контроля, в которой жертва оказывается в положении полной зависимости и беспомощности. В ходе насильственных действий преступник испытывает субъективное удовлетворение от осознания своей власти не только над конкретной ситуацией, но и над психоэмоциональным состоянием жертвы.

Таким образом, сексуальная агрессия в данном контексте выполняет функцию психологической компенсации, позволяя преступнику временно нейтрализовать собственные глубинные чувства страха, беспамятства

В данном случае рассматривается преступление, совершённое мужчиной, не имеющим стабильного социального положения, что является одним из факторов, способствующих его склонности к агрессивным действиям и доминированию. Преступник, Р., 42 года, житель небольшого населённого пункта в Подмосковье, не имел постоянной работы и зачастую перебивался случайными заработками. На момент совершения преступления он не был женат. Жертвой преступления стала женщина, Л., которая не была постоянной жительницей данного населённого пункта и находилась в нём временно.

Первая встреча Р. и Л. произошла случайно. Л., возвращавшаяся с покупками, столкнулась с Р., который предложил ей помощь в переноске тяжёлых пакетов. Эта встреча привела к знакомству, после чего Р. стал настойчиво пытаться наладить личные контакты с женщиной. Он приглашал её на встречи, проявляя явный интерес к её личной жизни.

Когда Л. отказалась от дальнейших встреч, Р. начал угрожать женщине, заявляя, что опозорит её перед местными жителями. Эти угрозы, сопровождавшиеся манипуляциями и психологическим давлением, стали частью его стратегии доминирования, в рамках которой он стремился подчинить жертву своей воле. Когда Л. попыталась уйти от него, Р. применил физическое насилие и совершил акт сексуального насилия, фактически подчинив женщину своей власти.

Этот случай иллюстрирует типичный для преступников с мотивом доминирования механизм, при котором сексуальное насилие является средством утверждения власти и контроля. Для Р. сексуальный акт был не самоцелью, а скорее инструментом психологической манипуляции и подавления жертвы. Его действия демонстрируют стремление компенсировать ощущение личной слабости и социальной несостоятельности с помощью насилия, что является распространённым явлением среди лиц с низким социальным статусом и нестабильными психологическими установками.

Применение угроз и физического насилия характерно для лиц, стремящихся доминировать в межличностных отношениях. В данном случае преступник использовал свое положение по отношению к женщине (как к человеку, обладающему временной властью в данной ситуации), чтобы установить контроль и принудить жертву к подчинению.

3) Мотив мести. Сексуальные преступления, совершённые из мести, относятся к категории агрессивных преступлений, в которых насилие применя-

ется как способ возмездия за реальное или предполагаемое оскорбление, предательство или неудовлетворённость в отношениях. Мотив мести может быть связан как с личными, так и с межличностными конфликтами и часто является результатом обострившихся эмоций, таких как гнев, чувство унижения или месть за отказ или измену.

Преступники, действующие из мести, могут быть как мужчинами, так и женщинами, но чаще всего такие преступления совершают мужчины, особенно в контексте интимных отношений. Они могут чувствовать, что их гордость, достоинство или чувства были задеты, и стремятся вернуть утраченные позиции с помощью насильственных действий.

М. 35 лет состоял в длительных отношениях с О. 28 лет. Несмотря на периодические напряжённые моменты, мужчина был уверен в стабильности их отношений. Однако вскоре он узнал, что его партнёрша изменяла ему с другим мужчиной. Эта измена оказала сильное эмоциональное воздействие на М., вызвав у него чувство предательства и унижения.

Зависть и обида, возникшие в результате измены, стали основными эмоциями, побудившими М. к агрессивным действиям. В ответ на чувство унижения и потерю уважения он начал испытывать ревность и решимость отомстить. Пытаясь восстановить утраченную мужскую гордость и контроль, он стал угрожать О. расправой. Затем, выследив её поздно вечером, он воспользовался её слабым сопротивлением, чтобы совершить изнасилование.

Мотивом преступления было желание отомстить за измену, стремление унизить женщину и вернуть себе ощущение контроля и уважения, которые, по его мнению, он утратил в результате измены. В данном случае насилие воспринималось преступником как способ наказать жертву за её действия, а также как средство восстановления его собственного достоинства и мужской власти, которые, по его мнению, были подорваны в процессе измены.

4) Сексуальный мотив встречается в уголовных делах в качестве движущего мотива чаще всего. Хотя следует отметить, что зачастую сотрудники правоохранительных органов не ставят перед собой цель установить истинный мотив совершения преступления.

Этот мотив напрямую связан с сексуальными желаниями преступника, которые не были удовлетворены в рамках нормальных и разрешённых отношений. В отличие от других типов мотивов, таких как месть или доминирование, сексуальный мотив сосредоточен исключительно на стремлении к сексуальной близости, что зачастую приводит к насилию.

Преступник, действующий по сексуальному мотиву, обычно стремится удовлетворить свои сексуальные потребности без согласия или желания жертвы. Это может быть как результатом сильного сексуального влечения, так и психопатологических расстройств, которые побуждают к агрессивным действиям с целью реализации сексуальных фантазий или фетишей.

Сексуальный мотив может проявляться по-разному в зависимости от особенностей личности преступника, его сексуальных предпочтений и внутренней психоэмоциональной мотивации. Однако ключевым аспектом является то, что преступник использует насилие как средство достижения сексуального удовлетворения.

Е., 40 лет, ранее привлекался к ответственности за мелкие правонарушения, однако в его биографии не было признаков насилия. был знаком с семьёй 9-летней девочки К., которая часто играла на детской площадке во дворе многоэтажного дома. Мужчина начал общаться с девочкой, предлагая ей конфеты и игрушки, а также проявляя излишнее внимание. Мужчина использовал своё положение взрослого, чтобы завоевать доверие ребёнка, притворяясь доброжелательным и заботящимся о ней. Когда девочка осталась с ним наедине, преступник принудил её к сексуальным действиям, угрожая, что, если она расскажет кому-нибудь, он сделает так, что её родители рассердятся на неё.

Сексуальный мотив в данном случае заключается в извращённом стремлении преступника к сексуальным отношениям с несовершеннолетними. Его действия были обусловлены сексуальной девиацией, при которой сексуальная привлекательность и возбуждение возникают по отношению к детям. Преступник воспринимал себя как взрослого человека, который может манипулировать ребёнком, не понимая или игнорируя тот факт, что его действия причиняют физический и психологический вред. Мотивы, связанные с педофилией, включают стремление удовлетворить патологические сексуальные желания, что приводит к эксплуатации и насилию над детьми. В таких случаях насилие может восприниматься преступником как средство достижения сексуального удовлетворения без учёта прав и благополучия ребёнка.

Широкое распространение получила гипотеза о полимотивации, хотя часто о ней говорят скорее как об исключении, которое не является закономерностью преступного поведения.

Согласно позиции Ю.М. Антоняна «можно отметить два уровня мотивации: рациональный, внешний и глубинный, смысловой. Второй в наибольшей степени определяет поведение вообще и преступное, в частности. Вполне возможно переплетение мотивов разного уровня» [11, с. 28].

Полимотивация сексуальных преступлений означает, что за одним преступлением может стоять несколько мотивационных факторов, которые воздействуют на преступника одновременно или по очереди. В большинстве случаев это сочетание сексуальных, агрессивных и психологических мотивов, что делает мотивацию преступления более сложной и многогранной.

Примером полимотивации может быть случай, когда преступник действует как для удовлетворения сексуальных потребностей, так и для восстановления чувства власти и контроля над жертвой, что яв-

ляется его личной потребностью, связанной с доминированием и самоутверждением. В таком случае сексуальное насилие становится лишь инструментом, с помощью которого преступник пытается реализовать свои агрессивные, эмоциональные и сексуальные желания.

Обсуждение и заключение

Исследование мотивов совершения преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности позволяет глубже понять психологические и криминологические аспекты преступного поведения. Установление истинного мотива преступления играет значительную роль в профилактике, выявлении закономерностей девиантного поведения и разработке эффективных мер исправления и ресоциализации осужденных.

Анализ показывает, что преступления данной категории могут быть обусловлены не только сексуальным влечением, но и агрессией, стремлением к доминированию, местью, а также сложными сочетаниями мотивов. Полимотивация сексуальных преступлений требует комплексного подхода к расследованию и анализу каждого конкретного случая.

Несмотря на то, что мотив преступления формально не является квалифицирующим признаком в законодательстве, его установление позволяет учитывать личностные особенности преступников, разрабатывать целевые профилактические меры и повышать эффективность системы уголовного правосудия. Формирование преступных мотивов тесно связано с биографическими факторами, воздействием социальной среды, а также личностными особенностями преступника, что подчеркивает необходимость междисциплинарного подхода к изучению данных преступлений.

Таким образом, для более эффективного противодействия преступлениям против половой свободы и неприкосновенности личности необходимо совершенствование методов криминологического анализа, развитие судебно-психологической экспертизы и внедрение комплексных программ реабилитации преступников с учетом их индивидуальной мотивации.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.

2. Котов Д. П. Мотивы преступлений и их доказывание:(Вопросы теории и практики). – Изд-во Воронеж. ун-та, 1975.

3. Антонян Ю. М., Волконская Е. К. Мотив преступного поведения: основные характеристики // Общество и право. – 2012. – №. 4 (41). – С. 150-157.

4. Скляров С.В. Вина и мотивы преступного поведения. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004.

5. Долгова А. И. Криминология: краткий учебный курс / А.И. Долгова. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024.

6. Российское уголовное право: в 2 т. Особенная часть: учебник / Г.Н. Борзенков; под общ. ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. – 3-е изд. перераб. и доп. М.: Проспект, 2010.

7. Тыдыкова Н.В. Уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации насильственных половых преступлений: монография. М.: Юрлитинформ, 2013.

8. Фокс В. Введение в криминологию.М.: "Прогресс", 1980.

9. Демидова Л. Ю., Дворянчиков Н. В. Типологические и интегративные модели сексуального злоупотребления //Психолого-педагогические исследования. – 2014. – Т. 6. – №. 3. – С. 82-93.

10.Паршин Н. М., Телегина Е. Г. Насилие как фактор сексуальных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних //Научный вестник Омской академии МВД России. – 2014. – №. 3 (54). – С. 23-28.

11.Антонян, Ю. М. Мотивация преступного поведения / Ю. М. Антонян // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения) : Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 30 сентября – 01 2019 года / Под общей редакцией Н.А. Лопашенко. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2019. – С. 27-31.

Motives for committing crimes against sexual freedom and sexual integrity of the individual

Nedostup E.S.

Kutafin Moscow State Law University of the Russian Federation

Object: to identify and classify the main motives of crimes against sexual freedom and sexual integrity, as well as to determine their impact on the mechanism of criminal behavior. The work is aimed at developing scientifically based approaches to the study of the motivation of these crimes, which contributes to the improvement of law enforcement practice and the development of preventive measures.

Materials and methods: the research is based on a combination of private and general scientific methods, including analysis, synthesis, criminological study of criminal cases, as well as generalization of statistical data. The work uses the works of leading criminologists and legal scholars, which allows us to comprehensively consider the problem.

Findings: the motive of crimes in this category is multifaceted and is not limited to sexual attraction. The following main motives are identified: aggressive motive, motive of dominance and self-affirmation, motive of revenge, sexual motive, as well as polymotivation.

Conclusions: the analysis showed that the criminological study of the motivation of crimes against sexual freedom and sexual integrity of the individual allows for a deeper understanding of the behavioral and psychological aspects of criminals. Consideration of motives is important for developing effective measures to prevent these crimes, investigate them, and correct convicts. In this regard, it seems necessary to improve forensic psychological examination, develop the methodology of criminological analysis and introduce targeted programs for the re-socialization of criminals.

Keywords: motivation, motive, sexual crimes, sexual crimes, aggression, revenge, domination, polymotivation.

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 04.12.2014 No. 16 "On judicial practice in cases of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 2.
2. Kotov D. P. Motives for crimes and their proof: (Theoretical and practical issues). - Publishing house of Voronezh. University, 1975.
3. Antonyan Yu. M., Volkonskaya E. K. Motive for criminal behavior: main characteristics // Society and Law. - 2012. - No. 4 (41). - P. 150-157.
4. Sklyarov S. V. Guilt and motives for criminal behavior. – SPb.: R. Aslanov Publishing House “Legal Center Press”, 2004.
5. Dolgova AI Criminology: a short course of study / AI Dolgova. - 4th ed., revised and enlarged. - Moscow: Norma: INFRA-M, 2024.
6. Russian criminal law: in 2 volumes. Special part: textbook / GN Borzenkov; under the general editorship of LV Inogamova-Khegay, VS Komissarov, AI Raroga. - 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Prospect, 2010.
7. Tydykova NV Criminal-legal characteristics and issues of qualification of violent sexual crimes: monograph. M.: Yurlitinform, 2013.
8. Fox V. Introduction to Criminology. M.: "Progress", 1980.
9. Demidova L. Yu., Dvoryanchikov N. V. Typological and integrative models of sexual abuse // Psychological and pedagogical research. - 2014. - Vol. 6. - No. 3. - P. 82-93.
10. Parshin N. M., Telegina E. G. Violence as a factor in sexual crimes committed against minors // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2014. - No. 3 (54). - P. 23-28. 11. Antonyan, Yu. M. Motivation of criminal behavior / Yu. M. Antonyan // Criminal-legal impact and its role in crime prevention (IV Saratov criminal-legal readings): Collection of articles based on the materials of the IV All-Russian scientific and practical conference, Saratov, September 30 – January 01, 2019 / Under the general editorship of N.A. Lopashenko. - Saratov: Saratov State Law Academy, 2019. - P. 27-31.

Правовые и правоприменительные аспекты дифференциации и индивидуализации режима исполнения и условий отбывания наказания в воспитательных колониях

Шикиева Динара Шаъбановна
аспирант, кафедра уголовного права, РГПУ имени А. И. Герцена, dshikieva@inbox.ru

В статье рассмотрена сущность принципов дифференциации и индивидуализации исполнения наказания. Представлены возможные способы реализации данных принципов. Сделан вывод о важности обеспечения данных принципов при работе с несовершеннолетними осужденными. Как известно, приоритетной целью помещения несовершеннолетних осужденных в пространство колонии выступает не оказание карательного воздействия, а воспитание, ресоциализация и профилактика девиантного поведения. Индивидуализация и дифференциация реализуются посредством изучения социально-демографических параметров; уголовно-правовой и психологической характеристик осужденных. Сделан вывод о том, что имеющиеся в практике массовые, индивидуальные и групповые формы воспитательной работы нуждаются в обновлении. Налицо необходимость более детализированного правового регулирования мер воспитательного воздействия в воспитательных колониях

Ключевые слова: воспитательная колония, индивидуализация, дифференциация, отбывание наказания, несовершеннолетнее лицо, воспитательное воздействие

Уголовное и уголовно-исполнительное законодательство можно рассматривать с позиции поиска баланса между классификацией обобщенного типа правонарушения и преступника, с одной стороны, и учетом специфических, индивидуальных параметров и характеристик, влияющих на условия его совершения и исполнения наказания – с другой.

Принципы дифференциации и индивидуализации исполнения наказания выступают одними из ключевых в современной правоприменительной практике [13, с. 33]. Для того, чтобы соблюсти индивидуальный подход в назначении наказания и при его исполнении законодатели большинства стран мира стремятся вводить в правовой массив особые условия дифференциации и индивидуализации. Так, разграничиваются разные типы пенитенциарных учреждений, разные режимы, разные карательные и воспитательные элементы процесса исполнения наказания. Дифференциация уголовной ответственности и наказания неразрывно связана с дифференциацией исполнения наказания, с вариабельностью и динамикой правового статуса осужденных, интенсивностью исправительного, воспитательно-профилактического воздействия в процессе исполнения и отбывания наказания [10, с. 59].

Принципы дифференциации и индивидуализации наказания отражены и в отечественном праве. Так, согласно положениям ст. 60 Уголовного кодекса Российской Федерации суд при назначении наказания должен учитывать характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личности виновного и обстоятельства дела [13]. Данное положение влечет за собой возникновение ситуаций, когда лица, совершившие аналогичные по составу преступления, получают разные наказания.

Дифференциация и индивидуализация как важнейшие принципы уголовно-исполнительного законодательства направлены, в первую очередь, на учет персонализированных характеристик правонарушителей и персонализированный характер отбывания наказания [10, с. 58]. Сложность и многоаспектность механизмов реализации данных принципов требует комплексного, междисциплинарного анализа с использованием знаний из областей криминалистики, психологии, права, педагогики, демографии, социологии и др.

Содержание принципов дифференциации и индивидуализации исполнения наказания в уголовно-исполнительном законодательстве представлено в ст. 8 Уголовно-исполнительного Кодекса. При том

четкой границы между двумя концепциями в отечественном законодательстве не наблюдается, что позволяет рассматривать их в единстве [5, с. 146]

Рассматриваемые нами принципы исполнения наказания реализуется посредством процесса дифференциации осужденных на категории. Для реализации данных принципов осужденные классифицируются на относительно однородные группы – по различным социально-правовым и психолого-педагогическим критериям. При этом дифференциация предлагает, помимо прочего, распределение осужденных по разным исправительным учреждениям, наделение их разными правовыми статусами, варьирование средств и методов воспитания в процессе исполнения наказания [6, с. 141]. Эти и иные механизмы и критерии представлены в положениях стст. 8, 73, 74, 80, 120, 122, 124, 126, 128, 130, 132 Уголовно-исполнительного Кодекса [12]. Таким образом, группировка осужденных по разным категориям не противоречит принципам дифференциации и индивидуализации, а напротив – служит реализации данных принципов в контексте обеспечения дифференцированное карательно-воспитательное воздействие на каждую категорию осужденных [6, с. 142].

Следует также отметить, что принципы дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний распространяются как на лишение свободы, так и на ограничение свободы (ст. 47), исправительные работы (ст. 39), арест (ст. 69), содержание в дисциплинарной воинской части (ст. 156), условное осуждение (ст. 187) [4, с. 103].

Особенно важно следовать вышеотмеченным принципам при работе с несовершеннолетними осужденными. Как известно, приоритетной целью помещения несовершеннолетних осужденных в пространство воспитательной колонии выступает не оказание карательного воздействия, а воспитание, ресоциализация и профилактика девиантного поведения. Все текущие изменения в законодательстве, касающиеся данной области, ориентированы на гуманизацию и смягчение условий содержания [8, с. 135]. Исполнение лишения свободы в отношении осужденных несовершеннолетних в России направлено на исправление осужденных, соответствующих принципам законности, гуманизма и демократизма [11, с. 126].

Воспитательная работа в колонии является совокупностью педагогических, психологических, организационных технологий и инструментов, применение которых обусловлено стремлением к оказанию систематического и целенаправленного воздействия на несовершеннолетних осужденных. Учет индивидуальных факторов данной категории осужденных критически важен: с позиции физиологии и психологии несовершеннолетним свойственна нестабильность в поведении, в самоконтроле, в аксиологии, в психоэмоциональной сфере в целом.

Подросткам, особенно попавшим в воспитательную колонию, свойственно стремление к самоутверждению среди сверстников, искаженное представление о собственных возможностях, снижение интереса к учебной деятельности. Зачастую воспитанникам колоний свойственны низкий культурный, образовательный и интеллектуальный уровень.

В подростковом возрасте центральная нервная система характеризуется пластичностью и восприимчивостью, в связи с чем индивидуализация при оказании воспитательного воздействия является краеугольным камнем в организации условий отбывания наказания. Следует учитывать, что несовершеннолетние лица, отбывающие наказания, находятся на стадии формирования структуры личности, социализации. Воспитательная колония в данном контексте играет роль ключевого института социализации [3, с. 91].

Большинство подростков, попадающих в колонии, осуждены за совершение корыстных, насильственных и корыстно-насильственных преступлений. На момент совершения преступления большая часть осужденных училась в школе; многие из них были воспитаны в условиях неполной семьи, в маргинализированном окружении, в условиях недостатка материально-финансового обеспечения и родительского контроля.

Согласно имеющимся данным, около половины несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях, еще до момента совершения преступления состояли на учете соответствующих институтов, уходили из дома или вели бродяжнический образ жизни. Около трети несовершеннолетних осужденных совершили преступление в алкогольном опьянении, около 20% употребляли наркотики. Не менее, чем у половины подростков родители страдали от алкогольной и/или наркотической зависимости; во многих семьях родитель или оба родители были ранее судимы. Более 80% таких лиц имеют негативные характеристики по месту учебы, абсолютное большинство (95%) не посещало ранее никаких досуговых или спортивных секций [9 с. 85].

Помимо условной классификации несовершеннолетних заключенных, важное значение имеет учет индивидуальных особенностей каждого из них. Противоправные формы поведения несовершеннолетних осужденных определяются социальной средой осужденных, криминологическими характеристиками, включающими в себя неформальные признаки, которые часто остаются на периферии внимания правоприменителей [7, с. 310].

Безусловно, воплощение принципов индивидуализации и дифференциации наказания невозможно без изучения конкретной личности. Изучение личности несовершеннолетних проводится на основании следующих критериев: 1) социально-демографические параметры; 2) уголовно-правовая характеристика; 3) психологическая характеристика. В группу критериев «социально-демографические параметры» включаются характеристики и взаимоотношениях с родственниками и ближайшим окружением, уровень необходимых знаний, умений, навыков, уровень необходимых компетенций, имеющийся социальный опыт личности, ее интересы и паттерны в поведении, уровень физического разви-

тия. Возраст – один из ключевых параметров в данном контексте, так как все другие характеристики напрямую обусловлены возрастом осужденных; разница между осужденными 14 и 16 лет только на первый взгляд кажется незначительной, но в действительности в этом возрасте динамика развития психики крайне высока.

На сегодняшний день доминирующим механизмом в реализации принципов индивидуализации и дифференциации исполнения наказания является улучшение/ухудшение условий содержания несовершеннолетних осужденных.

Изменений условий отбывания наказания выступает главным компонентом т.н. «прогрессивной системы» отбывания наказания (ст. 8 Уголовно-исполнительного Кодекса [12]). Согласно положениям российского законодательства, отсутствие взысканий, демонстрация добросовестного отношения к учебе и труду могут стать основанием для улучшения условий содержания в воспитательной колонии. Обратное также верно: неоднократные нарушения дисциплины приводят к усилению «строгости» режима отбывания наказания, о чем свидетельствует ст. 132. Данный тезис развит в ст. 133, где детализированы разные условия содержания несовершеннолетних в воспитательных колониях.

Российский законодатель, к сожалению, подходит весьма узконаправленно к определению категории «условия содержания». По сущности, вариабельность условий содержания в колонии сводится лишь к изменению количества посылок, передач, бандеролей, свиданий, которые могут поучить осужденные.

С одной стороны, расширение возможностей в области связи с «внешним миром» и улучшения материального обеспечения подростков действительно является эффективной мерой по стимулированию социально ответственного поведения. С другой стороны, если обратиться к текущей правоприменительной и социальной практике, для значительной доли несовершеннолетних осужденных данная мера является нерелевантной. Речь идет о том, что многие из них, будучи «продуктом» девиантной среды, не получают материальную и психологическую поддержку извне, от членов семьи и, следовательно, не могут воспользоваться возможностью улучшения условий отбывания. Осознание этого факта приводит к снижению мотивации к социально ответственному поведению.

Согласно имеющимся данным, представленным официальными ведомствами, материальную поддержку в виде денежных переводов получают не более четверти несовершеннолетних осужденных, находящихся в воспитательной колонии. Посылки и передачи подучает около 70% осужденных. Более того, сиротами является около 8% – и эти лица, как правило, не получают помощи извне в принципе [1, с. 12].

Эти данные позволяют сделать вывод о том, что современная правоприменительная практика изменения условий отбывания наказания в воспитательной колонии для несовершеннолетних не всегда является эффективной.

Помимо помощи осужденным в виде денежных переводов, передач, посылок и свиданий, принципы дифференциации и индивидуализации наказаний реализуются посредством иных механизмов. Одним из путей улучшения условий пребывания в колонии выступает возможность освободиться из воспитательной колонии условно-досрочно (по данным социологических исследований, такой возможностью хотели бы воспользоваться около половины несовершеннолетних осужденных [9, с. 85])

Многие осужденные позитивно относятся к такой мере, как обеспечение оплачиваемым трудом – это позволяет им иметь в распоряжении личные денежные средства и, кроме того, представляет возможность для социализации. Более 50% осужденных положительно относятся к исполнению трудовых обязанностей [9, с. 85].

Имеют место, кроме того, и иные меры, направленные на поощрение или взыскание. Так, согласно ст. 136 Уголовно-исполнительного Кодекса, в воспитательных колониях могут быть установлены меры взыскания, применяемые к несовершеннолетним осужденным, за нарушение установленного порядка отбывания наказания [12]. К таким мерам, наряду с выговором и дисциплинарным штрафом, относятся ограничение возможностей для досуга (просмотр телевидения, кинофильмов), водворение в дисциплинарный изолятор на срок до семи суток с выводом на учебу. Таким образом, законодательство предусматривает специфические меры дисциплинарного воздействия для различных категорий осужденных, учитывая их возраст и условия отбывания наказания.

Следует сказать, что наиболее эффективными мерами, в силу возрастных особенностей, выступают психолого-педагогические. При этом, по мнению многих специалистов, при применении таких мер в реальной практике недостаточно учитываются индивидуальные характеристики несовершеннолетних – их психологическое состояние, мера социальной запущенности, уровень знаний, отношение с близким окружением и проч. [2, с. 307].

Ученые-правоведы, психологи и педагоги, кроме того, достаточно часто высказывают мнение о том, что некорректные подходы при обеспечении принципов дифференциации и индивидуализации при отбытии наказания несовершеннолетними порождают их негативное отношение к любому педагогическому и административному воздействию.

В целом в России на законодательном уровне создана вполне приемлемая система средств индивидуализации и дифференциации при осуществлении карательно-воспитательного процесса во время исполнения наказания [14, с. 48]. Тем не менее, можно сделать вывод о том, что имеющиеся в практике массовые, индивидуальные и групповые формы воспитательной работы нуждаются в обновлении. Неоднократно замечено, что многие виды организации массовых образовательных и развлекательных мероприятий – как способов улучшения условий содержания и поощрения – реализуются формально [3, с. 91]. Такой подход едва ли способен повысить мотивацию осужденных к исправлению.

Как показывает статистика по рецидивам среди подростков и молодежи, в российских воспитательных колониях не до конца реализован воспитательный потенциал, не в полной мере обеспечены принципы дифференциации и индивидуализации [10, с. 59]. В ситуации, если в воспитательной колонии отрицательные качества и поведение подростков усугубляются, то вероятность совершения ими повторного правонарушения повышается. Следовательно, можно говорить о прямой взаимосвязи между дифференциацией и индивидуализацией мер воспитательного воздействия и сокращением доли населения, склонного к нарушению закона.

Учитывая данные о рецидивах среди подростков и молодежи, можно сделать вывод о необходимости более детализированного правового регулирования мер воспитательного воздействия в воспитательных колониях.

Отечественное законодательство нуждается в расширения и конкретизации применяемых воспитательных мер, в т.ч. расширение перечня механизмов поощрения за хорошее поведение. Кроме того, следует предусмотреть внедрение индивидуальных программ ресоциализации с учетом психологических и социальных особенностей осужденных. Таким образом, модернизация соответствующего сегмента законодательного массива в части воспитательного воздействия в воспитательных колониях будет способствовать снижению уровня рецидива среди несовершеннолетних и повышению степени их социальной адаптации. Дифференциация и индивидуализация должны быть реализованы не в качестве формальности, а как средство исправления несовершеннолетних осужденных [15, с. 35].

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

1. Принципы дифференциации и индивидуализации исполнения наказания выступают одними из ключевых в современной правоприменительной практике. Особенно важно следовать вышеотмеченным принципам при работе с несовершеннолетними осужденными.

2. Приоритетной целью помещения несовершеннолетних осужденных в пространство воспитательной колонии выступает не оказание карательного воздействия, а воспитание, ресоциализация и профилактика девиантного поведения.

3. На сегодняшний день доминирующим механизмом в реализации принципов индивидуализации и дифференциации исполнения наказания является улучшение/ухудшение условий содержания несовершеннолетних осужденных.

4. Наиболее эффективными мерами, в силу возрастных особенностей, выступают психолого-педагогические.

5. Имеющиеся в практике массовые, индивидуальные и групповые формы воспитательной работы нуждаются в обновлении в части детализации мер воспитательного воздействия в воспитательных колониях.

Литература

1. Алфимова, О. А. К вопросу об эффективности применения законодательного института изменения условий отбывания наказания (на примере воспитательных колоний для несовершеннолетних осужденных) / О. А. Алфимова // Вестник Кузбасского института. – 2015. – №3 (24). – С. 10-14.

2. Борданов, А. С. Воспитательное воздействие на несовершеннолетних преступников / А. С. Борданов // E-Scio. – 2021. – №12 (63). – С. 300-309.

3. Захряпин, Р. И. Проблемы организации исполнения наказаний в воспитательных колониях / Р. И. Захряпин, А. М. Соколов // Вестник науки. – 2021. – №8 (41). – С. 89-97.

4. Кириллов, М. А. О принципе индивидуализации исполнения наказания в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации / М. А. Кириллов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – №1 (29). – С. 101-103.

5. Кириллов, М. А. Реализация принципа дифференциации исполнения наказания в нормах уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации / М. А. Кириллов, А. В. Петрянин, В. В. Савельев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – №4 (48). – С. 145-150.

6. Колочихин, К. С. Понятие и содержание дифференциации осужденных к лишению свободы / К. С. Колочихин, К. В. Родионов, Ю. Ю. Тищенко // Аграрное и земельное право. – 2023. – №7 (223). – С. 140-142.

7. Майстренко, Г. А. Становление личности несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы / Г. А. Майстренко // Образование и право. – 2023. – №9. – С. 307-311.

8. Марданшина, Л. Р. Система воспитания в подростковой трудовой колонии / Л. Р. Марданшина, Р. Ф. Ахтариева // Символ науки. – 2025. – №1-1-1. – С. 133-135.

9. Прохорова, М. В. Характеристика личности несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы как критерий дифференциации и индивидуализации исполнения наказания / М. В. Прохорова // Вестник Кузбасского института. – 2017. – №3 (32). – С. 82-86.

10. Смирнов, А. Н. Дифференциация и индивидуализация наказания: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты / А. Н. Смирнов // Вестник Кузбасского института. – 2021. – №3 (48). – С. 58-64.

11. Сычев, А. И. Особенности исполнения лишения свободы в отношении осужденных несовершеннолетних / А. И. Сычев // Право и государственность. – 2024. – №1 (2). – С. 122-126.

12. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 25.10.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.12.2024) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/. – Дата доступа: 10.03.2025.

13.Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. – Дата доступа: 10.03.2025.

14.Харьковский, Е. Л. Достижение целей наказаний, связанных с лишением свободы в разные периоды развития уголовного законодательства / Е. Л. Харьковский // Lex criminalis scientiarum. 2024. №1 (1). – С. 41-48.

15.Янчук, И. А. К вопросу о сущности принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказания и эффективности его реализации при применении наказания в виде лишения свободы / И. А. Янчук // Пенитенциарная наука. – 2010. – №9. – С. 33-35.

Legal and law enforcement aspects of differentiation and individualization of the execution regime and conditions of serving a punishment in educational colonies

Shikieva D.Sh.

A. I. Herzen Russian State Pedagogical University

The article analyses the essence of the principles of differentiation and individualization of execution of punishment. Possible ways of implementing these principles are presented. A conclusion is made about the importance of ensuring these principles when working with juvenile convicts. As is known, the priority goal of placing juvenile convicts in the space of a colony is not the provision of punitive influence, but education, resocialization and prevention of deviant behavior. Individualization and differentiation are implemented through the study of socio-demographic parameters; criminal-legal and psychological characteristics of convicts. It is concluded that the existing mass, individual and group forms of educational work need to be updated. There is a need for more detailed legal regulation of educational measures in educational colonies

Keywords: educational colonies, individualization, differentiation, serving a punishment, a minor, educational influence

References

1. Alfimova, O. A. On the effectiveness of the application of the legislative institution for changing the conditions of serving a sentence (on the example of educational colonies for juvenile convicts) / O. A. Alfimova // Bulletin of the Kuzbass Institute. - 2015. - No. 3 (24). - P. 10-14.
2. Bordanov, A. S. Educational impact on juvenile offenders / A. S. Bordanov // E-Scio. - 2021. - No. 12 (63). - P. 300-309.
3. Zakhryapin, R. I. Problems of organizing the execution of sentences in educational colonies / R. I. Zakhryapin, A. M. Sokolov // Bulletin of Science. - 2021. - No. 8 (41). - P. 89-97.
4. Kirillov, M. A. On the principle of individualization of punishment execution in the criminal-executive legislation of the Russian Federation / M. A. Kirillov // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2015. - No. 1 (29). - P. 101-103.
5. Kirillov, M. A. Implementation of the principle of differentiation of punishment execution in the norms of the criminal-executive legislation of the Russian Federation / M. A. Kirillov, A. V. Petryanin, V. V. Savelyev // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2019. - No. 4 (48). - P. 145-150.
6. Kolochikhin, K. S. The concept and content of differentiation of persons sentenced to imprisonment / K. S. Kolochikhin, K. V. Rodionov, Yu. Yu. Tishchenko // Agrarian and land law. - 2023. - No. 7 (223). - P. 140-142.
7. Maistrenko, G. A. Formation of the personality of minor convicts serving a sentence of imprisonment / G. A. Maistrenko // Education and Law. - 2023. - No. 9. - P. 307-311.
8. Mardanshina, L. R. The system of education in a juvenile labor colony / L. R. Mardanshina, R. F. Akhtarieva // Symbol of science. - 2025. - No. 1-1-1. - P. 133-135.
9. Prokhorova, M. V. Characteristics of the personality of minor convicts serving a sentence of imprisonment as a criterion for differentiation and individualization of the execution of punishment / M. V. Prokhorova // Bulletin of the Kuzbass Institute. - 2017. - No. 3 (32). - P. 82-86.
10. Smirnov, A. N. Differentiation and individualization of punishment: criminal-legal and criminal-executive aspects / A. N. Smirnov // Bulletin of the Kuzbass Institute. - 2021. - No. 3 (48). - P. 58-64.
11. Sychev, A. I. Features of the execution of imprisonment in relation to convicted minors / A. I. Sychev // Law and statehood. - 2024. - No. 1 (2). - P. 122-126.
12. Criminal Executive Code of the Russian Federation of 08.01.1997 N 1-FZ (as amended on 25.10.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 20.12.2024) // ConsultantPlus [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/. - Access date: 10.03.2025.
13. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 28.02.2025) // ConsultantPlus [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. – Date of access: 10.03.2025.
14. Kharkovskiy, E. L. Achieving the goals of punishments related to deprivation of liberty in different periods of development of criminal legislation / E. L. Kharkovskiy // Lex criminalis scientiarum. 2024. No. 1 (1). – P. 41-48.
15. Yanchuk, I. A. On the issue of the essence of the principle of differentiation and individualization of the execution of punishment and the effectiveness of its implementation when applying punishment in the form of imprisonment / I. A. Yanchuk // Penitentiary science. – 2010. – No. 9. – P. 33-35.

Понятие преступности мигрантов-иностранцев и её причины

Шимко Светлана Евгеньевна
аспирант, кафедра уголовного права, процесса и криминалистики, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

В статье особое внимание автора обращено на раскрытие таких понятий как «миграция», «мигрант-иностранец» и «преступность мигрантов-иностранцев», проведен анализ толкований указанных терминов, а также предложено авторское понимание определения понятия мигранта-иностранца. В ходе работы над статьей автором применены статистический, сравнительный и логический методы исследования. В работе рассмотрены основные детерминанты, способствующие совершению преступлений иностранными гражданами и лицами без гражданства. В статье приведены актуальные статистические данные, представленные МВД России, о совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства преступлений по итогам 2024 года. В завершение предложен комплекс профилактических мер по совершенствованию миграционного законодательства, взаимодействию с диаспорами, формированию единых информационных учетов, направленный на снижение уровня преступности среди иностранных граждан и лиц без гражданства.
Ключевые слова: иностранный гражданин, лицо без гражданства, мигрант, преступность мигрантов, миграционное законодательство.

До сих пор понятие «мигрант» не закреплено на законодательном уровне ни в одном из нормативных правовых актов Российской Федерации.

Миграция в широком смысле - это территориальное перемещение между населенными пунктами или регионами, независимо от продолжительности, регулярности и целей перемещения.

В зависимости от цели въезда и пребывания в России можно выделить экономическую и социальную миграцию. Экономическая миграция связана с получением материальной выгоды. Трудовая миграция является важнейшим классом экономической миграции и представляет собой периодические перемещения населения с целью осуществления трудовой деятельности для получения экономической прибыли с последующим возвращением к месту своего постоянного проживания.

Мигранты-иностранцы, прибывшие в Российскую Федерацию именно с целью осуществления трудовой деятельности, нередко составляют большую часть тех незаконных мигрантов, которые впоследствии совершают правонарушения и преступления.

По правомерности пребывания в Российской Федерации выделяют законную и незаконную миграцию.

Законные мигранты – это лица, въехавшие на территорию Российской Федерации в установленном законом порядке, соблюдающие правила пребывания в Российской Федерации.

Незаконные мигранты – это лица, нарушившие миграционное законодательство в части режима въезда, пребывания либо осуществления трудовой деятельности в Российской Федерации.

В Федеральном законе от 25 июля 2022 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» имеются только понятия «иностранный гражданин», которое представляется как «физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства», и «лицо без гражданства» - «физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и не имеющее доказательств наличия гражданства (подданства) иностранного государства» [9].

В основе большинства существующих определений лежит понимание миграции как определенного вида перемещения, движения населения, а мигранта – как лица, совершающего это перемещение.

По общему мнению, мигрантом является лицо, которое совершает географическое перемещение, при этом не берутся во внимание причины такого перемещения, национальность, возраст, пол лица и другие его признаки. Т.Я. Хабриева определяет «мигрантов» как основных субъектов миграционных

правоотношений, выступающих ключевыми участниками миграционных процессов: лицами, которые с целью временного или постоянного проживания (пребывания) пересекают территориальные границы [10].

В Большой российской энциклопедии дано следующее определение: мигранты (от лат. migrans, род. п. migrantis – переселяющийся) - лица, проживающие на законных основаниях в государстве, гражданами которого они не являются [1].

Л.Л. Рыбаковский отмечает, что в определениях, в которых миграция приравнивается к различным видам движения населения, смешиваются различные явления: перемещение людей по территории и перемещение людей по образовательным группам, профессиям, отраслям, предприятиям и т.д. [5].

В Российской Федерации не раз предпринимались попытки закрепить понятие мигранта на федеральном уровне, но все они оказались безуспешны.

Понятие «мигрант» очень широко применимо по отношению ко всем, кто совершает какие-либо перемещения, но в рамках исследования преступности мигрантов наибольшее значение имеет квалификация мигрантов по принципу гражданской принадлежности, т.е. не состоящего в гражданстве Российской Федерации и являющегося иностранным гражданином либо лицом без гражданства.

Таким образом, **мигрант-иностранец** (в Российской Федерации) – это лицо, не состоящее в гражданстве Российской Федерации, прибывшее из другого государства с целью временного пребывания либо постоянного проживания на территории Российской Федерации.

Тогда что же такое преступность. Н.Ф. Кузнецова в конце 60-х гг. дала такое определение преступности: «Преступность - это относительно массовое, исторически изменчивое социальное, имеющее уголовно-правовой характер, явление классового общества, слагающееся из всей совокупности преступлений, совершаемых в соответствующем государстве в определенный период времени» [3].

Но существует и другой подход, представители которого утверждают, что нельзя рассматривать преступность как совокупность преступлений. Преступность - это нечто иное. Так, Шестаков Д.А. называет преступностью свойство общества порождать преступления, она является закономерностью, в силу которой совершается множество преступлений, а преступления – внешняя форма ее проявления [11].

Л.И. Спиридонов рассматривает преступность как один из параметров общества, характеризующих состояние социального организма, рассогласованность между его составными частями [7].

Преступность мигрантов-иностранцев можно выделить в отдельный вид преступности, который основывается на такой характеристике личности преступника как участие в процессах миграции, здесь имеется специальный субъект – мигрант-иностранец.

Преступность мигрантов-иностранцев охватывает всю совокупность совершаемых мигрантами-иностранцами преступлений. Специфика указанных преступлений характеризуется особенностями самих групп мигрантов и их положением в обществе.

Для того, чтобы дать оценку преступности мигрантов-иностранцев, следует разобраться в причинах совершения таких преступлений.

Как следует из данных МВД России, иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации в 2024 году совершено 38,6 тыс. преступлений, что на 0,9% меньше, чем за январь - декабрь 2023 года, в том числе гражданами государств-участников СНГ – 32,7 тыс. преступлений (+0,6%), их удельный вес составил 84,8% [6].

Причинами нарастающей агрессии мигрантов, считает председатель Следственного комитета России Александр Бастрыкин, является неадаптированность приезжих к российскому менталитету, а также ненадлежащая организация работодателями социально-бытовых условий их пребывания [2].

Среди факторов, которые провоцируют приезжего на противоправное поведение, можно назвать дезадаптацию, длительное нахождение вдали от семьи, бытовую неустроенность, материальные трудности и как следствие социальную незащищенность.

Большинство мигрантов, совершивших преступления, находились в Российской Федерации с нарушением установленного порядка пребывания (истечение срока временного пребывания, осуществление трудовой деятельности без оформления разрешительных документов, уклонение от выезда за пределы Российской федерации в связи с аннулированием разрешительных документов).

Иностранный гражданин, оказавшись в «чужой» для него стране, часто не зная языка, культуры, традиций и местного законодательства, не имея поддержки родственников, друзей, знакомых, не может адаптироваться к новым реалиям, а порой, попросту, не зная законодательства, нарушает его, становясь незаконно находящимся без средств к существованию и возможности вернуться на родину.

Указом Президента Российской Федерации от 10 февраля 2022 г. № 48 образована Межведомственная комиссия Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам совершенствования государственной миграционной политики. Целью создания данной Комиссии являлось выполнение возложенных на Совет Безопасности Российской Федерации задач по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации в миграционной сфере и регулирование миграционных процессов в интересах социально-экономического развития страны, а также координация деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, других государственных органов, органов местного самоуправления и организаций при реализации государственной миграционной политики [8].

Одной из функций, возложенных на Комиссию, является анализ состояния миграционной ситуации в Российской Федерации с учетом необходимости обеспечения национальной безопасности, интересов внешней и внутренней политики и потребностей

экономики. Кроме того, Комиссия призвана выявлять внутренние и внешние угрозы национальной безопасности в миграционной сфере, подготавливать предложения и рекомендации Совету Безопасности по вопросам, касающимся проведения единой государственной миграционной политики, выявления и пресечения незаконной миграции, совершенствования системы мер по регулированию внешней трудовой миграции в соответствии с потребностями Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, противодействия политике иностранных государств, представляющей угрозу национальным интересам Российской Федерации в этой сфере, принятия правовых, организационных, технических, финансовых и иных мер, необходимых для реализации государственной миграционной политики и др.

Во время одного из заседаний Комиссии было заострено внимание на том, что значительная часть преступлений совершается трудовыми мигрантами, и причиной этого является нежелание либо неспособность адаптироваться среди местного населения, что вызывает широкий общественный резонанс.

В крупных городах нередко образуются анклавы в местах сосредоточения иностранцев, что становится большой проблемой и нередко представляет угрозу для местного населения. Живя в замкнутом пространстве среди своих соотечественников, мигранты не интегрируются в социум и дальше проживают в соответствии со своими обычаями и культурными традициями.

Для противодействия преступности мигрантов необходимо разработать четкие специальные программные меры и комплексные профилактические мероприятия с учетом развития криминогенной обстановки.

Перед въездом иностранных граждан в Российскую Федерацию необходима их разносторонняя подготовка, которая должна предусматривать обязательные курсы изучения русского языка, российских культуры и истории, основ законодательства Российской Федерации.

С 1 декабря 2024 года в России уже начался эксперимент по проведению обязательной дактилоскопической регистрации и фотографированию иностранных граждан и лиц без гражданства, въезжающих на территорию Российской Федерации через международные аэропорты московской зоны, а также в автомобильном пункте пропуска Маштакова в Оренбургской области. Данный эксперимент позволит создать единую базу, содержащую геномную информацию на каждого въезжающего в Российскую Федерацию иностранного гражданина или лица без гражданства, что безусловно окажет положительное влияние на осуществление контроля за пребыванием иностранных граждан на территории Российской Федерации.

Принятие новых законодательных актов, направленных на совершенствование миграционного законодательства, в том числе трудового, а также более широкое вовлечение национальных диаспор в работу по профилактике вовлечения иностранцев в криминальную сферу, будет способствовать снижению уровня преступности среди мигрантов-иностранцев.

Литература

1. Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/c/migranty-7fe590 (дата обращения 10.03.2025).

2. Интервью Председателя СК России информационному агентству «Интерфакс». URL: https://sledcom.ru/press/interview/item/1780279/ (дата обращения 15.03.2025).

3. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность/ Н.Ф. Кузнецова. - Москва, 1969. - с. 173.

4. Рашитов Л.Р. Понятие, состояние и структура преступности мигрантов в современной России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 2 (44). С. 214-219.

5. Рыбаковский Л.Л. История и теория миграции населения. Кн. 2: Миграция населения: явление, понятие, детерминанты/Л.Л. Рыбаковский. – Москва: Издательство «ЭконИнформ», 2017. – 234 с. - ISBN 978-5-9500099-7.

6. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабря 2024 года. URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (дата обращения 18.02.2025).

7. Спиридонов Л.И. Социология преступления/Л.И. Спиридонов.- Москва: Акад. МВД СССР, 1978. - 24 с.

8. Указ Президента Российской Федерации от 10 февраля 2022 г. № 48 «О Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам совершенствования государственной миграционной политики». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=7906290&req=doc&base=EXP&n=858501&rnd=C1iWgA#n7GXUfUas24t2S3q1/ (дата обращения 18.02.2025).

9. Федеральный закон от 25.07.2022 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». URL: https://base.garant.ru/184755 (дата обращения 20.02.2025).

10.Хабриева Т.Я. Миграционное: сравнительно-правовое исследование: монография /Т.Я. Хабриева - М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019. - 400 с. ISBN 978-5-9516-0858-1.

11.Шестаков Д.А. Предупреждение преступности/Д.А. Шестаков.- Юридический журнал. Казахстан. 2014. № 4 (52). С. 25–35.

The concept of criminality of foreign migrants and its causes

Shimko S.E.

Dorzhi Banzarov Buryat State University

In the article, the author pays special attention to the disclosure of such concepts as "migration", "foreign migrant" and "criminality of foreign migrants", an analysis of the interpretations of these terms is conducted, and the author's understanding of the definition of the concept of a foreign migrant is proposed. In the course of working on the article, the author applied statistical, comparative and

logical research methods. The work considers the main determinants that contribute to the commission of crimes by foreign citizens and stateless persons. The article provides current statistical data provided by the Ministry of Internal Affairs of Russia on crimes committed by foreign citizens and stateless persons based on the results of 2024. In conclusion, a set of preventive measures is proposed to improve migration legislation, interact with diasporas, and form unified information records aimed at reducing the level of crime among foreign citizens and stateless persons.
Keywords: foreign citizen, stateless person, migrant, migrant crime, migration legislation.

References

1. The Great Russian Encyclopedia. URL: https://bigenc.ru/c/migranty-7fe590 (date of access 10.03.2025).
2. Interview of the Chairman of the Investigative Committee of Russia to the Interfax news agency. URL: https://sledcom.ru/press/interview/item/1780279/ (date of access 15.03.2025).
3. Kuznetsova N.F. Crime and criminality / N.F. Kuznetsova. - Moscow, 1969. - p. 173.
4. Rashitov L.R. Concept, state and structure of migrant crime in modern Russia // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. Vol. 12, No. 2 (44). P. 214-219.
5. Rybakovsky L.L. History and Theory of Population Migration. Book 2: Population Migration: Phenomenon, Concept, Determinants/L.L. Rybakovsky. - Moscow: EkonInform Publishing House, 2017. - 234 p. - ISBN 978-5-9500099-7.
6. The State of Crime in the Russian Federation for January - December 2024. URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (date of access 02/18/2025).
7. Spiridonov L.I. Sociology of Crime/L.I. Spiridonov. - Moscow: Acad. MVD USSR, 1978. - 24 p.
8. Decree of the President of the Russian Federation of February 10, 2022 No. 48 "On the Interdepartmental Commission of the Security Council of the Russian Federation on Improving the State Migration Policy". URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=7906290&req=doc&base=EXP&n=858501&rnd=C1iWgA#n7GXUfUas24t2S3q1/ (date of access 02/18/2025).
9. Federal Law of July 25, 2022 No. 115-FZ "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation". URL: https://base.garant.ru/184755 (date of access 02/20/2025).
10. Khabrieva T.Ya. Migration: a comparative legal study: monograph / T.Ya. Khabrieva - M .: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2019. - 400 p. ISBN 978-5-9516-0858-1. 11. Shestakov D.A. Crime Prevention / D.A. Shestakov. - Law Journal. Kazakhstan. 2014. No. 4 (52). P. 25-35.

Дистанционное обследование местности в следственных действиях: основания, выбор технологий и оценка эффективности

Горбенко Татьяна Витальевна
старший научный сотрудник Научно-исследовательского и редакционно-издательского отделения Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

Применение современных технологий обуславливают изменение подходов к организации предварительного расследования и пересмотр прочно укоренившейся практики производства следственных действий. Открывая новые возможности для познания обстоятельств события и расширяя поисковые и познавательные способности следователя, такие технологии становятся ключевым инструментом повышения качества и эффективности следственных действий. Особенно это актуально для следственных действий, местом проведения которых выступают открытые участки местности, обладающие характерными особенностями, как правило, осложняющими изучение их обстановки, собирания и изъятия криминалистически значимой информации, а также представляющие угрозу жизни и здоровью его участников.
Ключевые слова: дистанционное обследование местности, предварительное расследование, эффективность следственных действий

В условиях числа преступлений, совершаемых на открытой местности (улицы, парки, скверы, площади), последствия которых нередко вызывают значительный общественный резонанс[1], ключевым способом является дистанционное обследование местности, позволяющее быстро и обстоятельно изучить территорию без необходимости физического присутствия следователя на месте. Рассматриваемый метод приобретает особую актуальность в условиях удаленности, труднодоступности и опасности местности, участки которой являются местом совершения преступления либо концентрации его следов.

Следовательно, востребованность дистанционного обследования местности определяется следующими условиями, одновременно, являющимися основаниями для его проведения:

1. Географическая удаленность или труднодоступность места происшествия, исключающая оперативное прибытие к нему следователя. Учитывая географические особенности регионов России, следует отметить, что, в некоторых случаях, своевременное и эффективное осуществление предварительного расследования невозможно, что является насущной проблемой современного уголовного судопроизводства. Наиболее часто с указанной проблемой сталкиваются регионы Крайнего Севера, Западной Сибири и Дальнего Востока, которые занимают около 60% территории страны и характеризуются значительной удаленностью населенных пунктов от районных центров, суровыми климатическими условиями, отсутствием надежной транспортной инфраструктуры и качественной связи[2]. Наиболее наглядно демонстрируют эту проблему следующий пример.

Так, для расследования убийства в Ненецком автономном округе следователям потребовалось 25 дней, чтобы добраться до места происшествия, находящегося в 520 километрах от г. Нарьян-Мара. Вещественные доказательства вследствие длительного пребывания под осадками и на открытом воздухе, утратили часть доказательных свойств, что значительно усложнило проведение ряда судебных экспертиз[2].

Реже сталкиваются с проблемой затрудненности или невозможности проведения следственных действий на местности следователи, в обслуживании которых находятся менее обширные территории, такие как леса, степи, тундры. Несмотря на меньший охват территории, такие случаи часто требуют непропорционально больших ресурсов и времени для их расследования, что создает дополнительные трудности для правоохранительных органов.

Статья выполнена за счет гранта Государственного Совета Республики Крым молодым ученым Республики Крым имени Н. Я. Данилевского

Например, по факту умышленного поджога леса в Камчатском крае, совершенного с целью сокрытия следов незаконной вырубки лесных насаждений, использовался автомобиль, маршрут движения которого огибал границы пожара и составлял более 40 км в одну сторону. На осмотр места пожара было потрачено порядка 16 часов, а по результатам осмотра была определена примерная площадь выгоревшей части леса и взяты образцы для проведения пожарно-технической экспертизы, что не позволяет говорить о высоком качестве проводимого следственного действия, поскольку его результаты основаны на фрагментарной оценке площади пожара[3].

2. Опасные условия (например, последствия экологических катастроф, размещение в зонах вооруженных конфликтов, зонах радиоактивного заражения), создающие угрозу безопасности участников следственного действия. Последствия крупных экологических катастроф (разливы нефти, химические выбросы, лесные пожары и др.), аварий на атомных объектах или нахождение в местах вооруженных конфликтов, требует специальной подготовки, использования защитных костюмов и соответствующего оборудования для мониторинга обстановки.

Например, расследование причин аварии на Чернобыльской АЭС требовало соблюдения мер безопасности и ограниченного времени пребывания в опасной зоне, что обеспечивалось частой сменой следователей, осуществлявших поисково-познавательные действия[4].

Другой пример: при расследовании военных преступлений в Сирии и Донбассе следователи использовали бронированный транспорт и средства связи для обеспечения своей безопасности в условиях обстрелов, установлением мин-ловушек и действий вооруженных группировок[5].

3. Срочность получения информации для оперативного реагирования на преступления и своевременного собирания криминалистически значимой информации. Данное основание является ключевым фактором в обеспечении безопасности, сохранении доказательств успешном раскрытии и расследовании преступлений.

Например, после аварии на Чернобыльской АЭС дроны помогали оценить масштабы катастрофы и собрать доказательства без риска для людей, что обеспечило оперативность установления причин аварии, минимизацию ее последствий и принятие необходимых мер для ликвидации угрозы[4].

Таким образом, при наличии перечисленных оснований дистанционное обследование мест совершения преступлений в рамках проведения следственных действий обеспечивает сокращение сроков расследования за счет оперативного сбора и анализа информации, безопасность участников уголовного судопроизводства через минимизацию физического контакта с потенциально опасными зонами, а также оптимизацию ресурсов правоохранительных органов, включая экономию времени, личного состава и материальных средств.

Следует отметить, что несмотря на незначительную долю преступлений, совершаемых в удаленных, труднодоступных и опасных зонах, в общем числе регистрируемых преступлений, анализируемая проблема не утрачивает своей актуальность, а, напротив, подчеркивает свою специфичность и сложность.

Особенности таких территорий требуют использования современных технологий, которые обеспечивают оперативность реагирования на происшествия, безопасность участников следственных действий, точность собирания и качество фиксации данных, а также экономию материальны и временных ресурсов.

Вместе с тем их выбор должен определяться с учетом специфики следственной ситуации, особенностей местности, целей и доступности технических средств, чтобы обеспечить максимальную эффективность следственных действий.

В этих целях необходимо определить критерии выбора современных технологий для дистанционного обследования местности, которые основываются на комплексном анализе целей, условий и технических возможностей:

1) Тип информации, на получение которой направлено использование современных технологий, степень ее детализации, уровень точности и полноты.

Цель любого следственного действия — получение конкретной информации, определяемой следственной ситуацией и имеющимися данными. Как отмечает С.А. Шейфер, «цель влияет на методы познания (наблюдение, измерение, сравнение, моделирование и др.), их специализацию и сочетание, обеспечивающее извлечение искомых данных» [6].

При планировании следственных действий на местности с использованием технических средств, важно учитывать тип, детализацию, точность и полноту информации, что обеспечивает качество и полноту данных, необходимых для установления истины и планирования дальнейших действий.

Например, для детального осмотра места происшествия оптимальны беспилотные летательные аппараты (БПЛА) с камерами высокого разрешения, а для поиска объектов под водой — подводные дроны с сонаром.

2) Особенности местности, которые влияют на эффективность применения технических средств. Предварительное изучение местности (характер рельефа, инфраструктура, потенциальные угрозы) обеспечивает правильный выбор средств и тактики их использования[7].

3) Соответствие технических характеристик используемых технологий целям следственного действия. Положительные результаты следственных действий в значительной степени зависят от наличия необходимого комплекса технических средств, выбор которых определяется целью и характером конкретного следственного действия[11]. Технические характеристики современных технологий являются определяющим фактором при подготовке следственного действия, что требует их тщательного изучения при планировании рассматриваемой

деятельности. Важно учитывать такие характеристики, как дальность полета или работы, время автономной работы от аккумулятора, разрешающая способность камеры (или иного сенсора), а также наличие дополнительных датчиков, таких как тепловизор или газоанализатор, в зависимости от поставленных задач[12].

4) Соответствие использования технических средств и технологий при проведении следственных действий требованиям законодательства. Использование таких средств при дистанционном обследовании местности должно соответствовать требованиям действующего законодательства[16], обеспечивая гарантии прав, свобод и интересов граждан и юридических лиц[17] (необходимость получения разрешений, например, на использование БПЛА в определенных зонах или ограничения на съемку частной территории).

5) Соотношение стоимости и эффективности современных технологий, возможность аренды или использования имеющегося оборудования при выборе технических средств для дистанционного обследования местности.

Таким образом, технические средства и современные технологии выступают в качестве инструмента для поиска, собирания и исследования материальных следов преступления на участках местности, характеризующихся сложными условиями, такими как большая протяженность, труднодоступность, наличие опасных объектов или зараженных зон. Эти средства обеспечивают оптимизацию и повышение качества следственных действий в тех случаях, когда традиционные методы оказываются недостаточно эффективными или неприменимыми.

Важность их правового регулирования и проведения исследований, направленных на поиск средств криминалистического обеспечения дистанционного обследования местности, обусловлена необходимостью повышения эффективности следственных действий, минимизации рисков, связанных с использованием новых технологий, и обеспечения законности и достоверности получаемых данных.

Литература

1. Данные ГИАЦ МВД России // Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за 2020-2024 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/ (дата обращения: 10.01.2025).
2. Абдулвалиев А.Ф. Территориальная удаленность как особое географическое условие, влияющее на расследование уголовных дел // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 2(36). С. 124-130; Приговор Суда Ненецкого автономного округа по уголовному делу N 2-3/2013 от 25 дек. 2013 г. // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sudact.ru/regular/doc/ (дата обращения: 10.01.2025).
3. Архив прокуратуры Камчатского края (материалы уголовных дел за 2020 г.
4. Ликвидация последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС им. В.И. Ленина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://23.mchs.gov.ru/glavnoe-upravlenie/professionalnye-prazdniki/4-oktyabrya-den-grazhdanskoy-oborony/istoriya-grazhdanskoy-oborony-rossii/likvidaciya-posledstviy-katastrofy-na-chernobylskoy-aes-im-v-i-lenina (дата обращения: 14.01.2025).
5. Интервью Председателя Следственного комитета России информационному агентству ТАСС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sledcom.ru/press/interview/item/1767766/?tab=images (дата обращения: 14.01.2025).
6. Шейфер С.А. Теория следственных действий как элемент теории доказательств // Актуальные проблемы совершенствования производства следственных действий: Сб. науч. тр. Ташкент: ТВШ МВД СССР, 1982. С. 12–26.
7. Боловинов А.В. Руководство для следователей по осмотру места происшествия: учеб.-практ. пособие / А.В. Боловинов, С.И. Данилова, Л.С. Корнева и др.; под ред. И.А. Попова, Г.В. Костылевой, Н.Е. Муженской. М.: Проспект, 2015. 440 с.;
8. Гусев А.В. Криминалистическое обеспечение следственного осмотра в условиях гидросферы // Общество и право. 2019. № 3(69). С. 79–84
9. Гусев А.В. Моделирование объекта следственного осмотра в условиях гидросферы // Общество и право. 2019. № 4(70). С. 48–53
10. Матвиенко И.В., Борисова К.С. Способы изучения местности при выполнении оперативно-служебных задач // StudNet. 2023. № 3. С. 1–9.
11. Применение технических средств и процессуальное оформление следственных действий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vuzlit.com/1240896/primenenie_tehnicheskih_sredstv_protsessualnoe_oformlenie_sledstvennyh_deystviy (дата обращения: 16.08.2024).
12. Лозинский О.И. Использование возможностей робототехники и аппаратно-программных средств в криминалистической практике и при производстве отдельных следственных действий // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. № 3. С. 128–134
13. Наговицин А.И., Молоткова Б.Б. Робототехнические комплексы военного назначения, перспективы их применения в РВ и а ВС РФ // Известия ЮФУ. Технические науки. 2017. № 1(186). С. 6–20
14. Васильев А.В. Мобильные мини-роботы разведки: текущее состояние, характерные черты и общие тенденции развития // Известия ЮФУ. Технические науки. 2010. № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/mobilnye-mini-roboty-razvedki-tekuschee-sostoyanie-harakternye-cherty-i-obschie-tendentsii-razvitiya (дата обращения: 28.12.2024)
15. Афанасьева С.И., Добровлянина О.В. Правовое регулирование производства следственных действий с использованием видео-конференц-связи по действующему УПК РФ // Ex jure. 2022. № 4. С. 101–117.

16.Абышов Д.З., Шувалов М.Н. О законности применения специальных технических средств при проведении следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4(48). С. 242–245.

17.Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. – Режим доступа: Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

Remote survey of the terrain in investigative actions: grounds, choice of technologies and assessment of efficiency

Gorbenko T.V.

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The use of modern technologies determines a change in approaches to the organization of preliminary investigation and a revision of the firmly rooted practice of investigative actions. Opening up new opportunities for understanding the circumstances of an event and expanding the investigator's search and cognitive abilities, such technologies become a key tool for improving the quality and efficiency of investigative actions. This is especially relevant for investigative actions, the venue of which are open areas of terrain with characteristic features that, as a rule, complicate the study of their environment, the collection and seizure of forensically significant information, and also pose a threat to the life and health of its participants.

Keywords: remote survey of the terrain, preliminary investigation, the efficiency of investigative actions

References

1. Data from the State Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Brief characteristics of the state of crime in the Russian Federation for 2020-2024. [Electronic resource]. - Access mode: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/ (date of access: 10.01.2025). 2. Abdulvaliev A.F. Territorial remoteness as a special geographical condition affecting the investigation of criminal cases // Legal science and law enforcement practice. 2016. No. 2 (36). P. 124-130; Verdict of the Nenets Autonomous Okrug Court in criminal case No. 2-3 / 2013 dated December 25. 2013 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation [Electronic resource]. – Access mode: http://sudact.ru/regular/doc/ (date of access: 10.01.2025). 3. Archive of the Kamchatka Krai Prosecutor's Office (materials of criminal cases for 2020
4. Liquidation of the consequences of the disaster at the Chernobyl Nuclear Power Plant named after V.I. Lenin [Electronic resource]. - Access mode: https://23.mchs.gov.ru/glavnoe-upravlenie/professionalnye-prazdniki/4-oktyabrya-den-grazhdanskoy-oborony/istoriya-grazhdanskoy-oborony-rossii/likvidaciya-posledstviy-katastrofy-na-chernobylskoy-aes-im-v-i-lenina (date of access: 14.01.2025).
5. Interview of the Chairman of the Investigative Committee of Russia to the TASS news agency [Electronic resource]. - Access mode: https://sledcom.ru/press/interview/item/1767766/?tab=images (date accessed: 14.01.2025).
6. Sheifer S.A. Theory of investigative actions as an element of the theory of evidence // Actual problems of improving the production of investigative actions: Coll. sci. tr. Tashkent: TVSh MVD USSR, 1982. Pp. 12–26.
7. Bolovinov A.V. Guide for investigators on examining the crime scene: a training and practical manual / A.V. Bolovinov, S.I. Danilova, L.S. Korneva et al.; edited by I.A. Popov, G.V. Kostyleva, N.E. Muzhenskaya. Moscow: Prospect, 2015. 440 p.;
8. Gusev A.V. Forensic support of investigative inspection in the hydrosphere // Society and Law. 2019. No. 3 (69). P. 79–84
9. Gusev A.V. Modeling the object of investigative inspection in the hydrosphere // Society and Law. 2019. No. 4 (70). P. 48–53
10. Matvienko I.V., Borisova K.S. Methods of studying the terrain when performing operational and service tasks // StudNet. 2023. No. 3. P. 1–9.
11. Use of technical means and procedural registration of investigative actions [Electronic resource]. – Access mode: https://vuzlit.com/1240896/primenenie_tehnicheskih_sredstv_protsessualnoe_oformlenie_sledstvennyh_deystviy (date of access: 16.08.2024).
12. Lozinsky O.I. Using the capabilities of robotics and hardware and software in forensic practice and in the production of individual investigative actions // Problems of Economics and Legal Practice. 2024. No. 3. P. 128-134
13. Nagovitsyn A.I., Molotkova B.B. Robotic systems for military purposes, prospects for their use in the Russian Armed Forces and the Russian Armed Forces // Bulletin of SFedU. Technical sciences. 2017. No. 1 (186). P. 6-20
14. Vasiliev A.V. Mobile mini-reconnaissance robots: current status, characteristic features and general development trends // Bulletin of SFedU. Technical sciences. 2010. No. 3 [Electronic resource]. - Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/mobilnye-mini-roboty-razvedki-tekuschee-sostoyanie-harakternye-cherty-i-obschie-tendentsii-razvitiya (date of access: 12/28/2024)
15. Afanasyeva S.I., Dobrovlyanina O.V. Legal regulation of the production of investigative actions using video conferencing under the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Ex jure. 2022. No. 4. pp. 101-117.
16. Abyshov D.Z., Shuvalov M.N. On the legality of using special technical means during investigative actions and operational-search activities // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4 (48). P. 242–245.
17. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993. – Access mode: Access from the reference legal system "ConsultantPlus".

К вопросу об установлении причинно-следственной связи при проведении судебно-медицинских экспертиз

Кобелев Юрий Георгиевич
кандидат медицинских наук, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета, keyur11@mail.ru

Хамидуллин Руслан Сибагатуллович
кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета, sledgsugu@mail.ru

В статье рассматриваются основные аспекты причинно-следственной связи в судебно-медицинской практике, акцентируется внимание на различии между прямой и непрямой (косвенной) причиной. Автор приводит конкретные примеры, иллюстрирующие, как первоначальная прямая причинная связь между ударом по лицу и смертельной травмой может быть оспорена в ходе повторной судебно-медицинской экспертизы.
В результате анализа выясняется, что связь между физическим воздействием и наступившей смертью не всегда является однозначной, что подчеркивает важность точного и тщательного установления причинно-следственной связи в процессе судебного разбирательства.
Ключевые слова: причинно-следственная связь, судебно-медицинская экспертиза, прямая причинно-следственная связь, косвенная причинно-следственная связь, доказывание.

Вопрос установления причинно-следственных связей при проведении судебно-медицинских экспертиз в отечественной практике всегда был ключевым, входил в основные учебники и вызывал сомнения только в отношении прямых и косвенных причин.

Согласно приказу Минздрава СССР от 21.07.1988 № 579 «Об утверждении квалификационных характеристик врачей-специалистов» врач судебно-медицинский эксперт должен уметь установить причину смерти, а также «причинно-следственную связь между повреждением и неблагоприятным исходом» [3].

Вместе с тем нужно отметить, что данный приказ отменен приказом Минздрава России от 24.08.2020 № 889 , что связано прежде всего, с тем, что в 2010 году был принят новый приказ Минздравсоцразвития России от 23.07.2010 № 541н (в ред. от 09.04.2018) «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения». Однако здесь про причину смерти и установление причинно-следственных связей ничего не говорится.

Приказом Минздрава России от 25.09.2023 № 491н «Об утверждении Порядка проведения судебно-медицинской экспертизы» определены подвиды экспертиз, структура медицинской организации, проводящей судебно-медицинскую экспертизу, делается акцент на организационных моментах взаимодействия с органами дознания, предварительного следствия и судов, для которых проводится судебно-медицинская экспертиза. Об умении установления причинно-следственной связи ничего не отмечено и в приказе Минтруда России от 14.03.2018 № 144н «Об утверждении профессионального стандарта «Врач - судебно-медицинский эксперт». Здесь мы находим более обобщенную формулировку – «обоснование экспертных выводов в соответствии с требованиями процессуального законодательства Российской Федерации и нормативных правовых документов о государственной судебно-экспертной деятельности» [4].

О чем же нам говорит законодательство, в частности, федеральные законы о судебно-экспертной деятельности и об основах здоровья граждан?

Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» гласит, что «Судебная экспертиза – …действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, требую-

щим специальных знаний …», а «заключение эксперта – письменный документ, отражающий ход и результаты исследований, проведенных экспертом» [1].

В Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 26.09.2024) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» говорится, что «судебно-медицинская экспертиза проводится в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, в медицинских организациях экспертами в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственной судебно-экспертной деятельности» (ст. 62) [2], т.е. в соответствии с Федеральным законом от 31.05.2001 № 73-ФЗ. Медицинская экспертиза (к которой относится судебно-медицинская экспертиза как вид) – «проводимое в установленном порядке исследование, направленное на установление состояния здоровья гражданина, в целях определения его способности осуществлять трудовую или иную деятельность, а также установления причинно-следственной связи между воздействием каких-либо событий, факторов и состоянием здоровья гражданина» (ст.58). Здесь мы, наконец, встречаем упоминание установления причинно-следственной связи, однако, в применении к состоянию здоровья гражданина. Является ли смерть состоянием здоровья гражданина?

Скорее, смерть – это состояние организма, характеризующееся прекращением биологических и физиологических процессов, а юридически, строго говоря, смертью мозга («при полном и необратимом прекращении всех его функций, регистрируемом при работающем сердце и искусственной вентиляции легких»). При этом требования установления причинно-следственной связи между каким-то событием, фактором и наступлением смерти человека в федеральном законе не содержится.

Методические рекомендации «Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи. Методические рекомендации» регламентируют необходимость установления таких связей при ятрогенных преступлениях. В частности, к критериям ятрогенного преступления относится «наличие надлежащего субъекта уголовно наказуемого деяния, связь деяния с профессиональной деятельностью субъекта, нарушение правил и (или) стандартов оказания медицинской помощи, причинение смерти или вреда здоровью пациента либо создание угрозы наступления таких последствий» [5].

Примером может служить ситуация, когда врач-хирург хирургического отделения ЦРБ А. не оказал должным образом квалифицированную медицинскую помощь пациенту В., а именно: не осуществлял полноценного динамического наблюдения за пациентом, не осуществлял мониторинг жизненно важных функций в послеоперационный период, не установил причины ухудшения состояния пациента и не провел, как следствие, своевременного адекватного лечения возникшего осложнения. Пациент В. скончался от массированного кровотечения из послеоперационной раны с формированием гематомы передней брюшной стенки и гемоперитонеума (скопления крови в свободной брюшной полости), которое обусловило развитие геморрагического шока тяжелой степени, что повлекло наступление смерти последнего.

Однако данные методические рекомендации касаются только расследования ятрогенных преступлений.

Вместе с тем «причинная связь в уголовном праве – это объективно существующая связь между преступным деянием и наступившими общественно опасными последствиями, наличие которой является обязательным условием для привлечения лица к уголовной ответственности» [7]. Например, гражданин А. нанес гражданину В. удар острым предметом в область сердца. В результате полученной колото-резаной раны сердца гражданин В. умирает. Установление связи между нанесенным ударом и смертью потерпевшего гражданина В. является обязательным условием привлечения гражданина А. к уголовной ответственности.

Таким образом, установление причинной (причинно-следственной) связи необходимо при расследовании любого преступления, а следовательно, при проведении любой судебно-медицинской экспертизы.

Судебно-медицинская экспертиза представляет собой ключевую составляющую в процессе расследования уголовных дел и назначается представителями следственных органов, которые выступая в качестве представителей уголовно-правовой системы, основываются на действующих нормативных правовых актах, регулирующих их деятельность и определяют процедуру назначения экспертиз.

При подготовке постановления о назначении судебно-медицинской экспертизы следователь или дознаватель должен уделить особое внимание формулировке вопросов, которые они планируют поставить судебно-медицинскому эксперту. Такие вопросы должны быть четкими и конкретными, чтобы получить исчерпывающие и обоснованные ответы, необходимые для дальнейшего расследования дела. В противном случае, отсутствие ясности в вопросах может привести к неэффективной работе эксперта и затруднить процесс выяснения обстоятельств преступления. От четкости и правильности поставленных вопросов часто зависит ход расследования и обоснованность выводов следствия в суде.

Вправе ли следователь или дознаватель поднимать вопрос о необходимости установления причинно-следственной связи между определённым событием или деянием и наступлением смерти человека, несмотря на то что в действующих нормативных документах данное понятие не закреплено? Законодательство и профессиональные стандарты не предъявляют прямых требований к судебно-медицинскому эксперту относительно необходимости анализа такой связи. В данной ситуации становится

важным обратить внимание на существующую проблему различия между прямой и косвенной причинно-следственной связью.

Необходимо разобраться, как в таких условиях следователям реализовывать свои обязанности и какие подходы они могут использовать для установления этой связи, если нормативные акты не предоставляют чётких указаний. Также стоит рассмотреть, как отсутствие таких требований может повлиять на результаты следственных действий, а также на результаты судмедэкспертизы. Понимание тонкостей прямой и косвенной причинно-следственной связи в контексте правоохранительной деятельности и судебной практики играет ключевую роль для установления истины и вынесения обоснованных решений, что подчеркивает важность чёткой регламентации и повышения правовой грамотности профессионалов в области уголовного судопроизводства.

В обозначенном выше Порядке отмечено, что «причинная связь всегда должна быть прямой. Как в уголовном, так и в гражданском праве наличие непрямой (косвенной, опосредованной) причинной связи между противоправным деянием означает, что это деяние лежит за пределами данного конкретного случая, следовательно, и за пределами юридически значимой причинной связи» [6].

Так, например, пациент умирает от отравления алкоголем, при этом в анамнезе присутствует хроническая ишемическая болезнь сердца, которая могла косвенно способствовать наступлению смерти, но не является основной причиной смерти потерпевшего. Может быть обратная ситуация: пациент умирает от ишемической болезни сердца на фоне алкогольного опьянения. Тогда основной (прямой) причиной смерти будет являться именно болезнь сердца, а состояние алкогольного опьянения – косвенной.

«Прямая причинно-следственна связь (необходимая, непосредственная, жестко детерминированная) – это такая связь явлений, при которой причина должна быть достаточной, а сама связь – однозначной, жесткой, при которой одно явление закономерно порождает другое» [6].

Непрямая (косвенная, опосредованная) причина – «связь явлений, при которой те или иные последствия (в том числе и смерть) не обусловлены внутренней природой самого телесного повреждения (болезни), а явились результатом дополнительного воздействия посторонних независимых сил» [6].

К примеру: в ходе ссоры гр-н А получает удар в лицо от гр-на В, после которого падает и ударяется затылком о твердое покрытие дороги. В результате ссоры гр-н А умирает от черепно-мозговой травмы в виде перелома затылочной кости, ушиба головного мозга и кровоизлияний под оболочки мозга. Кроме этого на скуловой области гр-на А имеется кровоподтек, образовавшийся от удара по лицу твердым тупым предметом (кулаком). В результате судебно-медицинской экспертизы экспертом установлено, что смерть наступила от совокупности повреждений, составляющих механическую травму головы в виде перелома затылочной кости, ушиба головного мозга, кровоизлияний под оболочки мозга, а также кровоподтека скуловой области. Таким образом первичная судебно-медицинская экспертиза установила прямую причинную связь между ударом по лицу и наступлением смерти гр-на А. Однако на основании обращений адвоката со стороны гр-на В., следствием была назначена повторная судебно-медицинская комиссионная экспертиза, которая установила, что смерть гр-на А наступила от черепно-мозговой травмы, полученной от удара головой о тупой твердый предмет в виде перелома затылочной кости, ушиба головного мозга, кровоизлияний под оболочки мозга. А кровоподтек скуловой области у гр-на А, полученный от удара по лицу, оценила как не причинивший вред здоровью. Таким образом, между ударом по лицу, падением и образованием смертельной черепно-мозговой травмы пропала прямая причинная связь.

Резюмируя выше сказанное, отметим, что закрепление понятия «причинной» или «причинно-следственной связи» в нормативных правовых актах, а также требования к судебно-медицинской экспертизе установления причинно-следственной связи между событием, действием (бездействием) некоего лица (круга лиц) и наступлением смерти пострадавшего или наступившим неблагоприятным исходом – важное условие качественного проведения танатологических судебно-медицинских экспертиз и, как следствие, расследования преступлений в данной сфере.

Литература

1. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ", 04.06.2001, N 23, ст. 2291

2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»// Российская газета", N 263, 23.11.2011

3. Приказ Минздрава СССР от 21.07.1988 N 579 «Об утверждении квалификационных характеристик врачей-специалистов».// Документ официально опубликован не был.

4. Приказ Минтруда России от 14.03.2018 № 144н «Об утверждении профессионального стандарта «Врач - судебно-медицинский эксперт»// Зарегистрировано в Минюсте России 05.04.2018 N 50642

5. Методические рекомендации, утв. ФГБУ «РЦСМЭ» Минздрава России 21.06.2017 «Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи»// СПС Консультант Плюс.

6. Третьяков А. Институт судебных экспертиз и криминалистики «Ятрогенное преставление: в чем суть?» // URL: https://zakon.ru/blog/2020/10/11/yatrogennoe_prestuplenie_v_chyom_sut (дата обращения 15.03.2025г).

7. Установление причинно-следственных связей в судебной медицине (редкол.: д.м.н., проф. Лаврентюк Г.П. и др.). – Санкт-Петербург, 2013 г. С.66.

On the issue of establishing a causal relationship when conducting forensic medical examinations

Kobelev Yu.G., Khamidullin R.S.
Ural State Law University

The article examines the main aspects of causation in forensic medical practice, focuses on the difference between direct and indirect (indirect) cause. The author provides specific examples illustrating how the initial direct causal relationship between a blow to the face and a fatal injury can be challenged during a second forensic examination. As a result of the analysis, it turns out that the relationship between physical exposure and death is not always unambiguous, which underlines the importance of accurate and thorough establishment of a causal relationship during the trial.

Keywords: causal relationship, forensic medical examination, direct causal relationship, indirect causal relationship, evidence.

References

1. Federal Law No. 73-FZ dated 05/31/2001 "On State Forensic Expertise in the Russian Federation"// Collection of legislation of the Russian Federation", 04.06.2001, No. 23, Article 2291
2. Federal Law No. 323-FZ dated 11/21/2011 "On the Basics of Public Health Protection in the Russian Federation"// Rossiyskaya Gazeta, No. 263, 11/23/2011.
3. Order of the USSR Ministry of Health dated 07/21/1988 No. 579 "On approval of qualification characteristics of specialist doctors".// The document has not been officially published.
4. Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated 14.03.2018 No. 144n "On approval of the professional standard "Doctor - forensic medical expert"// Registered with the Ministry of Justice of Russia on 05.04.2018 N 50642.
5. Methodological recommendations, approved by the Federal State Budgetary Institution "RCME" of the Ministry of Health of the Russian Federation on 06/21/2017 "The procedure for conducting a forensic medical examination and establishing cause-and-effect relationships on the fact of non-provision or improper provision of medical care"// SPS Consultant Plus.
6. Tretyakov A. Institute of Forensic Examinations and Criminalistics "Iatrogenic presentation: what is the essence?" // URL: https://zakon.ru/blog/2020/10/11/yatrogennoe_prestuplenie_v_chyom_sut (date of application 03/15/2025).
7. Establishment of cause-effect relationships in forensic medicine (Editorial board: Doctor of Medicine, Professor Lavrentyuk G.P. and others). – St. Petersburg, 2013, p. 66.

Способы совершения мошенничества в сфере транспортного страхования

Шикунов Андрей Олегович
аспирант, кафедра уголовно-правовых дисциплин, Российская таможенная академия

Цель научной статьи – выявление, характеристика, алгоритм расследования преступлений и уголовно-правовая оценка способов совершения мошенничества в сфере транспортного страхования, в том числе при получении страховых выплат. В работе использованы методы ретроспективного, статистического, аналитического, сравнительного, логического исследования. Автором проанализированы и охарактеризованы понятийный аппарат преступлений – мошенничества в сфере страхования транспортных средств, правовое регулирование, способы мошенничества в сфере автострахования, приведены статистические данные мошенничества в сфере страхования транспортных средств на территории Российской Федерации. Сформулированы основные проблемы в препятствовании и борьбе с мошенничеством, а также обозначены предложения по минимизации выявленных проблем при расследовании преступлений анализируемой категории.
Ключевые слова: страхование, транспортное страхование, мошенничество, автострахование, инсценировка страхового случая.

В условиях дестабилизации экономической ситуации в стране, сужения санкционного кольца, снижения платежеспособности населения и прочих деструктивных экономических процессов, особую актуальность в правовом и экономическом поле приобретают вопросы защиты имущественных интересов физических и юридических лиц. Традиционно, способом такой защиты выступает развитая система страхования, которая, в свою очередь, востребованность которой также коррелирует с экономической ситуацией в стране, и в период высокой экономической турбулентности, внешней неопределенности и кризисных ситуаций, выступает неким «спасательным кругом». Одновременно с этим, будучи уязвимой, система страхования, как показывает практика, зачастую становится площадкой для мошеннических актов и преступных действий, ведущих к дисфункционированию института страхования и негативным последствиям экономического характера для всех участников страховых отношений, в частности, к убыткам страховых компаний и увеличению страхового тарифа для потребителей страховых услуг.

В целях обеспечения охраны сферы страхования, в 2012 г. в российское законодательство введена уголовная ответственность за мошенничество, связанное с хищением чужого имущества посредством обмана относительно факта наступления страхового случая, инсценировки, фальсификации этого случая. Под страховым случаем, в соответствии с п. 2 с. 9 Закона РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации», следует понимать совершившееся событие, предусмотренное договором страхования или законом, с наступлением которого возникает обязанность страховщика произвести страховую выплату страхователю, застрахованному лицу, выгодоприобретателю или иным третьим лицам.

С появлением нормы, предусматривающей уголовную ответственность за мошеннические действия в сфере страхования, а именно, статьи 159.5 УК РФ «Мошенничество в сфере страхования», введенной Федеральным законом от 29.11.2012 г. № 207-ФЗ, с одной стороны, расширился перечень уголовно-правовых средств противодействия мошенничеству в исследуемой сфере, однако, с другой стороны, способы мошенничества значительно эволюционировали. Прежде, чем проанализировать и охарактеризовать способы мошенничества в сфере страхования, целесообразным представляется об-

ращение к понятийному аппарату, статистике и правовому регулированию мошенничества в сфере страхования.

Согласно п.1 с. 159.5 УК РФ, под мошенничеством в сфере страхования следует понимать получение страхового возмещения путем фальсификации страхового случая. Соответственно, мошенничество в сфере страхования следует идентифицировать как имущественное преступление, при этом, стороной преступления могут стать как граждане, так и страховые агенты / компании, а также служебные лица (представители ГАИ и т.д.). Вне зависимости от стороны правонарушения, в судах мошеннические действия инкриминируются участникам страхового договора как целенаправленные обман/сокрытие обстоятельств, направленные на получение страховой выплаты. Покушение на мошенничество, предусмотренное ст. 159.5 УК РФ, образует заведомо ложное заявление в правоохранительные органы о совершении преступления, например, о хищении застрахованной автомашины (являющемся страховым случаем), которого, в сущности, не было.

Наказание за совершение мошенничества в сфере страхования зависит от тяжести преступления и размера причиненного ущерба. Основными мерами наказания выступают штрафные санкции, обязательные исправительные работы, ограничение свободы, принудительные работы, либо арест. В случае совершения деяния группой лиц по предварительному сговору с причинением значительного ущерба, минимальное наказание будет связано с назначением штрафа в размере от трехсот тыс. руб., а максимальное – с лишением свободы на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до одного года или без такового. Далее, то же деяние, совершенное с использованием служебного положения в крупном размере, влечет за собой минимальное наказание в виде штрафа в размере от ста тысяч до пятисот тыс. руб., и максимальное – в виде ограничения свободы на срок до полутора лет. Наконец, за мошенничество в сфере страхования, совершенное организованной группой либо в особо крупном размере, предусматривается наказание, состоящее в лишении свободы сроком до десяти лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет.

Наиболее распространенным видом мошенничества в сфере страхования, как показывает практика, является мошенничество в сфере транспортного страхования, на которое приходится 75% всех случаев страхового мошенничества, поскольку именно мошенничество в рамках автострахования располагает наиболее широким инструментарием для осуществления мошеннических действий, их относительной простотой исполнения и минимальными издержками. Сущность мошенничества в сфере транспортного страхования заключается в инсценировке, имитации, фальсификации наступления страхового случая (дорожно-транспортного происшествия, кражи, поджога, причинения повреждений транспортному средству и др.) или некоторых обстоятельств (времени, места, замена водителя или номерных знаков, замена исправных деталей на поврежденные и др.), в результате которых происходит незаконное получение денежных средств в рамках реализации обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО) или добровольного страхования транспортных средств (КАСКО).

По сведениям Всероссийского союза страховщиков (ВСС), в период 2018-2023 гг. мошенники причинено ущерба отечественным страховым компаниям на сумму 22 млрд. руб., из них: 57% ущерба приходится на ОСАГО, 22% - на КАСКО, 18% на имущественно и ответственность, а остальные 3% - на ДМС [2]. Как видно, доминирующая доля ущерба в общей структуре ущерба – это мошенничество в сфере транспортного страхования. Согласно отчету ЦБ РФ «Мониторинг региональных рисков недобросовестных действий в ОСАГО № 18» на 01.01.2024, сегодня к высокорисковой «красной» зоне мошенничества, правонарушений и преступлений в сфере ОСАГО относятся пять российских регионов, в том числе, республики Ингушетия, Дагестан, Чеченская и Карачаево-Черкесская республики, а также Новосибирская область.

Необходимо отметить, что еще в 2022 г. в красную зону входили еще четыре региона - Кабардино-Балкарская, Северная Осетия, Хакасия, Иркутская область. Что позволяет констатировать позитивную тенденцию, связанную с сокращением рисков недобросовестных действий в сфере ОСАГО. Речь идет не только о выходе ряда регионов из зоны высоких рисков, но и сокращении частоты страховых случаев, зафиксированных в 75 регионах. В 58 регионах сокращение показателей страховых случаев составило 10%, а страховых выплат – 6,3%. В наибольшей степени сокращение рисков отмечено в Приморском, Красноярском и Хабаровском краях, в наименьшей - в республиках Татарстан, Мордовия и Адыгея [5].

В целом, по России размер страховой выплаты в 2023 г. достиг 86,1 тыс. руб., что превысило аналогичный показатель за предыдущий год на 14%, при этом, количество обращений за страховой выплатой снизилось на 0,7 п.п., составив 4,6% [3]. По данным «Зетта Страхование», в исследуемый период количество обращений от мошенников не увеличилось, но размер запрашиваемых страховых выплат стал больше на 30%, что связано с подорожанием запчастей.

По оценке ВСС, помимо официальных показателей, следует учитывать также латентное мошенничество в сфере транспортного страхования, масштабирующее статистическую картину преступлений в автостраховании на 20%. Речь идет о мошенничестве, которое видно по косвенным признакам, однако, доказать его фактически невозможно. При этом ежегодно проблема все более усугубляется, поскольку разрабатываются новые мошеннические схемы, противоправные методы и способы получения страховых выплат:

1. Вступление в сговор со страховым агентом для получения страховой выплаты в максимально

возможном размере. Речь идет о случае, когда убытки автовладельца реальные, однако, их оценка страховым агентом необъективная, искаженная, не совпадает с фактическим ущербом. К примеру, агент может указать большее количество повреждений и обозначить, соответственно, большую сумму компенсации, получив, при этом, процент за свое противоправное деяние от страхового лица.

2. Вступление в сговор с лицом, производящим оценку ремонта транспортного средства. В данном случае суть мошенничества заключается в фиксировании в документации завышенных сумм ремонта, а значит, и компенсации за него.

3. Вступление в сговор со страховым агентом и экспертом. Мошенническая схема выглядит следующим образом: эксперт завышает сумму ущерба, что увеличивает страховую выплату, вырученные средства разделяются между тремя сторонами мошеннического действия [4].

4. Инсценировка угона транспортного средства. Поскольку угон является страховым случаем, при грамотной инсценировке страховая компания выплатит соответствующую компенсацию. Однако, на практике данный способ не самый востребованный, поскольку требует обращения в полицию, и сопряжен с рисками привлечения к ответственности сразу нескольких лиц, а также требует качественного «сценария».

5. Продажа поддельных полисов ОСАГО. Схема дифференцируется по двум направлениям: 1) лицо, приобретающее страховой документ, не осведомлено о фальсифицированности документа; 2) лицо, приобретающее страховой документ, осведомлено, что документ поддельный, однако, приобретает его в целях экономии. В первом случае мошенником выступает только сторона, осуществляющая продажу полиса. Во втором случае – обе стороны. Несмотря на цифровизацию процедуры приобретения полиса ОСАГО и самого документа, которые последние несколько имеет электронный формат, мошенники продолжают продавать поддельные полисы, посредством дублирования сайтов известных страховых компаний.

6. Инсценировка аварийной ситуации. Постановочное дорожно-транспортное происшествие является наиболее распространенным, но и сложно исполнимым способом совершения мошенничества в сфере транспортного страхования. Существует множество сценариев «разыгрывания спектакля», в котором одна сторона инцидента становится невольной жертвой, либо обе стороны находятся в мошенническом сговоре. В первом случае основные тренды связаны с резким торможением перед автомобилем жертвы, «подставой» на круговом движении и в «слепых» зонах, обвинении третьего лица за уже имевшиеся повреждения, использовании каршеринговых автомобилей в качестве «битка». Также иногда жертвой выступает только страховая компания, например, в случае приобретения злоумышленником автомобиля с большим пробегом и наличием повреждений с дальнейшим попаданием этого автомобиля в заранее запланированную аварию. Во втором случае в инсценировке участвует группа лиц, мошеннические схемы здесь также разнообразны, как правило, бьется автомобиль с низкой стоимостью, или с высокой стоимостью, но уже имеющий повреждения, либо приобретаются одинаковые автомобили, один из них разбивается, а поврежденные детали перевешиваются на целые авто. В некоторых случаях в мошеннической схеме участвуют подкупленные эксперты-оценщики, и даже сотрудники ДПС, оформляющие заведомо ложный протокол о «происшествии». Подобная деятельность влечет за собой наиболее тяжелые последствия для всех сторон мошеннической схемы: для сотрудника ДПС это лишение должности, а для остальных участников – привлечение к уголовной ответственности.

Существующие способы совершения мошенничества в сфере транспортного страхования не исчерпываются вышеприведенными примерами, однако, нами проиллюстрированы наиболее типичные случаи. Основные проблемы в препятствовании и борьбе с мошенничеством в автостраховании связаны со сложностью расследования таких случаев и доказывания факта мошенничества. Возможности решения проблемы лежат в плоскости модернизации скоринговых моделей, позволяющих идентифицировать и «отсекать» мошенников еще на этапе подачи заявления на оформление страхования. Для этого необходимо понимать психологический портрет мошенников, уметь прогнозировать возможные сценарии фальсификации страхового случая с конкретным владельцем. Сам процесс расследования и установления мошеннического действия также требует четких алгоритмов:

1) в процессе осмотра автомобиля следователь протоколирует место совершения инцидента, характер и размер нанесенного ущерба;

2) к процессу привлекаются очевидцы ДТП, изымаются видеозаписи с камер, осуществляется допрос подозреваемых и свидетелей для составления объективной картины произошедшего;

3) производится комплексная судебная экспертиза происшествия, в ходе которой выясняются обстоятельства произошедшего, фиксируется хронология событий, исследуется характер повреждений, участие автомобиля и его владельца в ДТП в более ранние периоды;

4) осуществляется запрос в страховую компанию с целью проверки подлинности страхового документа ОСАГО;

5) выясняются отдельные обстоятельства дела, выдвигаются версии произошедшего;

6) в случае выявления признаков противоправного деяния, следователем возбуждается дело по ст. 159.5 УК РФ.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 02.10.2024).

2. ВСС оценил ущерб, причиненный страховщикам мошенниками. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
https://arb.ru/b2c/scrammers/vss_otsenil_ushcherb_pri

chinennyy_strakhovshchikam_moshennikami_za_nepolnye_pyat-10590866/ (дата обращения: 17.10.2024).

3. Гладырев Д.А. Эконометрический анализ факторов числа зарегистрированных коррупционных преступлений в регионах России // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2021. С. 34-39.

4. Денисов С.Л. Способы совершения страхового мошенничества в сфере страхования транспортного средства // Юристъ-Правоведъ: науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону, 2023. № 2 (105). С. 100–105.

5. Мониторинг региональных рисков недобросовестных действий в ОСАГО. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/49032/monitoring_OSAGO_2024-18.pdf (дата обращения: 17.10.2024).

6. Памятка по противодействию мошенничеству в сфере автострахования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://06.мвд.рф/news/item/50523413 (дата обращения: 17.10.2024).

7. ЦБ: за прошлый год число регионов РФ с высокими рисками мошенничества в сфере ОСАГО сократилось с 12 до 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.finmarket.ru/database/news/6146239 (дата обращения: 17.10.2024).

Ways of committing fraud in the sphere of transport insurance

Shikunov A.O.
Russian Customs Academy

The purpose of the article is to identify and characterize the ways of committing fraud in the sphere of transport insurance. The work uses methods of retrospective, statistical, analytical, comparative, logical research. The author analyzed and characterized the conceptual apparatus, statistics, legal regulation, methods of fraud in the sphere of insurance. The main problems in preventing and combating fraud are formulated, and proposals for minimizing the identified problems are outlined.

Keywords: insurance, transport insurance, fraud, car insurance, staging an insurance event.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 02.10.2024).
2. The Supreme Court assessed the damage caused to insurers by fraudsters. [Electronic resource]. - Access mode: https://arb.ru/b2c/scrammers/vss_otsenil_ushcherb_prichinennyy_strakhovshchikam_moshennikami_za_nepolnye_pyat-10590866/ (date of access: 17.10.2024).
3. Gladyrev D.A. Econometric analysis of factors affecting the number of registered corruption crimes in the regions of Russia // Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management. 2021. Pp. 34-39.
4. Denisov S.L. Methods of committing insurance fraud in the field of vehicle insurance // Jurist-Pravoved: scientific-theoretical and information-methodical. journal. Rostov-on-Don, 2023. No. 2 (105). P. 100–105.
5. Monitoring regional risks of unfair actions in compulsory motor third-party liability insurance. [Electronic resource]. – Access mode: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/49032/monitoring_OSAGO_2024-18.pdf (accessed: 10/17/2024).
6. Memo on combating fraud in the field of motor insurance. [Electronic resource]. – Access mode: https://06.мвд.рф/news/item/50523413 (accessed: 10/17/2024).
7. Central Bank: over the past year, the number of Russian regions with high risks of fraud in the MTPL sector has decreased from 12 to 5. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.finmarket.ru/database/news/6146239 (date of access: 10/17/2024).